

Валерий Сергеев Виктор Хорошулин

Книга, написанная авторами Валерием Сергеевым и Виктором Хорошулиным, это – научно-фантастическое произведение, созданное с огромной любовью к нашему замечательному городу Калининграду, его славной истории, прошлому и настоящему. Авторы принципиально не хотят ограничивать себя и читателя рамками какого-либо жанра: тут мистика и магия, фантастика и реальность. Но и это не самое главное. Авторам удалось пропустить через себя время и прикоснуться к векам, и через их призму заметить много интересного. Пусть некоторые из описанных событий не являются достоверными историческими фактами, но они заставляют нас задуматься и продолжить самостоятельный поиск ответов на возникающие вопросы.

Таинственный остров Кнайпхоф

ПРОЛОГ

Журналист популярной калининградской газеты «Башня Врангеля» Матвей Хрусталёв пришёл в редакцию раньше обычного, включил электрочайник и присел за компьютер с целью проверки электронной почты и новостных сайтов других СМИ. Никаких сенсационных сообщений в Интернете он не нашел, да оно и понятно: середина июля – период традиционных летних отпусков и каникул. Одни лишь гастрольные афиши заезжих звёзд эстрады и прочих «звёздочек сверхмалой величины», да порядком надоевшая реклама туристических фирм и зарубежных гостиниц...

«Тоска зелёная...» – вяло думал про себя Матвей. Сейчас бы ему самому лежать на пляже в курортном Светлогорске, демонстрируя свой атлетический торс, но главный редактор потребовал от него «встряхнуть сонное царство обывателей» какой-нибудь «сумасшедшей» информацией... К слову, «главный» был из тех самых людей, у которых обычно хочется поинтересоваться: сложно ли жить без мозгов? Колоритная фигура шефа напоминала шар, словно его надули через соломинку. Казалось, ещё чуть-чуть, и он может лопнуть... Хрусталёв работал с ним уже три года. Но сначала, окончив журфак, Матвей отслужил положенный срок в морской пехоте Балтфлота, собирался после «дембеля» подать документы в магистратуру, но потом решил, что хватит ему шарить в родительском холодильнике и клянчить «сотенки» на проезд в автобусе, а пора самому зарабатывать на жизнь, и устроился спецкором в редакцию многотиражки. А редакция – это, образно говоря, болото, в котором каждая лягушка старается как можно громче квакнуть и в придачу залезть на голову другой, такой же, как она, да ещё сверху на всех плюнуть...

Пожалуй, Матвей давно бы перекочевал в другое издание, если бы не один милый человек – корректор Наденька. Матвея притягивало к ней словно магнитом. Наденька транслировала непередаваемое обаяние, детскую непосредственность, наивность и доверчивость, впечатлительность и ранимость. Интуитивно хотелось обращаться с ней как с хрупким созданием, требующим заботы и чуткости, мягкости и внимания... Её наивно-доверчивые глаза были изумрудного цвета, а светло-русые волосы на кончиках чуть завивались и как бы разлетались в стороны, создавая причёску «а-ля милая девочка». Чувствовалось, что она очень хочет произвести на Хрусталёва благоприятное впечатление и одновременно полюбоваться собой через его восхищение её образом.

Сам же Матвей был высоким, крепким парнем, с вечно небритым и внешне суровым лицом, но обладающим доброй отзывчивой душой и почти детской верой в чудо, удивительно сочетающейся в нём со смекалкой и находчивостью, профессиональной принципиальностью и дотошностью... «Я верю не тому, что слышу, а тому, что вижу!» – обычно с лёгким «ленинским прищуром» говорил он коллегам. Важно отметить, что он никому не подражал, никем не собирался становиться, а просто пытался в процессе журналистской работы «найти» самого себя...

И вот в ленивой тишине кабинета затренькал телефон.

– Редакция... – сняв трубку, бесцветным голосом представился Матвей.

– Привет, Апостол! – весело поздоровался с ним однокашник Вадим Филатов, работающий репортером на местном телевизионном канале. – Как дела, как настроение?

Прозвище Апостол приклеилось к Матвею ещё в студенческие годы, благодаря его библейскому имени. Он относился к этому спокойно, тем более что приятель Вадик был известным балагуром и добродушным остряком. На него грех было обижаться. Своими рыжими волосами и комичными ужимками он внешне очень напоминал клоуна, на которого, взглянув лишь мельком, обязательно улыбнёшься.

– Настроение как у желудка, который собирается сожрать жирная свинья, – пробурчал Хрусталев, намекая на главного редактора, – и заступиться-то за бедолагу некому: вокруг одни дубы...

– Э-э-э, дружище, жизненный путь любого из нас непременно устлан осколками грёз и перьями обломанных крыльев. Как правило, он пролегает вдоль руин хрустальных замков и мимо кладбища несбывшихся надежд... – пафосно хохмил приятель. – Я чувствую, тебе

жизненно необходимо срочно удрать из вашей «банки с пауками» и выпустить пар за бокалом холоденького пива в какой-нибудь приморской кафешке. Ведь согласишься, что лучше иметь пузо от пива, чем горб от работы... А потом не мешало бы стряхнуть пыль с «причинного» места и приударить за девчонками! – весело тараторил Вадим. – Предлагаю свою компанию.

– Не могу... – грустно вздохнул Матвей, – в номер срочно нужны «жареные» факты. Это, как известно, – любимое блюдо нашего шефа. Но где их раздобыть в эту пору? Политическая жизнь – замерла, половина города валяется на пляжах, даже машин на дорогах нет... Да только о влиянии экстремальной жары на здоровье населения я уже писал...

– И что, совсем ничего не можешь придумать?

– Нет, мозги плавятся... – вяло пробубнил Матвей.

– В рамках программы оказания помощи слаборазвитым регионам могу подбросить идею... Не бесплатно, конечно. С тебя – пиво и вяленая корюшка!

– Если информация стоящая, то я согласен, говори, – оживился Хрусталёв.

– Тогда слушай. Нам вчера звонили из районного отдела полиции и просили показать в криминальных новостях с целью опознания какого-то сумасшедшего иностранца, лет под сорок, предположительно англичанина, обнаруженного на окраине города возле какого-то заброшенного погоста. Он расхаживал там в какой-то тунике и без штанов, зато с антикварным, украшенным драгоценными камнями мечом... При задержании и разоружении оказал сотрудникам сопротивление и пытался скрыться... Пришлось применить спецсредства и надеть на него наручники.

– Ну и что сенсационного в том, что у кого-то из гостей Янтарного края от жары «поехала крыша»? Скукотища... Возможно, это просто постаревший толкиенист, фанатеющий от «Властелина колец»? – зевнул Матвей.

– Так вот, – пропустив его реплику мимо ушей, продолжал Вадим, – я примчался в дежурную часть и встретился с этим ненормальным. Действительно, он вёл себя довольно необычно: стоял посреди «обезьянника» с гордо поднятой головой, на вопросы не отвечал, лишь изредка что-то громко выкрикивал, а пьянице-сокамернику своей голой коленкой расквасил нос за безобидную ухмылочку...

– Неужели ему самому там не наваливали? – прервал его вдохновенный рассказ Хрусталёв.

– Представь себе: нет... Но это – не главное...

– А что главное? – начал злиться Матвей.

– Ты ведь в курсе, что год назад я окончил курсы английского и даже получил диплом переводчика? – не без гордости напомнил Вадим. – Поэтому мне было очень интересно попрактиковаться в беседе с носителем языка. Только оказалось, что мужичок-то, изъясняется на каком-то редком диалекте и понять его чрезвычайно трудно. Однако я предположил, что он, возможно, какой-то историк-реконструктор, потому что постоянно твердил о короле Артуре, упоминал Иисуса Христа и Деву Марию, а сам представлялся рыцарем Увейном, сыном Уриенса...

– И что было дальше?

– Далее я снял несколько крупных планов, подготовил стандартный комментарий, но... моё начальство данный сюжет не заинтересовало, и в эфир его не пустили... Так что готов уступить... за умеренное вознаграждение...

– Сумасшедший английский историк... – стал рассуждать Матвей, – рядовой случай. Его следует сначала поместить в психушку, а затем обзвонить гостиницы и разослать запросы по иностранным посольствам...

– Так-то оно так, но это ещё не всё, – не сдавался коллега-телевизионщик, – от нечего делать я зарядил его имя в поисковик, и оказалось, что действительно в VI веке в окружении короля Артура был такой благородный рыцарь, который являлся членом Ордена Круглого стола и участвовал в поисках Копья Судьбы и Священного Грааля... Кстати, это – весьма любопытная и полная мистики средневековая легенда...

– Так, может, твой протеже просто начитался в юности исторических романов и теперь выёживается?.. – перебил приятеля Матвей.

– Дело в том, что его оружие, доспехи и прочую амуницию эксперт-криминалист склонен считать подлинными... Но самое удивительное: час назад я запросил у них сводку происшествий за последние сутки, и мне сообщили, что ночью этот «рыцарь» непонятно каким образом бесследно пропал... исчез... испарился... Сам дежурный ничего странного не заметил, но вот камеры видеонаблюдения зафиксировали, как пространство вокруг задержанного внезапно завибрировало и «поплыло», как над пламенем костра, а сам он буквально растворился в воздухе!

– Прекрасный финал: нет ни заявлений, ни пострадавших, ни улик... – вздохнул Хрусталёв.

– Отчего же?.. В отделении остались рыцарский меч, золотой перстень с большим зелёным камнем и расшитый то ли бисером, то ли жемчугом пояс...

– Как бы я хотел посмотреть ту видеозапись и взглянуть на вещички! – мечтательно протянул Матвей.

– Это легко устроить, дружище, у меня там всё схвачено... – отозвался на другом конце провода Вадим. – Подъезжай через час на улицу Клиническая - 19. Ты про пиво-то с рыбкой не забыл?..

ЧАСТЬ I. ЗАГАДОЧНОЕ МЕСТО КЁНИГСБЕРГ

Глава 1. Ученик доктора Пельшица

Крайне тяжёлым выдался 1455 год для Восточной Пруссии. Шёл второй год войны с Польшей, которая формальное господство над своими северными приморскими землями решила сделать фактическим.

Этому предшествовали события, оставившие глубокий след в истории Европы. В 1410 году совершилась знаменитая Грюнвальдская битва, в которой славянские народы крепко намяли бока «тевтонскому вепрю». Поверив в собственные силы, Польша начала готовиться к основным действиям по изгнанию Ордена с прусских земель. В 1440 году города, враждебные тевтонцам, объединились в конфедерацию – Прусский союз, организацию городов и духовенства, которая отказалась подчиняться немецким рыцарям. Польский

король Казимир IV объявил о том, что земли Тевтонского ордена отныне принадлежат его королевству. 4 февраля 1454 года объединённые войска Союза выступили против Ордена с оружием в руках. Был освобождён ряд городов и крепостей, среди которых были Данциг и Ольштын. Началась полномасштабная война. В сентябре 1454 года под Хойницами польское шляхетское ополчение потерпело первое крупное поражение. Орден, пользуясь поддержкой Брандербурга и других немецких княжеств, а также финансовыми затруднениями короля Казимира IV, не собирался сдаваться. Война обещала затянуться на долгие годы.

В самом Кёнигсберге (позвольте так называть три города: Альтштадт, Лёбенихте и Кнайпхоф, которые объединились и фактически стали одним целым только в 1724 году) тоже было чрезвычайно неспокойно. С одной стороны, это обуславливалось тем, что Альтштадт и Лёбенихте поддерживали Тевтонский орден, а Кнайпхоф - Польшу. Жители первого и второго городов резонно полагали, что враги Ордена вполне могли найти укрытие в третьем. С другой стороны, между Старым городом (1) и Островом (2) давно были разногласия: кнайпхофцы пользовались монополией на перевозку грузов по своей территории и мостам. Они выстроили большую и удобную пристань, и суда, прибывающие в Кёнигсберг, разгружались чаще всего там, минуя альтштадские причалы. Подобные разногласия нередко переходили в серьёзные столкновения и даже войны. Особенно яростно звенело оружие и лилась кровь с апреля по июль сего года... В общем, подобное иногда случается даже меж добрых соседей. Альтштадцы называли жителей Кнайпхофа япперами, и, в честь победы над последними, смастерили на ратуше мерзкую бородатую маску, названную, соответственно, «яппером», которая при бое часов показывала язык в сторону Кнайпхофа, вызывая у жителей Острова необычайную ярость.

А кроме этого, в трёх городах заметно прибавилось вооружённых людей, в том числе, ливонских ландскнехов (3). Польское влияние на Пруссию усилилось, но Тевтонский орден в Кёнигсберге не спешил сдавать свои позиции. Стражники тщательно обыскивали любого горожанина, каждую повозку, случись им задержаться у городских ворот или перед башней на мосту. Но спокойнее от этого не становилось. Война повсеместно приносила разрушения, смерть и страдания. Множество бездомных, голодных и больных людей бродили по дорогам Восточной Пруссии в поисках лучшей доли...

Якоб Шоль, невысокий, вихрастый парнишка лет пятнадцати, в своих молитвах возносил хвалу Господу и пресвятой Деве Марии за то, что те не дали ему умереть от голода и холода, а свели с господином Пельшицем.

Якоб родился и вырос в небольшой деревушке близ Нойхаузена. Своего отца он не помнил. Люди поговаривали разное: одни утверждали, что он утонул в реке, провалившись зимой под лёд, другие - что свёл дружбу с лесным духом Чёрным Францем и навсегда ушёл от людей. Мать относилась к этим выдумкам спокойно, и, глядя мальчика по вихрам, грустно вздыхала: «Он умер, сынок. Твой отец был очень добр и скончался от разрыва сердца». И больше – ни слова...

Сама Габи Шоль была известной знахаркой, немолодой, но красивой женщиной, на редкость энергичной и способной добиваться своего. Понимая толк в травах, она охотно помогала селянам в их постоянных бедах: кому-то успокаивала желудок, другим снимала боль, иным заживляла раны и останавливала кровь, а кое-кого избавляла от нежелательной беременности, хотя это и считалось богопротивным деянием. Маленький Якоб охотно

перенимал знания матери, он с удовольствием бродил по лесным угольям, отыскивая лечебные травы, затем сушил их, растирал в порошок, готовил настои и мази. И всё бы ничего, но два года назад у одной женщины умер ребёнок, а в злом умысле, а заодно и в колдовстве, обвинили Габи Шоль. Крестьяне решили наказать «колдунью». Десятка два человек разгромили и разграбили её дом, вытоптали огород, а саму хотели как следует проучить, да кто-то схватил подвернувшийся под руку булыжник... Затем выволокли на пустырь, вбили в сердце осиновый кол и бросили в яму лицом вниз – в сторону ада, а на могилу навалили тяжёлый камень, чтобы всем было понятно – ведьма!

Так Якоб стал сиротой. В одно мгновение жаркий солнечный день стал для него пасмурным и холодным. Горькие слёзы непроизвольно текли из его глаз, в носу щипала и хлопала солёная влага, а в горле застрял комок...

В неопишемом горе он покинул «родное гнездо» и отправился в Кёнигсберг. Якоб уходил, словно натягивая и обрывая невидимые упругие нити, связывающие его с прошлой жизнью... Мальчик ещё не знал, чем будет заниматься, пополнит ли ряды жалких попрошаек или пристанет к какой-нибудь артели и займётся ремеслом. Рядом с Королевским замком разрастались города, ведущие хозяйства. Можно было примкнуть к шорникам или скорнякам, кузнецам, столярам или пекарям, башмачникам или бондарям. Мастерские люди делали уйму полезных вещей, и никто из них, как казалось Якобу, особо не бедствовал.

Первый раз ему повезло, когда он беспрепятственно прошёл через крепостные ворота в Альтштадт, вцепившись рукой в повозку какого-то крестьянина. Тот вёз в город шерсть, и стражники хорошо его знали. Получив свою обычную мзду, мальчика они попросту не заметили.

Попав в Альтштадт, парнишка сразу понял, что это довольно «хлебное» место. Высокие дворянские дома с конюшнями и богатые строения зажиточных граждан, лавки и ремесленные мастерские, ратуша, высокая церковь, госпитальная кирха, собор и капитул, рыночные ряды, от которых пахло сдобой и рыбой, горожане, снующие по делам, – всё это разом закружило голову голодному подростку. Он едва не упал на мостовую и, придерживаясь рукой о шершавую каменную стену, прошёл в тень основательной постройки, чтобы отдышаться. Так Якоб оказался перед домом Фридриха Пельшица, городского лекаря. И здесь ему повезло во второй раз.

Конюх, несущий воду для лошадей, заметил мальчика, и хотел было его прогнать. Но, бледное лицо подростка, его умный, но очень печальный взгляд, тронули сердце пожилого человека.

– Держи-ка, парень, – достал он из кармана краюху хлеба и пару сушёных слив. – Подкрепись. Иначе ты свалишься под нашими дверями и доставишь лишние хлопоты доктору.

Через несколько минут Якобу посчастливилось лицезреть и самого лекаря. Это был высокий, худощавый мужчина с длинными тёмными волосами, острым подбородком и серыми глазами, излучающими ум и доброту.

– Кто ты, паренёк? – спросил он. – Если просишь милостыню, то возьми несколько яблок...

– Простите меня, герр доктор, – со слезами произнес мальчик, опустившись перед врачом на колени. – Я – сирота, ищу работу. Возьмите меня своим помощником или

учеником! Я неплохо разбираюсь в травах. Моя мать была знахаркой, я многому у неё научился...

– Ну-ну, – доктор поставил обессиленного парнишку на ноги, внимательно взглянул ему в лицо. – Говоришь, хорошо разбираешься в лечебных травах? А ну, пойдём в дом!

Первым делом он посадил Якоба за стол.

– Марта, – позвал лекарь молодую служанку. – Принеси что-нибудь поесть нашему учёному гостю...

Затем долго, с улыбкой наблюдал, как тот уписывает овсяную похлёбку с мёдом. Когда Якоб насытился, доктор сказал:

– Сейчас я проверю твои познания, приятель. Если ты проявишь себя тем, кем ты назвался, так и быть, возьму тебя в ученики. Но ежели соврал, получишь от старого конюха по первое число!

К тому времени стыд, страх и волнение уже отступили, и Якоб бегло осмотрелся. Они с доктором сидели в небольшой комнате, под потолком которой были развешаны пучки различных трав и кореньев, издававшие пряный, приятный запах, хорошо знакомый и любимый Якобом с детства. У стены находился исполинских размеров шкаф, полки которого были заставлены толстыми книгами. Возле стола скучали ещё два свободных табурета. В окошко заглядывало солнце, во дворе кто-то настойчиво стучал молотком.

– Ну, что ты можешь сказать вот об этом растении? – лекарь потянулся, чтобы снять с нитки пучок травы.

– Не утруждайтесь, сударь. Это – лён. Его семена, если их измельчить в ступке, хорошо помогают от запоров... Их можно также положить на глаз, чтобы очистить его от соринки, пыли или грязи...

Брови доктора невольно поползли вверх.

– А что ты скажешь про это? – продолжил он свой экзамен и его длинный палец ткнул в расположенный рядом пучок.

– А это – лаванда. Её высушенные цветы помогают от мигреней.

– Недурно. Ну, а это что?

– Это – душица, сударь. Она хорошо утоляет боли в желудке... А рядом – мята, герр доктор. Её применяют для лечения раздражения живота и затягивания ран. А ещё её используют в качестве противоядия... А это – розмарин. Его цветы можно использовать для окуривания помещений. Они действуют как благовония и как средство против «чёрной смерти» ...

– А вот это?

– Белладонна, сударь. В небольших количествах помогает утолить боль. С той же целью применяют болиголов, но тут главное, не переборщить. Иначе это может привести к смерти...

– Хорошо, – задумчиво произнёс Пельшиц. – А что ты скажешь про это? – Он подошёл к шкафу и, выдвинув его ящик, вынул оттуда две серебряные коробочки. Раскрыв одну, протянул Якобу. Тот, даже не понюхав, ответил:

– Это – мирра, сударь. Лучшее средство для обработки ран!

Во второй коробочке оказалась рута. Мальчик пояснил, что её используют при укусах ядовитых змей и плохом зрении.

– Ты действительно разбираешься в травах... И даже лучше, чем я ожидал, – объявил свой вердикт Пельшиц. – Пожалуй, я возьму тебя к себе учеником... и помощником. Будешь собирать и заготавливать травы... Аптеки аптеками, но настоящему врачу необходим свой запас. Жить будешь вместе с прислугой во флигеле... Первое время – будет так, а дальше – посмотрим.

Так решилась дальнейшая судьба Якоба Шоля.

Сам Фридрих Пельшиц закончил медицинский факультет университета в Эрфурте. Полученными знаниями, за которые его отец, торговец сукном, выложил крупную сумму, он остался недоволен. Вскрывать нарывы, отсекал гниющие конечности, пускать кровь умеет любой цирюльник. А он, получив университетский диплом, хотел приносить людям реальную пользу. Он решил сам научиться лечить горячку и даже «чёрную смерть», делать безболезненные разрезы, сращивать поломанные кости, облегчать страдания при внутренних болезнях, лечить глаза и зубы... Он знал, что существует большое количество умных книг, посвящённых медицине, как арабских, так и европейских мудрецов. Но, где они, эти книги? В монастырях? В книжных лавках? Почему по ним не обучают студентов? Он знал, что от многих болезней помогают лекарственные растения. Но почему пользование травами называют знахарством и любой врач, особенно с университетским дипломом, свысока глядит на подобных «целителей»?

После окончания университета Пельшиц отправился путешествовать по германским землям, практиковать и набираться опыта. Через три года судьба привела его в Кёнигсберг, а точнее – в Альтштадт. Поскольку в то время должность городского лекаря была не занята (за неё вели борьбу сразу несколько городских цирюльников – откровенных шарлатанов), то человеку, окончившему университет, безоговорочно предоставили это место. Бургомистр Старого города Иоганн Кох выразил надежду, что отныне здоровье горожан будет под надёжной опекой.

Любой другой врач был бы вполне доволен таким статусом. Пельшиц поселился недалеко от госпитальной кирхи «Святого духа», куда постоянно навещался, давая указания монахам, заботившимся и ухаживающими за больными. «Книги, встречи и память – вот что является нашим содержанием», – справедливо считал лекарь и принялся разыскивать древние фолианты, чтобы самостоятельно изучать труды Гиппократ, Галена и других великих врачей античности, а также Плиния Старшего, Диоскорида и римского врача Александра Тралесского, более известного под именем «Александра-целителя». Фридрих зачитывался трудами великого Авиценны: «Канон врачебной науки» и «Лекарственные средства». Также ему удалось раздобыть труд из семи книг Павла из Эгины, врача и талантливого писателя. Но более всего его потрясла поэма монаха Одо из монастыря Мен, что на реке Луаре. Это было сочинение о лекарственных травах, состоящее из 77 глав.

Однако ни одна книга не существует сама по себе. Она живет в подтексте, толковании и понимании читателем... Тогда и возникла у доктора мысль создать в своём доме что-то вроде аптеки. Нет, он прекрасно знал, что врачу запрещено изготавливать и продавать лекарства, как и аптекарю нельзя быть врачом. Но, беря плату за лечение, он хотел давать при этом больным средства, созданные своими руками. Появление неизвестно откуда мальчика – знатока лекарственных трав он счёл за промысел божий.

1 октября 1455 года Якоб Шоль вошёл в крепостные ворота Альтштадта. Уже более двух лет он работал у доктора Пельшица, собирая лекарственные травы и приготавливая из них различные снадобья. Попутно он брал у своего хозяина уроки врачебного мастерства, изучал латынь и греческий. Жилось ему хорошо, и в завтрашний день он смотрел с большой надеждой и оптимизмом.

Якобу было уже пятнадцать. Он вытянулся и заметно окреп. Ещё немного - и юноша превратится в сильного мужчину и искусного лекаря. Быть помощником городского врача – достаточно почётная обязанность. Завистников у Пельшица в Альтштадте было достаточно. Врачебным ремеслом в городе зарабатывали ещё две или три семьи, но у его хозяина дела шли лучше всех. К нему шли лечиться днём и ночью, а его конкурентов городской совет чаще всего вызывал к палачу для проверки состояния здоровья подследственных перед применением к ним пыток.

Доктор Пельшиц платил своему ученику небольшие деньги, чтобы тот мог пользоваться услугами цирюльника и портного, а иногда даже посещать кабачок «Усы сома».

Сегодня Якоб достаточно побегал за лекарственными растениями. В его холщовой сумке лежали осенние сборы: листочки и побеги брусники, корневища валерианы, ягоды можжевельника, шишки серой ольхи, листья толокнянки и корни калгана. Последний, как знал юный лекарь, хорошо помогает при болях в желудке и вздутии живота. К концу дня подул сильный холодный ветер и пошёл дождь. Якоб промок и замёрз. Пропитанная влагой рубаха противно липла к спине. Поэтому по дороге домой он решил заглянуть в кабачок, чтобы немного отдохнуть, послушать новости или просто болтовню завсегдатаев и выпить стаканчик подогретого вина.

Заведение «Усы сома» располагалось неподалёку от крепостной стены, к югу от Альтштадской кирхи, вблизи Прегеля. Хозяином его был Зенон Копе, немец с польскими корнями, он же – член городского совета Альтштадта. Кабачок пользовался неплохой репутацией, обычно здесь собирались добропорядочные горожане, правда, в последнее время сюда частенько заходили солдаты, многие из которых не знали меру в употреблении хмельного. Вот и сейчас, их шумная компания, сидевшая в дальнем от двери углу, требовала ещё вина, и завсегдатаи с опаской поглядывали в их сторону.

Более приятные люди, с которыми Якоб всегда с удовольствием проводил свободное время, находились тут же, справа от входа, за большим столом, заставленным кубками, кувшинами с вином и нехитрой снедью. Юноша к ним и присоединился. Старый портной Сигурд Хеллике, пивовар Андреас Кульль, два брата – кузнеца из Закхайма, Теодор и Исая с увлечением слушали рассказ рыбака из Фишхаузена Курта Химмеля.

Кивнув на приветствие Якоба, Курт продолжал:

– ...А наш Фишхаузен, как вам известно, не выносит шума. Не дай бог, кому-то после девяти вечера громко стукнуть камнями... или во время богослужения проехать на телеге, гружёной железным скарбом! Так вот, в целях тишины и, конечно же, защиты от поляков, наш епископ Николаус по прозвищу Трясущаяся Голова пригласил в свой замок три сотни тевтонцев. Кавалеристов...

– Триста кавалеристов – хорошая защита, - пробубнил Исая, прикладываясь к кубку.

– Ты просто не знаешь, во что обошлась эта затея, – усмехнулся рыбак. – Триста бездельников жрали и пили, каждый в три глотки, да не давали проходу женщинам, не гнушаясь насилия! Очень скоро наш епископ понял, кого он пригрел в стенах своего замка!

– Да, а попробуй, выкури таких защитников из замка, – хохотнул Сигурд. – И что же предпринял Трясущаяся Голова?

– О, была задумана хитроумная комбинация! Епископский егерь поведал рыцарям, якобы вблизи замка было замечено огромное стадо кабанов. А настоящий тевтонец, скажу я вам, любит кабанину не меньше, чем пресвятую Деву Марию! И ради неё способен на любые подвиги!

– Свиному сюда! – послышался властный голос со стороны стола, за которым расположились солдаты. Это добавило смеху в компании, в которой сидел Якоб.

– Так вот, слушайте дальше! Господь свидетель, что эти дурни вышли на охоту. Но перед уходом они заставили епископа поклясться на Библии, что замок к их возвращению будет открыт. Тот, в свою очередь, исполнил их требование.

– Предусмотрительные, – заметил Куль. – Но, я бы епископу не доверял!..

– Как бы там ни было, только охотник провёл рыцарей по лесам – болотам, но кабанов они так и не обнаружили. Зато, когда вернулись к замку, увидели, что ворота – заперты!

– Этого и следовало ожидать! – промолвил Теодор. – Меньше надо было бесчинствовать! Но, как же клятва епископа?

– Вот и тевтонцы задали тот же вопрос Трясущейся Голове. А он им ответил, что замок по-прежнему открыт... для неба... Но – не для поля! Ха-ха-ха!!!

Под дружный смех компания опустошила кубки.

– Малыш Якоб, поведай нам, как тебе служится у Пельшица? Он гоняет тебя по лесам и полям, как епископ – тевтонских кавалеристов!

– Что поделать, уважаемый герр Хеллике. Я счастлив, что у меня именно такая работа. Кстати, не слышали ли вы, господа, о некоем лесном духе Франце? Люди поговаривают, что он... причастен к исчезновению моего отца...

На некоторое время за столом воцарилась тишина.

– Видишь ли, малыш Якоб, – ответил Хеллике. – Кёнигсбергская земля полна загадочных и таинственных явлений. Когда только возник сам Замок, то сразу же родилась и легенда о волчице Герре... История это давняя, но я её расскажу, если мои друзья позаботятся о полноте этого кувшина, – он кивнул на сосуд, который только что освободился от вина.

– Так вот, – продолжил он, когда кувшин опять радовал его душу своей полнотой. – Когда началось строительство Замка, были уничтожены вековые деревья, гнездовья птиц и логова диких животных, а также – некоторые святилища пруссов. Люди и звери перестали сюда захаживать, и только старая волчица Герра приводила на восточный склон горы свою стаю, и с безопасного расстояния наблюдала за людьми. Не ведавшие страха крестоносцы уверяли, что это – вудлаки, то есть духи прусских колдунов, оборачиваются волками. И тревога поселялась в сердцах отважных рыцарей, когда их взор обращался на восток.

Однажды, зимой, а в тот год она выдалась особенно лютой, волки стали нападать на всё живое. Из логова Герры, а оно располагалось как раз на востоке от Замка, всё чаще доносился ледящий душу вой. Её огромные следы на отлогом склоне Королевской горы всё чаще пестрели на снегу. А однажды, когда уже вечерело, большая стая волков подошла к

самому Замку. Стража заметила их и решила приманить поближе. На расстояние арбалетного выстрела. Они бросали мясо на снег, а голодные волки, среди которых было много щенков, оказались у самых стен... Затем началась бойня. Солдатам было весело. Они сложили под стенами Замка целую гору из матёрых волков и волчат... И тогда ужасный вой разнёсся по всей округе... А потом наступила ночь...

– Это всё правда? – спросил Якоб, пока старик прочищал своё горло глотком вина.

– Скорее всего, да. Насколько я знаю тевтонцев и волков.

– И что же было дальше?

– Волки окружили Замок и попытались прорваться внутрь.

– Настоящая осада, – заметил господин Кулль.

– Да, крепкие ворота едва сдержали их натиск. Волки исцарапали когтями стены Замка... крест-накрест. Всю ночь в Замке никто не спал. Горели свечи и факелы, людей объял настоящий ужас. Едва рассвело, рыцари увидели Герру. Она необъяснимым образом пробралась во двор Замка. Но никто не осмелился пустить в неё стрелу, никто не напал на самку зверя. Напротив, открыли ворота и выпустили её... А потом... Много дней после этого, неподалёку от Прегеля, люди находили убитых рыцарей. Одни были разорваны на куски, у других – выедено лицо... Кто-то вмёрз в лёд, а от кого-то осталась одна лишь одежда... Рыцари решили, что им мстят вудлаки...

– А что волчица? – спросил потрясённый рассказом Якоб.

– Её больше никто не видел. Но следы Герры неоднократно появлялись вблизи Замка.

Якоб почувствовал, что он уже согрелся. Но покидать уютный кабачок ему совсем не хотелось.

– А что всё-таки известно про Франца? – спросил он, откусывая кусок хлеба.

– Это - сказки, – заявили братья-кузнецы. – По всей Германии ходят слухи, но никто его не видел...

– Не скажите, – неторопливо проговорил старый портной. – Слухи слухам – рознь.

– Его ещё называют Чёрным Францем, – заявил Кулль. – И он похищает тех, кто находится в родстве с ведьмой!

– А зачем?

– Никто не знает, – ответил Хеллике. – Поговаривают, он делает из людей своих слуг. Точнее, слуг леса... Кому-то они загоняют дичь, кого-то наоборот, отваживают или заманивают в чащу... А иного – придавят деревом или заведут в болото...

– Так что, будь осторожен, дружище Якоб, – усмехнулся рыбак. – Ты ходишь по лесам в поисках кореньев и трав. Как бы и тобою не заинтересовался старина Франц...

– Господь не допустит, – пробормотал юный лекарь. Он почувствовал, что у него начали слипаться глаза. – Пожалуй, я пойду...

Глава 2. Тамплиер

Под свою аптеку доктор Пельшиц определил подвальное помещение. Оно было разделено на две половины: в первой хранились уже готовые лекарства, во второй находилось оборудование для их изготовления. Каждое утро Якоб надевал фартук, спускался туда и принимался за работу. Он растирал в ступке высушенные листья, семена и корни, делал

отвары и настойки, соблюдая при этом необходимые пропорции, особенно, когда в ход шли такие «опасные» травы, как ландыш, клещевина или белладонна. После обеда он, тщательно потерев руки морским песком, помогал доктору в приёме больных: учился самостоятельно накладывать деревянные лангеты на сломанные конечности, ушивать раны, распознавать по зрачкам, цвету кожи и испражнениям, от чего страдает пациент.

– Болезнь никуда не спрячется. То одним, то другим боком она обязательно проявит себя. Для врача главное – вовремя заметить её признаки и поставить правильный диагноз. *Absque omni exceptione!* (4) – говорил наставник.

Сырое и туманное утро 2-го октября принесло неожиданный и не очень приятный сюрприз. Ещё не было и семи часов, как в дверь врача уже стучали кулаком.

– Господин доктор, откройте, ради всего святого!

Привезли тяжелораненого. Высокий парень в кирасе и с алебардой, сопровождавший телегу с раненым, объяснил лекарям, что стража при смене караулов обнаружила недалеко от Лавочного моста мужчину со следами серьёзных побоев.

– Возможно, это один из япперов, повздоровивший с ремесленниками из Альтштадта, – предположил он. – Неплохо досталось, бедняге, Господь – свидетель.

Но, судя по одежде, на простого горожанина незнакомец явно не походил. Хоть его кафтан был испачкан и разорван, а сквозь дыры просматривалось голое тело с синяками и ссадинами, но была видна и искусная выделка материи, и дорогая ткань. Только один плащ чего стоил! Такой плащ, несомненно, был бы к лицу настоящему рыцарю.

– Заносите в дом, – приказал доктор, послушав сердце раненого и убедившись, что его пациент ещё дышит. – Якоб, примочки и сборы для остановки крови! Если бы его доставили хотя бы пару часов назад, шансов на спасение было бы гораздо больше! А теперь будем уповать только на Пресвятую Деву Марию! – Пельшиц перекрестился.

Якоб, как всегда, был расторопен. Лишь только раненого положили на стол и с большой предосторожностью сняли с него облачение, он уже стоял рядом, держа в руках необходимые лекарства. Пельшиц наложил на шею, где виднелась глубокая рваная рана, тампон из чистой ткани и, аккуратно, но сильно, придавил его сверху своей ладонью.

– *A prima facie* – (5) создаётся впечатление, что его сбила лошадь, – пробормотал доктор. – Гляди, малыш, эта рана, хоть и обильно кровоточит, но не смертельна. А вот грудь... пострадала значительно сильнее. Похоже, по ней нанесён мощный удар. Сломано, по меньшей мере, пять рёбер. Огромный кровоподтёк! Но, что послужило причиной? Дубина разбойника или лошадиное копыто? А, может, чей-то рог?.. Осторожно, Якоб. Любое движение причиняет несчастному невыносимые страдания... Настойку из болиголова приготовил?.. Молодец!

Омывая водой лицо и грудь новому пациенту, Якоб наткнулся рукой на странный крест, висевший на шее пострадавшего. У креста были две поперечные перекладины.

– Это – лотарингский крест, – отчего-то шёпотом произнёс Пельшиц. – Правом на его ношение пользуются исключительно рыцари тамплиеры. Значит, наш раненый – тамплиер? Но этот Орден уничтожен более ста лет назад...

Вошёл стражник. Он принёс головной убор раненого незнакомца, его сумку и шпагу в ножнах.

– Это принадлежит сему господину, – он кивнул на лежащего без чувств пациента доктора Пельшица. – Надеюсь, с помощью Господа нашего он выздоровеет, и эти вещи вновь

послужат ему. – Он ещё раз хмуро взглянул на больного, на доктора и его помощника, и вышел во двор.

– Я слышал, – сказал Якоб, – о рыцарях тевтонцах, об иоаннитах, о храмовниках...

– Тамплиеры – это и есть храмовники. Их орден был полностью разгромлен королём Филиппом Красивым при содействии папы Климента V. Это давняя история, – продолжал он, вытирая ветошью испачканные кровью руки. – Многие рыцари попытались сбежать из Франции, и, хотя указом папы и короля было строго-настрого запрещено оказывать им любое содействие, некоторым всё же повезло: их пропустили в Англию, Германию, Польшу... Они разбрелись по всей Европе, притаились, но, видимо, каким-то образом поддерживают связи друг с другом. Да и сам Орден, весьма возможно, уже тайно... возродился... А наш пациент, боюсь, скоро распрощается с этим миром, да простит меня Господь за мои слова. К сожалению, наши возможности не безграничны: болезни иногда сильнее врача, – Пельшиц перекрестился. – Мудрый Эпикур сказал: «Не надо страшиться смерти. Когда мы существуем, она еще не присутствует, а когда смерть приходит, не существуем уже мы!»

Марта принесла ещё свечей, в комнате заметно посветлело.

– Орден храмовников, мой мальчик, был чрезвычайно богат, – тихо говорил врач. – Они имели владения по всей Европе, у них был собственный флот, они совершали крупнейшие торговые и финансовые сделки, и не только в Европе. Об их невероятном богатстве ходило множество слухов. По-видимому, именно это и послужило основной причиной предпринятых гонений на них. Но, их золота так никто не нашёл. Видимо, его успели куда-то увезти и спрятать...

Вошёл Карл Земель, член городского совета Альтштадта, человек важный и слишком тучный для своих тридцати лет.

– Бургомистр спрашивает, каково состояние раненого, доставленного вам сегодня утром, – пробубнил он, даже не поздоровавшись с лекарями. – Есть ли надежда, что он назовёт имя напавшего на него?

– Увы, – развёл руками доктор. – Боюсь, что он уже ничего не скажет. Господь свидетель, что мы делаем всё, что в наших силах, но, взгляните, сударь, у него раздроблена вся грудь. Сломано пять или шесть рёбер... Вскоре он не сможет сам дышать.

Земель брезгливо покосился на пациента и вышел вон.

– Но, вдруг ему поможет эта настойка? – Пельшиц взял в руки пузырёк с тёмной жидкостью. – Болиголов иногда делает чудеса, – и осторожно увлажнил ею грудь пострадавшего. – Пресвятая Дева Мария, помоги несчастному рыцарю...

– Всё-таки странно, богатый человек, видимо, дворянин... даже без кольчуги, вооружённый одной лишь шпагой...

– Это - шпага-фламберг.

– ...вышел пешком из Кнайпхофа... или следовал в Кнайпхоф... Возможно, у него была лошадь?

– Похоже, что так. Взгляни, мой мальчик, на эти ссадины на его коленях. – Такие обычно получают при падении с лошади...

– А потом она лягнула его копытом...

Пельшиц пожал плечами.

– Может быть, и так. Но обычно, рыцарские кони ведут себя совершенно иначе. А это – рыцарь, уж поверь моему слову...

Действительно, перед ними лежало тело человека, которому едва перевалило за сорок, весьма развитое, мускулистое, со шрамами, которые можно получить лишь в бою... Лицо его тоже было ухоженным: небольшие усики и аккуратно подстриженная бородка только подчёркивали благородство их пациента.

– Сумка его пуста, – заметил доктор. – Видимо, он нёс в ней что-то ценное.

– А крест на сумке...

– Тоже тамплиерский. Об этом говорят расширяющиеся лучи и красный цвет. Да, мальчик мой, этот господин – рыцарь тамплиер. Скорее всего, он выполнял какое-то тайное поручение...

– Но не ожидал опасности...

– Конечно. На улицах нашего города вряд ли кто-то отважится напасть на рыцаря, пусть он даже без доспехов, и вооружён одним лишь фламбергом...

Внезапно, словно судорога пробежала по лицу раненого. Веки его дрогнули, и с губ слетели слова:

– *Mala fide...* (6).

– Он ожил! – воскликнул было Якоб, но Пельшиц знаком приказал ему замолчать. Затем склонился над рыцарем.

– Кто вы, сударь?

Тот тремя выдохами сумел произнести слова, смысл которых едва уловил доктор:

– Кнайпхоф... школа... куклы Магды...

– Кто вы, сударь? – повторил свой вопрос лекарь.

– Передайте... это... – и его правая рука дрогнула.

Пельшиц и Якоб обратили внимание, что кисть правой руки рыцаря была сжата в кулак. Видимо, там, в кулаке, и хранилось нечто, что следовало передать... в какую-то школу на Кнайпхофе.

И в этот момент тамплиер испустил дух...

– Всё... – тихо произнес юноша и сел на скамью, бессильно свесив руки.

С трудом разжав кулак рыцаря, доктор обнаружил кусок янтаря, по форме удивительно напоминающий миниатюрную лошадиную голову.

– Господь свидетель, что мы столкнулись с какой-то тайной, – пробормотал Пельшиц.

Тело рыцаря тамплиера было отправлено в церковь святого Николая. После этого лекарь и его помощник занялись пациентами, скопившимися во дворе дома. Впрочем, особо «тяжёлых» не было, к вечеру поток страждущих иссяк и Пельшиц с Якобом спокойно сели ужинать. Заботливая Марта приготовила им овсяную похлёбку и запечённую курицу. Врач потребовал вина. Он был хмур. Что-то терзало его, это было заметно.

После трапезы, глядя в окно на почерневшее небо, он сказал Якобу:

– Видишь ли, мой мальчик, мне кажется, что рыцарь перед смертью обратился к нам с просьбой. И мы должны выполнить его последнее желание.

– Вы считаете, что он пришёл в сознание только для того, чтобы передать нам свою волю?

– Именно так, клянусь Распятием... Именно так. И мы должны её выполнить...

– Но, мне не ясно, чего же он хотел, сударь?

– Я понял так. На Кнайпхофе есть какая-то школа... Там то ли играют, то ли мастерят куклы... какой-то Магды. Надо передать им этот кусок янтаря и сообщить, при каких обстоятельствах он попал в наши руки... Это всё, на что мы способны.

– Но, что это за школа и как её найти?

– Ещё не поздно, мой мальчик, – с грустной усмешкой произнёс Пельшиц. – Загляни в «Усы сома». Наверняка там найдутся люди, которым что-то известно об этом заведении. А завтра поутру сходи туда и выполни поручение рыцаря... И пусть душа его будет спокойна.

В кабачок Якоб пошёл с неохотой. Он и рад бы повидать своих приятелей, отдыхающих после праведных трудов, да и кружечка пива сейчас была бы как нельзя кстати. Но... не нравилась ему сама затея с поиском какой-то таинственной школы. Да ещё – на Кнайпхофе, где, как известно, колдунов и чернокнижников – хоть пруд пруди. Но, Пельшиц прав: рыцарь перед своей кончиной дал ясно понять: это – его последняя воля. А такую волю исполнить – святой долг всякого истинного христианина. А ежели ты решишь сделать иначе – дух рыцаря непременно отомстит.

В заведении почти ничего не изменилось. Опять пьяные солдаты шумят за дальним столом, снова расторопная девушка, Анна Клигер снуёт меж посетителей со снедью и кувшинами, вновь на своём излюбленном месте расположилась компания приятелей Якоба. Только подслеповатый музыкант что-то играет на лютне в глубине кабачка, да на лавке рядом с портным, кузнецами и пивоваром едва сидит пьяный бакалейщик Томас Цойге, поругавшийся с женой. А рыбак, как понял молодой лекарь, отправился в Фишхаузен за товаром.

– Присаживайся, Якоб. Мы, по милости божьей, отдыхаем, переведи дух и ты с нами, – весело проговорил герр Кульль. – Принеси-ка ему кружку и кувшин пива, – дал он указание Анне.

– Что-то зачастил ты в кабачок, сынок, – насмешливо произнёс Хеллике. – Наши подмастерья каждый день по таким заведениям не бегают!

– Пельшиц – известный добряк, – заметили братья. – А Якоб – толковый помощник. Садись, малыш, выпей пива и не слушай старого зануду!

– Я по делу, – объявил помощник городского врача, усаживаясь на скамью. – А оно заключается в том, что сегодня у нас преставился раненый, который перед смертью объявил нам свою волю... Надо сходить на Кнайпхоф и найти там какую-то школу... Школу кукол Магды... Никто из вас не знает, о чём идёт речь?

– О колдовстве, – перестав улыбаться, ответил Хеллике.

– Почему о колдовстве?

– Потому что такой школы там нет. Кнайпхоф – самое большое убежище чернокнижников и колдунов во всей Пруссии. И если говорят о чём-то непонятном, но расположенном на Острове – будь уверен: речь идёт о колдовстве! Вот послушай легенду о князе Деслау...

Якоб понял, что быстрого ответа на свой вопрос ему не получить. Он взялся за кружку с пивом и покосился на сидящего неподалёку Томаса Цойге. Тот с трудом поднял голову, которая уже готова была скатиться ему под ноги, обвёл заведение мутным взглядом, вновь закрыл глаза и... его голова опять начала склоняться к пузу.

– Старик Деслау умел колдовать, – начал свой рассказ старый портной. – Теперь это ясно даже младенцу. Иначе, как объяснить то, что он в любой битве сражался без шлема и ни один волос не упал с его головы? Меч, копьё, стрела... ничего его не брало...

– Везение, – отмахнулся Кульль. – Мой кузен точно также сражался, и тоже... жив - здоров...

– Не скажи. Другой случай произошел в середине лета. Отправился однажды Деслау из Мемеля в Альдштат. А поскольку спешил очень, то решил следовать самым коротким путём, через залив... И поскакал прямо по Фришес-Хафф! (7) А вода держала его вместе с конём, точно самый крепкий лёд зимой!

– И кто это видел? – спросил один из братьев-кузнецов.

– Люди видели, рассказывают... Так вот. За какие-то там заслуги пожаловал ему король имение Норкиттен. А в этом районе проживает много литовцев. Старик Деслау взял их на работу и был им хорошим хозяином. Всё у него получалось. Вскоре имение его, ранее – сильно запущенное, стало процветать и радовать глаз. А всё почему?.. Люди, проживавшие в тех местах, сказывали, что Деслау мог одновременно находиться в разных местах, поэтому всегда и везде успевал, и всё видел своими глазами...

– Да правда ли это? – засомневался Кульль. – Везде успеть... невозможно...

– Это тебе невозможно. Но он – колдун... Слушайте дальше. Решил старик Деслау построить в деревне Бубайнен мельницу. Только в качестве рабочих он взял ремесленников из Германии. Не доверял он, видишь ли, литовцам...

– И правильно, – добавил Кульль. – Немецкий рабочий – самый ответственный! Вот, помню... впрочем, рассказывай дальше...

Старый портной допил из кружки пиво и продолжил:

– Значит, пригласил он немцев. Но однажды у мастера на мельнице работу попросил литовский подмастерье. Тот ему отказал, обзвав чем-то вроде неумехи и бездельника. И, что бы вы думали? Работы на строительстве застопорились! Мастера выходили из себя, рабочие сутками пропадали на мельнице, а дело – стояло. Как вы думаете, почему?..

Якоб слушал, но уже без прежнего настроения. Он-то полагал, что всезнающий герр Хеллике хоть как-то прояснит ситуацию со школой кукол Магды, а он затеял новый рассказ про колдовство. А у кого ещё можно спросить? У пьяных вояк, громко затянувших старую солдатскую песню? А может, у музыканта, который почти слеп, отчего цепко держит лютню, боясь выпустить её из рук? У ремесленников, которые уже тоже здорово навеселе и любой вопрос вполне могут воспринять за оскорбление? У торговца хлебом Урхо Кеннона, который высыпал на стол мелкие сонеты и тщательно пересчитывает их? Или у мотающего головой в попытках хоть немного протрезветь Томаса Цойге?..

– А потому, – продолжал свой рассказ Хеллике, – что этот литовский подмастерье тоже кое-что понимал в колдовстве. И мастер скоро догадался, кто стоит за всеми этими... безобразиями. Он приказал позвать литовского парня и дал ему работу. И что бы вы думали? Стройка продолжилась в прежнем темпе, всё потекло слаженно и точно! Мельница получилась на загляденье! А вот когда подмастерье пришёл за заработанными деньгами, то старик Деслау просто-напросто прогнал его! Парень рассердился, но спорить не стал. Он знал, что хозяин – колдун и тягаться с ним силами в этом ремесле в собственном замке Деслау не решился. Но подумал, что его время скоро наступит, надо только подождать! И этот момент вскоре наступил! Старик Деслау отправился в Кёнигсберг по какому-то делу.

Парень – за ним. Он знал, что колдовские чары его обидчика вне собственного имени теряют силу! Расположился, значит, князь в Королевском замке, выглядывает в окно, улыбается летнему солнышку... А тут – литовец собственной персоной! «Отдавай, – говорит, – заработанные мной на мельнице деньги!» Старик Деслау только посмеялся над ним. И, между прочим, зря...

Хеллике наполнил свою кружку и посмотрел на своих приятелей, надеясь обнаружить в их глазах интерес. Пивовар и двое кузнецов слушали с улыбкой, а молодой лекарь был чем-то озабочен.

– И наколдовал литовец старику Деслау лосиные рога. Которые стали расти на его голове! Не сразу, конечно, но вскоре князь обнаружил лишнюю растительность на своём темени. А когда заметил, то пришёл в ужас. Рога росли всё больше и больше! Конечно, пришлось старику Деслау выплатить деньги парню. С тех пор он зарёкся мериться колдовскими силами с литовцами!

– Мораль: будь честен со своими работниками, – заметил Кульль, опустошая кружку. – Что загрустил, малыш Якоб? Или сказка не по нраву?

– Это не сказка... Люди так говорят..., – ответил Хеллике пивовару.

– История занятная, – пожал плечами молодой лекарь. – Но она не прибавила мне знаний про школу кукол Магды... Я, пожалуй, пойду...

– Эта... школа находится на... Кнайпхофе! – с трудом ворочая языком проговорил Томас Цойге, которому удалось, наконец-то добиться того, чтобы его голова вертикально держалась на шее. Взгляд его стал более осмысленным, но слова он произносил с трудом. – Школа... «Куклы... старой ... Магды»...

– Вы знаете, где она? – едва не подпрыгнул на лавке Якоб.

– З-знаю... Кнайпхоф невелик, ... и эта школа не на виду... Но мне – известно...

– Вы покажете мне её, герр Цойге?

– Ох-хотно... Приходи завтра к Лавочному мосту. В шесть утра... Я пойду принимать товар к Зелёному мосту... И, хоть это... не совсем по пути... я покажу тебе то место...

Глава 3. Магия зеркал, дьявольские куклы и арбалетный выстрел

Ранним октябрьским утром Якоб Шоль, закутавшись в шерстяной плащ, уже стоял неподалёку от сторожевой башни Лавочного моста – главного путепровода, соединяющего Альтштадт с Кнайпхофом. Поверхность Прегеля холодно поблёскивала, напоминая рыцарский нагрудник. В клубящемся серо-голубом тумане, из которого выглядывали лишь шпили Собора и самых высоких зданий, город на острове казался ещё более таинственным и загадочным.

Община островного поселения стала самостоятельным городом в 1327 году. С тех пор Кнайпхоф считался одним из трёх городов Кёнигсберга, имел собственный герб (рука, держащая корону, на зелёном фоне, а по краям – охотничьи рожки) и входил в Ганзейский союз (8).

Якоб не раз бывал на Кнайпхофе и прекрасно знал, что этот город, стоящий на тысячах деревянных свай, хоть и невелик, но застраивался густо с самого момента его основания. Двумя мостами он соединялся с Альтштадтом (Лавочный и Кузнечный) и двумя –

с Форштадтом (Зелёный и Потроховый). Власти Кнайпхофа собирались возводить ещё один мост – на остров Ломзе, но пока до этого дело не дошло. Зажиточные горожане строили дома из кирпича, покрывая крыши черепицей. Важнейшим строением Кнайпхофа являлся Кафедральный собор. Неподалёку располагалась Голубая башня – главная тюрьма города. А центральная улица города – Ланг-Гассе протянулась от Зелёного моста до Лавочного с севера на юг. С запада на восток её пересекал ряд поперечных улиц: вдоль южного русла Прегеля – Водный переулок – Вассергассе, который по несколько раз в году затоплялся водой, улица Хлебных лавок – Бродбернкенштрассе, где жили торговцы зерном, мукой и хлебом, следом шла улица Мясных лавок – Флешбенкенштрассе. Вдоль северного русла реки пролегла улица Капустный рынок – Колтор. Рыночная площадь возле улицы Бродбенкенштрассе была скромных размеров, зато её украшала ратуша – одно из самых знаменитых зданий города. Параллельно главной улице шли: Хофгассе, место сборищ местных купцов, Кеттельштрассе (Потрошковая улица), которая вела от одноимённого моста к северному рукаву реки, следом шла сапожная улица – Шугассе, где располагались мастерские и лавки ремесленников, изготавливавших обувь и одежду. Ближе к Собору ветвились маленькие узкие улочки и переулки, в которых было несложно заплутать.

Вдали раздавались громкие команды, подаваемые, видимо, шкипером пришвартованного судна. Звенели цепи, слышался скрип лебёдки, разматывающей канаты. Из темноты доносился металлический скрежет: это Потроховый мост, разобранный на ночь, вновь намеревался соединить берега реки.

Поскольку Кнайпхоф располагался на острове, то и специализировался он на торговле и судоходстве. И то, что издавна об этом городе ходила слава «колдовской столицы» Пруссии, Якобу уже было известно.

Звон подков и скрип колёс возвестили о том, что разгрузка судов началась. Из Альтштадта потянулись повозки торговых людей за прибывшим товаром. Среди них должен быть и Томас Цойге.

По правде говоря, помня, как жалко выглядел бакалейщик прошлым вечером, Якоб сильно сомневался, что тот сможет начать утреннюю работу вовремя. Но Цойге оказался «на высоте».

– Садись в телегу, – крикнул он молодому лекарю, едва его лошадь поравнялась с Якобом.

Тот прыгнул на жёсткое сидение и примостился рядом с Томасом. Лошадью управлял помощник бакалейщика, Мартин Хозе.

– Так ты уверен, что тебе нужно именно в школу «Куклы старой Магды»? – спросил Цойге. Выглядел он не так уж плохо, видимо, с утра успел поправить здоровье одним-двумя кубками...

– Конечно, сударь. Раненый рыцарь ясно сказал про школу, куклы и Магду...

– Рыцарь... Что ж, вполне возможно. Только, будь начеку. Это – очень опасное место. Поговаривают, что там занимаются богомерзкими делами...

Копыта их лошади застучали по Лавочному мосту.

– А что вы, сударь, знаете об этой школе?

– Да почти ничего. Знаю только, где она находится. И то, что те, кто владеет этой школой, сильно интересуются людьми, обладающими... необъяснимой силой. А такие люди существуют.

– Колдуны, что ли?

– Да кто их знает, молодой лекарь. Обычные люди... С виду обыкновенные и не делающие никому зла. Но они могут исцелять больных, даже одержимых бесами, указывать, где следует рыть колодцы, а где строить дома, предупреждать о грядущих наводнениях... Святая инквизиция вполне может посчитать это за колдовство, но, поверь мне, силы Дьявола тут не при чём. Иногда такими людей создаёт сам Господь...

На середине Ланг-Гассе Цойге и Якоб спрыгнули с телеги, и бакалейщик повёл лекаря вдоль теснившихся строений южной части Кнайпхофа. Впереди огромной красноватой горой с остроконечной вершиной, проглядывали очертания величественного Кафедрального собора. Не доходя до него, Томас повернул вправо.

– Вот этот дом, под аркой. Стучи смелее в дверь! А я – побегу за товаром! – бросил он Якобу, и слишком поспешно скрылся в тумане.

Молодой Шоль подошёл к двери. В узкое окошко над нею пробивался свет... Значит, в доме кто-то есть...

– Якоб взялся за медное кольцо с миниатюрной львиной головой, вставленное в петли, и резко ударил по обитому железом дереву. Затем – ещё раз, чуть громче.

Через некоторое время дверь приоткрылась, из-за неё выглянуло бледное лицо пожилого человека.

– Кто вы, сударь, и что вам угодно?

– Простите меня, господин... Я – ученик лекаря из Альтштадта. Вчера у нас на руках умер раненый рыцарь. Перед смертью он попросил нас передать вам это... – и Якоб протянул старику ладонь, в которой лежала янтарная «лошадиная голова».

Увидев этот предмет, старик вздрогнул. Дверь тотчас распахнулась.

– Входите, – прошептал он.

Когда Якоб вошёл, тот высунул голову наружу и долго вглядывался в туман. Едва юноша сделал пару шагов по узенькому коридору, как услышал скрип ступеней: кто-то спускался к нему со второго этажа. Молодой лекарь протянул вышедшему из полутьмы высокому, статному человеку янтарное изделие и произнёс:

– Вот, сударь. Это велено передать вам...

Незнакомец поднёс свечу к «лошадиной голове», затем осветил лицо Якоба и ответил:

– Прекрасно. Ступайте наверх, бесстрашный юноша. Там для вас приготовлена комната.

Такое поведение немало удивило молодого лекаря. Но, возможно, здесь, в этой таинственной школе, так принято? Не говоря ни слова, он последовал наверх. Старый привратник запирает дверь на засов, а второй господин молча наблюдал за ним.

Поднимаясь по лестнице, юноша вдруг почувствовал себя крайне неуютно: ему стал слышаться тихий невнятный шёпот и иные звуки, похожие то на чей-то смех, то на всхлипывания... А когда он поднялся этажом выше, то в его голове вдруг совершенно отчётливо прозвучали слова: «Якоб, открой вторую дверь справа...»

В комнате, куда он вошел, было достаточно светло. Горело полдюжины свечей. За ним не спеша вошёл мужчина, которому Якоб показал янтарную фигурку. Хозяин более внимательно взглянул на своего гостя, а тот – на него. Высокий, крепкого телосложения человек был одет в жакет, поверх которого он накинута лёгкая упряжка зелёного цвета с широкими рукавами. На ногах – кожаные туфли. Во внешности незнакомца угадывались

восточные черты: смуглая кожа, чёрные, немного раскосые глаза, тёмные волосы, спадающие до плеч, крупный, выдающийся вперёд нос и тяжёлый, «квадратный» подбородок.

– Признаюсь, меня удивило, что магистр прислал такого... юного посланца. Что ж, это характеризует тебя, как человека, обладающего выдающимися способностями... Присаживайся, юноша. Сейчас к тебе выйдет наша госпожа...

«Я не тот, за кого вы меня принимаете!» – хотел воскликнуть Якоб, но не успел: человек, разговаривавший с ним, шагнул в сторону и... словно, растворился...

Молодой лекарь огляделся: комната оказалась весьма просторной... Высокий потолок, два окна, сквозь которые уже начал проникать солнечный свет, на полу постелен мягкий ковёр, тихо потрескивающий камин, а на стене – страшный охотничий трофей – огромная волчья голова с оскаленной пастью... Шкаф со статуэтками, вылепленными из глины... Пара табуретов, широкая лавка, покрытая бархатной материей... Зеркало в углу... Настоящее, стеклянное... фламандское. Стоит, наверное, бешеных денег! Но, почему в углу, а не на самом почётном месте?

Якоб подошёл ближе и увидел в зеркале своё отражение: испуганный мальчишка со взъерошенными волосами, потрёпанный плащ, стоптанные башмаки «коровья морда»... Но, ничего. Сейчас появится кто-нибудь, кому он объяснит, что его приняли за другого... Ведь он не посланец какого-то магистра. А этим посланцем, скорее всего, был рыцарь тамплиер, которого безжалостно убили ударом чего-то тяжёлого, вроде кузнечного молота, в грудь... Якоб передаст эту странную янтарную «лошадиную голову» и отправится домой помогать доктору Пельшицу принимать больных. Он поправил рукой волосы, нахмурил брови, состроил смешную рожицу и... Внезапно, словно лёгкая дымка окутала зеркальное изображение... Якоб сделал два шага назад, не отрывая взгляда от зеркала... Пелена тумана начала заволакивать его отражение. Это было настолько невероятно и страшно, что молодой лекарь затаил дыхание и словно остолбенел... он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, а только пристально смотрел на поверхность волшебного стекла. Наконец, туман стал рассеиваться и внутренне напряжение, сковавшее Якоба, понемногу ослабело. И тут... вместо собственного отражения, он увидел женскую фигуру с добрым и таким родным лицом! Это же его мать, Габи Шоль! Немного грустные глаза и лёгкая улыбка на губах... «Мама!» – хотел воскликнуть юноша, но слова застряли у него в горле. Габи посмотрела на своего сына и приветливо кивнула ему... Вдруг изображение матери дрогнуло и стало расплываться. Через мгновение, вместо неё на Якоба уже смотрел широкоплечий мужчина лет сорока, с чёрными усами и бородой, глядел внимательно, изучающе... Кто это? Всё похолодело внутри у юноши, и откуда-то из самых глубин сердца пришла подсказка: ведь это же – его отец!

– Что ты увидел в этом зеркале, мальчик? – негромкий женский голос вернул Якоба к реальности. Он вздрогнул и вновь распознал отражение самого себя, только чрезвычайно взволнованного.

Юноша обернулся на голос. Перед ним стояла женщина средних лет, по-видимому, дворянка. Она была одета в укороченное сюрко без рукавов, поверх которого был наброшен длинный нарамник, подпоясанный золотистого цвета ремешком. На лбу, прихватив густые волосы каштанового цвета, красовался узорчатый серебряный обруч, на тонких пальцах – колечки с драгоценными камнями, в которых Якоб мало разбирался. Тёмные глаза с интересом наблюдали за молодым лекарем.

– Я... – с трудом выдавливая из себя слова, ответил юноша, – только что... в этом зеркале... видел своих... умерших родителей...

Женщина покачала головой, и не было понятно, осуждает ли она Якоба, сочувствует или просто забавляется. Она протянула руку, раскрыв ладонь, и молодой лекарь вложил в неё янтарное послание тамплиера.

– Садись же, мой мальчик, – ласково сказала она, показав глазами на стоящий подле шкафа табурет. Сама же устроилась на лавке, покрытой бархатной материей.

Якоб осторожно присел, робко поглядывая на таинственную госпожу.

– Простите, ваша светлость... Господь – свидетель, что не я был посланником. Это... янтарное изделие нам передал раненый рыцарь перед самой своей кончиной... Я – помощник городского лекаря Альтштадта Якоб Шоль. А вы, смею надеяться, и есть та самая госпожа Магда, чьё имя упоминается в названии школы?

– В названии упоминается «старая Магда», – насмешливо ответила дама. – А я разве стара? – и мило улыбнулась.

– Простите, – совсем смутился юноша. – Конечно же, нет! Вы...

– Впрочем, можешь меня называть Магдой, – прервав оправдания Якоба, продолжала дама. – Называться этим именем – большая честь для меня... Так кого ты видел в этом зеркале? Своих родителей?

Якоб кивнул головой.

– Которые уже умерли?

Якоб кивнул ещё раз.

– Да, – промолвила Магда после небольшой паузы. – Это – непростое зеркало. При желании, оно без особого труда может отправить человека в интересное путешествие... чтобы показать ему минуту его рождения или даже кончины... Оно отображает наши потаённые желания, которые спрятаны в глубине разума... Ты знаешь, есть «чёрные» зеркала. Они накапливают зло. Распознать такое зеркало очень легко – от него постоянно веет холодом. Его поверхность остаётся такой, даже если оно находится в очень тёплом помещении. И стоит к такому зеркалу поднести зажжённую свечу, как она тут же погаснет. Но его можно очистить от скверны. Для этого следует омыть «чёрное» зеркало святой водой... или чистой родниковой, непременно читая при этом молитву. А после – вынести его на яркое солнце или прокалить его по углам зажжённой церковной свечой... Это же зеркало – не такое. Оно помогает распознать людей с... выдающимися способностями. Поздравляю тебя, мой мальчик, ибо ты и есть – такой человек!

– Я? – поражённый услышанным, выдохнул из себя Якоб.

– Да. Обычный человек, глядя в такое зеркало, видит только себя. Ты же сумел заглянуть намного дальше... Теперь ты – наш!

– И что это значит? – не на шутку перепугался Якоб.

– Ничего. Просто, тебе будет уделено особое внимание. Таких людей, как ты, на свете не так уж много. Мы, в нашей школе, собираем их, узнаём, в чём заключается их Дар и используем его по назначению. Во славу Божью, – уточнила Магда. – Хасан! – позвала она кого-то.

Вошёл тот мужчина, который встретил Якоба. Взгляд его теперь был приветливый, даже весёлый. В руках он держал поднос с фруктами.

– Ты прав, Хасан. Мальчик выдержал испытание!

– Помилуй Господи, это же отлично, госпожа! И что, он согласен?

– Он ещё думает. Всё так внезапно свалилось на него... Он сомневается, – Магда опять мило улыбнулась. – Угости нашего юного друга фруктами и покажи ему наш дом... – Магда поднялась и вышла из комнаты.

Доктор Пельшиц не знал, сердиться ему на мальчишку-помощника или начинать беспокоиться. Прошло, по меньшей мере, три часа, как Якоб отправился в эту чёртову школу передать янтарную «лошадиную голову», а от него – ни слуху, ни духу! Чем он там так занят, ведь оттуда пешком – не более четверти часа! Даже если его задержала стража на мосту, то тотчас бы и отпустила, разобравшись. Или... Как тут не подумать о том, что Кнайпхоф – вместилище магов и чернокнижников, которые, чувствуя себя в полной безопасности, ведут свои богомерзкие исследования? Дурная слава об острове распространялась далеко за пределы Пруссии. Пользуясь попустительством властей, в Кнайпхофе активно действуют целые колдовские школы, которые занимаются сбором и изучением сатанинских знаний (и необъяснимых загадок). И эти знания используются далеко не во славу Господа... Куда же он послал своего ученика?

Больных сегодня пришло немного. Старой женщине он приготовил грудной сбор, а раненого в городской драке плотника перевязал. Троим горожанам, страдающим лихорадкой, дал потогонный отвар и напутствовал добрыми словами...

Через час его терпение лопнуло.

– Карл! – позвал он конюха. – Пошли Мартина к Томасу бакалейщику, пусть узнает адрес, куда тот отвёл нашего Якоба. Ежели через... полчаса мальчишки не будет, мы сами направимся в Кнайпхоф, клянусь Пресвятой Богородицей!

– В этой аудитории, – сказал Хасан, когда они с Якобом вошли в первую комнату школы, – те люди, которые обнаружили талант передвигать предметы при помощи мысли, совершенствуют своё умение.

– А разве это возможно, без рук, без ног... Одной только мыслью... подвинуть предмет? – засомневался молодой лекарь.

– Возможно. Господь создал этих людей таковыми, и наша задача – заставить их... нет, не заставить, а научить... управлять своим умением, используя его во благо Творцу... Ибо зачем тогда Всевышний даровал людям такой талант? Попробуй и ты сдвинуть хотя бы вот эту лучинку усилием своей воли...

Якоб попробовал, потом ещё раз, затем ещё... Бесполезно.

– Ну, ничего. Может быть, тебе даровано умение воздействовать на людей своей мыслью? Внушить им что-нибудь?

Вскоре оказалось, что и этим даром Господь Якоба обделил.

– А это что за комната? Что это, куклы?

Они вошли в помещение, заставленное большими и маленькими фигурками, внешне напоминающими людей. Были они изготовлены из воска (маленькие) и кожи (большие).

– А это и есть куклы старой Магды, – усмехнулся Хасан.

– А зачем они? – удивился Якоб. – Разве для того, чтобы использовать как детские игрушки? Да и то – маленькие. Большие... слишком неудобны для игры...

– Нет, это не для забав, – нахмурил брови Хасан. – А для убийства...

– Тогда вообще... ничего не понимаю, – прошептал молодой лекарь, разглядывая кожаную куклу, выполненную в виде почтенного бюргера в красном жакете с плащом и шапкой с птичьим пером. Глазницы на кукольном лице были пусты.

– Вот это – заготовка, – пояснил Хасан. – Если требуется уничтожить какого-нибудь человека, мы изготавливаем куклу, похожую на него. И даём ей его имя. Лицо корректируем так, чтобы соблюдалось сходство, в глазницы вставляем глаза животных. Мы их покупаем на рынке. Можно вставить глаза кролика или свиньи... А затем, прочитав заклинание, берём это... – тут в руках Хасана появилась длинная серебряная игла с янтарным шариком-набалдашником, – и протыкаем тело приговорённого к смерти. Точнее, куклу. И с того момента он... обречён.

– Но ведь это... колдовство... и чёрная магия, – прошептал потрясённый Якоб.

– Совершенно с тобой согласен, – ответил Хасан.

– Зачем вам эти дьявольские куклы? Кого вы собираетесь убивать?

– Так иногда случается в жизни, – спокойно пояснил провожатый, – что для решения какой-нибудь важной задачи... требуется устранить человека, мешающего нашему великому делу. Как правило, это очень плохие люди, на совести которых множество погубленных жизней, и которые готовы убивать и дальше. Заметь, юноша: порой приходится уничтожить одного и, тем самым, предотвратить большую войну, жертвами которой могут стать тысячи...

С этим Якоб кое-как мог согласиться.

– Но, тогда, это может быть... король?

– Может, и король, а может, лицо, близкое к его величеству, имеющее вес, к слову которого монарх прислушивается...

– Пречистая Дева!..

– Да, – грустно согласился с ним Хасан. – Это богопротивное занятие. И мы очень неохотно прибегаем к нему... В нашей школе, – добавил он, – есть люди, настаивающие на более широком применении этих кукол. А есть и такие, которые предлагают их сжечь. Господь – свидетель...

В течение некоторого времени они сумели убедиться в том, что Якоб не в состоянии «заговаривать» кровоточащие раны, не в силах ни на дюйм оторвать своё тело от пола и повисеть в воздухе, он не может проходить сквозь стены и не обладает таким взглядом, который способен «отвести глаза» другому человеку.

– Что ж, – проговорил Хасан. – Знать, Всевышний наградил тебя чем-то особенным!

Якоб удивился: разве перечисленные возможности человека являются чем-то обыденным? Но, спорить не стал. По-правде говоря, он немного устал и уже подумывал о том, что пора бы ему и откланяться, как ни велико было его желание остаться в школе и продолжать исследования.

Они спустились в подвальное помещение. Хасан отворил дверь в одну из комнат. У дальней стены, до которой было не менее десяти шагов, горел факел.

– Иди к стене и встань возле неё, – приказал он Якобу. Тот повиновался. Он повернулся к Хасану, который коснулся рукой чего-то металлического, поскольку послышался характерный звук.

– Стой там и не шевелись! – последовала очередная команда.

– Хорошо, я стою, – тихо ответил мальчик, готовясь к чему-то необычному.

Фигура Хасана маячила в темноте, но глаза Якоба, хоть с трудом, но различали его очертания. Вот он взял что-то в руки, поднял на уровень груди...

– Это – арбалет! – послышался приглушённый шёпот. – Ты узнал нашу тайну, поэтому сейчас умрёшь! Я – стреляю!

– Нет! – воскликнул Якоб, инстинктивно заслоняясь вытянутой вперёд рукой...

Болт, противно взвизгнув, вонзился в стену в двух локтях правее от молодого лекаря. И тут же послышался радостный крик Хасана:

– *Eureka!* (9)

– Что? – не понял Якоб, чувствуя, как противно дрожат его колени. – Почему ты хотел убить меня, Хасан?

– Извини, друг, – тот подошёл к юноше и склонил перед ним голову. – Я не хотел тебя убивать. Но, это... – он кивнул на арбалет, – было необходимо, чтобы проверить твои способности! И попытка – удалась, а победителей не судят! – И принялся убеждать опешившего Якоба: – Вот, ты стоял здесь, а я целился в это чёрное пятно, что в локте от тебя, – он указал на кружок, нарисованный на стене. – Видишь, здесь следы от болтов? Я никогда не промахиваюсь. Но ты... Но ты... силой своей воли... «отвёл» стрелу ещё на локоть в сторону! Значит ты – человек, «отводящий стрелы»! А возможно, и другие виды оружия – меч, копье, топор или кинжал... Мы это ещё проверим! Прости, что пришлось напугать тебя. Но без этого твои способности могли не раскрыться! Пойдём же к нашей госпоже и доложим ей о своей находке!

Молодой лекарь облегчённо вздохнул. Его не убили – и то хорошо. А способность отводить удары? Что ж, это было бы тоже весьма неплохо!

Они поднялись наверх. В коридоре их ожидала Магда.

– Ну?... – вопросительно взглянула она на Хасана.

– Да! – ответил тот. – Он отклонил мою стрелу на целый локоть!

– Прекрасно! Вот видишь, малыш, мы нашли Дар, которым наградил тебя Господь. Теперь тебе предстоит развить его, но процесс этот довольно сложный и потребует от тебя многих усилий. Мы поможем тебе в этом. А сейчас... Слышишь, раздаются стуки в нашу дверь? Это твой доктор и ещё пара здоровых парней пришли за тобой. Хасан выведет тебя через другой выход. Возвращайся домой, найди для Пельшица объяснение своей задержки... Но никому не говори ни слова о том, что ты здесь видел. Мы надеемся, что ты примешь верное решение и вернёшься к нам. Но, если ты замыслишь что-то уж совсем скверное... Помни, любая кукла старой Магды может принять и твоё обличье.

Глава 4. История Нойбертхауса

А теперь вернёмся лет на пятьдесят назад от описываемых событий.

Небольшой купеческий обоз, состоящий из двух десятков телег с поклажей из мешков и тюков, сопровождала дюжина бравых парней, которых купец из Альтштадта Иоганн Нойберт нанял в Данциге. Эти статные парни сразу приглянулись ему. Он отчего-то был уверен, что на старой Бранденбургской дороге, которая давно пользуется дурной славой, с этими молодцами его обозу ничего не будет угрожать. Почему эти парни показались ему немного странными? Видимо, оттого, что были они немногословны, беспрекословно

подчинялись своему предводителю и внешне походили на монахов из какого-то монастыря, да и обращались друг к другу чаще всего «брат». Но, как недавно узнал купец, они являлись настоящими, умелыми и бесстрашными бойцами. Старший из них, назвавшийся Гуго Коллем, пообещал, что груз будет доставлен в целостности и сохранности, а с самим господином Нойбертом и четырьмя его подручными ничего страшного не случится. Выглядел он довольно внушительно, и купец согласился, хотя плата за сопровождение обоза казалась ему явно завышенной.

В день выезда из Данцига купец оценил облачение «странных парней» – на всех были кольчуги, шлемы и панцири, каждый имел коня, щит, а также меч, топор или арбалет. Торговец сразу повеселел, поняв, что не прогадал. Дело в том, что путь в Кёнигсберг проходил по местам, где орудовало несколько крупных разбойничьих шаек, состоящих как из числа поляков, так и из немцев. Бывшие солдаты, деревенская голытьба, обнищавшие горожане хватались за топоры и выходили на лесные дороги, не щадя никого. Местные правители боролись с ними, как могли, многие возвышенности вдоль дороги были превращены в «висельные холмы», на которых устанавливали столбы с болтающимися останками одних разбойников для острастки других. Но, наиболее организованные, вооружённые банды, имеющие толковых предводителей, всегда уходили от возмездия и, прекратив свою деятельность в одном районе, возобновляли её в другом.

– Почему вы не решились идти морем? – только и спросил Гуго Колль у Нойберта.

– Большой воды я боюсь больше разбойников, – откровенно признался купец.

«Кто не любит море, тот – безнадёжен!» – подумал тогда Колль, но вслух ничего не сказал.

Итак, обоз выехал из Данцига в середине августа 1405 года и к началу сентября должен был прибыть в Альтштадт. Дорога проходила среди лесов, вдоль полей и лугов. Особенно широких рек, пересекающих этот путь, не наблюдалось.

Охранники своё дело знали. Впереди шли разведчики, опережая основной отряд на целую милю. В случае опасности основные силы своевременно оповещались, и выезжающие вперёд хорошо вооружённые всадники отбивали у разбойников любую охоту позариться на чужое добро. Так было вплоть до границы с владениями Тевтонского ордена. Немного не доезжая до замка Квидзын, когда до Кёнигсберга оставалось не более трёх дней пути, обоз атаковали по всем правилам военного искусства неизвестные люди, знающие толк в настоящих схватках. Но, следовало отдать должное и сопровождающим обоз парням: их не удалось застать врасплох. Стрелы из луков и арбалетов ломались о щиты и панцири защитников обоза, которые тут же выхватили из ножен мечи. Когда из придорожных кустов выскочили по крайней мере несколько десятков вооружённых людей, охранники вступили с ними в настоящий бой.

Двое подручных Иоганна Нойберта погибли сразу: одному прострелили шею, а кольчугу другого пробил арбалетный болт. Несдобровать бы и самому купцу – на него кинулся ражий парень в кирасе и каске с боевым топором в руках. Глаза его безумно горели, а перекошенный рот изрыгал такие страшные проклятия, что Нойберт потерял дар речи только от одних этих выкриков.

– *Beausant!* К величию! К славе! (10) – провозгласил Гуго Колль и одним ударом снёс голову нападавшему.

– *Beausant!* – ответили ему его «братья» и буквально ошеломили врага мощным выпадам.

Тучный брат Моример проявлял удивительную сноровку и скорость: его топор «летал» от одной головы разбойника к другой. Брат Витул выхватил из обоза тяжёлый двуручный меч эспадон и сразу стал похож на мельницу, чьи крылья сеют смерть. Братья Леон и Витольд, вооружённые шотландским клеймором и фламбергом наносили быстрые и точные удары. Иоганн Нойберт, боявшийся высунуть голову из-под корзины со снедью, открыл рот, будучи удивлён сноровкой и умением его защитников. Наступательный пыл врага сразу же ослаб – потеряв десяток бойцов в первую же минуту сражения, разбойники утратили боевой дух и начали отступать.

– Гей, оборванцы! – крикнул брат Берто, – получите подарки от настоящих рыцарей! Их-то вы не забудете никогда! – лезвие его окровавленного топора хищно сверкнуло в лучах заходящего солнца.

– *Ad patres!* (11) – провозгласил брат Георг, действуя кистенём с тяжёлым шаром на цепи, утыканном шипами.

Предсмертные крики и стоны раненых тут же огласили всю округу.

«Ай, да братья...» – ошалело думал Нойберт, высматривая в толпе сражающихся своих подручных.

– Держись, брат! – это на выручку брату Николаусу, отбивающемуся от четверых разбойников, спешил его товарищ по оружию Бриан. – Во имя Пречистой Девы... Н-на!.. Брат Гильберт, держись!

Звон клинков, хрип лошадей, крики бойцов, звук падающих тел, глухие и хлёсткие шлепки кистеня о закованные в панцирь тела... Мольбы о пощаде, проклятия, радостные победные крики... «Пресвятая Дева, - молился Иоганн Нойберт, – Скорее бы закончилось всё это». Сам он сжимал рукоять кинжала и мог бы пустить его в ход, случись кому бы то ни было напасть на него. Но ввязываться в такое побоище у него не хватало духу. Всё-таки, он – купец, а не воин.

Солнце уже почти скрылось за верхушки деревьев. Побоище завершилось. Потеряв больше половины своих товарищей, нападавшие бежали. Никто не стал преследовать их.

– Пресвятая Дева! *Actum est* (12), – промолвил Гуго Колль, сняв шлем и вытирая пот. – Неплохо бы вздёрнуть сих доблестных молодцов, – кивнул он на нескольких корчащихся от боли раненых разбойников, – да предоставим эту работу местному палачу. Я думаю, что если они не усвоят сегодняшний урок, то петля никак не минует их шеи. Нам же надо спешить. Вы не будете возражать, почтенный господин Нойберт, если мы сейчас же двинемся дальше, а привал на ночёвку сделаем позже, милях в трёх от этого нехорошего места?

Купец молча кивнул. Через несколько минут обоз тронулся в путь.

Уже глубокой ночью, на несколько миль ближе к Кёнигсбергу, похоронив двух своих слуг, Иоганн Нойберт, оценив нанесённый ущерб для торгового дела как ничтожный, и плотно поужинав, сидел у костра и задумчиво смотрел на огонь. Гуго Колль расставил караулы на случай возможного нападения и присел на телегу, очищая лезвие своего боевого топора.

Словно что-то надумав, купец поднялся и подошёл к предводителю отряда отважных бойцов.

– Благодарю вас, сударь, – сказал он и вытащил набитый монетами кошель. – Примите это в знак моей признательности.

– Помилуй боже, не слишком ли рано? – усмехнулся Колль. – Вот прибудем на место назначения, там и расплатитесь. Но лишнего, помимо нашего договора, мы у вас не возьмём.

– Никогда бы не подумал, что мой обоз будут сопровождать... в качестве охраны... настоящие рыцари...

Колль молчал.

– ... тамплиеры, – закончил Нойберт.

Гуго вопросительно взглянул на купца. Тот пояснил:

– Эти знаки... Красный крест на седле вашего коня... Лотарингский крест на шее одного из ваших братьев... Это ведь знак Ордена Храма, не так ли?

– Орден Храма был уничтожен почти сто лет назад, – вздохнув, ответил рыцарь после недолгого раздумья.

– Это – официальная версия, – продолжал Нойберт. – Но ведь много тамплиеров сумело спастись. Даже из самой Франции, где порядки были самыми строгими, бежало немало людей, им даже удалось увести судно с сокровищами...

– Вас интересуют сокровища тамплиеров?

– Нет, только сам Орден. Многие из храмовников, насколько я знаю, осели в Англии и Шотландии, где гонения на них были не такими страшными. Кое-кто бежал в Германию. А там многое зависело от отношения к ним местных светских властей... Был Бурхард III Марбургский, сжигавший храмовников, но был и архиепископ Майнца Пётр, оправдавший рыцарей Храма, и святой Иоанн, объявивший, что тамплиеры из монастыря в Мостере бесплатно кормили голодающее население... Если бы не папа Климент V...

– Не поминайте это бесовское имя, ради всего святого!

– Я вполне допускаю мысль, – продолжал Нойберт, – что, если святыни тамплиеров и их золото были сохранены, то, вполне возможно, Господь позволил им... восстать из пепла... Разумеется, пока тайно...

Гуго усмехнулся.

– Вам не откажешь в наблюдательности, герр Нойберт.

– Моё ремесло обязывает вникать во всякие мелочи и ничего не упускать из виду... И, если вы действительно – тамплиеры, я хотел бы оказать вам любую посильную помощь.

Гуго молчал, вслушиваясь в ночь. Тишину леса нарушало только потрескивание горящих поленьев. Нойберт хлопнул по щеке, на которую сел назойливый комар.

– Вы сегодня спасли мою жизнь, – продолжал купец. – Поэтому я хотел бы сделать вам роскошный подарок. Соглашайтесь, сударь. Я – человек зажиточный, могу предоставить вам... свою землю.

Гуго Колль, услышав это, оживился.

– Если вы поклянетесь, что тайна нашего Ордена будет сохранена...

– Я готов поклясться на Библии хоть сейчас!

– Так поклянитесь. И тогда мы продолжим наш разговор.

– Карл, – позвал Нойберт одного из оставшихся в живых слуг. Другой, Михель, также принимал участие в сражении, но получил лёгкое ранение и сейчас отлёживался в телеге. – Принеси мне Библию. Эх, господин рыцарь, отправляясь в подобные путешествия никак не обойтись без Священного Писания...

Купец положил левую руку на Библию, правую поднёс к сердцу. Произнёс слова клятвы и помолился.

– Хорошо, – удовлетворённо произнёс тамплиер. – Вы правы. Мы – потомки тех, кто уцелел. Наша цель – защита истинных христиан. Наш девиз остался прежним: *Non nobis, Domine, non nobis, set tuo nomini da gloriam!* (13) А также правило: *Ora et labora!* (14) Нас пока мало и силы наши невелики. Но, это – временно. Ведь с нами – наши святыни и богатство! А сейчас цель нашего небольшого отряда – отыскать и купить вблизи Кнайпхофа земли, где мы могли бы построить собственную... резиденцию. Прицепторий. Ибо туда, к Кнайпхофу, ведут пути, неведомые людям, но уже определённые свыше для целей, нам пока неизвестных, но, несомненно, величественных...

Такая туманная формулировка не поставила в тупик хваткого в делах купца.

– У меня есть земля к востоку от Кнайпхофа. Как раз на пустынном берегу Прегеля. Там расположено лишь моё небольшое поместье. Итак, я объявляю своё решение: эта земля – ваша!

Рыцарь и купец ударили по рукам. В этот момент громко захрустели сучья, зашумели ветви деревьев. Казалось, огромный зверь всё это время сидел, притаившись в нескольких шагах от обоза, да вот не выдержал и ринулся вглубь леса, ломая всё на своём пути. Рыцарь схватился за топор. В чаще вспыхнул огонь – караульный зажёл факел.

– Кто это был, брат Георг? – спросил Гуго Коль.

– Не разглядел. Какой-то огромный зверь... – послышался ответ, – тут повсюду волчьи следы...

Пока Гуго размышлял, поднимать ли братьев по тревоге, Нойберт вытащил из телеги кожаную флягу с вином и выдернул из горлышка пробку.

– Не волнуйтесь, господин рыцарь. Люди говорят, что так ведёт себя здешний лесной дух. В этих местах он носит имя Чёрный Франц... Он ушёл вглубь леса и уже не причинит нам вреда. Давайте лучше скрепим наш договор хорошим бургундским вином. Господь – свидетель, мы это заслужили...

Уже осенью 1405 года в поместье купца Иоганна Нойберта начались строительные работы. Через несколько лет вместо жалкой постройки на берегу Прегеля возник крепкий замок, носящий имя Нойбертхаус, а возле замка, за высоким каменным забором возникли монастырь и церковь. Монастырь получил имя Архангела Михаила. В нём обитали монахи, то ли францисканцы, то ли бенедиктинцы, ясно было одно: монастырь был мужским. За стенами божеской обители служители Господа развели сады, прорыли каналы, распахали земли под поля и огороды, вырыли большой пруд. Монахи вели размеренную жизнь, как и подобает братьям во Христе. Но, если бы кому-нибудь удалось заглянуть за высокие стены, то он бы сразу заметил, что монашеские кельи, скорее, напоминают казармы, а во дворе братия и послушники дерутся друг с другом палками, деревянными и даже стальными мечами, метают ножи и боевые топоры, постоянно упражняются в верховой езде и стрельбе из лука... Над дверью перед входом в монашескую трапезную развёрнуто белое полотнище с красным крестом...

Дела у Иоганна Нойберта пошли в гору. Он уже не ездил лично за товаром, а посылал туда своих работников. Сам же купец жил в замке, почти безвылазно, особенно после того, как женился и обзавёлся детьми... Для торговых дел он приобрёл три хороших когга (15),

которые постоянно бороздили воды Прегеля, а также Остзее. В Нойбертхаус и монастырь то посуху, то морем всё чаще приезжали знатные господа – по торговым ли, политическим делам – про то нам не ведомо.

Глава 5. Путь в школу «Куклы старой Магды»

Якоб Шоль вернулся к городскому лекарю Фридриху Пельшицу и продолжил у него свою работу, как ни в чём не бывало. Больных в эти хмурые, дождливые осенние дни было достаточно и лекарства, изготовленные помощником врача, расходовались быстро. Особенным спросом пользовались жаропонижающие средства. Иногда Карл запрягал лошадь и Пельшиц отправлялся к тому или иному больному на дом. И тогда Якоб справлялся с работой один. Не все, однако, доверяли юному врачу. Некоторые пациенты оставались дожидаться городского лекаря, хмуро поглядывая на мальчика, который деловито управлялся с другими больными.

Про школу «Куклы старой Магды» Якоб благоразумно умолчал, мол, зашёл в дом, там ему стало дурно: закружилась голова, он потерял сознание и очнулся только тогда, когда за ним прибыл Пельшиц со своими друзьями.

«Говорил же я – колдовское место, – вздыхая, комментировал этот поход старый Хеллике, прикладываясь к кубку с вином. – Правильно сделал, малыш, что не стал совать свой нос в эту обитель Дьявола, прости меня, Господь».

И всё же, Якоб чувствовал, что эта школа ему не просто нужна, а необходима. Молодой лекарь убедился, что обладает Даром, который пожаловал ему Создатель, и, как истинный христианин, он должен развивать этот Дар, совершенствовать свои способности и приносить пользу людям. Поэтому юноша всё чаще задумывался о том, чтобы покинуть дом гостеприимного доктора и начать новую жизнь под крышей школы «Куклы старой Магды».

Сегодня вечером доктор Пельшиц, увидев, как юноша намаялся за день, сам послал его отдохнуть в кабачке «Усы сома».

– Сходи, дружок, поболтай со своими приятелями. Нынче мы славно потрудились и неплохо заработали. Вот тебе два талера и пусть этот вечер не будет для тебя скучным.

Якоб окунулся в сырую вечернюю прохладу Альтштадта, но не о кабачке думал он, а о том, как начать разговор с Пельшицем насчёт школы... Он полагал, что совмещать занятия в «Куклах старой Магды» и врачебную деятельность будет невозможно, что у него на самом деле – иная цель, и она весьма далека от искусства традиционного врачевания.

Он застал своих приятелей на старом месте и в полном составе.

– Присаживайся, молодой лекарь, – любезно пригласили его за стол пивовар, портной, два кузнеца и моряк с Фишгаузена. – После того, как ты побывал в этой дьявольской школе, ты сам на себя не похож.

– Поменьше находишься в местах, помеченных Дьяволом, – добавил Хеллике, – И тогда твои друзья всё чаще будут поднимать свои кубки во здравие!

Якоб заказал себе рейнского и жареную куропатку.

– А таких проклятых мест в Кёнигсберге, – продолжал старый портной, – хватает... Взять, к примеру, Кошачий ручей...

– И что же там происходит? – насмешливо спросил Теодор из Закхайма. – Не такая уж это великая река, чтобы вызывать пересуды у почтенных горожан...

– А вот, послушай, – Хеллике сделал внушительный глоток, и начал рассказ. – Как известно, этот ручей разъединяет Альтштадт и Лёбенихте. А почему у него такое название? Известно, что с ним связано старое поверье о двух кошках, которые катались по нему и по Прегелю. Но, разумеется, не в лодке, а в... пивоваренном котле!

– Подобно трём мудрецам в одном тазу, – вспомнил Курт Химмель. – Это у англичан есть такая весёлая песенка...

– Так вот, – продолжал старик. – Эти кошки днём превращались в женщин...

– Ведьмы! – воскликнули Исайя и Андреас Кулль.

– Они самые, – кивнул головой Хеллике. – Эти ведьмы наняли себе паренька, вроде нашего Якоба, который выполнял всякие их прихоти... в том числе и в постели. Ибо известно: ведьмы весьма любят разные похотливые затеи и утехы...

– Хм, – произнёс Кулль. – И что же ему не хватало? Я слышал, что он сварил обеих бестий в этом самом котле, когда те не успели превратиться из кошек в людей.

– Интересно, – хмыкнул Теодор. – А в людском обличии каковы они были? Говорят, ведьмы умеют казаться очень привлекательными...

– А на Кнайпхофе есть загадочные места? – поинтересовался Якоб.

– А как же, – тотчас ответил Хеллике. – Взять тот же Кафедральный собор. В его флигелях, как, впрочем, и в Королевском замке, живут прусские гномы. Увидеть их – всегда к удаче. Думаете, зря, люди, проживающие в тех местах, спрашивают друг друга, видели ли они гномов? А вот дьявол, проходящий по подземному переходу из Замка в Собор, удачу не принесёт. Или призрак, появляющийся в Соборе всегда, как только в городе кого-то обвиняют огульно...

– А что это за призрак? – спросил Якоб. – Дух какого-то невинного человека?

– Да, мой юный друг. Всякий призрак – это образ умершего человека, его неуспокоенная душа... Да простит Господь мне мои попытки заглянуть в Его тайны... Тот призрак, который появляется в Кафедральном соборе, тоже имеет своего... живого предшественника. Это – некий малый, служивший при старом канцлере Кошпоте. Старик обвинил своего верного слугу в краже дорогого перстня. Бедняга оправдывался, как мог, да ему никто не верил. Затем, видя, что все его доводы пролетают мимо ушей придворных и самого канцлера, слуга... повесился. И – превратился в призрак, до сих пор пугающий людей. Кстати сказать, немногим позже, служанка, потрошившая индюка, нашла в его желудке тот самый пропавший перстень. А дух покойного слуги, несправедливо обвинённого в краже, приходит всякий раз, когда кто-то оказывается в его шкуре...

Этой ночью Якобу приснился сон. Будто он – не лекарь, а воин, сидящий на боевом коне в самой гуще кровопролитного сражения. В его руке – тяжёлый меч, молодой Шоль защищается от ударов и наносит их сам. В ушах – оглушающий шум битвы: звон оружия, ржание коней, крики сражающихся... Противник не может его достать – стрелы, летящие в него, меняют направление, мечи, словно наткнувшись на невидимую преграду, отскакивают в сторону и рассекают пустоту. У Якоба есть цель – он должен помочь человеку, отбивающемуся сразу от множества врагов, окруживших его. Прорубаясь сквозь ряды противника, неуязвимый воин непреклонно продвигается вперёд. «Держись, отец!» – громко

кричит ему юноша. Отец?.. Да, тот рыцарь, отчаянно сражающийся с несколькими недругами, – его отец! И Якоб не должен допустить, чтобы с ним что-то случилось! «Я иду, отец!» – и очередной его удар выбивает противника из седла. «Я уже близко!» – и следующий враг хватается руками за разрубленную голову... Отец поворачивает к сыну своё лицо... Он уже совсем без сил. Он ранен... «Держись, отец!» – опять кричит Якоб... и просыпается...

Наутро молодой лекарь ходил в церковь Св. Николая, отстоял службу, затем зажёл свечу возле алтаря и начал молитву «Радуйся, Дева Мария». «*Ave, Maria, gratiaplena...* – мысленно обратился он к Божьей Матери. – Радуйся, Мария, благодати полная... – мысли его устремились в неведомую высь, туда, где, по его понятиям, находилась пресвятая Богородица. – *Dominustecum: benedictatu...*» – прошептал он, – Господь с Тобою... – и вдруг... свеча погасла... Похоже, ветер ворвался через двери в церковь и задул сей робкий огонёк. Вздохнув, молодой лекарь зажёл свечку о другую, сохранившую своё пламя, и продолжил молитву: – «*Inmulieribus, et benedictus...*» – он словно ощущал Её присутствие. – Благословенна ты между жёнами... – неожиданно свеча погасла вновь. Якоб не увидел, отчего: его взгляд был направлен на золотую фигуру Пресвятой Девы, украшавшую алтарь. Он опять зажёл свечу и дочитал молитву до конца. На последних словах свеча затрещала и погасла в третий раз. «Я вижу, Дева Мария услышала меня, – подумал он. – И сделала знак». Только что он означает?

Под конец, он прочёл молитву об усопших: «*Requiem aeterna dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis. Requiescant in pace...*» – Мысли его были об отце и матери, – Вечный покой даруй им, Господи...»

Казалось, он искренне побеседовал с ними и принял от них утешение и благословение. На душе стало легче.

Выйдя из церкви, Якоб направился мимо Рыбного рынка в аптеку старого Мойши Михельмана. К сожалению, «чертополох Святой Марии» (16) не рос на полях, зато его выращивали послушники в монастырях. Его семенами лечили болезни живота, а корни и листья использовали для заживления ран и язв. У Михельмана такой «чертополох» имелся, и Пельшиц это прекрасно знал.

На Рыбном рынке всюду шла торговля. Гремели бочки, слышались голоса зазывал, ругань продавцов, ощущался острый запах рыбы.

– Угорь, свежий угорь! – кричала толстая женщина, держа в руках по рыбине, длиною в два локтя каждая. – Только что из залива!

Нищие и попрошайки, крадуны с прилавков, лихие люди, высматривающие простаков и ротозеев...

– Прегельский судак! Ещё живой! Кому на стол свежую рыбу? – кричал во весь голос торговец, стоящий на телеге с бочкой.

– Пряности! Всё, для приготовления рыбных блюд! Лавровый лист! Корень сельдерея, хрен, укроп, чеснок, Melissa лекарственная! Побалуйте себя, жители Альтштадта! Для супа и жаркого! Ваша рыба станет втрое вкуснее! – кричали с другого конца рынка. – Не забывайте, что скоро – великие праздники: Торжество Всех святых и День поминовения усопших!

Якоба толкали со всех сторон, кто-то наступил ему на ногу, от проезжающей телеги он едва успел отскочить. Пройти через Рыбный рынок в самый разгар торговли оказалось делом не простым.

– Здравствуй, Якоб!

– Здравствуй, Марта, – приветствовал молодой лекарь прислужницу Пельшица. – Никак, рыбу покупаешь?

– Да, хочу вам с доктором приготовить на ужин треску.

Юноша невольно залюбовался Мартой – покрасневшее личико, падающая на щёку светлая чёлка, весёлые глаза и очаровательная, приветливая улыбка.

– С треской, – добавила она, – хорошо сочетается рейнское! А ты куда собрался?

– В аптеку к Михельману. Доктор велел купить «чертополох Святой Марии», а его выращивают только в монастырях.

– Не опоздай к обеду, молодой лекарь!

После обеда Пельшиц, задумчиво просмотрев свиток, куда он вносил данные о больных и приготовленных лекарствах, сказал Якобу:

– Вот что, мой юный помощник. Надо бы нам собрать ещё ольховых шишек. Горожане частенько мучаются животом, видно, едят всякую тухлятину, да простит меня Господь... Сходи-ка в лес и набери мешочек для приготовления отваров.

Сразу за крепостной стеной Альтштадта, влево, на юг, ведёт дорога к Прегелю, к торговым пристаням, а к северо-западу разбросаны небольшие поселения, огороды, начинаются поля и чуть дальше – лес. Пешком, по сырой и грязной дороге, до него можно пройти за три четверти часа. Если Якоб поторопится, то вернётся назад ещё засветло. Шишки надо будет вывалить из мешка и просушить в течение двух-трёх дней.

Стояла солнечная погода. Осенний лес встретил молодого лекаря тишиной. В жизни юноши нередко бывали моменты, когда душа просила отдыха и исцеления после прошедшей жизненной бури, дабы вновь наполнившись светом и теплом, делиться с теми, кому была нужна его любовь... В такие мгновения самое лучшее – остановиться и посмотреть вокруг... Сухие жёлтые и красные листья тут и там отрывались от ветвей и с лёгким шуршанием падали вниз, туда, где их собратья уже создали мягкий лиственный ковёр. Тишина наполняла душу, она казалась какой-то неестественно торжественной. Такая музыкальная тишина природы всегда успокаивала Якоба лучше, чем миллион ненужных слов. Его охватило такое чувство, словно он, вошедши в лес, оказался в одном из нефов огромного храма.

Работа подвигалась споро. Ольшаник рос на краю леса, на ветках деревьев было множество шишек. Срывая их, молодой лекарь напевал про себя шуточную песенку про гуся, отправившегося охотиться на зайцев. Закончив дело, Якоб вытер со лба пот, потянулся, распрямляя спину, и... вдруг почувствовал на себе чей-то тяжёлый взгляд. Рука юноши потянулась к стилету, который он всегда носил с собой. Одновременно он оглянулся.

Огромная волчица стояла за его спиной. Жёлтые глаза в упор глядели на него, ноздри раздувались, реагируя на запахи, вьющиеся на милю в округе. Изредка её пасть скалилась, обнажая внушительные клыки.

Казалось, это старая Герра вернулась из недавно рассказанной Якобу легенды.

Но явной агрессии во взгляде хищника молодой лекарь не уловил, поэтому понемногу начал успокаиваться.

– Что тебе надо, лесной зверь? – Юноша старался говорить, как можно спокойнее. – Я не чиню вреда вашему роду, – лезвие стилета сверкнуло в его руке. – Но сумею себя защитить.

По счастью, волчица была одна. По крайней мере, других её собратьев он не заметил. Возникла уверенность, что на этот раз они разойдутся миром.

– Если тебе интересно, зачем я пришёл в лес... – Якоб как-то слышал, что если со зверем разговаривать ровно и спокойно, у него снижается агрессия, – то я собираю ольховые шишки. Они нужны для лечения людей...

Волчица развернулась и не спеша пошла в лес. Пройдя несколько шагов, она вновь остановилась и повернула голову к следящему за ней человеку. Её взгляд, казалось, говорил: «следуй за мной». Но Якоб стоял, как вкопанный. Зверь тоже не двигался. Пересилив себя, юноша сделал первый шаг к лесной хищнице. Затем второй. Волчица снова отошла, остановилась и вновь выжидательно посмотрела на человека. «Она меня куда-то зовёт!» – осенила Якоба мысль и он, забыв про осторожность, закинул мешок за спину и последовал навстречу своей судьбе.

Волчица вела его вглубь леса. Молодой лекарь с трудом продирался сквозь ветки и колючие сучья, прикрывая лицо рукой. Зверь отбегал вперёд, затем терпеливо дожидался, когда неуклюжий человек доберётся до него, после чего снова углублялся в известном ему одному направлении.

Так продолжалось около получаса. Якоб старался отслеживать свой путь, ведь не дай бог заблудиться в лесу, где водятся такие хищники! Начинался пригорок. Лес стал более величественным, высокие сосны и ели, берёзы и дубы стояли молчаливыми стражами. «Интересно, куда она меня ведёт? – мелькнула у юноши мысль. – И долго ли ещё идти? Скоро ведь начнёт темнеть! В лесу и так уже сумрачно...»

Но вот, лес заметно поредел и Якоб оказался на небольшом участке, поросшем деревьями странной формы: их стволы были причудливо изогнуты, словно деревья стояли пьяные или застыли, изображая Пляску смерти (17). Якоб слышал от Курта Химмеля, что так «танцевали» некоторые деревья (сосны и берёзы) на Курише Нерунг (18), за что их так и прозвали – «танцующий лес». Но здесь, в двух милях от Альтштадта, встретить нечто подобное он не ожидал. От увиденного стало как-то неуютно. А где же волчица? Молодой лекарь оглянулся – зверя нигде не было. Возможно, она привела его туда, куда хотела. Что ждёт его здесь? Безмолвие леса действовало удручающе и нагнетало тревогу. «Пожалуй, огляжусь да пойду обратно», – решил Якоб.

Искривлённые стволы сосен, елей и берёз, грибы меж опавшими листьями, мох, корни деревьев, кое-где в бурой траве – редкие капли брусники... Неподаляку – сложенные друг на друга валуны, позеленевшие от времени... Несколько вбитых в землю деревянных столбов, сплошь покрытые мхом. Якоб подошёл к камням. На одном из них виднеются какие-то письмена. «Уж ни капище ли это древних пруссов?» – догадался молодой лекарь. «Танцующий лес» – весьма примечательное место. Конечно, язычники вполне могли здесь обустроить своё святилище. Камни, скорее всего, выполняли роль алтаря или жертвенника, здесь прусские жрецы, кривисы, приносили богам жертвы и дань, а столбы, видимо, являлись древними идолами.

Якоб обошёл валуны, внимательно вглядываясь в их поверхность, словно стараясь что-то здесь найти. Не зря же волчица привела его сюда! Именно привела, и как тут не

поверить в мистическую силу диких зверей? Под ногами угадывались уложенные брёвна, уже давно сгнившие и превратившиеся в труху. Да, это действительно, было прусским капищем... Неожиданно Якоб обнаружил между валунами тоненькую верёвочку, похожую на высохший стебелёк лесной травы. Он потянул её и вытащил из-под камня мешочек, напоминающий ладанку. Отчего-то сильно забилося сердце. Осторожно развязав мешочек, молодой лекарь извлёк из него кусок шлифованного янтаря. По форме и размерам он напоминал разрезанное пополам куриное яйцо. На одной его половине виднелась нацарапанная чем-то острый надпись: Gabi Schol, на второй – Jakob Schol. Это были имена: его собственное и матери! Кому могла принадлежать эта ладанка? Ответ прост: только его отцу!

Возвращаясь в город, Якоб прижимал к груди отцовскую ладанку, которую повесил себе на шею. В голове теснился рой мыслей, в душе – бушевала буря эмоций. Его мучил единственный вопрос: что всё это значит? Станный сон, трижды погасшая свеча в церкви святого Николая, таинственная волчица, приведшая его на прусское капище, где он нашёл ладанку отца... К чему всё это? Что хочет сказать ему тот, кто выстроил такую хитроумную комбинацию? Подбадривает или предостерегает?

В Альтштадте он появился, когда совсем стемнело.

– Ты вовремя, – обрадовано заметил доктор Пельшиц, когда Якоб появился на пороге. – Знаю, что ты устал, мой мальчик, но долг свой надо выполнять. Сейчас мы поедem в госпитальную кирху «Святого духа», там двум пациентам, несмотря на старания братьев-монахов, стало совсем плохо. Затем мне надо будет отправиться к Зенону Копе, с его дочерью что-то случилось...

Якоб сбросил мешок, склонился к бочке с водой, умылся. Затем прошёл на кухню, наскоро перекусил овсяной кашей с рыбой, запил свой ужин кружкой пива и был готов отправиться в путь. Марта хлопотала у очага, бросая любопытные взгляды то на него, то на доктора.

В госпитальной кирхе «Святого духа» иной раз бывало тесновато. В городе случались настоящие эпидемии, и тогда настоятель отец Антоний буквально выбивался из сил, пытаясь разместить всех страждущих. Сегодня на трёх десятках лежанок расположились две дюжины больных, двоим из которых к вечеру стало совсем худо.

– Хвала Пресвятой Деве Марии! – воскликнул отец Антоний. – Вы пришли, доктор, значит, у этих несчастных появилась надежда! Сейчас за ними приглядывает брат Агриппиус.

Пельшиц с Якобом подошли к двум лежанкам, между которых сидел озабоченный монах.

– Боюсь, к утру отдадут Богу душу, – тихо произнёс брат Агриппиус, промакивая пот со лба одного из больных, торговца свечами. – У обоих – жар, обильное слюно- и потоотделение... Чем прогневили Господа, одному Ему и известно... Мы поили их жаропонижающими отварами, но это не помогло. Может быть, господин доктор прикажет пустить им кровь? Тогда я приготовлю всё необходимое...

Отец Антоний вопросительно взглянул на Пельшица.

– Нет, святой отец, – ответил врач, приподнимая веки сначала одному больному, затем – другому. – Этим людям кровь ещё пригодится. У обоих – горячка, но вызвана она не

столько полнокровием внутренних органов, сколько их уплотнением. Обоим я рекомендую отвар из корня чертополоха и девясила для отхождения слизи и желчи. Есть ли у вас это средство, брат Агриппиус? – тот утвердительно кивнул. – И ещё нужен отвар из ольховых шишек. А принимать его надо совсем по чуть-чуть, но часто. Мой помощник, – он обратился к настоятелю, – побудет здесь некоторое время. Он знает, что предпринять в случае отсутствия должного эффекта... Якоб, – доктор взял за руку молодого лекаря, – посиди здесь с больными, проследи, чтобы лекарства подавались вовремя... По-видимому, эти господа вместе пообедали где-то... Крайне неудачно пообедали...

Уже глубокой ночью Якоб заметил, что лечебное действие чертополоха Святой Марии начинает сказываться на состоянии пациентов. Их дыхание выровнялось, жар спал, лица, до того бледные, сменили свой цвет на более здоровый. Братья-монахи угостили молодого лекаря хлебом с мёдом и кружкой молока, потом стали уговаривать прилечь поспать. Но Якоб отклонил это предложение и остался наблюдать за тем, как силы жизни возвращаются в тела несчастных больных. Брат Агриппиус прикорнул на жёстком табурете, уронив голову на колени. Медленно текло время. Постепенно сон начал овладевать и Якобом. Он словно проваливался в небытие, затем встряхивался, прогоняя сонливость, и всматривался в лица своих пациентов. Сомнений не было – лекарство начало действовать, и угроза для их жизни миновала.

Внезапно, губы торговца свечами дрогнули.

– М-м-м-м... – тихо промычал он.

Якоб с помощью маленькой ложечки влил ему в рот небольшое количество снадобья.

– М-магда, – отчётливо произнёс больной.

Молодой лекарь вздрогнул.

– Магда... – повторил тот. И добавил еле слышно: – ...ждёт...

Глава 6. Поиски реликвии

26 октября 1455 года двое всадников остановились перед воротами монастыря Архангела Михаила, расположенного неподалёку от замка Нойбертхаус. Первый из всадников, несомненно, был рыцарем. Об этом свидетельствовал его дорогой плащ, блестящий панцирь, роскошный бархатный берет с соколиным пером, а также висящий на боку длинный меч в роскошных ножнах. Конь под ним был исполинских размеров, молодой и горячий, побывавший не в одном настоящем сражении. Спутник рыцаря был похож на оруженосца – молодой парень, вооружённый фламбергом, перевозящий на своём коне доспехи и вооружение господина.

Они спешили. Оруженосец взял под узды фыркающих лошадей, из ноздрей которых вылетали клубы горячего пара, а рыцарь подошёл к воротам монастыря и громко ударил в них железной перчаткой.

– Отворяй, во имя Пресвятой Девы Марии! – Голос его был властным и звучным. – Если мы прибыли в божью обитель, именуемую монастырём Архангела Михаила, немедленно открывай ворота, пока я не выбил их вместе с монастырской стеной!

В одной из створок ворот открылась небольшое окошко. В него выглянуло лицо молодого привратника.

– Назовите своё имя, господин, и цель вашего визита.

– Я – рыцарь Карл фон Иншер из Вольфсбурга. А это – мой верный оруженосец Ульрих Ютте! У меня важное дело к вашему настоятелю Зигфриду Ноттербергскому!

– Если ваша светлость изволит сообщить несколько ключевых слов, дабы у нас отпали все сомнения...

– Меч Ланселота и Кровь Господня! – прорычал рыцарь заветный пароль.

Послышался скрежет засова, и ворота со скрипом распахнулись.

После краткого, но чрезвычайно эмоционального объяснения с доктором Пельшицем, Якоб собрал свои нехитрые пожитки и отправился на Кнайпхоф. Вскоре он уже стучался в дверь школы «Куклы старой Магды».

Открывший дверь старик поклонился ему и вежливо произнёс:

– Вас ожидали именно сегодня, герр Шоль.

Якоба поразило столь учтивое обращение к нему, но он вспомнил, что здесь, в этом месте, ему ещё и не так приходилось удивляться. А вот к нему спускается и Хасан.

– Приветствую тебя, мой юный друг, – воин радушно развёл руки в стороны, словно собираясь обнять молодого лекаря. – Пойдём, я отведу тебя в твою комнату.

В помещении, куда привёл его Хасан, Якоб почувствовал тепло. Дом отапливался, и это создавало внутри него уют. Настроение молодого лекаря сразу поднялось.

– Значит, ты решил начать учёбу? – произнёс человек с восточными чертами лица. – Ты сделал правильный выбор, мой мальчик. Твой Дар нужно развивать. Ты, конечно, знаешь грамоту? – Якоб кивнул головой. – Тогда мы сейчас составим с тобой договор. Присаживайся за стол, – Хасан открыл шкаф и вынул из него кусок пергамента, перо и металлическую чернильницу. Кинув опытный взгляд на пузырьёк, Якоб догадался, что чернила были изготовлены из специальных орешков с камедью по рецепту Марциана Капеллы.

– Договор нужен, дружок, – заметил Хасан, присаживаясь рядом и расправляя лист пергамента. – В нём ты должен указать, что обязуешься выполнять требования своих наставников и после окончания школы выполнять своё ремесло. А оно у тебя будет уже не лекарским. Ты станешь воином. Да-да, возможно, из тебя получился бы со временем неплохой врач, но, отныне твоё ремесло будет прямо противоположным. Твой путь – путь воина!

– Но я никогда не держал в руке меч...

– Всему научишься. И верховой езде, и бою на мечах, и стрельбе из лука и арбалета, и защите от ударов... Твой Дар нуждается и в хорошей военной подготовке, малыш. Первое без второго – это пустая затея, – он махнул рукой, – ради которой не стоит даже помышлять о великом Даре, предоставленном тебе самим Господом.

Якоб задумался.

– Но ничего не даётся «просто так», – продолжал философствовать Хасан. – Что-то у тебя должно быть взамен... отнято.

– Что именно? – растерялся Якоб.

Его собеседник только пожал плечами.

– Потом поймёшь, – проговорил он. – А возможно, не поймёшь и вовсе. Да ты не расстраивайся...

– Я уже потерял... Отца и мать, – ответил молодой лекарь. – Разве это не высокая плата за такой Дар? Я бы, пожалуй, отказался от любого Дара, лишь бы мои родители были сейчас со мной.

– Это не нам решать, – ответил Хасан и поднял глаза к потолку. – Там, – кивнул он наверх, – всё решают за нас. И им лучше знать, кому жить, а кому – нет. Запомни же, – тут он понизил голос, – когда закончишь обучение, будешь служить только силам Добра. А точнее – школе старой Магды. Вот здесь и поставь свою подпись.

– Я всю жизнь буду служить школе? – удивился Якоб.

– А что в этом плохого? Ты будешь служить Господу... и нашей школе. Таков твой путь. Вот тебе перо, распишись в этом месте!

– Отведайте, господин рыцарь, зайчатины, тушёной с овощами. В наших краях – отличная соколиная охота на уток и зайцев!

– Соколиная охота – это, скорее, удел постаревших рыцарей, а не монахов и послушников...

– Ну, вы же знаете, наш монастырь обладает неким... особым статусом...

– Да, имя Архангела Михаила известно каждому христианину, который держит в руке меч, – согласился рыцарь. – А как у вас обстоят дела с вином, святой отец?

– Привозят с южных германских земель, – ответил священник. – С берегов солнечного Рейна. Но имеется и прекрасное французское. Извольте попробовать бургундского. И, если вас не затруднит, расскажите, что происходит нынче в Пруссии. Какие планы у короля?

Они сидели вдвоём в личном кабинете настоятеля. Убранство помещения, отнюдь, не выглядело аскетично. Широкий стол неподалёку от обогреваемой стены, напротив – большой шкаф с книгами, на стене – на изящной подставке стояла вырезанная из дерева фигурка Божьей матери, висели шкуры убитых на охоте зверей. Каменный пол тоже украшала медвежья шкура. На столе дымилось жаркое и покоилось в кувшинах вино. Подсвечник с шестью горящими свечами освещал кабинет.

– Фридрих II постоянно заботится о расширении границ своего курфюршества, – ответил фон Иншер. – Он приобрел Лыхен, Котбус, Пейц и другие лакомые кусочки земли. В этом году он выкупил у тевтонского ордена Ноймарк – Новую Марку. Но сейчас король озабочен усилением собственной власти, он пытается приструнить непокорных и недовольных в своей стране. Особенно его раздражают города, которые приобрели большую самостоятельность... И он постоянно ищет денег на войну.

– Говорят, с поляками нет сладу?

– Увы, мой добрый друг, – вздохнул рыцарь. – В этом году они полностью уничтожили Алленштадт. Замок разрушен и сожжён дотла, погибло много славных рыцарей...

– А Прейсиш-Эйлау? Мы слышали, что его недавно тоже окружили польские войска...

– Хвала господу, им его не удалось захватить. Гарнизон укрепили несколько рыцарей Ордена и полсотни крепких землевладельцев из окрестностей. Известно, что замок пытались захватить ещё в мае, но это не удалось. К тому же, в замке имеются хорошие запасы продовольствия. А с такими запасами, да с помощью Пресвятой Девы Марии можно

выдержать сколь угодно длительную осаду. Несколько дней назад, действительно, к нему подошли польские войска, но, надеюсь, опять остались ни с чем.

Рыцарь отпил из кубка и довольно крикнул. Затем взгляд его переместился на настоятеля.

– Но и у вас, в окрестностях Кёнигсберга, тоже были жаркие времена в начале года...

– Да, сударь, война есть война...

Настоятель поведал рыцарю, как в марте 1455 года, после подписания акта о присоединении Пруссии к Польше королём Казимиром на встрече с представителями прусских городов, когда была принята присяга верности от граждан Кёнигсберга, случилось восстание цехов, поддерживающих Орден, против муниципалитета. Когда же к городу подошёл отряд комтура Генриха Ройса фон Плауэна, большинство горожан перешла под власть Ордена. Часть противников Ордена была осаждена в Кнайпхофе.

Отец Зигфрид рассказал о страшных днях осады города на острове, который защищала тысяча человек. Ордену помогали Альтштадт и Лёбенихте. Он вспомнил о том, как из Данцига к Кёнигсбергу на помощь восставшим подошли пятнадцать кораблей, но горожане перегородили Прегель ниже Кнайпхофа. Силезские и саксонские наёмники бросились в атаку. Поначалу им везло: они взяли было один мост, но на втором им крепко досталось от защитников Альтштадта. Поляки отошли, потеряв несколько кораблей. Затем из Ливонии на помощь тевтонцам прибыло полтысячи наёмников, после чего Кнайпхоф сдался Ордену на почётных условиях (19).

– Хвала Господу, после тех ужасных дней у нас наступило затишье, – закончил рассказ настоятель.

– А теперь, собственно говоря, мне бы хотелось задать вопрос, ради которого я сюда и приехал, – произнёс Карл фон Иншер. – Что вам, святой отец, достоверно известно об обстоятельствах гибели нашего брата Маттиуса Моравского, тело которого был обнаружен в Альтштадте, неподалёку от моста на Кнайпхоф? Куда подевалась величайшая реликвия, с невероятным трудом добытая тамплиерами в Святой земле, и которую наш брат нёс с собой в Королевский замок?

– Об этом мало что известно, господин рыцарь. Но то, что ведомо, я вам расскажу. Брат Маттиус погиб от удара в грудь. Кто его нанёс, к сожалению, не известно. Но такой удар мог быть нанесён копытом боевого коня. Или же – палицей, булавой, кистенём... Находящегося при смерти воина осматривал городской лекарь, доктор Пельшиц со своим помощником. Им рыцарь, как нам стало известно, успел перед кончиной сказать что-то о школе «Куклы старой Магды». Это такое заведение на Кнайпхофе, которое занимается разными колдовскими делами...

– Пресвятая Дева! Причём здесь какая-то колдовская школа? – воскликнул Карл фон Иншер.

– Дело в том, что такой удар могли нанести именно оттуда, сударь. Магическим способом. Берётся кукла, её наряжают так, как был одет брат Маттиус, дают ей его имя, то есть, делают как бы копию живого человека... А затем протыкают ей грудь серебряной иглой и читают заклинания. А в результате – живой получает смертельный удар, и на его груди остаётся примерно такой след, какой был обнаружен у погибшего... Люди из школы «Куклы старой Магды» погубили брата Маттиуса, они не впервой проделывают подобные штучки. Они же, возможно, завладели и святыней вашего Ордена!

– Но он же ничего не знал об этой школе! Как он мог сказать о ней врачам?

– Возможно, его убийцы и похитители реликвии обмолвились между собой о своей бесовской школе, думая, что он мёртв... А о какой драгоценности шла речь, прости меня Господь за моё неуёмное любопытство?

Рыцарь с шумом осушил кубок.

– О копье Лонгина! – понизив голос, ответил он. – Точнее, о его наконечнике!

– Как!? Неужели о том самом?

– Вам лучше сразу забыть о том, что я вам только что сказал, святой отец. Но вы должны понимать, насколько ценна эта реликвия для всего христианского мира!

– Разумеется, я никому не скажу ни слова. Но зачем вам понадобилось перевозить столь ценную вещь в такое беспокойное время?

– По требованию нашего магистра. Дело в том, что скоро в Кёнигсберг будет доставлена вторая реликвия...

– Святые угодники!.. Речь идёт, конечно, о Граале...

Рыцарь хмуро взглянул на настоятеля.

– Пора на деле проверить то, про что, не смолкая уже сотни лет, твердят мудрецы...

Отец Зигфрид перекрестился.

– Святой отец, – рыцарь наклонился поближе к собеседнику. – Мне во что бы то ни стало нужно появиться в этой чёртовой школе, как её...

– «Куклы старой Магды».

– Вот именно. Клянусь Господом, я выпотрошу её полностью, но реликвию разыщу! Иначе, всё – псу под хвост!

Настоятель монастыря Архангеле Михаила глубоко вздохнул.

– Да поможет вам Пресвятая Дева Мария!

Хасан и Якоб поднялись на один этаж вверх. В конце коридора, из-за плотно закрытой двери раздавалась музыка: кто-то играл на клавесине. Молодой лекарь знал об этом музыкальном инструменте, который только начал завоёвывать Европу, но слышал его звуки впервые.

– Госпожа в прекрасном расположении духа, – шёпотом пояснил Хасан, – раз музицирует...

Он подошёл к двери, постучал и громко объявил:

– Госпожа, наш друг Якоб подписал договор!

– Войдите, – послышался ответ.

Она встретила их, сидя за клавесином. Приняла от Хасана подписанный документ и жестом отпустила своего слугу. Юноша в нерешительности остался стоять у двери.

– Знаешь ли ты, дорогой Якоб, что музыка – это бессловесная молитва?

Молодой лекарь потупил взор.

– Я многое знаю о травах и порядком... о лечении людей, но про музыку, к сожалению, мне мало что известно.

– Жаль. Вот, взгляни на этот листок. Здесь записаны ноты. Это такие музыкальные знаки... Их всего семь, но из них можно построить множество мелодий. – Якоб подошёл ближе. – Ноты изобретены Гвидо д'Ареццо. Знаешь, какие у них названия? Послушай. Это нота Do – Dominus – Господь, – она нажала клавишу и клавесин ответил ей вылетевшим

звук. – А это, – запела другая клавиша, – Re – regum – материя. Следующая нота – Mi – miraculum – чудо, за ней следует Fa – familias planetarium – семья планет, далее – Sol – solis – Солнце, за ней – La – lactea via – Млечный путь. И, наконец, Si – siderae – небеса.

– Божественно! В этих семи нотах поместился весь мир! – воскликнул Якоб.

– Хорошо, что ты это заметил. Вот ты учишься на доктора. А знаешь ли ты, что известно много случаев, когда больных исцелили не лекарства, а спокойная музыка! И священное слово – Аллилуйя!

– Простите мне моё невежество, госпожа...

– Когда тебе плохо и тяжело на душе, если ты грустишь или тоскуешь, попробуй петь! Пой всё, что в голову взбредет и тебе вскоре станет легче. Ведь душе тоже иногда хочется выговориться... Чтобы легче дышалось, не давило и не ныло сердце, полезно поплакать... Если чувствуешь, что тебя что-то тревожит и лишает покоя, попробуй выполнять плавные танцевальные движения... И твои несчастья уйдут...

– Да, я иногда люблю спеть что-то весёлое...

– Наша жизнь, – продолжала госпожа Магда, — как этот клавесин: белые клавиши — это счастье и радость, чёрные – горе и печаль. Какую бы мелодию ты не старался исполнить, непременно придётся коснуться и тех, и других...

Рыцарь Карл фон Иншер из Вольфсбурга прибыл на Кнайпхоф утром 27 октября. Его оруженосец сопровождал своего господина.

Ночью заметно подморозило: местами булыжная мостовая покрылась коркой льда. Возле хлебопекарни пожилой человек безуспешно пытался пробить лёд в бочке с водой. Но в руках у него не было ничего тяжёлого, поэтому дело у него не шло.

– Ах, чтоб тебя! – воскликнул рыцарь, наблюдая эту картину. Он спешил, подошёл к бочке, от которой испуганно отпрянул работник пекарни, и одним ударом кулака в железной перчатке превратил ледяной круг в месиво из плавающих в серой воде осколков.

– Благодарю вас, господин рыцарь. Да благословит вас Пресвятая Дева Мария, – учтиво поклонился старик.

– Скажи-ка, добрый человек, как мне найти школу... «Куклы старой Магды»?

– Вам к Зелёному мосту, господин. Не доходя до него, поверните влево и следуйте в сторону Голубой башни. Там, среди строений найдёте трёхэтажный дом с красной черепицей и вывеской «Школа «Куклы старой Магды». Вы не ошибётесь и не пройдёте мимо.

Рыцарь сел на коня, и они с оруженосцем тронулись в путь.

Кнайпхоф давно проснулся. Задымили горны кузниц, печи пекарен, к пристани потянулись повозки. Часть горожан начала движение к Лавочному мосту, в Альтштадт, на местные рынки. У Зелёного моста разгружались суда, кричали торговцы, шумели приказчики, громко спорили покупатели. Люди готовились к встрече Торжества Всех святых и Дня поминовения усопших, поэтому на рынок хлынуло множество народу. С корзинами, мешками, пешие и с подводами, они мешали друг другу.

В хмуром небе носились чайки, тёмные облака неуклюже громоздились над ними.

Окинув взглядом теснившиеся друг к другу дома и торопящихся по своим делам горожан, всадник тронул коня и направил его в сторону Кафедрального собора. При этом он, будучи в статусе рыцаря, прокладывал себе дорогу конём. Те из прохожих, кто

сообразительней и расторопнее, сами отскакивали в сторону. Те же, кто был медлительнее, падали на промёрзшую брусчатку. Оруженосец не отставал.

– Где же этот чёртов дом? – прорычал фон Иншер. – Ты не видишь, Ульрих?

– Вот трёхэтажный с красной черепицей... И вон там тоже... Но вывесок никаких не видно...

– Эй, тётка! – окликнул рыцарь торговку, спешащую с корзиной на рынок. – Где тут у вас эта школа «Куклы старой Магды»?

Та перекрестилась.

– Не спрашивайте, мой господин. Бесовское место, мы обходим его стороной! – и засемила прочь.

– Проклятие! – воскликнул рыцарь. Впереди стояла Голубая башня.

Они повернули назад и, спрашивая прохожих о школе, продолжили путь, осматривая фасад каждого дома на острове. Редкие прохожие, решившиеся показать им местонахождение школы, указывали в одном направлении. По всему выходило, что этот дом должен находиться где-то здесь. Но, проехав вдоль улицы несколько раз, они так и не обнаружили искомого. Рыцарь стал предлагать прохожим деньги, чтобы его провели к школе «Куклы старой Магды», но желающих не находилось. Люди были или чрезмерно испуганы, или действительно не знали местонахождения таинственной школы. Несколько раз фон Иншер слезал с коня, и исследовал все подворотни, заглядывая во все дворы. К вечеру он мог сказать с чистой совестью, что перерыл весь Кнайпхоф. Никакой школы «Куклы старой Магды» на острове не было.

На следующий день после подписания договора Хасан и Якоб уехали из Кнайпхофа. Помощник госпожи Магды на коне, с мечом и притороченном к седлу арбалетом выглядел настоящим воином. Широкий плащ развевался за его спиной. Он был опытным наездником и чрезвычайно радовался, что вновь оказался в седле. Молодой лекарь выглядел более скромно. Ему досталась смиренная лошадка, которая вместе с юношей несла на себе и мешок с вещами ученика школы «Куклы старой Магды».

– Слушайся учителей, – давал наставления молодому человеку опытный Хасан. – Иной раз тебе зададут трёпку за то, что ты плохо воспринимаешь уроки. Не обижайся, а делай так, как говорят старшие товарищи. Господь вознаградил тебя определёнными задатками, старайся их развивать. Будь смелее и настойчивее!

Они держали путь вдоль Прегеля, не очень далеко удаляясь от его правого берега. Путь их лежал выше по течению реки, в сторону замка Тапиау.

– И упаси тебя Господь, – продолжал увещевать юношу Хасан, – хоть раз упомянуть о школе «Куклы старой Магды»! Отчего-то у народа бытует мнение, что мы занимаемся богомерзкими делами, колдовством и ересью... Ты – сирота, решивший выучиться на воина, чтобы боевым искусством и ратным делом зарабатывать себе на жизнь. В этом ничего постыдного нет. Но если ты проболтаешься...

– Я никому, никогда и ничего не расскажу о школе! – клятвенно пообещал Якоб.

– Вот и славно!

Дорога была хорошо утоптана, и тверда после ночных заморозков. Справа и слева росли сосны, дубы и берёзы. Жёлтую листву, охапками лежащую на дороге, посеребрил иней.

Через некоторое время всадники достигли возвышенности, с которой им открылся вид на крепкий и красивый прямоугольный замок, по углам которого высились четыре сторожевые башни. За высокими зубчатыми стенами просматривалась кирха, широкий двор и хозяйственные постройки. Неподалёку от замка расположились строения монастыря.

– Вот мы и прибыли, – объявил Хасан. – Это – замок Нойбертхаус, а рядышком примостился монастырь Архангела Михаила. И в замке, и в монастыре – настоящие школы боевых искусств. Там тебя научат всему, что необходимо воину. – Хасан вытащил рог и протрубил три раза. – Мы дали о себе знать. Сейчас к нам навстречу выйдут люди, они примут тебя, и мы расстанемся. Помни же всё, о чём я тебе рассказал, и да хранит тебя Господь!

Глава 7. Молодой воин

С того осеннего дня, когда Якоб Шоль расстался с Хасаном на холме близ замка Нойбертхаус, прошло почти два года, но юноша запомнил его во всех деталях...

Увидев приближающихся со стороны замка всадников, попутчик Якоба сказал: «Оставайся здесь», а сам прищпорил коня и поскакал к ним навстречу. Он коротко о чём-то переговорил с людьми из замка, затем развернул коня, на прощание взмахнул рукой и исчез в придорожных зарослях. Прибывшие из замка служащие приблизились к Якобу.

– Ты и есть наш новый ученик Якоб Шоль? – прищурившись, спросил один из них, рыжеволосый детина в дешёвом шерстяном плаще с капюшоном. И, не дождавшись ответа, произнёс: – Следуй за нами.

Так воин-ученик оказался в Нойбертхаусе. В самом замке, пред тем, как его определить в команду новобранцев, с ним поговорил коренастый мужчина лет пятидесяти, одетый в длинный кожаный кафтан, расписанный незатейливым рисунком, и подпоясанный широким ремнём.

– Я буду учить тебя бою на мечах. Можешь звать меня просто – «мастер Ганс». Про тебя сказали, будто ты обладаешь особыми способностями. Я в это поверю только тогда, когда увижу тебя в деле, – он хмыкнул, сплюнул себе под ноги и пренебрежительно взглянул на юношу. – Я сам займусь тобой. Вообще-то, – мастер Ганс смерил взглядом фигуру молодого человека, – люди начинают привыкать к мечу в более сопловом возрасте, а ты у нас уже почти мужчина, – он криво усмехнулся. – Поначалу драться будем на деревянных палках... Поэтому я и называю это – дракой. Когда перейдём на железные мечи – тогда уже будет настоящий бой. А пока, устраивайся в казарме, – мастер Ганс кивнул на небольшое кирпичное строение, покрытое черепицей, расположенное в углу двора и примыкающее к конюшне. – Вечером – молитва, ужин и занятия. Будь готов получить первые синяки и ссадины!

На занятиях присутствовало десятка два учеников. Они разбились по парам и, под присмотром опытных наставников, по команде начали наносить друг другу удары. Мастер Ганс отвёл Якоба в сторону, вручил ему тщательно оструганную деревянную палку с тупым концом и сказал:

– Пока эта деревяшка – твой меч, юноша. Встань в защитную стойку и постарайся не пропустить мой удар.

Якоб приготовился обороняться, а Ганс отошёл на два шага назад.

– Запомни, – сказал он, – небольшой тычок палкой и ты – ранен. Мечом таким же образом можно нанести серьёзную рану. А если удар будет сильнее, то... сам понимаешь. Итак, я нападаю!

Мастер пошёл в атаку. Несколько отвлекающих выпадов и – удар! Но его «меч» прошёл мимо цели, а Якоб, быстро увернувшись и, скорее машинально, чем расчётливо, огрел своей увесистой дубинкой учителя по спине.

– Ловок, – еле слышно произнёс Ганс, вроде бы без злобы, но тут же снова ринулся в атаку. Опять – несколько обманных движений, и вот мастер развернулся вокруг своей оси и нанёс «рубящий» удар. Он был уверен – противник сбит с толку и будет повержен. Тут даже опытный боец может запутаться в хитросплетениях движений нападающего. Таким приёмом старый тевтонец не раз спасал себе жизнь в поединках, оставляя соперника в дураках. А дураки, как известно, долго не живут... Но, деревянный меч мастера снова рассёк воздух.

– Проклятье, – воскликнул учитель. – Неужели я теряю сноровку? Или тебя оберегает сам дьявол?

Разгорячённый Якоб приготовился к новой атаке. И мастер Ганс не заставил себя долго ждать. На этот раз он действовал расчётливо и хладнокровно, будто бы вёл настоящий бой против опытного поединщика. Его движения были выверены, взвешены и точны. Он, словно волк или барс, методично загонял свою жертву в безвыходное положение. Некоторые его выпады Якоб парировал своей деревяшкой, но решающего удара всё не было.

– Жёстче, малыш, твёрже руку! – приговаривал мастер Ганс. – И не стой на месте, как базилика святого Антония, твои ноги должны работать!.. Держи дистанцию! Хорошо! – И вдруг – резкий выпад. – Чёрт бы тебя побрал! – Мастер швырнул палку на землю и вытер ладонью пот. – Ну, не мог я промахнуться! Пресвятая Дева, по-видимому, у тебя действительно есть Дар! Давай-ка, попробуем так: ты атакуешь, а я – защищаюсь!

И снова Якоб встал в стойку. Но, прежде чем он взмахнул «мечом», Ганс резко ударил по нему своим. Деревяшка тут же выпала из рук ученика.

– Крепче держи своё оружие, – назидательно проговорил мастер. – Иначе им завладеет твой враг!

Все удары и выпады Якоба мастер без труда парировал, от некоторых ловко уворачивался. Под конец он произнёс:

– Тебе дан Дар уходить из-под удара. Но наносить их ты вовсе не умеешь. Впрочем, это – дело наживное. С помощью Господа и Пресвятой Девы Марии мы сумеем обучить тебя нашему ремеслу.

Так началась учёба Якоба в замке Нойбертхаус. За неполные два года молодой лекарь превратился в настоящего бойца, владеющего мечом и топором, кистенём и арбалетом, кинжалом и алебардой. Он привык к дальним походам, умению спать в седле, ночевать под открытым небом и преодолевать водные преграды. Он научился сливаться с местностью, сутками сидеть в засадах, незаметно подкрадываться к врагу и чують опасность на расстоянии.

Его жизнь в замке была наполнена событиями, связанными с боевой учёбой – постоянные тренировки и оттачивание мастерства. То, что выходило за рамки этого процесса, им попросту не замечалось. И всё-таки Якобу запомнился один необычный день, когда в замок пришёл некий странный человек.

Внешне прибывший казался монахом. Был он одет соответственно – длинный шерстяной плащ с капюшоном, из-под которого едва выглядывала нижняя часть лица: заострённый нос, сухие губы и выдающийся вперёд подбородок. Под плащом была надета поношенная и пропитанная потом ряса, подпоясанная бечевой. Сопровождал монаха такой же служитель божий, но помладше возрастом и, видимо, чином. Сам монах был высок и широкоплеч. Движения у него были быстрые и уверенные, а голос – властный. Поневоле закрадывалась мысль: такому бы не кадилом махать и поклоны бить, а вести в бой рыцарскую конницу. Его вышел встречать сам хозяин замка, граф фон Тегеле.

Якоб и его товарищи как раз закончили совместную тренировку с послушниками из монастыря Архангела Михаила (это немало удивляло юношу: готовящиеся к монашеству парни ловко орудовали мечами и, казалось, собирались в ближайшее время сменить рясу на доспехи). Он и на гостя не обратил бы внимания, если бы его ушей не коснулась фраза, брошенная приезжим хозяину замка: «Искать надо в школе «Куклы старой Магды!». С тех пор юноша стал прислушиваться к их разговору более внимательно.

Фон Тегеле сразу предложил монаху, которого назвал братом Михелем, отдохнуть с дороги, поужинать жареной бараниной и отведать свежего пива. Тот согласился, но решил сначала смыть грязь с лица, рук и одежды, для чего свернул к бочке с водой, которая всегда стояла во дворе и пользовалась популярностью у уставших от занятий учеников.

– Там действительно колдовское место, господин граф, – повторил брат Михель, умываясь, – Наш добрый друг Карл фон Иншер лично пытался добраться до этой чёртовой школы. И что бы вы думали? Чёрта с два ему это удалось! Для такого заинтересованного человека дом сделался совершенно невидимым, клянусь кровью Господа! Вы же знаете старого вояку! Он сдал свои позиции только после того, как почувствовал, что здесь без колдовства не обошлось. И это ещё раз доказывает причастность школы «Куклы старой Магды» к убийству брата Маттиуса и похищению Копья... Пожалуй, и самому Иншеру угрожала опасность.

– Я слышал, брат Михель, что из Мариенбурга вывозят вторую реликвию – Чашу, – шёпотом проговорил фон Тегеле.

– Совершенно верно. Она будет храниться в Королевском замке. А пока нам нужно задуматься о том, каким образом мы сможем вернуть себе первую...

– Против колдовства так просто не пойдёшь, – заметил фон Тегеле. – Оно не боится ни меча, ни костра!

– У нас есть кое-какие задумки. Мы собираемся внедрить в школу своего человека...

Слуга принёс брату Михелю свежее полотенце, тот вытер лицо и руки, и они с фон Тегеле вошли в дом. Из этого разговора Якоб понял одно: школа, к которой он принадлежит, вызывает определённые опасения у важных персон. И, если кому-либо станет известно о том, что он – ученик этой школы, ему придётся пережить не самые лучшие минуты в жизни.

Но, вот наступил момент, когда мастер Ганс, по-отечески хлопнув Якоба по плечу, объявил:

– Всё, сынок. Твоё обучение в замке Нойбертхаус завершено. Да хранит тебя Пресвятая Дева Мария. Пусть всё, чему ты здесь научился, послужит тебе на пользу. Сам же думай, когда и против кого обнажать меч. Пользуйся своим Даром во благо Господа...

И вот, в майский день 1457 года Якоб вышел через открытые ворота замка Нойбертхаус. Он почувствовал лёгкость от свободы, его радовало весёлое пение птиц, ласковая, нежная зелень молодой листвы, яркие глаза одуванчиков среди травы...

Поднимаясь на холм, он не сразу заметил, что там, среди высоких сосен его ожидает Хасан. Сам помощник госпожи Магды сидел на одном коне, а второго держал под уздцы для него, Якоба. Отчего-то у юноши тревожно ёкнуло сердце.

– Клянусь Распятием, ты выглядишь, как заправский воин! – обрадовано воскликнул Хасан, заметив Якоба. – Какая осанка, какой взгляд! И руки, которые могут натянуть тетиву арбалета без помощи поворотного механизма! Да, я никому бы не посоветовал становиться у тебя на пути! Позволь мне обнять тебя, дорогой друг!

Они обнялись по-братски. Хасан вынул из мешка меч в кожаных ножнах.

– Держи, – он протянул Якобу оружие. – Выкован альтштадскими мастерами. Дай ему имя и пусть он будет тебе верным другом! А сейчас – едем! Для тебя есть важное задание. Но об этом – позже. Сначала надо показаться госпоже. Да, брат, вижу, эти два года не пропали для тебя даром!

– Благодарю тебя, Хасан, – ответил Якоб, по достоинству оценив подарок.

По пути помощник госпожи Магды рассказывал последние новости. О Кёнигсберге, о войне с поляками, о школе.

– Поляки выгнали магистра Тевтонского ордена из Мариенбурга, – сообщил он. – Теперь наш гохмейстер ищет новое убежище. Поговаривают, что это будет Кёнигсберг. Эх, – добавил он, вздохнув, – ничего хорошего эта война не принесёт. В городе вновь разногласия – одни ратуют за тевтонцев, другие хотят остаться под Польшей... Да, – вспомнил он, – дочь бургомистра Альтштадта умерла. Твой доктор Пельшиц не смог помочь ей. Теперь он – в опале... Попробуй, докажи любящему отцу: то, что задумал Господь, простой человек исправить не в силах... Н-но, живее, Голиаф, не заглядывайся на листики-цветочки!

Якоб неожиданно осознал, что вопросы врачевания, доктор Пельшиц и все, связанные с ним воспоминания, уже не трогают его душу. Сердце его огрубело, возможно, тогда, когда он вместе со своими товарищами рассекал на занятиях свиные туши взмахами меча, или тогда, когда ударом кинжала лишал жизни корову или поросёнка.

– А как дела в школе? – спросил Якоб. Ему очень хотелось задать вопрос о некой реликвии, якобы похищенной служителями школы, но что-то подсказывало, что с этим торопиться не стоит. Придёт время – он обо всём узнает сам.

– В школе? Порядок. Ты же знаешь, друг нашу школу найдёт без труда, а враг мимо пройдёт – и не заметит.

– Колдовство? – спросил Якоб.

– Искусство... – с достоинством ответил Хасан.

Путь их лежал по увлажнённой тропе, среди зеленеющих берёз и душистых сосен, сквозь ветви которых пробивались радостные лучи майского солнца. Кони бодро несли своих седоков, чувствуя их спокойствие и уверенность.

– Пришли ли в школу новые ученики? – задал вопрос молодой человек, вспомнив, что странный монах по имени Михель собирался внедрить в школу «Куклы старой Магды» шпиона.

– Пришло несколько человек, хвала Господу. Среди них есть очень любопытные господа... А почему ты интересуешься?

– Просто я никогда не видел других учеников в нашей школе. Иногда мне казалось, что я – единственный.

– Так заведено, – немного подумав, ответил Хасан. – Ученики нашей школы не могут видеть друг друга и общаться между собой. Они не должны знать, кто каким Даром обладает. Иначе, возникает соблазн и гордыня... А ты представляешь, какая это сила – двое или трое объединившихся людей, обладающих Даром? Нет, всех своих... подопечных знает только наша госпожа. Её ученики, каждый – отдельно, служат ей, а это значит, что их силы и способности будут употреблены во славу Господа. А иначе... беды не миновать.

– Как ты возмужал, мой мальчик! – госпожа Магда встала из-за клавесина, на котором наигрывала какую-то торжественную мелодию, и подошла к Якобу. – Как ты вырос, окреп! Ты стал настоящим рыцарем! Хасан! Принеси нам вина!

Она была неотразима. На длинную яркую нижнюю тунику ниспадала мантилья, поверх которой сидел гарнаш с короткими рукавами. Светлые волосы госпожи охватывал золотой обруч, тёмные глаза с интересом наблюдали за молодым воином. У Якоба что-то защемило в груди, дыхание его участилось.

Хасан выполнил распоряжение хозяйки очень быстро. Не прошло и минуты, как он появился с большим подносом, на котором расположилась чаша с фруктами и кувшин с вином.

– Видно, мастера из Нойбертхауса хорошо поработали с тобой, малыш. Скажи-ка мне, многим ли из них удалось преодолеть твою защиту, будучи с оружием в руках?

– Никому, госпожа, – тихо ответил Якоб. – Кроме тех случаев, когда кто-то обхватывал меня сзади руками. Тогда я становился уязвимым...

– Ну-у, – протянула госпожа Магда, кокетливо сложив губы, – ты уж старайся, дружок, впредь не допускать, чтобы кто-то оставался у тебя за спиной. Ответь мне, тебе уже довелось убить... человека?

– Нет, госпожа. Хотя, нас привлекли к поискам, когда в лесах пряталась шайка Кривого Тома, и говорили, чтобы мы никого не жалели. Некоторые из нас испачкали мечи кровью, но это случилось без моего участия.

– Жаль. Настоящий воин должен без колебаний применить оружие по приказу своего сюзерена.

– Я готов, сударыня.

– Это – хорошо. Потому что тебя ждёт именно такое задание.

Хасан, между тем, наполнил кубки. Хозяйка взяла один и кивнула Якобу на второй. Они выпили, затем госпожа Магда сказала:

– А теперь возьми меня за руку. – Якоб, затаив дыхание, повиновался. – И слушай. – Она закрыла глаза и начала говорить тихо, словно пересказывала собственный сон:

– Представь движущуюся колонну людей и коней...

– Представил.

– Эти люди – в доспехах. Они сопровождают важного вельможу. Длинные копья, на которых висят флажки и штандарты... После авангарда из двух десятков всадников на дороге растянулась процессия из лошадей, запряжённых в лёгкие повозки, и сопровождающих их всадников. Обоз охраняют вооружённые люди. Мечи, топоры, луки и арбалеты...

Она словно воочию видела всё это сама.

– На телегах сидят люди. Одни отдыхают, другие зорко охраняют поклажу... Колонна растянулась на целую милю...

Якоб не выпускал узкую ладонь госпожи из своей. Его руку начало слегка покалывать... Вдруг в сознании молодого воина возникла описываемая Магдой картинка... Высокие сосны и ели, как стражники, выстроившиеся вдоль дороги, скрип колёс, звон доспехов и оружия, ленивые покрики погонщиков. Изумрудная листва деревьев и кустов по краям тропы, впереди, над верхушками леса – остроконечная крыша кирхи...

– Это деревня Гумбольден, – пояснила госпожа.

Якоб «увидел» вытирающего пот широким белым платком священника, который ехал верхом на гнедой лошади, солдата, прильнувшего к бурдюку с водой, сосредоточенно глядящего по сторонам высокого всадника в блестящем шлеме и плаще с чёрным тевтонским крестом...

– В конце кавалькады, – продолжала «рассказывать сон» госпожа Магда, – неизвестные люди сопровождают несколько телег. Это – не тевтонские рыцари, это – пришедшие из южных и западных земель чужаки.

Действительно, Якоб совершенно ясно «различил» три повозки в хвосте движущейся колонны. Несколько человек находились внутри войлочных фургонов, остальные ехали верхом рядом. Люди были вооружены, сверкали их латы и позванивала кольчуга. Но эти воины держались особняком, их облачение отличалось от того, в которое было одето большинство шествующих в колонне. Было件нятно, что они присоединились к колонне тевтонцев уже в пути.

– А это что? – повысила голос госпожа Магда. – Откуда эти рыцари?

В мозгу Якоба вспыхнули новые видения. Вот из перелеска вылетела туча стрел. Люди, сопровождающие свои повозки в самом хвосте колонны, попадали с лошадей. Послышались крики раненых. В следующий момент из зарослей выскочили всадники и, размахивая мечами, ринулись в атаку. Те, кто пытался противостоять им, падали, сражённые быстрыми и точными ударами. Лязг мечей и удары о щиты и доспехи воинов далеко разнеслись по округе. Послышались звуки рога, подающего сигнал тревоги. Тем временем, нападавшие, видимо, польский отряд, ринулись к одной из повозок. Похоже, они прекрасно знали, что и где искать. Пока охрана колонны формировалась в боевой отряд, шляхтичи быстро отыскивали нечто, из-за чего они устроили настоящую бойню, и быстро ретировались в лес. То, что они увезли с собой, было завернуто в шерстяную материю и перехвачено крепкой верёвкой. По размерам оно было не более лошадиной головы. Погони за ними не было.

– Ты видел это, Якоб? – госпожа Магда неспешно освободила свою ладонь из руки молодого воина и вновь взялась за кубок.

– Видел, сударыня. Мне казалось, что я сам там был.

– Выпей вина и я расскажу тебе, чем всё это закончится... Польский отряд разделится. Большая часть людей, принявших участие в нападении, получит свои деньги и разойдётся. Но пятеро, захвативших добычу, отправятся в деревню Гринсбене. Там один из них, пан Моралек, попытается избавиться от своих бывших товарищей. Он или зарежет их поодиночке, или, что вероятнее, отравит всех разом. В конце концов, пан останется наедине со своей добычей. Вот тут и придёт твой черёд. Ты отберёшь её у него. Если он будет

сопротивляться, тогда убей его. Не жалея, это – опасный человек и задумал он безбожное дело. А то, что ты у него захватишь, доставь сюда, в школу.

– Так мне следует немедленно ехать туда, в Гринсбене? Поспею ли я? Не сбежит ли он за это время куда-нибудь в Краков?

– Не волнуйся, дружок, – ласково усмехнулась госпожа. – То, что ты видел, ещё не произошло. Оно произойдёт немного позже. Ты сможешь всё это увидеть воочию. Всего через две недели... Никуда он от тебя не денется.

– А что они похитят, сударыня? Нечто важное?

– Ничего особо ценного, поверь мне. Это – старый серебряный сосуд. Он похож на арабскую масляную лампу. Или кубок. Но, если он попадёт в злые руки, умеющие колдовать, то может принести людям много несчастий. Мы не можем этого допустить. А Господь поможет тебе.

Глава 8. Вторая реликвия

Орденский замок Мариенбург, давший начало одноимённому городу, служил резиденцией Великого магистра Тевтонского ордена с 1309 по 1456 годы. В 1410 году, во время Грюнвальдской битвы, он был осаждён польско-литовскими войсками во главе с королём Владиславом II Ягайло. После поражения рыцарей при Грюнвальде резиденция Великого магистра подверглась жестокой и продолжительной осаде. Город Мариенбург был разрушен, однако сам замок полякам взять не удалось. В 1456 году гохмейстер (20) Людвиг фон Эрлихсхаузен передал замок в уплату долга богемским наёмникам, а те перепродали его польскому королю Казимиру IV. Так орденский замок оказался в составе Польши. Сам же Великий магистр на время поселился в замке Меве.

В 1457 году Людвиг фон Эрлихсхаузен начал сборы в Кёнигсберг. Он собирался сделать резиденцией Ордена именно этот город. В начале июня Великий магистр Тевтонского ордена покинул своё убежище в Меве и отправился к берегам Остзее (21). Он полагал, что население Кёнигсберга более охотно поддержит Орден, а не Польшу, как это показали события двухлетней давности. Город хорошо укреплён. Один Королевский замок чего стоит! Кроме того, в ближайших к нему городах – Альтштадте, Кнайпхофе и Лёбенихте тоже имеются оборонительные сооружения. А понадобится – построят ещё! Ни чехи, ни поляки с литовцами в Кёнигсберге ему не будут страшны. Он ещё не понимал, что после Грюнвальда крест Тевтонского ордена подрублен, и – основательно.

Часть груза Людвиг фон Эрлихсхаузен отправил морем, но основные богатства Ордена решил взять лично посуху, причём, по возможности, выбирая «тайные тропы». В его планы не входила встреча с Яном Косцелецким (22) и другими польско-литовскими рыцарями. Старый вояка прекрасно чувствовал себя в седле, чего нельзя было сказать о качающейся под ногами скользкой палубе. В этой, основной части перевозимого груза, немалое место занимали книги, архив Ордена, его бухгалтерия. Здесь же находились военные и церковные реликвии, а также казна.

Гохмейстера сопровождал великий комтур — управитель орденского имущества, интендант и эконом Иоганн фон Менгеде и ландмейстер Ульрих фон Ленгерсхайм. В свиту Великого магистра входили также: верховный госпитальер, руководитель больниц,

странноприимных домов и постоянных дворов Ордена, верховный ризничий, отвечающий за приобретение, изготовление и распределение всей амуниции и вооружения, а также тресслер или казначей, ведающий вопросами финансового управления.

Всего в колонне было одиннадцать братьев-рыцарей, сотня одетых в серые кафтаны братьев-сариантов, из которых были не только воины, но оруженосцы и денщики, а также два десятка братьев-священников. Никаких геральдических украшений, вычурных плюмажей, разве что на копьях развивались вымпелы и штандарты. Колонна сохраняла строгость и была похожа на могучий серо-белый топор, рассекающий беспечно дремлющий зелёный массив.

Прибытие в Кёнигсберг ожидалось в первых числах июня.

Перед самым отъездом из замка Меве, к Великому магистру Тевтонского ордена пожаловал рыцарь Антуан Норфролкский, как поговаривают, один из последователей самого знаменитого некогда ордена Храма, и, среди своих сподвижников, пытающийся возродить былое могущество храмовников. Он смиренно попросил гохмейстера уделить и его скромному грузу место в общей колонне. «Мы перевозим святыни тамплиеров», – с лёгким английским акцентом произнёс он, – но у нас недостаточно людей, чтобы предоставить им надёжную охрану. Позвольте, ваша светлость, мы примкнём к хвосту кавалькады и тем самым усилим вам арьергард». Людвиг фон Эрлихсхаузен любезно дал своё согласие.

Вечером 26 мая в трактире «Усы сома» былолюдно. Жители Альтштадта, те, у кого неплохо шли дела, после долгого трудового дня могли позволить себе немного отдохнуть. Звучала музыка. Полуслепой музыкант наигрывал итальянские мелодии на лютне. Негромко переговаривались посетители. Иногда, то тут, то там, раздавались взрывы хохота – вино развязывало языки и расширяло границы дозволенного. На обычном своём месте, за широким дубовым столом расположилась старая компания, неразлучная уже долгие годы.

– Каковы нынче уловы, дружище? – спросил у моряка в высоких с отворотами сапогах старый портной Сигурд Хеллике после неторопливого употребления кружки альтштадского пива.

– Нерест заканчивается, – заметил Курт Химмель. – Кое-где уже сняты запреты на весенний лов. В заливе полно угря, судака и леща... Так что, если Господь поможет, без рыбы не останемся.

– А я слышал, что наши портовые рабочие опять повздорили с грузчиками Закхайма, – заметил пивовар Андреас Кульль. – Вроде бы, без раненых не обошлось...

– Да, в наше время только и спорить по-соседски... Да так, чтобы требовалась помощь врачей! – проворчал Хеллике. – У нашего-то Пельшица, дела идут совсем худо. С тех пор, как Якоб Шоль связался с колдунами и ушёл от него в эту проклятую школу, наш городской лекарь стал куда как менее популярен!

– Как знать, как знать... А что, слышно ли что-нибудь о самом Якобе? Где он?

– Мы недавно его видели, – сказал один из братьев-кузнецов, Теодор. – Но сначала не признали. Даже поспорили с братом. Но потом убедились: это – он.

– Да, теперь не узнать нашего Якоба, – подтвердил Исаяя. – Настоящий рыцарь! На коне, с мечом! Да и вообще – здоровяк! Это вам не худенький паренёк, каким помощник лекаря был два года назад!

– Спешил он куда-то. Погнал коня в сторону Лёбенихте, на восток, – добавил Теодор.

– Кто знает, – проговорил Хеллике, – может быть, ему было бы лучше остаться у Пельшица. Глядишь, сейчас стал бы врачом и лечил людей. Это – богоугодное дело. Но вот связался же с чернокнижниками и...

– На всё воля Господа, – ответил Кульль.

– Главное, чтобы он оставался добрым христианином, – заметил Исая. – А то и без колдунов хватает безбожных людей, не гнушающихся воровством и обманом.

– Послушайте-ка одну историю, – старый портной уселся поудобнее и взял в руки кружку с пивом. – Известно ли вам про птицу Альф, обитающую только в окрестностях Кёнигсберга и нигде больше?

– Чем же она знаменита? – спросил пивовар.

– Люди говорят, что встреча с ней обещает неслыханное богатство. И неожиданное!

– А как она выглядит? Вдруг, я встречу её и не узнаю? – с улыбкой спросил Исая.

– Узнаешь, дружище, – ответил Хеллике. – У неё, как у ястреба изогнут клюв, и она такая же серая. Но главная её отличительная черта – это длинный огненный хвост. Когда она спускается вниз, то кажется, что с неба падает звезда! Поймать её – дело нелёгкое, но тем, кому это удаётся, она помогает разбогатеть, выкупая свою свободу! Даже у нас, в Альтштадте есть несколько человек, которые, благодаря ей, здорово поправили свои дела!

Старик отхлебнул из кружки, вытер губы и продолжал:

– Так повезло гончару из Лёбенихте, Томасу Мюллеру. Томас, не будь дурак, договорился с птицей, что та натаскает ему полный сапог золотых монет. Сапог он поместил в печной трубе, чтобы никто из соседей не приметил его связь с Альфом.

– Хитёр, – заметил пивовар.

– Ещё как! Он задумал перехитрить и добрую птицу. Сапог-то он поместил, да сначала вырезал из него подмётку. Бедный Альф летает, наполняет сапог монетами, а Томас потихоньку через дыру вынимает деньги. Птица садится на трубу, спрашивает, полон ли сапог. А хитрый Мюллер отвечает: «Нет! Не полный! Давай, неси ещё!». Так продолжалось целый день. Птица выбилась из сил, таская деньги гончару из Лёбенихте, а тот всё отвечал, что сапог не полон. Наконец, Альф догадался, что Томас водит его за нос, и, в конце концов, бросил ему в сапог целую кучу вшей, после чего улетел!

– Правильно сделал! – воскликнул Кульль. – Я бы ему ещё и бока намял! Привалило тебе счастье, так радуйся! Полный сапог денег – это же много!

– Да, – согласился Хеллике. – Его сгубила жадность. Будем надеяться, что и наш Якоб, если столкнётся с чем-то необычным, не собьётся с дороги, а выберет правильный путь!

– Так давайте за это и выпьем!

Рассвет близ деревни Гумбинен Якоб встретил в седле. Календарное лето уже наступило, но по ночам было ещё довольно прохладно. На востоке солнце разожгло свои величественные костры, обогрив облака и ярко подсветив небосклон. Птицы распевали беззаботные песни, роса засеребрилась на сочных зелёных лугах.

6 июня 1457 года. Всё должно произойти сегодня.

Якоб выехал из леса и оказался посреди луга, за которым, среди густых зарослей камыша, рогоза и тростника поблёскивала вода. Зелёное пастбище постепенно переходило в болото, укутанное лёгкой дымкой. Оттуда доносилось многоголосое кваканье лягушек.

Комары настойчиво впивались юноше в щёки и шею. Вдоль окраины леса стелилась дорога. Всё это было похоже на то видение, которое «предоставила» ему госпожа Магда полмесяца назад. Якоб огляделся и поверх деревьев заметил озарённый лучами восходящего солнца шпиль крести с блестящим крестом. Да, это – здесь. Осталось подождать часа четыре...

Молодой воин спешил, позволил коню, очень понятливому животному по имени Юпитер, пощипать свежей травы, а сам присел на торчащий из травы пенёк. Нужно было подумать и определиться с местом дозора.

Польский отряд будет атаковать из небольшой ложины и в ней же скроется. Потом разбойники разделятся, часть нападавших, в количестве пяти человек, вместе с похищенным, отправится в Гринсбене. По пути в эту деревню он и сядет им «на хвост». Но она находится южнее. Где же ему укрыться, чтобы не упустить похитителей из виду? Якоб снова сел на коня и отправился исследовать местность.

Когда солнце поднялось достаточно высоко и совсем развиднелось, молодой воин успел как следует осмотреться. Он обнаружил место предстоящей засады польского отряда и прислушался: они вскоре должны были здесь появиться. Затем по лесной тропке Якоб вышел с той стороны зарослей, где открывались дороги на Гринсбене и Гумбинен. Теперь оставалось залечь где-нибудь в сторонке и ждать.

Отчего-то его не удивляло, что он сразу узнал ту местность, которую ему «показывала» госпожа Магда. Каким образом она смогла передать ему это видение? Как ей удалось предсказать то, что ещё только должно произойти? Ну, конечно, у неё тоже есть Дар! У него, Якоба, имеется свой, а у неё – свой. Ничего удивительного. А Хасан? Есть ли Дар у него? Наверное, есть, решил молодой человек. В школе «Куклы старой Магды» каждый должен обладать какой-то удивительной способностью.

Он выбрал молодой ольшаник, растущий на расстоянии полёта стрелы от дороги. «Коня за зарослями они не заметят», – решил Якоб. А сам он сумеет наблюдать за польским отрядом, прячась в густой листве. Некоторое время спустя, убедившись, что с дороги его конь неразличим, он успокоился и прилёг в высокой траве. Приближающийся конный отряд он услышит издали. Воин достал бурдюк с разбавленным водой вином, кусок хлеба и сыр. Пока ел, наслаждался тишиной, летним теплом и одиночеством.

Стук копыт прервал его неторопливые раздумья. Воин встряхнул головой, прогнав посторонние мысли, метнулся к деревьям и выглянул сквозь ветви ольшаника. Человек десять-пятнадцать всадников торопливо следовали по дороге в сторону леса, к месту будущей засады. «Пресвятая Дева! Хвала тебе за то, что я вовремя спрятался!» – подумал Якоб. Да, это были они, засадный отряд, вооружённый луками и арбалетами, мечами и топорами. Впереди ехал рыцарь в блестящем шлеме с роскошным плюмажем, доспехах и красном плаще. «Пан Моралек!» – догадался Якоб. Его сопровождали солдаты, по виду, бывалые воины. Подняв пыль, отряд скрылся в лесной зелени.

Якоб представил, как стрелки устраиваются на месте засады, выбирают удобные позиции, распределяют цели, заряжают арбалеты. Наверняка у них есть дозорные, которые заранее предупредят о приближении колонны гохмейстера. «Ну-ну, – подумал он. – Пусть свершится то, что должно свершиться». А уж он-то в грязь лицом не ударит!

И опять потянулись минуты ожидания. Колонна Великого магистра должна подойти в течение двух-трёх часов. Звук битвы Якоб должен услышать: отсюда, с места его дозора, до места столкновения было не больше полутора прусских рут (23) по прямой линии.

...Послышался скрип колёс и визг поросёнка. Якоб выглянул из своего укрытия. По дороге неспешно продвигалась телега – крестьянин вёз в деревню поросят в мешках. Сельская жизнь шла своим чередом. Юноша сорвал травинку и сунул её в рот. Пожевал... Вспомнилась его прежняя жизнь, когда он был маленьким и была ещё жива его мама... Дома всегда пахло травами: только что срезанными, а также высушенными. Также пахло молоком и хлебом... Послышались голоса – несколько женщин шли по дороге в Гумбинен. Якоб вздохнул, прикоснулся к отцовской ладанке на своей груди и продолжил ожидание.

В синем небе начали громоздиться кручи белых облаков. Они равнодушно поглядывали вниз, совершенно не заботясь о том, что скоро здесь свершится кровопролитие. Видимо, там, на небе, и своих дел невпроворот...

Жизнь вокруг Якоба была ключом. В вышине парил коршун, выслеживая добычу, тяжело жужжали шмели и пчёлы, шелестя прозрачными крылышками, носились стрекозы, весело стрекотали кузнечики. Вот в траве прошуршал спешащий по своим важным делам ёж... И вдруг... Крики и звон оружия! Началось!

Не прошло и четверти часа, как из леса, торопясь, выскочили всадники. Рыцарь в красном плаще выехал одним из последних. Подмышкой он держал мешок, видимо, с похищенной реликвией. У развилки воины придержали коней. Человек в красном плаще бросил одному из сопровождающих увесистый кошелёк, и основная часть отряда продолжила движение в Гумбинен. Несколько же человек, во главе с рыцарем, отправилась в Гринсбене. Выждав некоторое время, Якоб последовал за ними.

В Гринсбене они оказались уже вечером, преодолев путь в две прусские мили (24). Убедившись, что погони за ними нет, преследуемые Якобом люди остановились на постоялом дворе. Лошадей загнали на отдых в конюшню, а сами отправились выпить и закусить. Но что-то подсказывало, что они собираются продолжить путь далее, и на ночлег здесь не останутся.

Когда Якоб передавал коня слуге, уже смеркалось.

– Что молодой господин желает? – спросил его другой слуга, отворяя двери таверны.
– У нас имеется свежая свинина и баранина.

– Жаркого и пива, – ответил воин.

Зайдя в помещение, Якоб огляделся с целью обнаружения интересующей его компании. Заметив, что разбойники расположились неподалёку от очага, он занял место поблизости, чтобы, по возможности, слышать их разговор.

Слуга подал на стол жареное мясо и кувшин с пивом.

– Если молодой рыцарь пожелает вина, то у нас есть рейнское, – добавил он с любезной улыбкой.

Якоб накинута на еду, бросая исподлобья взгляды на похитителей серебряного кувшина, столь заинтересовавшего его госпожу.

– Вина! – скомандовал предводитель разбойников. Свой красный плащ он снял, как и шлем. Лёгкая испанская кольчуга на его груди тускло поблёскивала в свете огня очага.

– Здесь хорошее вино! Эй, юноша, ты напрасно отказываешься от благородного напитка! – заметил один из воинов, обращаясь к Якобу. – Или твоих средств хватает лишь на пиво?

Он и его товарищи громко расхохотались.

– Клянусь святыми угодниками, у меня обет, – вежливо ответил Якоб. – Который я не могу нарушить.

– Ну, тогда понятно! А мы сейчас покончим с этим кувшином и возьмёмся за другой! Эй, хозяин! Тащи ещё вина и жареный окорок!

Компания за соседним столом от души радовалась успешно проведённой операции.

Якоб украдкой следил за разбойниками и заметил, что их предводитель пьёт гораздо меньше своих товарищей. Зато, не скупясь, подливает им. Молодой воин знал от госпожи Магды, чем должно закончиться это винопитие. «Пожалуй, при мне он убивать их не осмелится, – решил Якоб. – Поэтому, надо дождаться его во дворе, когда он сделает своё дело и отправится дальше со своим драгоценным грузом».

– Молодой рыцарь желает отдохнуть? – спросил слуга. – Приготовить ему комнату?

– Нет, я сейчас уезжаю.

Вот предводитель поднялся из-за стола. Якоб сразу насторожился.

– Клянусь Девой Марией, сейчас я принесу самого лучшего вина, хранящегося в этом хлеву, – провозгласил он. – Эй, хозяин! Веди меня в свои заветные погреба!

Якоб расплатился с хозяином и вышел во двор. Мысленно он представил, как, получив вино, предводитель разбойников вытряхивает в кувшин содержимое мешочка или ладанки, в которой хранится сильнодействующий яд. Как только злодей заметит, что его друзья становятся сонными и готовы отойти в мир иной, он сразу покинет этот дом.

– Молодой рыцарь не желает остаться на ночь? – спросил слуга-мальчишка, выводя Юпитера из стойла. – Право, ночь тёмная, мало ли что может случиться в дороге.

– Мне нужно спешить, – ответил Якоб, вручая малому мелкую монету. – В ином доме бывает гораздо опаснее, нежели в чистом поле.

– Как знаете, сударь. Но на нашем постоялом дворе ничего дурного не происходит.

Якоб не спешил. Он ласково погладил коня, потрепал его гриву.

– Ваш скакун получил воду и овёс. Счастливой дороги вам, сударь. Только будьте осторожны возле Дункельвальда. Там частенько пошаливают. А если вы направляетесь в Кёнигсберг, вам не миновать этого места.

– Пошаливают? – Якоб тянул время. – И кто же?

– Разное поговаривают, – понизил голос слуга. – Иной раз – поляки с литовцами, порой – банды дезертиров или просто шайки доведённых до отчаяния простолюдинов. А случается – самая настоящая нечисть.

– А мне как раз надо в Кёнигсберг...

– Вот и прислушайтесь к доброму совету: оставайтесь на ночь у нас. А завтра на рассвете и тронетесь в путь!

– А что за нечисть там шалит, уж не Чёрный ли Франц?

– И он тоже, уж будьте уверены!

– Георг, – позвал чей-то голос слугу. – Принеси воды на кухню!

– Это – хозяин, – прошептал мальчишка и скрылся за конюшней.

Якоб вздохнул и ещё раз обнял коня за шею. Скрипнула дверь. В тёмное пространство двора золотой стрелой вонзилась полоска света. Из таверны торопливо вышел тот самый рыцарь, предводитель разбойников, пан Моралек, как назвала его госпожа. Одной рукой он придерживал рукоять меча, о ножны которого глухо постукивал железный наколенник, другой – прижимал к себе мешок с реликвией. Он не сразу обратил внимание на Якоба.

Видимо, не заметил его, выйдя из света в темноту. Рыцарь постоял некоторое время, подождав, пока глаза привыкнут к мраку, и направился к конюшне.

Якоб преградил ему дорогу.

– Не торопитесь, сударь.

– Не становись у меня на пути, сопляк! – прорычал рыцарь, в одно мгновение выхватив меч.

– Ваши друзья требуют вас к себе, – насмешливо проговорил Якоб. – У них возникли кое-какие вопросы.

Рыцарь нанёс колющий удар, но, вопреки ожиданию, его меч вспорол пустоту. Зато кинжал Якоба ударил выше кольчуги, прямо в шею противнику.

– Проклятая... Магда, – только и прохрипел падающий воин.

Выхватив мешок с драгоценным содержимым из рук поверженного врага, молодой воин вскочил на коня.

– Давай, Юпитер! Легко ли, тяжело, но нам надо подальше отъехать от этого места!

Послушный конь пустился в галоп.

Остаток ночи Якоб провёл на окраине леса, где неплохо выспался. Усталость взяла своё, буквально свалив воина под молодую сосну. Но могучий организм в течение трёх-четырёх часов полностью восстановил силы. С рассветом юноша продолжил путь.

Вскоре любопытство взяло верх над гордостью. По пути он развязал мешок и извлёк из него ту самую штуковину, из-за которой разгорелось столько страстей. Изделие напоминало скорее сосуд, чем лампу. А точнее – кубок, подобный тем, из которых европейские короли пьют вино. Впрочем, нет. Для питья этот кубок был тоже мало пригоден. «Наверное, всё-таки лампа, – размышлял Якоб. Налить в чашу масла, поставить на стол или на пол и зажечь... Будет гореть и освещать пространство. Но для лампы... слишком уж всё вычурно изготовлено, да ещё эти цветные, возможно, драгоценные камешки... Угадывается работа великого мастера, который бился над своим творением немалое время...» Светлая, серебряная поверхность притягивала к себе. Якоб заглянул внутрь кубка и... словно сам провалился куда-то в неведомые глубины... «Непростой сосуд», – решил молодой воин, запихивая его обратно в мешок и перевязывая тесёмками.

И ещё одна мысль не давала покоя Якобу: «Магда! Польский рыцарь (или кто он там ещё?) назвал имя Магды! Отчего-то Якобу казалось, что это было неспроста. Неужели хозяйка школы каким-то образом причастна ко всему этому делу, к похищению серебряного сосуда, ко всем произошедшим смертям... Или нет? Знал ли предводитель разбойников его госпожу? Не по её ли наводке он действовал? А может, это была совсем другая женщина?..

В полдень 8 июня 1457 года Якоб вернулся в Кёнигсберг.

Двумя часами позже сюда же прибыл и Великий магистр Тевтонского ордена Людвиг фон Эрлихсхаузен со всей своей свитой. Отныне резиденцией Ордена стал Королевский замок.

Глава 9. Странные события в школе «Куклы старой Магды»

– Вот видишь, малыш, тебе, оказывается, можно поручать самые ответственные дела, – с улыбкой сказала госпожа Магда, принимая от Якоба доставленный им сосуд. – Господь свидетель, я в тебе не ошиблась.

Она прижала к груди таинственную реликвию, при этом глаза её вспыхнули алчно, зловеще и одновременно радостно, и удалилась в свои покои.

– Что в этом сосуде такого замечательного? – спросил Якоб Хасана, когда они остались наедине.

Тот долго молчал, прежде чем ответить.

– Это очень древнее изделие, и, если ты обратил внимание, причудливые узоры на нём имеются, но клейма мастера нет.

– Да, никакого клейма я не заметил, – признался Якоб.

– А между тем, на подобных вещах всегда, во всех землях мастера ставили свои оттиски. И в арабских, и в европейских, и даже далеко на Востоке. А тут – никакой отметки. Не полагаешь же ты, что этот сосуд появился сам по себе, словно по волшебству?

– Конечно, нет, – ответил Якоб, думая, что в любом городе Кёнигсберга самый ничтожный кузнец поставит своё клеймо на лопате или подкове, не говоря уж об оружейниках. А тут – настоящее произведение искусства! – Видимо, тот, кто его создал, не помышлял о славе.

– Э, дело вовсе не в славе, дружок. Это обязанность каждого мастера – расписываться на своём изделии. И так было всегда!

– Так кто же он, этот загадочный мастер?

– Я знаю только одного ваятеля, не заботящегося о том, чтобы его клеймо стояло на его изделиях, – с усмешкой произнёс Хасан.

– И кто это?

– А кто, по-твоему, создал небеса, земную твердь и всех живущих на Земле существ?

– Господь...

– Вот видишь, ты сам ответил на свой же вопрос. И даже если у этого предмета был другой творец, то вряд ли это – простой человек.

– Наверное, у этого сосуда есть и своё особое предназначение? – поинтересовался Якоб.

– А как же! Любое изделие обязательно служит для чего-либо. Беспольных вещей не создают ни люди, ни боги. Но если ты пытаешься угадать, для чего нужен этот древний сосуд, то тут я тебе не помощник. Господь так распорядился, что издревле люди делятся на тех, кто достоин сакральных знаний, и тех, кому они не должны быть доступны. Взять нашу госпожу... Видимо, она знает то, чего не можем знать мы. Но ты верь ей – она найдёт для этой чаши достойное применение.

– И всё-таки, у такого изделия должен быть свой законный хозяин, – начал рассуждать Якоб. – Тот, кому он передан в дар или по наследству...

– В разные времена он принадлежал разным людям, – ответил Хасан. – Но только тот его истинный хозяин, кто знает, как им правильно распорядиться. А эти знания даруют не каждому. Один может использовать этот сосуд как чашу, другой – как лампу. А третий с его помощью решит вызвать на земле бурю или землетрясение, надумает оживить умерших или погубить целые народы! Возможно, он захочет превратить пустыню в цветущий оазис или обратить наши сосновые леса в каменистую или песчаную пустошь! Чаша способна осушить море или наоборот, наполнить водой каждую ложбинку на земле! Этот сосуд просто ждёт своего истинного владельца и жаждет действий! И, возможно, уже дождался!

Прошло несколько дней после возвращения Якоба из опасной поездки. Едва он передал таинственную реликвию госпоже Магде, как почувствовал, что в её школе что-то начало меняться. Госпожа перестала музицировать и всё реже выходила из своих покоев. Хасан «надел маску» озабоченности и отчуждения, он часто и надолго покидал школу. Краем глаза молодой воин видел, как в их дом входили какие-то люди, чьих лиц он не мог заметить из-за натянутых на голову капюшонов. Скрипели двери. Чьи-то осторожные шаги слышались в коридоре. Несколько раз Якоб, заслышав шорох у своей двери, подбегал и миглом отворял её, пытаясь лицом к лицу встретиться с любопытным гостем, но каждый раз сталкивался с пустотой. Некоторую ясность внёс случайно подслушанный им разговор, происходивший между привратником и неизвестным ему человеком. Из их краткой, приглушённой беседы Якоб понял, что в школу прибывают её бывшие ученики, и вскоре ожидается приезд каких-то важных гостей. Случайно столкнувшись в коридоре с Хасаном, молодой воин пытался потребовать от последнего каких-либо разъяснений, но тот промывчал что-то невразумительное, мол, потом узнаешь, и, уходя из дома, посоветовал Якобу прогуляться по городу, развеяться и отдохнуть в кабачке.

Между тем, городские власти приняли решение произвести на острове уборку мусора и нечистот силами самих горожан. Палач Кнайпхофа и цирюльники не успевали справляться со своими обязанностями. Они, конечно, убирали с улиц трупы животных и валяющихся пьяниц, выгребали нечистоты, скопившиеся под окнами домов, но их сил явно не хватало. Город буквально утопал в отходах. Было решено привлечь для этой деятельности нищих и бродяг, которые в большом количестве обитали возле пристани и на каждом рынке.

На левом рукаве Прегеля, к востоку от Кнайпхофа началось строительство Иерусалимского укрепления. Возводимые бастионы как бы говорили непокорному острову: «Смотри, дружок, или ты с нами, или...». На западе, а точнее – на Фиалковой горе, месте городских публичных казней, тоже началось строительство оборонительных сооружений.

Как-то раз, остро почувствовав одиночество в большом доме и внутреннюю пустоту, Якоб, проходя по коридорам школы, зашёл в комнату, где стояло зеркало. То самое, в котором он разглядел своих родителей, впервые оказавшись здесь. «Интересно, смогу ли я увидеть их снова?» – мелькнула мысль у молодого воина. Сегодня поверхность зеркала покрывала лёгкая белая вуаль. Сняв её, Якоб, словно перед картиной великого мастера, отошёл от зеркала на три шага. Сначала он видел только своё отражение: молодой крепкий парень с кинжалом на боку, сжимающий белую ткань в левой руке. И ничего больше. «Пожалуй, – подумал юноша, – мои родные чем-то заняты там, на небесах». Наверное, они, взявшись за руки, неспешно прогуливаются по тёплой песчаной тропке к роднику, как было в его детстве, дома. Тот источник бил из-под груды камней и, превратившись в прохладный ручеёк, весело журча, бежал дальше, теряясь в зарослях леса. По краям ручейка росли лопухи, густые кусты лесной смородины и малины. Уже отчаявшись что-либо увидеть, Якоб решил покрыть зеркало вуалью, как вдруг... Его поверхность снова словно затянуло туманом, отражение стало тускнеть и, наконец, пропало совсем. Зато появилась фигура матери. Казалось, что она стоит где-то совсем рядом, возле своего сына! Лицо матери с укоризной смотрело на него. Морщинки сгустились на её переносице, брови были нахмурены. Что произошло? – хотел спросить Якоб. – Что он сделал не так? Но новая волна тумана, клубясь, словно смыла отражение родного человека. На его месте появилось лицо отца. «Отец, – мысленно воскликнул юноша. – Я нашёл твою ладанку! Теперь она всегда со

мною!» – и его рука потянулась к груди, где висел заветный мешочек. Отец молчал и едва заметно покачивал головой. «Ты осуждаешь меня за то, что я убил человека? Но ведь это был честный поединок! Да, у меня есть Дар, но я же защищал свою жизнь! И впредь убью всякого, кто посягнёт на неё!» Отец слегка прищурился и продолжал качать головой. «Ведь вы же сами дали мне понять, что я правильно сделал, что пришёл в эту школу!» – мысленно возразил отцу Якоб. «Нет, – словно отвечал отцовский взгляд, – мы пытались предостеречь тебя от этого поступка...»

Однажды утром Якоб зашёл в класс, где хранились куклы. Дверь в эту комнату никогда не запиралась, но он знал, что далеко не всякий мог её отворить, видимо, и тут действовали какие-то заклятия. Юноша проходил мимо и просто толкнул её, та и распахнулась, как бы приглашая его войти. Он зашёл в полупустое, мрачное помещение. Несколько кукол валялись на сундуке в углу комнаты, вповалку. Некоторые, лежащие на столе, видимо, находились в стадии изготовления. Якоб опять отметил, что сделаны они с большим мастерством. Одна из кукол была наряжена в купеческую одежду, в этом Якоб не сомневался. Именно так выглядят купцы, сходящие на берег с трапа когга, доставившего товары из-за моря. Интересно, чья это копия? Рядом расположились фигурки поменьше, вылепленные из воска. Наверное, скоро и на их наденут кафтаны, куртки и плащи... А это... Воспоминания закружились в голове Якоба. Вспомнился тот день, когда к ним с доктором Пельшицем доставили раненого рыцаря. Да, похоже, эта кукла должна была изображать его, несчастного брата Маттиуса. Вот и крест на груди, крест тамплиера! Получается, прав был странный монах по имени Михель! К убийству рыцаря причастна школа «Куклы старой Магды»!

А от следующей фигурки, попавшей Якобу на глаза, у него всё похолодело внутри. Кукла напоминала юноше... самого себя! Та же одежда, меч на боку, плащ... Сразу всплыли в памяти слова Магды о том, что любая кукла в этой комнате может принять и его облик... Знать, госпожа слов на ветер не бросает. В любой момент и эту куклу могут проткнуть серебряной иглой! Якоб схватил свою искусственную копию и прижал её к груди. «Что делать? Спрятать или уничтожить? – мысли вихрем закружились в его голове. – Потребовать объяснений?» Потом немного успокоился: предупреждён, значит, вооружён. Пока он в точности выполняет распоряжения госпожи Магды, ему ничего не угрожает...

Тяжёлые, кованые ворота замка Нойбертхаус со скрипом раскрылись, впуская в ограниченное пространство плотно утоптанного двора несколько всадников. Расторопные слуги подбежали к приехавшим господам, помогая тем спешиться и принимая от них коней. Прибывших было пятеро. Двое из них – граф Карл фон Иншер со своим оруженосцем, третий и четвёртый – монах Михель со своим послушником, впрочем, оба выглядели уже совсем не такими, какими их видел прежде Якоб, теперь они мало отличались от вышеупомянутых господ в кольчуге и латах. Пятым был рыцарь Антуан Норфолкский, которому не довелось занять место в обозе Великого магистра Тевтонского ордена, он, тем самым, не подверг свою жизнь опасности. Всех прибывших вышли встречать граф фон Тегеле и настоятель монастыря Архангела Михаила отец Зигфрид.

– Добро пожаловать, славные рыцари, в тихий уголок под названием «замок Нойбертхаус»! – громко произнёс хозяин замка.

– Пресвятая Дева Мария услышала мои молитвы, – добавил аббат. – Надеюсь, вы заглянете и в нашу смиренную обитель? – Он поклонился.

– Непременно, святой отец! – ответил фон Иншер. – Нам как раз понадобится помощь дюжины ваших самых верных и богопослушных парней!

– Боюсь, у нас для вас, святой отец, и для вас, граф, неприятные новости, – вставил своё слово и Антуан Норфролкский. – Нам тоже необходим ваш совет и помощь!

– Тогда прошу, братья, в мои апартаменты, – сделал пригласительный жест граф фон Тегеле. – Там вы сможете отдохнуть, и как следует подкрепиться. Заодно мы обсудим все наши проблемы и выберем приемлемое решение!

Некоторое время спустя рыцари уже сидели за широким, выдавшим виды столом, на котором были расставлены блюда с жареной олениной и овощами, кубки с вином и массивный канделябр с горящими свечами. Как и во всяком другом замке, стены гостиной фон Тегеле украшали рыцарские доспехи, чучела диких зверей и несколько гобеленов, на которых были изображены сцены охоты. На полу была постелена огромная медвежья шкура – недавний охотничий трофей самого графа.

– Итак, господа, – взял слово монах Михель, который на деле оказался французским рыцарем Мигелем Бордуа, – обе наши реликвии похищены и находятся в Кнайпхофе, в школе «Куклы старой Магды»! Два года назад был убит наш брат Маттиус Моравский. У него похитили копьё Лонгина, которое он собирался доставить в Королевский замок! А совсем недавно служащие школы стали обладателями и второй реликвии – священного Грааля, его перевозили наши братья в Кёнигсберг в колонне гохмейстера Людвиг фон Эрлихсхаузена! Такие сведения я получил от шпиона, который по моему указанию служит в этой бесовской школе! Клянусь Распятием, мне она до смерти надоела! Если мы не вернём себе эти реликвии, нас проклянут потомки!

– Успокойтесь, брат Мигель. Мы обязательно их вернём! – проговорил отец Зигфрид.

– Дайте нам из вашего прицептория, святой отец, десяток толковых сержантов (25) и мы разнесём эту школу в пух и прах! Времени у нас мало! В любой момент злодеи могут начать обряд воссоединения реликвий и тогда беды не миновать!

– Мы можем атаковать её хоть завтра! – произнёс фон Иншер. – Доверенное лицо нашего брата Мигеля откроет двери и впустит нас!

– Не забывайте, господа, что эта школа славится своими колдовскими делами! – охладил пыл рыцаря граф фон Тегеле.

– Святой отец помолится за нас, – усмехнулся брат Мигель. – И Пресвятая Дева не отвернёт от нас свой лик! – Он поднял кубок с вином.

– Разумеется, мы вознесём Господу наши молитвы, – подтвердил аббат. – И не сомневаюсь, что они будут услышаны... Но будет ещё лучше, если я, господа, примкну к вам с мечом в руках!

– Это – лишнее, святой отец, – проговорил фон Иншер. Три рыцаря и дюжина сариантов вполне справятся с этим делом. От вас потребуется только горячая молитва к Пресвятой Деве Марии!

– Значит, штурм? – подвёл итог фон Тегеле.

– Да, клянусь кровью Христовой! – воскликнул рыцарь. – Внезапное нападение и резня! Мы отберём у колдунов то, ради чего наши великие предки рисковали жизнью в

Священной земле и перенесём их туда, куда было указано Великим магистром – в Королевский замок!

– Что ж, братья, тогда обсудим детали предстоящего похода. И назначим его срок, во имя Пресвятой Богородицы.

Якоб чувствовал себя всё более тревожно и одиноко в школе «Куклы старой Магды». Здесь, по его мнению, назревало что-то скверное. Не зря же она буквально наводнилась людьми-тенями, присутствие которых ощущалось, но встретиться с которыми не представлялось возможным. К тому же, в школе ожидается приезд какого-то важного гостя. Скрипят половицы, хлопают двери... Якоб понял, что сейчас служащим школы «Куклы старой Магды» не до него. И он, следуя совету Хасана, вышел прогуляться по Кнайпхофу, посетил службу в Кафедральном соборе, прошёл к пристани и рынку, послушал, о чём судачат горожане, затем повернул на Лавочный мост, перешёл его и оказался в Альтштадте. А поскольку уже наступил вечер, он, не задумываясь, отправился в кабачок «Усы сома».

Старую компанию молодой воин застал на своём привычном месте. Присел к ним за стол и произнёс:

– Здравствуйте, мои хорошие друзья, герр Хеллике, отважный моряк Курт Химмель, самый знаменитый пивовар Альтштадта Андреас Куль и вы, славные работяги Теодор и Исая!

– Здравствуй и ты, наш маленький Якоб! – ответил Хеллике. – Хотя тебя маленьким уже не назовёшь, ты стал настоящим мужчиной. Ответь же нам, где ты пропадал и чем сейчас занимаешься, а то по Альтштадту ходят слухи, один другого нелепее... А мы воочию видим, что ты жив-здоров и стал настоящим воином!

– Скажи, ты навсегда забросил врачебное дело? – поинтересовался пивовар. – Доктору Пельшицу трудно без тебя.

– Ну, вы же видите, что он выбрал другой путь, – ответили за Якоба братья-кузнецы. – Он стал настоящим рыцарем, и теперь его инструменты – не склянки с настоями и не ланцет, а меч и арбалет! Вы бы видели, какой у него конь, настоящий боевой скакун!

– Никуда я не пропал, друзья, – с усмешкой ответил Якоб. – Просто два года учился боевому искусству, умею неплохо держать в руках меч, а сейчас нахожусь на службе у одного... важного господина. Жаль, конечно, доброго Пельшица, но... работа у него – дело прошлое. А что за слухи ходили обо мне, герр Хеллике? Может, меня уже спровадили с этого света? Эй, – окликнул он прислуживающую гостям Анну Клигер. – Самого лучшего вина мне и моим друзьям! Я угощаю. И принесите жареного гуся! По всему выходит, что я как бы вернулся из... Преисподней. Это событие нужно отметить!

– Да как сказать, дружище Якоб... Поговаривают разное, ведь Кёнигсберг – место загадочное. Тут всякое может произойти. Вот, судя по некоторым байкам, тебя взял на свой борт когг шкипера Густава...

Выпив вина и вытерев губы, старый портной продолжал, поглядывая на недоумённого Якоба:

– Про самого шкипера известно, что он – швед. Ходит его когг по разным морям, заходит в порты, где капитан и набирает в свой экипаж молодых парней. В Кёнигсберге он появляется поздней осенью каждый год...

– И что? – поинтересовался Исая. – Удалось ему уже пополнить свой экипаж?

Компания дружно набросилась на еду. Жареного гуся разорвали на части, горячий жир тёк по пальцам пирующих, отчего настроение у друзей Якоба заметно улучшилось.

– Не всё так просто, – ответил, азартно пережёвывая мясо, Хеллике. – Такого корабля попросту не существует. Это – призрак. Те люди, кто поднимается на его борт, больше никогда не появляются в Кёнигсберге. И вообще, где-либо. Это – корабль-смерть, клянусь Распятием! Но он постоянно приходит к пристани и стоит там столько, сколько ему нужно. Многие видели его... А если заметишь на причале старый-престарый корабль, на борту которого никого нет, разве что чёрный кот греется на пригретой солнышком палубе, то самое лучшее – сразу бежать подальше от этого проклятого места!

– А если не убежишь? – спросил Куль.

– И вправду, прекрасное вино! – Портной не торопился с ответом. – Всё-таки, это хорошо, что ты, дорогой Якоб, не уплыл на этой чёртовой посудине! А вернулся к нам, своим старым друзьям... А тебе, дружище Андреас, я отвечу так. Если не сбежишь от корабля, тогда сам, помимо своей воли, поднимешься на его борт. И тут только тебя и видели! Станешь вечным пиратом и будешь скитаться по морям тысячу лет... Так сказывают люди. В Кёнигсберге много тайн и загадок, поэтому такие разговоры не рождаются на пустом месте. Под каждой такой историей таится правдивое событие, клянусь Пресвятой Девой!

– Не время разгуливать по кабакам, – укоризненно заметил Хасан, едва Якоб появился в школе. Помощник госпожи Магды тяжело дышал, словно он только что вышел из настоящей схватки. – Силы зла пробудились. Враг пытается собрать сведения о нашей школе и напасть на нас. Госпожа выявила шпиона, действовавшего в интересах наших недругов. Мне пришлось заняться им вплотную, – Хасан вытер руки о рубаху. – Сейчас его труп медленно плывёт по Прегелю в сторону Пиллау. Нужно быть очень осторожным в городе... По крайней мере, несколько дней.

– А кого нам следует опасаться? – спросил Якоб. – Кто они, наши враги?

– Это – рыцари тамплиеры. В своё время их Орден был уничтожен, правда, небольшой части рыцарей вместе с орденскими сокровищами удалось скрыться. Теперь их потомки и последователи пытаются его возродить. Этих людей достаточно много, и они рассеяны по всей Европе. Одно из их гнёзд находится в Нойбертхаусе, там, где ты проходил обучение боевым искусствам. Основная угроза исходит как раз оттуда!

Хасан замолчал, словно обдумывая, стоит ли ему и дальше раскрывать секреты школы своему младшему товарищу, затем продолжил:

– Может, нам угрожают вовсе не тамплиеры, но это не важно. Они вполне могут назваться и тевтонцами. Дело в том, что... к нам в руки попали их священные реликвии... Одну из которых привёз ты... Эти... вещицы могут очень многое, если правильно ими распорядиться. Что мы и собираемся сделать, как только к нам в школу прибудет наш верховный правитель – Стратег Филипп. Он и наша госпожа попытаются провести старинный ритуал «одушевления» реликвий, дабы они могли служить людям и нашему Господу в полную силу... Но нам наверняка попытаются помешать. Готовится налёт на нашу школу с целью завладеть этими реликвиями, и мы должны встретить врага с мечом в руке...

После этих слов Якобу даже показалось, будто ветер, качавший деревья за окном, стих, чтобы послушать их разговор...

– Конечно, – продолжал Хасан уже в более спокойном тоне, – наши ученики постараются сделать так, чтобы враги не нашли школу «Куклы старой Магды». Так всегда и было – тот, кто приходит к нам с дурными намерениями, школу никогда не отыщет. Но, нужно быть готовым к разным событиям, и, в первую очередь – к неприятным!

– А кто такой, этот Стратег Филипп?

– О-о, этого я достоверно не знаю. Великий человек. Возможно, маг. Уж он-то точно знает, что делать с этими реликвиями. Правда, я его никогда не видел. И тебе не советую с ним встречаться. Хотя, к тебе, как спасителю второй реликвии, он должен чувствовать особое расположение. Я не удивлюсь, если он решит тебя наградить... А у него особые награды, золото по сравнению с ними... меркнет и превращается в ржавчину. Он прибудет сегодня ночью или завтра на рассвете. Завтра – вообще великий день в истории нашей школы. Поэтому сюда съезжаются бывшие ученики, все они служат нашей госпоже и будут присутствовать на ритуале «одушевления» реликвий!

– «Одушевления» ... – повторил Якоб.

– Да, так говорят. Реликвии долгое время хранились порознь, но их истинная сила проявляется тогда, когда их соединяют вместе. Каждая в отдельности как бы «умерла», силы её «уснули» внутри и никоим образом не проявляются. Поэтому надо их «разбудить» или «одушевить», – пытался объяснить Хасан.

– А что шпион? – спросил Якоб. – Кто он, неужели из учеников школы?

– Нет, это был работник кухни, – Хасан неожиданно закашлялся. – Хитрая бестия. Вынюхивал, всюду проникал... И чертовски осторожный! По утрам ходил на рынок за продуктами и там передавал информацию. Но наша госпожа умеет находить крыс в своём доме. Она, вообще, многое предвидит, поэтому и приказала всем нам быть начеку. Вот, когда приедет Стратег и реликвии соединятся, нам уже не будет страшен никто!

– И много он вынюхал, этот шпион?

– Много. Самое главное, он узнал про реликвии. И, к сожалению, уже успел передать сведения нашим врагам. Так что, – закончил Хасан, – ложись спать, но отдыхай вполглаза, не снимай одежды и держи под рукой меч!

Глава 10. Штурм

Стратег Филипп появился в школе «Куклы старой Магды» под утро, когда небо уже начало сереть. Скрипнула дверь внизу, раздалась гулкие шаги, послышались голоса. Якоб тут же вскочил, схватил меч и выбежал в коридор. Тут уже было светло, по ступенькам поднимался Хасан, неся серебряный канделябр с зажжёнными свечами.

– Всё в порядке, – шепнул он. – Прибыл долгожданный гость. Скоро начнётся таинство!

Он прошёл мимо по коридору. Следом за ним чинно проследовала процессия из трёх человек, один из которых, по виду, был чрезвычайно важен. Капюшоны у прибывших были откинуты, и Якоб разглядел их лица. Тот, кого он посчитал Стратегом Филиппом, был абсолютно лыс, невысок и тучен. Проходя мимо молодого воина, важный господин внимательно посмотрел на него. В юношу «выстрелил» взгляд чёрных глаз, в которых таилась необычайная сила и глубина. Якоб поневоле склонил голову в почтительном

приветствии. Лица Стратега коснулась лёгкая улыбка. Он остановился перед молодым воином.

– Ведь это ты доставил нам вторую реликвию? – спросил Филипп, пристально разглядывая юношу.

– Я выполнил приказ госпожи, – тихо ответил Якоб, не решаясь смотреть в глаза великому магу.

– Блестяще выполнил, – поправил его Филипп. – И будешь достойно вознаграждён. После завтрака мы начнём ритуал воссоединения и «одушевления» святынь. Я хочу, чтобы ты присутствовал на нём. – И, не дожидаясь ответа Якоба, последовал дальше.

Незнакомое чувство овладело молодым человеком. Тут была и величайшая гордость, и радость, и благодарность, и... необъяснимая тревога. Он вернулся в свою комнату, осенил себя крестным знаменем и истово помолился.

Немного позже Якоб спустился в столовую, где находились другие ученики школы. Теперь он мог их разглядеть. Впрочем, особого интереса их лица у него не вызвали. Молодые и не очень, несколько бородатых, другие – бритые. Всего их оказалось человек пятнадцать. Они ели молча, не общаясь друг с другом, ибо это было, как знал Якоб, запрещено. Не ощущая вкуса пищи, молодой воин съел несколько кусков хлеба с сыром и, запив всё это вином, вышел. Он хотел отыскать Хасана, чтобы узнать о дальнейших распоряжениях их госпожи и её высокого гостя.

– Ну, и где ваше доверенное лицо, граф? – Антуан Норфолкский намеренно избегал слова «шпион».

– Не знаю, – пожал плечами брат Мигель. – Если он до сих пор не появился, значит, с ним, скорее всего, случилась беда.

– Проклятье! – воскликнул фон Иншер. – Теперь нам ни за что не найти этот дом!

Группа из трёх рыцарей и дюжины сариантов высадилась на пристани Кнайпхофа ранним утром, когда на востоке робко «зевнул» рассвет. Они были облачены в монашеское платье и вели с собой лошадь, запряжённую в телегу. В телеге, под мешками с овсом было спрятано оружие.

– Куда вы, святые отцы? – окликнул их стражник, стоящий возле башни на Зелёном мосту.

– В Альтштадт, в клинику «Святого Духа», сын мой, – ответил Антуан Норфолкский, вручая стражнику монету. – Но сначала мы хотели бы поклониться мощам святого Антония, которые хранятся в Кафедральном соборе, и вознести молитву Господу, дабы он ниспослал милость всем нам.

– Ну, проходите, – с улыбкой ответил стражник. – Вчера в клинику «Святого Духа» привезли раненых из Фишхаузена. Так что, работы хватит всем вам.

– Да хранит тебя Пресвятая Дева Мария...

Процессия отправилась вглубь Кнайпхофа.

– Мой человек рассказал, что он оставил метки на стенах, чтобы легче было ориентироваться! Так что, на этот раз мы мимо не пройдем! – горячо возразил фон Иншеру брат Мигель.

– И что же это за метки?

– Он начертил кресты тамплиеров. Мы будем идти и внимательно осматривать стены. Где заметите такую отметку, знайте: нам – туда!

Воины в монашеском одеянии начали движение вдоль южной окраины Кнайпхофа.

Постепенно улицы города заполнялись жителями. Пешие и конные, они устремились по своим делам – на рынки и в мастерские, на склады, в церковь и на пристань. Процессия монахов ни у кого не вызвала удивления. Было видно, что это посланцы какого-то монастыря. Дорогу им пересекли мальчишки, тащившие в корзинах свежельвовленных раков и угрей. Улов несли напрямик на рынок. Несколько нищих, протянув руки, просили милостыню. Двое стражников волокли какого-то бедолагу в Голубую башню.

– Смотрите! – брат Мигель указал на стену с полукруглой аркой, из которой вылетела стая голубей.

На её краю, справа от арки виднелся нарисованный, возможно, куском кирпича крест с двумя поперечинами.

– Нам – сюда! – обрадовано воскликнул брат Антуан.

– Ну, держитесь, чёртовы колдуны, – сквозь зубы процедил фон Иншер.

Брат Мигель и брат Антуан зашли под арку.

– Вы подождите пока здесь, – сказал последний оставшейся процессии. – А мы посмотрим, что тут есть.

Через минуту они вернулись, спугнув при этом нескольких кошек.

– Да, это то самое место! – воскликнул Бордуа. – Чёрная дверь, как и описывал её мой человек и знак под окном!

– Там, между вторым и третьим окнами, – пояснил Антуан Норфолкский, – нацарапан ещё такой же крест! Но – место колдовское! Одни кошки чего стоят. Может, это ведьмы следят за двором?

– Ничего, брат! Отец Зигфрид в монастыре Архангела Михаила закатит во славу Пресвятой Девы такую мессу, что ведьмам не поздоровится!

– Давайте, братья, затащим во двор телегу, перегорим ею выход и займёмся делом, – в нетерпении произнёс фон Иншер. – Клянусь Распятием, теперь я разорю это проклятое гнездо, не будь я рыцарем Храма!

Они так и сделали. Телегой перегородили вход под аркой, а сами вошли во двор.

– Приступим, – произнёс брат Мигель, сбрасывая с себя монашескую рясу. Под ней оказалась дорогая испанская кольчуга.

– Разбирайте оружие, – брат Антуан сбросил с телеги несколько мешков с овсом и достал боевой топор. – Это сгодится для двери, – удовлетворённо хмыкнул он. – Но в помещениях придётся действовать короткими мечами и кинжалами.

– Ульрих, Мартин! – скомандовал фон Иншер. – Возьмите ещё двоих сариантов и займитесь окнами. Никого не выпускайте! Обыскивайте каждого, кто попытается бежать! И убивайте! Помните: *A cane non magno saepe ingens aper tenefur* – (26) Брат Антуан, давай сначала попробуем постучать в двери. Ты прекрасно справился с ролью святого отца на Зелёном мосту, вот и попробуй проявить своё мастерство вторично!

Одно из самых просторных помещений школы «Куклы старой Магды» сразу стало тесным. Сюда, кроме Стратега Филиппа с двумя его магами-прислужниками, самой госпожи Магды и Хасана, набились все ученики школы, приглашённые на таинство воссоединения и

«одушевления» двух реликвий. В зале было светло – в окна заглянуло солнце. И всё же, на столе и стенах стояли и висели массивные подсвечники, в которых горели свечи.

– Прошу соблюдать тишину, дети мои, – громогласно произнёс Филипп. – Попросим Господа благословить наш обряд...

Послышалось пение:

– *In nomine patris, et filii, et spiritu sancto* (27).

Началась молитва. Якоб стоял в самом конце залы, за спинами собравшихся, и ему было мало чего видно. Когда прозвучало: «Amen», зал наполнился музыкой. Было понятно: госпожа Магда села за клавиш. Она играла что-то торжественное и, вместе с тем, щемящее, надрывное. Якоб поразился, какой силою обладает простой музыкальный инструмент, если за ним сидит знающий человек. Стратег Филипп тоже оценил это.

– *Non vi, sed arte* (28), – пробормотал он. И уже более громко: – Братья мои! Наконец, после многолетних трудов, после долгих и тяжких испытаний мы обрели драгоценные реликвии в хаосе мирской суеты, пороков и страстей! Отыскали и собрали их *in corpore* (29) здесь, в школе «Куклы старой Магды! Зачем мы это сделали? – спросите вы. И будете правы. Ибо сказано: «*Incertus animus dimidium sapientiae est*» (30). Эти реликвии были посланы на Землю самим Господом. Он сказал так: «Кто завладеет – пользуйтесь!» Их не могли отыскать рыцари Круглого стола короля Артура, как ни пытались, за ними долгое время безрезультатно охотились тамплиеры. И только нам помогла Пресвятая Дева Мария, ибо она ведаёт, что нами двигали не корыстные побуждения, но стремление возвеличить Господа! Теперь они у нас! Взгляните, братья! Вот, перед вами – священный Грааль, в который, по преданию, стекала кровь Христа. А вот – священное копьё Лонгина, пронзившее тело Христа, прервав его земные мучения. Обе эти реликвии символизируют всё наше бытие, а именно – женскую и мужскую сущности, которые должны быть соединены, дабы явить настоящее чудо! *Multum in parvo* (31)! Обряд соединения должен сопровождаться молитвой и священным песнопением. Или музыкальным сопровождением...

Якоб краем глаза увидел, как Филипп вытащил пред очи собравшихся и Грааль, и наконечник копья Лонгина. «Пресвятая Дева, – подумал он, – ведь и то, и другое было доставлено сюда путём обмана, убийств и... колдовства! Неужели эти реликвии, находясь в руках убийц, смогут творить богоугодные чудеса?»

– Я приступаю к обряду «одушевления» – провозгласил Стратег. – Якоб Шоль! – возвысил он голос. – Подойди сюда!

Молодой воин надавил плечом, и толпа учеников расступилась, освободив ему дорогу. Вот, юноша оказался лицом к лицу с великим магом или, вернее, жрецом. Тот в одной руке держал серебряную чашу, в другой – какой-то бесформенный предмет, совсем не похожий на обычный наконечник копья. Тем не менее, вид у Стратега был чрезвычайно торжественен и важен.

– Смотри, но не двигайся! – приказал Филипп. – Я приглашаю тебя в путешествие через многие годы. *Cave!* (32) Не заблудись там. При первой возможности я верну тебя обратно! – Он начал читать заклинание на незнакомом Якобу языке, одновременно вкладывая в чашу наконечник копья.

«Возможно, это иврит или санскрит...» – только и успел подумать юноша, как яркая вспышка ослепила его.

Якоб очутился вне дома, на улице. Под ногами блестела привычная, гладкая брусчатка, видимо, только что прошёл дождь. Молодой воин огляделся: зрелище вокруг было незнакомым и пугающим. Вот – Кафедральный собор. Юноша отошёл на несколько шагов, разглядывая его. Да, несомненно, это – он. «Значит, я по-прежнему в Кнайпхофе»? Но почему остров пустынен? Почему на нём, кроме величественного собора нет ни единого здания? Молодые деревья, зелёная трава, лавки и разбросанные между ними каменные фигуры... Люди в странных одеждах... Если это Кнайпхоф, то где Зелёный мост? Где Потроховый и Лавочный? Река разделяет берега, на противоположном высятся огромные дома, Альтштадт и Форштадт соединяет гигантский мост, по которому мчатся странные разноцветные, большие и маленькие фургоны... без единой лошади. Самих же городов тоже не узнать! Серые, красные и белые с голубым, огромные постройки... Они везде! Здесь также раннее утро. Поэтому и людей не так много... Дальше, по течению Прегеля стоят громадные корабли, но почему-то без мачт и парусов... Над головой летают чайки... И шум! Непривычный гул, давящий на уши... Но, от увиденного захватывает дух! Сколько домов вокруг и как они величественны! Вот, по реке, рассекая воду, идёт небольшой корабль, в нём сидят люди. Но, ни вёсел, ни парусов нет... А река – всё такая же! Колышутся водоросли, цветут кувшинки, резвятся рыбёшки... Так где же я?..

Очередная вспышка вернула его в действительность. Он снова очутился в зале, где Стратег Филипп с госпожой Магдой проделывали странные опыты с древними реликвиями.

– Что ты видел? – спросил Якоба жрец.

– Кнайпхоф, – запинаясь, ответил тот. – Только пустынный, без домов. Один Кафедральный собор стоит... – молодой воин был совершенно потрясён.

– Куда ты отправил его, Филипп? – спросила госпожа.

– На пять столетий вперёд, в далёкое будущее, – ответил тот. – Видимо, в грядущем люди решили не заселять остров, сделав его местом поклонения Господу нашему, и оставив на нём лишь Кафедральный собор.

– Что ж, это – разумно, – подумав, промолвила Магда.

В это время раздался страшный удар внизу дома и пронзительный крик привратника. Кто-то выламывал дверь в школу. Лицо Стратега Филиппа побледнело. Госпожа Магда прекратила музицировать.

– Что случилось? – повис в помещении немой вопрос.

В этот момент раздался грохот падающей двери и тяжёлые шаги ворвавшихся в школу людей.

– Быстро все вниз! – скомандовал жрец. – Если попытаются проникнуть в дом, убейте любого! Проявите всё своё умение, но остановите врагов! *Concordia victoriam gignit* (33)! – Он схватил святыни и стал искать глазами место, куда бы их спрятать.

Якоб обнажил меч и бросился к лестнице.

– Это враги! Но, как они разыскали нас? – донёсся вслед ему недоумённый возглас госпожи.

Как только тяжёлая, окованная железом дверь была сорвана с петель, в открывшийся проём ринулись нападающие. Старый привратник был сметён, словно тростинка, оказавшаяся на пути лавины. Он только и успел произнести: «Пресвятая Дева... » Брат Антуан и фон Иншер с тремя сариантами принялись громить первый этаж, а Мигель Бордуа

с возгласом: «*Cum deo!* (34)» и четвёркой молодых воинов направились к лестнице, ведущей на второй. Несколько оставшихся снаружи сариантов начали выбивать окна.

Сверху послышался властный окрик:

– Кто вы такие? Именем короля, немедленно сложите оружие и покиньте дом!

– Кто смеет говорить от имени короля? – задал вопрос брат Мигель, отбивая первый удар, – Разве по его приказу вы похитили наши святыни? У живых или мёртвых, но мы их у вас отберём!

– Вы скорее сами отправитесь в ад! Никаких святынь у нас нет!

– Тогда прекратите сопротивление и не препятствуйте обыску!

Снизу послышался грохот кастрюль и котлов: два рыцаря и сарианты добрались до кухни. А на лестнице возникла пробка: несколько отчаянно сражающихся учеников школы во главе с Хасаном не пропускали в коридор отряд брата Мигеля.

– Томас, – крикнул рыцарь за спину, – возьми из телеги арбалет. – Кое-кто из колдунов никак не хочет расстаться с украденным добром!

Якоб выглянул в окно: во дворе были чужие. Они заняли первый этаж, перебив всю прислугу, и рвались наверх. На второй этаж вела единственная лестница, но её упорно защищали ученики колдовской школы. Здесь находились все остальные защитники реликвий, пока успешно сдерживающие напор нападающих. Они пользовались теснотой лестницы, уже трещавшей под тяжестью скопившихся людей и грозящей вот-вот развалиться. Но силы вооружённых захватчиков были велики, они теснили яростно и неистово. Пока Якоб пытался определить силы нападающих, кто-то со двора выстрелил в него из арбалета. Юношу вновь спас его Дар: стрела вонзилась в картинную раму в локте от его шеи. Вот двое притащили из телеги, преграждающей выход на улицу, лестницу. По ней они могут забраться на второй этаж. Тогда сдерживать их натиск станет гораздо труднее.

– Отдай нам реликвии, проклятый колдун, и мы не тронем тебя! – кричали ему снизу. – А иначе, сначала сгоришь здесь, а потом уж – в аду!

Вторая стрела разнесла в щепки оконную раму. «А ведь они вполне могут и поджечь нас, – подумал Якоб. – Эти люди ни перед чем не остановятся». Он вдруг понял, что, если огонь охватит первый этаж, не спасётся уже никто.

Грохнула оконная рама где-то на первом этаже. Из окна на улицу выпал человек. Он медленно пополз по брусчатке, оставляя за собой тёмную полосу крови. В его боку что-то торчало – то ли кинжал, то ли обломок копья. Увидевшие его люди из числа нападающих, отпустили в адрес бедняги несколько скабрёзных шуток и захохотали. Раненый затих в луже крови, расплзающейся под его телом. Из разбитого окна кухни выскочили две курицы, видимо, заготовленные на убой к обеду, за ними, тяжело переваливаясь с боку на бок, неторопливо вышел гусь. Птицы, по счастливой случайности избежав участи стать кулинарными блюдами, словно предоставили людям право самим решать, кому из них быть зарезанным. Со стороны входной двери двое сариантов выволокли мужчину и бросили его на камни мостовой.

– Где наши реликвии? – грозно спросил его высокий мужчина в плаще, державший в руках топор. Но несчастный плакал и бормотал что-то невнятное.

– Вот, – сказал один из сариантов. – Мы нашли у него документ!

– «Всемиловнейше довожу до Вашего сведения...» Кому адресовано это послание?

– Господину бургомистру Карлу Илленштайну, – подсказал кто-то из бойцов.

– «... что дом, расположенный по адресу: Троттенштасе 4, – продолжал читать рыцарь, – атакован неизвестными, в количестве, не превышающем двадцать человек. Разбойники бесчинствуют, убивают мирных жителей. Ради Христа и Пресвятой Девы Марии! Мы умоляем о наведении порядка. Пришлите стражников к нам на помощь...» А–а, помощи запросили! Значит, на одно только колдовство уже не рассчитываете?

Пленник молчал, лишь крупная дрожь пробежала по всему его телу.

Якоб невольно зажмурился. Огромный топор, сверкнув широким лезвием, с противным хрустом опустился на голову несчастного.

– Мы вас всех уничтожим, – прозвучал запоздалый приговор.

– Колдуны! – послышался крик со двора.

Из соседней комнаты в окно один за другим выпрыгнули два человека. Но они не упали как обычные люди, а спланировали, мягко приземлившись на ноги, словно их плащи сыграли роль крыльев. При обычных обстоятельствах, такое зрелище заставило бы увидевших его раскрыть рот и оставаться в состоянии оцепенения. Но не в этот раз. Осаждающие дом, видимо, были готовы к подобным трюкам со стороны осаждённых. На этих двоих тут же накнулись расторопные воины. Им не дали уйти. Возле телеги с обоими и покончили.

Навстречу брату Антуану со стороны столовой выскочило трое молодых людей с мечами, испускающими искры. Сарианты, поддерживающие рыцаря, несколько ступевались.

– Пресвятая Дева! – воскликнул один из них. – Мы сейчас сгорим заживо!

– Когда речь идёт о колдовстве, – поучительно произнёс Антуан Норфолкский, – не верь глазам своим! А лучше насади колдуна на свой клинок! – и ринулся в атаку. Мощного напора одного рыцаря хватило, чтобы смять троих слуг госпожи Магды. Сарианты вмиг расправились с обескураженными врагами.

– Проверьте, не несли ли они реликвии, – приказал брат Антуан. – Хотя, я подозреваю, что наши святыни где-то наверху! Эй, на втором этаже! Слышите меня? Я – рыцарь Антуан Норфолкский! Нам известно, что в этом доме прячут похищенные у нас святыни – Святой Грааль и Копьё Лонгина! Мы пришли за ними и без них не уйдём! Кто встанет у нас на пути, будет немедленно уничтожен и прямоком отправится в ад! Кто хочет уцелеть, пусть принесёт нам наши реликвии или укажет к ним путь! Иначе – всем смерть!

Фон Иншер выбил дверь в кладовую и обнаружил там спрятавшегося от расправы повара.

– Я... я... – попытался что-то пролепетать несчастный.

– Понимаю, – вздохнул рыцарь. – Ты ничего не знаешь! – тот испуганно закивал головой.

– И всё-таки, ты служишь колдунам!

Удар железной перчаткой отбросил повара в угол кухни. Рыцарь взял с миски, стоящей на столе, яблоко, надкусил.

– Мы вас всех уничтожим, – мрачно добавил он.

Раздался звук разбитого стекла. Сарианты выламывали окно на втором этаже.

– Хасана подстрелили! – послышался крик из коридора, и Якоб метнулся в тесное пространство, наполненное дерущимися людьми.

– Якоб, – услышал он голос госпожи Магды.

Молодой воин повернул назад.

– Якоб, – продолжала женщина. – Будь поблизости от Стратега Филиппа. Защити его и не дай пропасть реликвиям!

«Пречистая Дева, – подумал юноша, – а ведь она действительно старая!»

– Слушаюсь, госпожа, – ответил он, стараясь не смотреть на сеть глубоких морщин, избородивших лицо Магды, искусанные губы и обезумивший взгляд.

Хасан, действовавший хладнокровно и уверенно, орудуя двумя мечами с непостижимой быстротой, и, тем самым, сдерживая натиск нападающих, получил арбалетный болт в правую часть груди. Его, хрипящего и обливающегося кровью, оттащили назад и положили в ближайшую комнату.

Таким образом, положение сдерживающих натиск стало угрожающим. Не помогли им и уловки: один из бывших учеников школы постоянно менял внешность, пытаясь запугать и сбить с толку противника. Другой, пройдя сквозь стену, пытался нанести удар сзади молодому сарианту. Теперь оба со стонами корчились под ногами сражающихся.

Битва постепенно перемещалась от лестницы вглубь коридора. Защитников теснили к покоям госпожи Магды и залу, в котором прятался Стратег Филипп со священными реликвиями. К тому же, как выяснилось, далеко не все из бывших учеников горели желанием погибать за украденные святыни, оказавшиеся в руках их господ. Им, бывшим ученикам, обладающими особыми дарованиями, прекрасно жилось и без чужих реликвий. Поэтому кое-кто уже подумывал, как бы поскорее оставить поле боя. Однако это было непросто.

– Встань в дверях, Якоб Шоль, – губы у Стратега Филиппа дрожали. – И убивай каждого, кто попытается войти в эту комнату! Я думаю, соседи уже подняли тревогу и скоро здесь появятся стражники!

«Боюсь, никто не будет поднимать тревогу из-за колдовской школы», – вздохнув, подумал молодой воин, вслух же сказал следующее:

– Не извольте беспокоиться. Я исполню свой долг.

– А если они не поторопятся, – промолвил Филипп, – мы попробуем с помощью наших святынь переместиться отсюда. Но, что это? – Он потянул воздух носом. – Неужели, пахнет дымом?

– Стражники увидят дым и прибегут сюда сами, – сказал Якоб, тоже почувствовавший запах горящего дерева.

– Если мы не зажаримся раньше, – хриплым голосом добавила госпожа Магда.

– Пожар! Горим! – пронеслось по коридору.

– Надо выбираться отсюда, – принял решение Филипп.

Тем временем, нападавшие прорвали оборону учеников школы. Якоб увидел бегущего по коридору человека. За ним – другого. И это – не защитники школы. Первый бросился на юношу, не думая, что перед ним – умелый воин. И тут же поплатился за это. Второй действовал более разумно: он сделал обманное движение и попытался поймать Якоба на ложном выпад. Тот сделал вид, что «купился» на этот приём и «открыл» участок груди. Противник тут же нанёс удар и... промахнулся. Зато Якоб был точен. Из той стороны коридора, откуда выбежали эти двое, уже вовсю валил дым.

– Надо немедленно уходить отсюда! – объявил он Филиппу и Магде.

– Но куда? Во двор? В окно?

– Нет, – подумав, ответил воин. – Мы попробуем прорваться. С боем.

– Главное – сохранить реликвии, – дрожащим голосом произнёс жрец. Они не должны попасть в чужие руки...

– Господь нам поможет, – произнесла Магда строгим голосом. – Мальчик неуязвим. Если он не уничтожит нападающих, то хотя бы отвлечёт их от нас. Нам бы только выскочить со двора на улицу!

– Первый этаж в огне, – предупредил Якоб. – Все нападающие вышли наружу. Я займусь ими, а вы попробуйте проскочить. Стражники уже наверняка на подходе...

В коридоре невозможно было ничего разглядеть, на лестнице было скользко от крови. Под ногами валялись тела. Едкий дым поступал в лёгкие и вызывал судорожный кашель. Глаза слезились. Жаркие волны лизали лицо. «Ещё немного – и вспыхнут волосы и одежда», – думалось Якобу. Но он наощупь упорно двигался вперёд, к выходу. За ним, тяжело дыша, следовал Филипп, сжимающий в руках мешок со святынями, и госпожа Магда.

– Последний рывок! – сказал Якоб. – Я выбегаю и начинаю схватку. А вы постарайтесь смешаться с толпой! Во дворе уже полно народу!

– Да поможет нам Пресвятая Дева!

Якоб выскочил наружу из огненного плена, свежий воздух ударил в лёгкие и голову, на миг оглушив его. Тотчас он почувствовал толчок в грудь и сообразил: кто-то пытался ударить его мечом, но меч «ушёл» в сторону, и противник по инерции врезался в него всем своим телом. Молодой воин ответил ударом кинжала, который вспорол чью-то кольчугу.

– Проклятье! – выдохнул его противник.

В клубах дыма, вьющихся над двором, Якоб разглядел фигуры нападавших. Некоторые из них сдерживали толпу зевак со стороны улицы. Возможно, там были и стражники. Хватая ртом свежий воздух, из горящего дома выбежали Филипп с Магдой. Они тотчас бросились к арке, но им наперерез двинулись захватчики. Якоб кинулся на помощь своим господам. Ему преградил дорогу воин в доспехах. «Ещё один поединщик», – горько усмехнулся юноша, готовясь к бою.

– Якоб? Ты ли это? – воскликнул вдруг его соперник.

– Рихард! – узнал юноша своего напарника в тренировках, проводимых в замке Нойбертхаус. Этот парень числился послушником из монастыря святого Михаила. Был он очень ловок и умел. Но, одержать верх над Якобом ему так ни разу и не удалось.

– Уйди с моего пути, Рихард, – тихо произнёс Якоб. – Я не хочу тебя убивать. Ты же знаешь: тебе меня не победить...

– Господь рассудит, дружище...

И в этот момент сверху сорвалась горящая балка. Это была не вражеская стрела или меч... Прочертив огненную дугу, она упала на землю, задев своим концом непокрытую голову молодого воина из школы «Куклы старой Магды».

Якоб, как подкошенный, рухнул под ноги своему противнику.

– Что-то там, в Кнайпхофе опять горит! Вон, как колокола звонят, да дым валит столбом, – произнёс доктор Пельшиц, входя в дом.

– Да уже больше часа, как горит, – ответила Марта, протирая тряпкой стол. – Поди, сгорело уже всё. Ты будешь ужинать? Как сходил к больному? Удачно ли?

– Да, дорогая моя Марта, – ответил доктор, снимая сапоги. – На первый взгляд, ничего серьёзного, но, если бы не рецепт микстуры нашего Якоба на основе болиголова... Ты-то как, справляешься со своими делами? – Он взглянул на выпирающий живот жены.

Марта уже более полугода носила фамилию Пельшиц, а также его ребёнка под сердцем.

– Как же, справляюсь!

– Карл! – позвал доктор старого слугу. – Принеси воды для госпожи Пельшиц!

– Ты пользуешься настойками Якоба, а о нём самом вот уже два года – ни слуху, ни духу, – вполголоса произнесла супруга врача, и было непонятно ворчит она или печалится.

– У каждого – свой путь, – ответил Пельшиц. – Судьба – призывает нас к смирению... Мы наивно думаем, что сами выбираем свою дорогу, только в действительности всё в жизни происходит по воле Господа... А Божий Промысел невозможно познать с научной точки зрения. Потому как в наших стремлениях – корысть, а в Его законах – любовь. Но коль будущее человека оказывается плохо, то в этом вина его самого. Налей-ка мне лучше пива, дорогая.

После ухода Якоба у городского доктора жило четверо учеников и помощников, но они так и не смогли по мастерству и способностям даже приблизиться к маленькому бродяге. Никто из них не разбирался в травах. Один был нечист на руку, воровал снадобья и продавал их на рынке. Другой – ленив и нерасторопен. Третий отличался бестолковостью, он постоянно путал лекарства и не мог запомнить десятка слов на латыни. Четвёртый, самый старший, начал проявлять повышенный интерес к Марте. Со всеми ими доктору пришлось без сожаления расстаться. И теперь, глядя на жену, он думал, что с рождением ребёнка, забот ему прибавится, а врачебное дело от этого только пострадает. В городской коллегии и так уже поговаривали о том, что главного лекаря Альтштадта давно пора сменить.

К полудню колокольный звон стих. За это время Пельшиц вправил очередному бедолаге вывих, поставив кости на место и перевязав тому руку, затем занялся ревизией своего аптекарского инвентаря.

– Давно пора делать новые заготовки, – произнёс он, вздохнув.

Тут со скрипом открылась дверь.

– На Кнайпхофе-то, какая беда случилась! – хмуро поведал вошедший Карл, ставя на пол корзину с продуктами. – Весь рынок, словно улей. Все разговоры лишь об этом...

– Пожар мы видели...

– Да не только пожар, герр доктор. Много людей убили.

– Кто? Опять напали поляки?

– Да кто их разберёт... Война... Может, поляки, может – тевтонцы... Разгромили и пожгли какую-то школу... Хорошо, что вовремя потушили, а то мог запылать весь остров. Сказывают, на чернокнижников кто-то напал, – старый слуга перекрестился. – Только колдуны, скорее всего, сами виноваты.

– Здравствуйте, доктор, – послышался с улицы негромкий голос.

Пельшиц и Карл выглянули во двор. Там, опираясь рукой о стену дома, стоял молодой человек в прожжённой одежде и с окровавленным лицом. В правой руке он сжимал меч.

– Вы как-то сказали мне, – продолжал раненый гость, – что всегда будете рады меня видеть, и если я захочу вернуться к вам, то без лишних разговоров примете меня обратно...

– Якоб! – воскликнул Пельшиц.

– Якоб вернулся? – выглянула в окошко и Марта. – Здравствуй, маленький врач!

– Заходи же в дом, дружок, ты едва держишься на ногах! Выпей воды, нет, лучше вина!

– Благодарю, – ответил Якоб, присаживаясь на лавку. – Я вижу, нам пора начать летние сборы лекарственных трав...

– Да, – кивнул головой врач.

– Вы уж простите меня, герр доктор. Не сразу мы находим пути, по которым нам предстоит идти всю жизнь. Вот и я ... немного заплутал. Нет, – он поставил меч в угол комнаты. – Не моё это дело – размахивать оружием и наносить другим увечья. Мне больше по душе исцелять больных и раненых... Да и родители мои... всегда хотели, чтобы я стал врачом...

Часть II. Операция «Кёнигсберг»

Вместо предисловия

В Лондоне, в бункере Черчилля, расположенном в пяти минутах неспешной ходьбы от знаменитого Биг-Бена, хмурым утром 28 марта 1943 года произошла встреча премьер-министра Великобритании с главой британской разведки Стюартом Мензисом. Оба высокопоставленных господина прекрасно знали друг друга уже много лет, поэтому отношения между ними были доверительными и почти дружескими. Руководитель МИ-6 любил точность и прибыл в назначенное ему время. Черчилль пригласил его в Большой зал для заседаний.

Тепло поздоровавшись со своим собеседником, сэра Уинстон с удовольствием развалился в своём любимом кресле и с наслаждением закурил ароматную гаванскую сигару. Изредка он кидал загадочные взгляды на руководителя SIS. Мензис, по роду своей деятельности обязанный знать чуточку больше, нежели его соотечественники, терялся в догадках, зачем премьер-министр пригласил его столь неожиданно.

– Стюарт, мы давно знаем друг друга, – начал Черчилль, – поэтому я буду с вами предельно откровенным, и пусть вас не смущают некоторые... спорные детали моих размышлений. Скажите мне, как на духу, вы верите в оккультизм?

– Сэр, я служу короне уже много лет, – ответил Мензис, скрывая удивление, – и считаю себя человеком образованным и достаточно цивилизованным. Хотя, должен признаться, от некоторых вещей, от их непонятности, у меня тоже буквально шерсть на загривке встает дыбом. Но, что вы имели в виду, упоминая оккультизм? Не считаете ли вы, в самом деле, что немцы придумали новое оружие под названием «чёрная магия» и стараются применить его против нас? – Стюарт Мензис изобразил учтивую улыбку.

– Я высоко ценю вашу деятельность на посту руководителя секретной военной разведки, Стюарт, и доволен вашими успехами. Гунны потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом, но у них есть сокровищницы, в которых они прячут нечто... стоящее. И вы должны это знать, мой друг. – Черчилль сделал глубокую затяжку и выпустил дым себе под ноги. – Меня беспокоит деятельность «Аненербе» в Кёнигсберге, Стюарт. Над

чем они трудятся? Каковы результаты их исследований? Кто руководит их работой? Имена их ведущих специалистов? Мне бы хотелось узнать мнение ваших аналитиков. Ведь, какая-то информация у них наверняка есть и предварительные выводы уже готовы?

– Сэр, мы непрерывно следим за этой организацией. С 1937 года «Аненербе» была интегрирована в СС, у неё довольно широкие полномочия и неплохое финансирование. Их сотрудники с 1935 года осуществили десятки секретных экспедиций по всему миру. Что им удалось собрать за эти годы, содержится в строжайшей тайне. Но, то, что они получили достаточно информации, в том числе, сакральных знаний – это очевидно.

Мензис взглянул на Черчилля. Тот сидел, прикрыв глаза и, казалось, дремал. А Стюарту вдруг припомнился случай годичной давности, когда премьер-министру попала информация о некоей школе в Кёнигсберге, имеющей название «Куклы старой Магды». В этой оккультно-мистической организации стряпали кукол на разных непристойных, на взгляд их создателей, лиц. Эти куклы впоследствии протыкались серебряными иглами с янтарными наконечниками и... с прообразом куклы, случалась беда. Когда Черчиллю доложили (а доложили именно сотрудники МИ-6), что в этой школе появилась кукла, изображающая его самого, реакция сэра Уинстона была неожиданной: премьер-министр не на шутку перепугался!

– Среди предметов, пользующихся особым вниманием у «Аненербе», – продолжал Стюарт, – как и многие годы до него, являются... Священный Грааль, Ковчег Ноя и Копьё судьбы. Последнее, кстати, находится в руках нацистов и может быть использовано в любой момент!

– Если бы они умели им пользоваться, – заметил Черчилль, – то не допустили бы Сталинграда. Я слышал, что гунны затевают исследования с целью создания нового секретного оружия. Но какого? По какому принципу действующего?

– По нашим сведениям, сэр, основными их задачами являются: создание сверхчеловека, открытия в области медицины, разработка принципиально новых видов оружия, я имею в виду атомное и психофизическое, возможность применения религиозно-мистических практик для воздействия на массы и... установление контакта с инопланетным разумом. Кроме этого, они также рассматривают возможность путешествий во времени и телепортации.

– Что думают по этому поводу ваши аналитики, Стюарт? Что-нибудь, из перечисленного вами, может быть осуществлено... реально?

– Вполне. Некоторые из этих проблем по силам решить и нашим учёным, сэр. Без привлечения потусторонних сил.

Черчилль молча попыхивал сигарой. Его лоб покрыли морщины. Он о чём-то глубоко задумался, и руководитель британской разведки не решился отвлечь его от размышлений. В памяти Стюарта Мензиса всплыла ещё одна картинка, родом из того же Кёнигсберга, и от которой, несомненно, пахло магией. Речь шла о судьбе кёнигсбергской журналистки "Золотое перо", позволившей себе нелестно высказаться о Гитлере. Дело было в 1929 году. Будущий фюрер прибыл в Кёнигсберг, где выступил с речью в Штадтхалле. Был он простужен, охрип, и его речь не произвела должного впечатления. Более того, завершающая фраза: «Я приехал взять Кёнигсберг!» прозвучала, мягко говоря, неубедительно. Пресса тут же откликнулась на слова приезжего «завоевателя» в довольно едкой форме. В те времена

сторонников Гитлера в столице Восточной Пруссии было ещё немного. Особенно отличилась одна журналистка, выразившая сомнение в физических и интеллектуальных качествах лидера нацистов, намекнув на его «эротически-беспочвенные грёзы». На следующий день после публикации заметки, журналистке, праздновавшей триумф, вручили букет цветов и плитку дорогого шоколада. Подарок преподнёс молодой и вежливый человек. То, что разыгралось во время обеденного перерыва в кафе, куда вскоре отправились сотрудники редакции, трудно описать словами. Женщина развернула фольгу и, вместо того, чтобы отломить кусочек шоколада, как это обычно принято у дам, откусила кусок от плитки. Послышался хруст стекла. Рот журналистки наполнился кровью. Но она, словно ничего не почувствовав, продолжала неистово грызть закамуфлированное под шоколад стекло. Взгляд у неё был безумным. Коллеги с трудом отобрали остатки стеклянного «шоколада» из рук журналистки. С сильнейшими порезами полости рта её отправили в госпиталь. Она долго ещё не могла понять, где находится и что с ней произошло.

– Скажите, Стюарт, вы допускаете, что гунны завладели Граалем? – наконец спросил Черчилль, пытливо взглянув на главу британской разведки.

– Такими сведениями мы не располагаем, сэр, – уклончиво ответил тот. – Но, если бы это произошло на самом деле, такая информация мимо нас бы не прошла.

– Вот что, Стюарт, – Черчилль задумчиво взглянул в глаза руководителя SIS. – Усильте наблюдение за «Аненербе» и в первую очередь там, где она создала свои лаборатории и ведёт активную исследовательскую деятельность. Я имею в виду Кёнигсберг. Мне бы не хотелось, чтобы гунны преподнесли нам сюрприз, к которому мы не будем готовы. Если нам не удастся взять под контроль их деятельность, то будет лучше, если все эти лаборатории с их сотрудниками будут уничтожены.

Глава 1. Встреча на Адольф-Гитлер-плац

Выписка из приказа рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера от 6.12.1939 г. № 16. «Совершенно секретно. В рамках проекта «Аненербе» учредить на базе Кёнигсбергского университета научную лабораторию по изучению паранормальных природных явлений и сверхчеловеческих способностей, пригодных к использованию для нужд Вермахта и в интересах Великого Рейха... Назначить начальником кёнигсбергского отделения «Аненербе», штандартенфюрера СС Гельмута Хоффмана, а начальником лаборатории – гауптштурмфюрера СС Курта Винтера... О результатах работы представлять письменные отчёты лично мне еженедельно по вторникам...»

Это августовское утро 1944 года было ясным и солнечным. Ночью в Кёнигсберге прошел небольшой дождь, о чём свидетельствовало множество поблёскивающих лужиц на тротуарах и умытая ярко-зелёная листва раскидистых лип и каштанов. День обещал быть жарким, даже душным. Прохожие уже сейчас старались придерживаться теневых сторон улиц и спешили справиться с наиболее важными делами до наступления знойного полдня.

Глядя на спешащих по делам людей, на стариков, выгуливающих собачек, и мамаш, забавляющихся со своими малышами, не думалось, что война уже подошла к границам Германии. Когда бои шли там, на востоке, казалось, что всё идёт так, как и задумано: год-два

и она закончится полным разгромом России, а на немецкую землю не упадёт ни один вражеский снаряд. Но русские, вне всяких сомнений, научились воевать: первая половина года прошла в победоносном наступлении Красной Армии на всех фронтах. Были освобождены Белоруссия и Украина, большая часть Литвы, значительная часть Польши. Ещё один натиск – и может капитулировать Финляндия. Сбылись и самые худшие опасения немцев: в июне союзники Советского Союза открыли второй фронт, высадившись в Северной Франции...

Высокий и прекрасно сложенный, голубоглазый блондин Курт Винтер вышел из своего дома на Тиргартенштрассе (35) и направился в сторону Северного вокзала, где должен был встретиться с коллегой из Кранца (36). Сегодня он решил не одевать военную форму, а облачился в соответствующий летней погоде лёгкий кремовый костюм и сетчатую шляпу с полями. В свои тридцать лет он имел звание гауптштурмфюрера СС (37) и должность заместителя начальника отделения по исследованию оккультных наук секретного института «Аненербе» (38). Чем он занимается в своей лаборатории, не знала даже его белокурая супруга Эльза, которая сейчас осталась дома с четырехлетним сынишкой Акселем. Для всех знакомых и близких он был просто врачом психоневрологом, исследующим скрытые резервы человеческого мозга в интересах Вермахта.

Курт привычно взглянул на скульптурную группу зверей, украшающих каменный фасад с надписью: «Tiergarten» (39). Желаящих посмотреть на животных и покататься на слоне он сегодня не увидел. «Здесь будет очень хорошо вечером, на закате солнца, – подумал он, – вновь заиграет духовой оркестр, откроются ресторанчики и бильярдный зал, сюда потянутся принарядившиеся горожане. Будет с кем выпить пива и поболтать... Только до вечера ещё далеко...» Он аккуратно обошел ослепительно блеснувшую на солнце лужу, в которой купалась пара голубей.

...Официально научный центр, где трудился Курт Винтер, считался филиалом версальской военно-инженерной школы, занимающейся обучением лозоходцев, прекрасно зарекомендовавших себя в годы Первой мировой войны при поиске подземных источников для снабжения армии питьевой водой, а также для обнаружения мин и минных полей. В действительности его работа заключалась в изысканиях по официально запрещённым в Германии наукам: парапсихологии, спиритизму, оккультизму и магии, даже предполагала контакты с иными цивилизациями – древними и внеземными... Параллельно вёлся поиск библейских и иных мифических артефактов, особенно тех, которые представляли интерес в плане создания новых и мощнейших видов оружия, в том числе психофизического. Данные исследования велись с благословления рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера, который действовал, естественно, не только по собственной инициативе, но и по прямым указаниям Адольфа Гитлера, а последний денег на подобные опыты и разработки не жалел. И успехи были налицо... Однако об этом не должен был знать никто, кроме двух-трех человек из руководства Кёнигсбергского отделения Аненербе...

Винтер проследовал мимо Эрих-Кох-Плац (40), где обычно проходили тренировки солдат, и с высокой трибуны выступала партийная элита, после чего свернул к Драматическому театру, напротив которого высилась задумчивая фигура бронзового Шиллера с гордо поднятой головой и свитком в руке. «Давненько мы с Эльзой не заходили в это благопристойное заведение, – подумал гауптштурмфюрер. – Ведь театр – это, пожалуй, единственная кафедра, с которой ещё возможно напомнить людям о добре и

истинных человеческих ценностях. Надо будет осенью обязательно сводить сюда мою милую хозяйку».

Главным направлением работы Курта Винтера в последнее время стал поиск той самой Чаши Грааля, которая вместе со священным Копьём, согласно древней легенде, открывает путь к мировому господству. Данный аспект изысканий находился на особом контроле самого фюрера. Копьём Судьбы, до того хранившимся в венском музее, Адольф Гитлер завладел в 1938 году после присоединения Австрии к Германии. Для безраздельной власти над миром ему не хватало лишь Чаши Грааля. Соединить легендарное Копьё – символ активного мужского начала, а также научного познания мира, и Чашу – символ женского начала и накопленного опыта – вот сверхидея, которая занимала правящую верхушку рейха. Связать новейшие достижения науки с многовековым опытом человечества, даже если он не всегда поддаётся рациональному объяснению! Красивая и продуктивная идея. Если бы только не цель, которую ставили перед собой нацисты...

Офицер взглянул на свои швейцарские часы, подарок супруги на годовщину их свадьбы, отметил небольшую царапину на указательном пальце. Они с Эльзой приобрели для Акселя маленького, шустрого котёнка, который ещё не привык во время игры прятать свои коготки. До прихода поезда из Кранца оставалось около четверти часа. Курт проследовал мимо скульптуры «Борющиеся зубры», которая была подарена Кёнигсбергу прусским министерством культуры в 1912 году. Он невольно усмехнулся: автор произведения – Август Гауль и не подозревал, что его скульптуру горожане назовут «Прокурор и защитник», так как в 1914 году за ней было построено здание земельного и административного судов (41). Это был год его появления на свет. Тогда тоже шла война... Отец Курта в Первую мировую командовал батальоном 18-го полка 70-й бригады 11-й дивизии ландвера под командованием генерал-лейтенанта Рудольфа фон Фройденберга. Летом 1915 года при осаде крепости Осовец он стал очевидцем «атаки мертвецов» (42), после чего неизменно с большим уважением отзывался о стойкости русских солдат и офицеров... «Зачем, зачем мы ввязались в войну против России?» – с печалью думал Винтер.

Через пару десятков шагов его взору открылась широкая площадь – Адольф-Гитлер-Плац (43). Слева – Управление суда провинции Восточная Пруссия, справа – Городская ратуша (44), а прямо – большое здание с колоннами, по фронту которого надпись: «Nordbahnhof», что и означало «Северный вокзал» (45).

Прежде площадь называлась Ганза-Плац... Курт помнил, с каким небывалым воодушевлением был встречен в Восточной Пруссии приход Гитлера к власти. Тысячи жителей провинции связывали свои лучшие надежды с вождём национал-социалистов. Девятого мая 1933 г. состоялся визит Гитлера в Кёнигсберг. Впервые жители города встречали фюрера как общенационального лидера. Эта встреча прошла как никогда торжественно: с военным оркестром, почётным караулом, поездкой на автомобиле по улицам и букетами цветов в руках стоявших вдоль дорог жителей... «Чёрт бы побрал эту войну! Не хватало ещё, чтобы русские танки вошли в Кёнигсберг!» – с досадой подумал Курт. Он с удовольствием бы занимался исследованиями в мирное время. Но когда твоей родине угрожает опасность, куда только девается благодущие и спокойствие!

С этими мыслями Винтер перешел два ряда трамвайных путей и оказался на Северном вокзале. На перроне он едва успел закурить сигарету, как чёрная дымящая коляска с шумом и свистом притащила за собой вереницу свежыкрашенных вагонов. Из второго

вагона, вслед за пожилой парой, несущей объёмные чемоданы, вышел немолодой уже человек в сером летнем костюме с тростью. Это и был господин, которого ожидал Винтер, – профессор Вилли Фоль – ведущий специалист отдела раскопок. Курт был знаком с ним очень давно, знал о его экспедициях на Ближний Восток, в Скандинавию и Южную Америку, а на днях уважаемый коллега вернулся из командировки на Тибет и сам инициировал эту встречу... «Интересно, что такого он раскопал на родине древних ариев?..» – размышлял Винтер.

Обменявшись приветствиями и рукопожатием, господа не спеша покинули перрон и свернули на Гендельштрассе, где присели за один из выставленных на улицу столиков кафешки «Бавария» и заказали по бокалу пива. Во-первых, на улице было не так душно, как в помещении, во-вторых, здесь наверняка не было прослушивающих устройств, которыми гестапо обычно напичкивала подобные заведения Германии.

– Я так полагаю, профессор, что кроме массы свежих дорожных впечатлений вы привезли из своей поездки новые ценные сведения? – спросил Курт, доставая портсигар. – Курите, пожалуйста...

– Мы добыли много прелюбопытных данных, дорогой Курт, – загадочно улыбаясь, ответил Вилли Фоль. – К сожалению, из-за режима жёсткой экономии средств, в нашей экспедиции на этот раз не было специалистов вашего профиля. – Он вынул из портсигара сигарету. – А зря... Погодка-то какая! Это вам не Тибет, это – наша добрая Пруссия с её мягким, ласковым климатом... – профессор улыбнулся. – Дело в том, дружище, что при раскопках мы столкнулись с довольно необычными явлениями... Вы знаете, что в ходе поисков легендарной Шамбалы, где по преданиям, жили представители древней высокоразвитой цивилизации – наши далёкие предки, якобы умеющие управлять ходом человеческой истории, в одной из катакомб близ священного города Лхаса мы нашли шкатулку с предметами, носящими, видимо, ритуальное значение... – профессор с наслаждением отхлебнул из запотевшего бокала. – Возраст самого клада не очень велик: лет двести-триста, но вот предметы, хранящиеся в нём, гораздо старше... Предположительно, им более десяти тысяч лет! – археолог многозначительно посмотрел на молодого коллегу.

Неподалёку прогремел трамвай, возле столиков крутились вездесущие воробьи. Пиво было превосходным, настоящим «альтштадским»!

– Однако! И что же это за предметы? – не выдержал паузы разволновавшийся Курт.

– Несколько бронзовых пластин с зашифрованными текстами, которые мы уже передали специалистам по рунологии, и серебряный кубок с изумительно тонким орнаментом, украшенный самоцветами, о котором я и хотел с вами поговорить, гауптштурмфюрер. «Фоль перешёл на звания, – мелькнула мысль в голове Винтера. – Значит, дело касается непосредственно работы лаборатории!»

– Вы меня заинтриговали, профессор...

– Поскольку вместе с отчётом мне поручено представить и план дальнейших исследований нашего объекта, то я хотел бы согласовать с вами ряд деталей...

– Конечно, я весь во внимании...

– Вам, разумеется, известна легенда о священном Граале, сосуде, служившем первоначально Иисусу Христу и апостолам во время Тайной вечери, в который, затем Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого на кресте Спасителя?

– Кто же её не знает? Хотя, существует мнение, которого придерживается сам фюрер, что Грааль – более древний, нежели христианство, арийский артефакт...

– Ладно, пусть легендами занимается наш отдел германской фольклористики, а нам предстоит выяснить содержание посланий на табличках. Вот, кстати, их фотографии, – профессор протянул Курту несколько снимков. – Я не удивлюсь, если тексты содержат информацию, касающуюся истинной истории нашей арийской расы, а, возможно, и забытые познания нечеловеческого происхождения... Также следует внимательно изучить свойства найденного сосуда, поскольку у нас есть серьёзные основания считать его тем самым библейским Граалем, хотя данный факт ещё требует тщательной проверки, но в этом мы рассчитываем на вашу помощь, коллега.

– С радостью постараюсь вам помочь. Но на чём основывается ваше предположение о подлинности Грааля? Ведь о подобных находках сообщалось уже множество раз, начиная со времен короля Артура. Только все подобные сенсации оказывались беспочвенными домыслами...

Профессор с хитрой улыбочкой взглянул на своего собеседника.

– Наш оптимизм, дорогой Курт, основан на удивительных свойствах данного сосуда, в которых я имел возможность убедиться лично. Повторяю: чудесных свойствах, которые вам предлагается изучить и использовать для создания Великим Рейхом сверхнового оружия возмездия!

«Профессор не так прост, как кажется. Он несомненно что-то знает, но хитрит, – подумал Курт. – Ведь на выжившего из ума он совсем не похож. Неужели свершилось?.. Нет-нет, пусть сначала расскажет подробнее!»

– Да, нашей армии необходимо такое оружие. Но вы говорите загадками, уважаемый профессор. Даже самые необъяснимые явления природы, всегда можно логически обосновать и описать с помощью химических или математических формул и уравнений. С какими чудесами вы столкнулись?

– Пожалуй, я расскажу вам про некоторые детали, а вы попробуйте дать им научное обоснование. Договорились? Начну с того, что этот Грааль всегда тёплый на ощупь, а в темноте от него исходит голубое свечение...

– Специалисты по металлам и сплавам легко вам докажут, что в некоторых ситуациях такое вполне возможно...

– Естественно, к ним я также намерен обратиться за консультацией. Но это – присказка, а сама история, о которой я собираюсь поведать – следующая. Решив вынести данный артефакт из катакомб на поверхность, я непонятным образом заплутал, а когда нашел выход, то оказался совершенно в ином месте и даже... в другом времени...

Гауптштурмфюрер едва не расхохотался, но вовремя решил, что этим может серьёзно обидеть собеседника, а в следующий момент желание смеяться неожиданно вовсе покинуло его.

– Поясните, – приблизив своё лицо к собеседнику и перейдя на шёпот, спросил Винтер. Ведь такой поворот событий имел непосредственное отношение к тем вопросам, которыми он последнее время занимался.

– Курт, вы меня давно знаете. То, что я вам сейчас расскажу, неправдоподобно и похоже на бред сумасшедшего. А, скорее - на выдумку стремящегося к сенсации старого

учёного... Но, всё это было на самом деле! Я готов вам поклясться самым дорогим, что у меня есть...

– Полноте, профессор. Ближе к делу, – прервал рассуждения Фоля заинтригованный Винтер.

– Когда я вышел на поверхность, то... вокруг меня была совершенно незнакомая местность: поле с зеленеющими всходами, за которым виднелись убогие деревянные жилища, а в непосредственной близости от меня находилась группа людей, говорящих на незнакомом гортанном языке и одетых в странные доисторические одежды. Потом эти люди выхватили мечи и двинулись ко мне, что-то выкрикивая, видимо, бранясь... Неизвестно, за кого они меня приняли... Я спрыгнул обратно в катакомбы и через четверть часа, с опаской, конечно, вышел из них... к заждавшимся меня участникам экспедиции. Моему рассказу, разумеется, никто не поверил...

Курт Винтер допил пиво из бокала и вытер губы салфеткой.

– А я вам верю, профессор, и считаю данное событие достоверным случаем телепортации и подтверждением подлинности Грааля... Другими словами, вы осуществили небольшую прогулку в пространстве и времени. Итак, когда я смогу увидеть этот замечательный сосуд?..

Разговор с профессором Фолем сразу зажг в душе Винтера исследовательский азарт. «Вот мы и нашли тебя!» – размышлял о Чаше Курт, неспешно прогуливаясь вечером по аллее вдоль западного берега Верхнего пруда (46).

Он любил приходить сюда в минуты раздумий и кормить грациозных лебедей. Здесь решительно всё помогало ему собраться с мыслями, сосредоточиться и принять верное решение в самых непростых ситуациях. В пруду обитало множество различных рыб: окунь и плотва, карп и линь, щука и угорь. Вот и сейчас с десятков рыболовов испытывали свою удачу на его берегах. Винтеру нравилось наблюдать за ними. Он замедлил шаг возле установленной в 1913 году замечательной скульптурной группы из четырёх животных: моржа, морского слона, собаки и льва, работы известного ваятеля Германа Тиле. Рядом находилась скульптура Станислава Кауера «Мать и дитя», а чуть поодаль - конный памятник красавцу-кирасиру.

Пруд был создан в 1270 году рыцарями Тевтонского ордена из расположенного рядом замка «Кёнигсберг», которые в целях разведения рыбы перегородили земляной дамбой приток реки Прегель. Вплоть до начала XX века водоём полностью находился за пределами города. Отсюда и сейчас были хорошо видны грозные башни Дона и Врангель. Со временем город разросся, а старые оборонительные сооружения утратили прежнее военное значение и были частично снесены. Рядом с озером построили новый престижный район вилл Марауненхоф. Само же рукотворное озеро превратилось в место отдыха горожан. Его дно выстлано толстым слоем морского песка, а на берегах устроили купальни, кафе и рестораны, причалы для прогулочных лодок. Сегодня здесь тоже прохаживалось много людей, спасающихся у воды от летнего зноя: в основном - няни с маленькими детьми. На скамейках в тени раскидистых каштанов о чем-то мирно беседовали старики. Как будто в нескольких сотнях километров отсюда не лилась кровь германских солдат... А она лилась, и это накладывало на тех, кто трудится сейчас в тылу, дополнительную ответственность!

«Великому Рейху необходимо новое победоносное оружие, и оно будет создано! – подумал Винтер, и уже в который раз уличил себя в том, что с некоторых пор он стал размышлять несвойственными ему пропагандистскими штампами. – Над этим работают лучшие учёные, и он, гауптштурмфюрер СС Курт Винтер, в их числе. Очень, очень вовремя профессор Фоль доставил в их институт священный Грааль! Если последний действительно окажется инструментом для телепортации, то станет возможным перемещение физических объектов или людей на большие и малые расстояния, перенос предметов и физических тел сквозь любые преграды и плотные экраны... От этого даже дух захватывает! Такое открытие позволит получать любые разведанные, скрытно передислоцировать войска и технику, наносить внезапные сокрушительные удары, вплоть до... ликвидации вражеских лидеров: Сталина, Рузвельта и Черчилля! А если нам удастся подчинить себе ещё и время, могущество Третьего рейха не будет иметь границ!»

«Я твёрдо уверен, что так и случится!» – убеждал себя Курт. О такой возможности писал лауреат Нобелевской премии по физике, член Прусской академии наук Макс Карл Эрнст Людвиг Планк. О существовании во Вселенной «мостов», соединяющих различные точки трехмерного мира по более короткому пути в четвертом пространственном измерении – времени, высказывался и Альберт Эйнштейн. А физик Ральф Харрисон в 1938 году предложил любопытную теорию, согласно которой, наряду с нашим, земным, миром существует один или несколько параллельных миров. Они как бы пронизывают нас и занимают то же самое пространство. Однако существуют каналы, которые при определённых условиях открываются, вот тогда-то живые существа и объекты могут через них переместиться из нашего в параллельный мир и вернуться обратно... «Мы же будем открывать эти «дверцы» при помощи нашего особого «ключа» – Грааля!» – переполняясь гордостью, размышлял Курт, глядя на тихую воду канала Виррграбен (47), снабжающий город питьевой водой».

На память ему пришли тексты древних летописей, повествующий о том, как в I веке император Домициан учинил в Риме суд над философом Аполлоном, однако подсудимый исчез из зала на глазах у изумлённого правителя и остальных присутствующих. Мало того, он в тот же день объявился на расстоянии нескольких дней пути от Рима... А испанский святой Исидор Севильский, живший в XV веке, согласно показаниям трёх свидетелей, «одновременно» оказался в двух монастырях, расположенных на расстоянии 48 миль друг от друга... Преданий о подобный «чудесах» Винтер знал очень много, однако не усматривал в них явных противоречий законам природы, а расценивал подобные паранормальные способности людей, как исключительное умение владеть своим силовым полем и воздействовать им на тела и предметы окружающей среды.

«В настоящее время накоплено достаточно достоверных, запротоколированных фактов телепортации, – продолжал он нить своих рассуждений. – Отрицать или игнорировать их у традиционной науки уже нет оснований. Чего стоит только один «Филадельфийский эксперимент», свидетельствующий ещё и о том, что враги Рейха также работают над подобным оружием. Согласно данным нашей разведки, в октябре 1943 года ВМС США провели эксперимент, результатом которого стало исчезновение военного корабля из филадельфийского дока. Через несколько секунд крейсер появился в доке Норфолк-Ньюпорт на сотни миль дальше. Вслед за этим корабль опять исчез и снова появился в Филадельфии. К сожалению, или же к нашей радости, из команды корабля

половина офицеров и матросов сошли с ума, остальные оказались мертвы, что заставило неприятеля приостановить свои опыты. Но в случае с Граалем профессор Вилли Фоль остался совершенно невредимым, даже, напротив, заметно посвежел. И этот отрадный факт вселяет уверенность. Кстати, Чаша может обладать и рядом других важных свойств. Мне необходимо все их выявить и классифицировать, а в завершение – научиться управлять этими процессами».

Предстоящая работа представлялась гауптштурмфюреру СС не только интересной и важной, но и довольно сложной, даже в определённом смысле – опасной. Из литературных источников он знал, что Грааль – это табуированная тайна, невидимая и неведомая для недостойных, но даже избранным являющаяся то так, то иначе, в той или иной мере их «посвящённости». «Вот профессору Фоллю реликвия приоткрыла свои возможности, что и понятно – он чудаковатый учёный-бессребреник, -- рассуждал Курт. – А сочтёт ли Чаша меня достойным этого же? Хотя... почему бы и нет? Я ведь не занимаюсь, как некоторые коллеги, вивисекцией и эвтаназией людей, замораживанием или удушением военнопленных, уничтожая последствия своих экспериментов в крематории, что на Кранцер-аллее. Моя юношеская мечта – раскрыть потаённые возможности человеческого организма, в частности – секреты его разума. Поэтому я стал парапсихологом и специалистом по паранормальным явлениям, мечтаю посвятить свою жизнь мирным занятиям наукой... Но сейчас я больше всего хочу скорейшего окончания войны! – вздохнул молодой офицер. Постояв минуту в задумчивости, он встряхнул головой, как бы устыдившись нахлынувшей сентиментальности, и продолжил свою мысль. – И вот ещё о чём не стоит забывать: сам Грааль, как и сопутствующее ему во всех преданиях священное оружие – Копьё Судьбы и Меч Короля Артура за неуважительное к себе отношение вполне могут наказать виновного смертельной раной или болезнью, однако кого-то способны и излечить от таковых...».

Курт Винтер, в глубокой задумчивости, прошёл мимо столика с отдыхающими бургерами и направился к трамвайной остановке. Он не обратил внимания на то, как из кафе, мимо которого он только что проследовал, вышел высокий молодой человек в сером костюме и светлыми, коротко стриженными волосами. В руке он держал свежий выпуск «Всеобщей газеты». С этой же газетой человека в сером костюме можно было увидеть и на перроне Северного вокзала, и на Адольф-Гитлер-Плац, где Курт беседовал с профессором Фолем. Но учёные были столь увлечены своим разговором, что не могли заметить повышенного интереса к ним со стороны постороннего лица.

Глава 2. Удивительная Чаша

Стенограмма телефонного разговора Адольфа Гитлера с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, 19.15 час. 09 августа 1944 года, Берлин.

«– Гиммлер у аппарата...»

– Рейхсфюрер, я получил ваше донесение, в котором говорится, что сотрудниками «Аненербе» найден интересующий нас «предмет» ... Я требую, чтобы в кратчайшие сроки была проведена работа по установлению его подлинности и изучению свойств, необходимые для создания нами «оружия возмездия». В самые сжатые сроки, Генрих! Вы меня поняли?»

– Да, мой фюрер!..»

– В ваших руках – судьба Третьего рейха! Я на вас надеюсь, Генрих!

На центральной улице Кнайпхофа было довольнолюдно. Педантичные немцы спешили на работу, а пожилые горожане – на утреннюю службу в Кафедральный собор. В лучах ласкового светила сверкали окна высоких домов, а голубое, высокое, бездонное небо обещало исключительный солнечный день. Винтер следовал в Университет. Там, в подвальных помещениях левого крыла Альбертины, за массивной дверью с надписью: «Архив. Посторонним вход воспрещен!» размещалась его лаборатория. Архив там действительно был, но только сотрудникам «Аненербе» было известно о круглой герметичной железной двери, ведущей в бетонированное убежище, состоящее из нескольких просторных залов и подсобных помещений, оборудованных под нужды секретных научных изысканий.

Старейший европейский университет Альбертина, являлся альма-матер Курта. В этом, известном во всём мире, центре науки, расположенном в северо-восточном углу острова, над рекой, в тридцатые годы он обучался на медицинском факультете и очень этим гордился. Вот памятник её основателю – последнему великому магистру Тевтонского ордена и первому герцогу Пруссии Альбрехту Бранденбургскому-Ансбахскому. В этих стенах Эрнст Теодор Амадей Гофман слушал лекции Иммануила Канта, могила которого находится у стены Кафедрального собора. Его надгробие появилось тут только в 1924 году. Изначально же Кант был погребён в профессорском склепе, который после прихода к власти национал-социалистов специально вскрывался, чтобы выяснить, насколько самая умная голова Европы соответствует арийским стандартам.

Курт проследовал мимо профессорского кладбища, уютного дворика, и вошёл в трехэтажное здание университета. Сотрудникам «Аненербе», которые были, в основном, офицерами СС, запрещалось приходить сюда в военной форме. Занятия у студентов уже начались, и в коридорах было тихо и безлюдно. Винтер спустился по лестнице на один пролёт вниз, нажал кнопку звонка и предъявил в глазок дежурному охраннику пропуск. Через минуту он уже был на своём рабочем месте.

– Хайль Гитлер! – вскинув руку в нацистском приветствии, поздоровался с ним его старший ассистент Фридрих Краузе. Он считал себя истинным арийцем и даже причёсывал челку на манер самого фюрера, хотя... Курту было известно, что дедушка по материнской линии был у него наполовину поляком. До войны Фридрих учился в Академии искусств, которая была открыта на Кёнигштрассе (48) оберпрезидентом Пруссии Генрихом Теодором фон Шёном и готовила профессиональных художников и скульпторов. Там он продемонстрировал неординарные способности: нестандартное мышление и интуицию, а также способность видеть вещие сны, после чего был приглашён на работу в данную лабораторию. Его жизненным кредо стали слова Иммануила Канта: «Ты обязан, потому что должен!»

– Хайль, - ответил Курт. – Сегодня, старина, нас ждет большой сюрприз...

– Мы в курсе, гауптштурмфюрер, – закрыв книгу, поднялся из-за стола другой сотрудник лаборатории Вилли Штернгаут. – Крошка Эмма уже поведала нам о какой-то интересной находке, которую привёз с собой наш вездесущий профессор Фоль. – Не иначе, как настоящий золотой дублон времён дележа испанского наследия! – Вилли любил

пошутить. Был он худощав и носил тёмные очки, закрывающие ему пол-лица. Они стали повседневным предметом его обихода после одного случая. В юности, отдыхая в баварских лесах, он столкнулся лицом к лицу с огромной волчицей. Бежать, чтобы укрыться, ему было некуда... И тогда он яростным взглядом уперся в зрачки нападавшего зверя. Волчица оторопела, а затем с ревом рухнула замертво. На её теле потом не нашли ни одной царапины...

– Этой Эмме давно пора укоротить язычок, – недовольно пробурчал Краузе. – Она будто не понимает, в какой организации работает!

Эмма Литтих являлась ведущим сотрудником лаборатории. Она была хорошим специалистом по древней истории, причём не только Германии, и прекрасным рунологом. Её муж преподавал философию в Альбертине, а единственный сын Петер недавно погиб на Восточном фронте. В свои сорок с небольшим, Эмма немало внимания уделяла своей внешности, однако это не мешало ей с головой уходить в работу. Однако в служебных делах у неё также прослеживался страх «потерять своё лицо». Такие люди придают большое значение тому, что о них думают и как их воспринимают. Им необходимо, чтобы их любили, принимали, одобряли – причём все без исключения. Из-за этого приходилось постоянно носить маски, причём самые разные – и их арсенал у Эммы был велик и разнообразен. Но! – За масками так легко потерять себя настоящего...

Следующим сотрудником был Иоганн Лозе, по прозвищу «Фельдфебель». Особо выдающимися способностями он не обладал, был этаким служакой. Ему было бы комфортно жить и работать в казарме, и какого чёрта его занесло в научную организацию, для всех оставалось открытым вопросом. Похоже, подозревал Курт, его внедрило в лабораторию гестапо, чтобы следить за сотрудниками и обеспечивать свой контроль за ходом работ. Хоть официально его должность именовалась: «Ответственный по артефактам», основное внимание Фельдфебель уделял соблюдению распорядка дня сотрудниками, режиму секретности и графику выполнения работ. Служащие лаборатории, дав ему такое прозвище, не решались открыто подтрунивать над Лозе, справедливо полагая, что подобные шутки добром для них не кончатся.

Начальник кёнигсбергского отделения «Аненербе», штандартенфюрер СС Гельмут Хоффман, в настоящее время находился в Берлине, на аудиенции у рейхсфюрера Генриха Гиммлера.

Шкатулку с Граалем доставили в коричневом саквояже ближе к обеду. В сопровождении двух широкоплечих людей в штатском и отделения автоматчиков, её собственноручно нёс профессор Фоль. После оформления необходимых передаточных документов, профессор с великой осторожностью открыл старинный ковчег и извлёк оттуда Чашу. Курт, глядя на неё, словно кролик на удава, даже протёр поверхность стола, куда её предстояло поставить, своим рукавом. Откровенно говоря, он ожидал чего-то большего... Но перед ним сейчас находился средних размеров, грязно-серый от окислов сосуд из светлого металла, видимо, серебра, инкрустированный десятком разноцветных камешков, незатейливым орнаментом и полустёртыми руническими знаками. Ничего необычного...

Тем временем профессор отослал своих сопровождающих, а сам устроился на стуле напротив своего молодого коллеги.

– Это и есть ваш артефакт? – уныло спросил Фельдфебель. – Ночной горшок у моей бабушки выглядит более привлекательно.

Фоль едва не взорвался, услышав такое пренебрежение к священному предмету, но Винтер положил ему руку на плечо, призывая к спокойствию.

– За этот «ночной горшок», оберштурмфюрер, в разные времена уйма народу сложила головы, – ответил профессор. – И среди них – верные сыны Рейха!

– Смею ли я догадываться, – пробормотала Эмма, закусив губки, – что это... тот самый...

– Смеее, госпожа Литтих. – Профессор аккуратно протёр салфеткой поверхность сосуда. – Мы очень надеемся на это. Но, нужно всё досконально проверить!

– Позвольте взглянуть, – тяжело дыша от волнения, произнёс Вилли, поправляя очки. – Эмма, вам должны быть известны эти руны... Ведь это – самые древние знаки, дошедшие до нас из глубины веков!

– Позвольте, Вилли, – подошёл Краузе. – Вы правы, этой чаше, на первый взгляд – несколько тысяч лет!

– Почему вы назвали это – Чашей? – хитро взглянув на Фридриха, спросил Фоль. Тот пожал плечами:

- А что же это, если не чаша? На кубок – мало похоже, слишком роскошная. Но предназначена для того, чтобы её чем-то наполняли...

– Прошу вашего внимания, господа, - произнёс профессор. – Я хочу рассказать вам один прелюбопытнейший случай, связанный с этой замечательной Чашей, – начал он свою речь, загадочно улыбаясь.

– Сгораю от нетерпения, – не сумев скрыть своего разочарования от увиденного, ответил Курт.

– Не спешите с выводами и не придавайте большого значения вашему первому впечатлению, – проговорил Вилли Фоль, заметив, как расстроился один из его собеседников. – Эта Чаша воистину уникальна! Она просто присматривается к вам, мои друзья. А вот я с ней, кажется, поладил. Примером тому служит последний случай. Итак, вчера вечером я долго её разглядывал, делал некоторые измерения, любовался голубым свечением... Потом, перед самым уходом домой взял и из любопытства наполнил водой...

– Неужели она закипела? – вяло поинтересовался Винтер, покосившись на Лозе, который с безучастным лицом отошёл к своему столу и стал перекидывать бумаги на нём.

– Нет, но к утру она изменила свой цвет на бледно-розовый, а по вкусу стала напоминать молодое виноградное вино...

– Очень интересно... Только, возможно, это чья-то злая шутка, профессор? – усмехнулся Фельдфебель.

– Нет, исключено. Чаша действительно уникальна! Только в её силу и возможности необходимо поверить. Вы слышите меня, господа? Непременно поверить, иначе все ваши труды будут напрасны, – закончил он довольно эмоционально. – И вот ещё что... – откинувшись на спинку своего стула, загадочно промолвил профессор, – я обращаюсь к нашим знатокам рун, Эмме и Вилли? Удастся ли им понять смысл древнего текста на данной реликвии? – он сделал паузу, внимательно и, словно испытующе, вглядываясь в лица сотрудников лаборатории.

Винтеру было чрезвычайно важно всё, о чём рассказывал пожилой археолог, но он старался не показывать вида, лишь пальцы его ног отчаянно скребли нутро ботинок...

– Вы, конечно, знаете, что все наши трактовки текста оригинала могут иметь очень приблизительное значение... Тем не менее, дают простор фантазии... – создавалось впечатление, что профессор решил немного помучить своего коллегу, тем самым «наказав» его за показное равнодушие.

Курт, как и всякий кандидат в члены СС, в обязательном порядке обучался истории древних ариев и чтению рун, поскольку рунические письма считались знаками древнейшего германского алфавита. Специальные охранные знаки-обереги, разработанные сотрудниками «Аненербе», повсеместно наносились на военную технику и даже на каски солдат, чтобы сделать их «неуязвимыми». Для Винтера не было новостью, что каждая руна имела своё имя и магическое значение, выходявшие далеко за сугубо лингвистические рамки. Кроме того, их начертание и состав со временем менялся и мог приобретать совершенно иной смысл.

– Уважаемая Эмма! Может, всё-таки вы озвучите нам смысл послания? – не выдержал испытания Курт.

– Минуточку, – дама вернулась к удивительному сосуду с лупой в руке и начала сосредоточенно разглядывать письма.

– Очень древние, – заметила она. – Многие с течением лет изменили своё значение... Но сейчас попробуем разобраться... Что-то о силе и бесконечности Разума...

– Вы правы, – улыбнулся Вилли Фоль, – «Разум снимает границы, делая из мига – Вечность, а из точки – Вселенную...». И на этом разрешите мне откланяться...

– Спасибо за важные сведения, – встал из-за стола Винтер, – дальше мы сами.

– Информировать наш отдел, когда появятся новые данные, – попросил на прощание профессор.

– Непременно, ведь мы делаем одно дело, – уверил Курт, провожая его к выходу.

– Фридрих, телеграфируйте в Управление, что мы приступаем к опытам, – отослал он помощника в аппаратную, – а мне необходимо подумать над услышанным.

– Есть, – ответил Фридрих и отправился к связистам.

– Пожалуй, раз к нам поступил такой важный... артефакт, – добавил Фельдфебель, – надо усилить меры безопасности...

– Свяжитесь с военным комендантом, Иоганн. Пусть пришлют людей и организуют дополнительный караул!

– С чего же мы начнём? – размышлял Винтер, разглядывая Грааль, стоящий на его столе. Сотрудники лаборатории занимались своими делами: Эмма с Вилли, сделав фотографии рун с Чаши, углубились в справочники и другие первоисточники, Краузе рассматривал результаты исследований состава металла удивительного сосуда, Лозе следил за работами по проведению сигнализации и оборудованию караульного поста. – Пожалуй, со знакомства... Ну, здравствуй, Чаша! Я намерен с тобой общаться, поэтому прошу меня выслушать и, по возможности, дать ответ на некоторые мои вопросы... Обещаю использовать всё, что узнаю о Тебе и от Тебя, исключительно в целях прекращения ужасной войны и дальнейшего кровопролития...

Тут в лаборатории послышался слабый, невнятный гул, неожиданно мигнула, а затем и погасла настольная лампа...

«Совпадение... или начинается наш «контакт»?.. – испуганно озираясь, подумал Курт. Его сотрудники ничего не заметили.

И тогда, стоящая перед ним Чаша, стала испускать слабый серебристо-голубой свет. Словно робкие огоньки пламени, струясь, поднимались по её стройной ножке вверх. Одновременно Курт ощутил необычный запах... Аромат, то исчезал, то напоминал о себе свежим дуновением тончайшего благоухания... Эта аура обладала свежим и деликатным характером, укутывала и дарила ощущение умиротворения, спокойствия, одухотворенности и душевной гармонии, как будто Винтер стоял на берегу моря и наблюдал за набегаящими на берег прохладными волнами, причудливо оставляющими на мокром песке белоснежную морскую пену и жемчужные ракушки, а солёный ветер доносил из прибрежных зарослей свежее и нежное благоухание жасмина, ромашки и шиповника. Покой и тихая радость – первое, что приходило на ум, ощущая его. К тому же это очень помогало думать.

«Разум снимает границы, делая из мига – Вечность, а из точки – Вселенную...» – как точно и понятно сформулировано, – размышлял тем временем Винтер. – Данная фраза, видимо, означает, что человеческий разум способен совершать путешествия в пространстве и времени. Если предположить, что наша мысль материальна, а время – тоже является веществом, которое можно сжимать, растягивать, скручивать и менять местами различные его участки, то в этом послании нет ничего противоестественного. Ведь давно доказано, что в разных уголках Земли время течет по-разному. Пример тому – гора Фудзияма, древние пирамиды, целый ряд природных пещер и ущелий. Видимо, неспроста свойства Грааля открылись профессору в тибетских катакомбах, но у нас в Восточной Пруссии гор и пирамид нет. Кроме, пожалуй, пирамиды Предсказателей (49). Конечно каждый верующий способен ощутить нечто подобное, просто войдя в Собор и постояв у некоторых икон или святых мощей... А как быть мне?»

И тут он ощутил исходящий от Чаши отчётливый запах хвои, смолистого соснового бора... перед его взором всё колыхнулось, поплыло и закачалось, словно от дуновения лёгкого ветерка... «Танцующий лес»! – вдруг осенило его. – Именно эта аномальная зона может оказаться нужными мне воротами!.. Спасибо за подсказку, Чаша!» Курт знал о таком месте на берегу залива. Но вот незадача, допустим, что он найдёт «танцующий лес» и принесёт туда Чашу... Что следует сделать дальше? Ждать «у моря погоды», читать заклинания? Возможно, Чаша сама ему подскажет?..

«Поживем – увидим... - Винтер вопросительно взглянул на Чашу. - Жизнь ставит вопросы, а наука ищет на них ответы. Прежде всего, мне необходимо определить, на чём следует сосредоточить свои усилия и в которую сторону времени отправиться: по его течению или против него? Конечно, не терпится заглянуть на несколько лет вперёд, но, к сожалению, мне кажется, что немцам уже понятен исход этой войны... Поэтому есть смысл побывать в прошлом и попытаться предотвратить эту ненужную бойню. Впрочем, на любое моё действие по инструкции необходимо получить разрешение руководства... В первую очередь главного палача Рейха – Гимmlера, который так любит повторять: «У меня нет совести! Мою совесть зовут Адольф Гитлер!», и считающего себя реинкарнацией своего древнего тезки, германского императора Генриха I Птицелова. Но, как бы там ни было, – вздохнул он, – девиз офицера СС остаётся прежним – «Верность – моя честь!»

Конечно, очень заманчиво получать достоверные сведения из будущего или прошлого. Но только ли наша мысль способна туда проникать или физические тела тоже? Среди персонала лаборатории есть немало медиумов, таких, как мой подручный Фридрих, обладающих способностями ясновидения, особенно под гипнозом, но их возможности довольно ограничены. Вероятно, оттого, что ни у кого из них нет подобного Граалю «преобразователя времени» и необходимых познаний. Так что же это за неизвестная энергия, исходящая от него, и чьи это знания, если согласиться с предположением профессора о том, что данной Чаше десять тысяч лет? Вот загадка, которую нам тоже предстоит решить...

Восточная Пруссия, Растенбург, лес Гёрлиц. Вольфшианце.

14 августа 1944 года. 9 часов 03 минуты.

Из стенограммы совещания в ставке Гитлера с участием рейхсканцлера Адольфа Гитлера, рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера и главы кёнигсбергского отдела «Аненербе» штандартенфюрера СС Гельмута Хоффмана.

Гитлер: Я чрезвычайно рад, господа, что в наши руки попала драгоценная реликвия – священный Грааль. Скажите, штандартенфюрер, вы полностью уверены в том, что это именно он и есть?

Хоффман: – Так точно, мой фюрер. Наши сотрудники подтвердили подлинность этой реликвии. Все сомнения можно отсеять!

Гитлер: – Вы получите рыцарский крест, штандартенфюрер! И звание группенфюрера СС!

Хоффман: – Постараюсь оправдать Ваше высокое доверие!

Гитлер: – Отметьте также тех лиц, кто непосредственно принимал участие в поисках Грааля! Генрих, достойные должны быть вознаграждены по заслугам!

Гимmlер: – Я позабочусь об этом, мой фюрер.

Гитлер: – О, мы ещё нанесём удар русским! Такой удар, о котором они и не подозревают! Когда можно будет начать операцию «Грааль», господа? И на какие результаты можно рассчитывать в ходе её проведения?

Гимmlер: – Под первым этапом операции “Грааль» мы подразумеваем переброску штурмовых групп в Москву, Лондон и Вашингтон с целью уничтожения Сталина, Черчилля и Рузвельта! На втором этапе, если всё пройдёт гладко, мы осуществим переброску войск, примерно дивизию СС, в глубокий тыл русской армии. Я имею в виду телепортацию!

Гитлер: – Вы считаете, это – осуществимо, штандартенфюрер?

Хоффман: – Вполне, мой фюрер. Ваши войска смогут перемещаться как в пространстве, так и во времени.

Гитлер: – Во времени... Хорошо бы вернуться в 41-й год, под Москву. И нанести там решающий удар! Но, мы пока не знаем, как это повлияет на наш сегодняшний день. Давайте на первом этапе ограничимся только телепортацией, господа. Так назовите мне сроки, Генрих. Но помните: не позже конца августа!

Хоффман: – Мой фюрер, сначала необходимо провести несколько экспериментов. На это не уйдёт много времени. От силы – недели две. Прошу дать мне этот срок.

Гитлер: – Много, штандартенфюрер! Каждый день войны несёт неисчислимые потери! Ну, да бог с вами... Итак, 30 августа – начало операции «Грааль»!

Гиммлер: – Да, мой фюрер!

Хоффман: – Слушаюсь, мой фюрер!

– Фридрих, я вчера решил повторить опыт профессора Фоля, – эмоционально говорил своему помощнику Винтер. – Вечером я наполнил Грааль дистиллированной водой и вот, полюбуйся, что у нас получилось! – он подвел ассистента к Чаше, в которой теперь находилась жидкость розоватого цвета.

– Даже не уговаривайте, я не стану это пробовать! – забеспокоился заметно побледневший Фридрих.

– Неужели опасаясь за свою жизнь, коллега? – с иронией спросил его Курт. – Лучше вспомни, как ты присягал фюреру быть верным и мужественным, а также обещал оставаться преданным своим начальникам до самой смерти (*сноска – слова из клятвы эсэсовца*)... Впрочем, не стоит так беспокоиться, я уже оценил вкусовые и другие органолептические свойства данного напитка, – улыбнулся он, это – замечательное виноградное вино! Однако оно простояло всю ночь открытым и, видимо, от этого показалось мне немного кисловатым. Я ещё раз с удовольствием продемонстрирую его безвредность, только сначала немного подслащу... – И он, зачерпнув серебряной ложечкой немного сахара из фарфоровой розетки, высыпал его в сосуд и аккуратно размешал...

В то же мгновение исследователи зажмурились от яркой вспышки голубоватого света и ощутили заложенность в ушах, похожую на ту, что возникает у пассажиров взлетающего самолёта.

– Что это было? – растерянно спросил Фридрих.

– Ещё не знаю, – произнёс не менее обескураженный Винтер. Его слегка поташнивало, а в теле ощущалась непривычная слабость. – Ты как, в порядке?

– Чувствую себя так, как будто накануне вылакал бутылку шнапса... – и напарник сглотнул солоноватую слюну.

Курт посмотрел на свои наручные часы. Фридрих проследил его взгляд и задумчиво изрёк:

– Мне рассказывали случай, когда подобные часы, были найдены нашими поисковиками по соседству с динозаврами, в археологическом пласте, которому несколько миллионов лет... Возможно, это – наши коллеги из недалёкого будущего обронули их. Я убежден, что люди рано или поздно должны научиться управлять временем. И мы просто обязаны быть первыми.

– Вот именно... – удивлённо пробормотал Винтер, не отрывая взгляда от циферблата, – должен тебе сообщить, дружище, что мои часы «перескочили» на четыре часа вперед и показывают, что нам пора ужинать...

Фридрих согнул в локте руку и уставился на свои часы. Они показывали аналогичное время.

– Шеф, неужели мы «сдвинули» время?

– Очень на это похоже, Фридрих.

– Все-таки это замечательные устройства – хронометры! – радостно затараторил исследователь. – Я всегда знал, что они являются не только приборами для определения текущего времени суток и измерения продолжительности временных интервалов.

– Говори яснее...

– Во-первых, я допускаю, что в циферблате обычных часов зашифрована информация об их обладателе. Со временем часы как бы «роднятся» со своим хозяином, становятся важным элементом биополя человека и начинают чувствовать его даже на расстоянии. Тому известно немало примеров...

– Каких именно?

– Вот вам общеизвестный факт: когда умер президент Линкольн, то в Овальном кабинете остановились его любимые напольные часы, а на Сицилии есть башенные часы, которые неизменно «сходят с ума» накануне серьёзных наводнений... Нисколько не сомневаюсь, что и другие хронометры могут обладать свойствами, о которых мы даже не догадываемся. Например, способностью управлять реальными событиями...

– А если предположить, что Грааль – это, подобный часам, своеобразный инструмент для управления течением времени? – Курт взял в руки старинный сосуд. – Окружность Чаши служит циферблатом, а наша ложечка сегодня сыграла роль часовой стрелки, отмерившей определенный отрезок времени... Всё довольно просто: помешав содержимое по часовой стрелке мы переносимся в грядущее, а совершая круговые движения в обратную сторону – отправляемся обратно в прошлое. А, повторив подобные действия в некоторых аномальных зонах, «местах силы», о которых упоминали ещё древние римляне, мы тем самым многократно усилим желаемый эффект. В подтверждение моей гипотезы давай попытаемся вернуться в исходную точку времени... – и гауптштурмфюрер вновь опустил ложечку внутрь удивительной Чаши.

Глава 3. Сотрудник SIS в Кёнигсберге

Питер Стоун не был потомственным дворянином, хотя его род в определённых кругах считался довольно известным. Питер продолжал династию профессиональных разведчиков, поскольку его предки не одно десятилетие преданно служили британской короне именно в королевской разведке.

Отец Питера, майор Гартон Стоун, в 1909 году приложил и свою руку к созданию SIS. Он прекрасно знал капитана Вернона Келла и одноногого капитана Мэнсфилда Камминга – основателей МИ-6, секретной разведывательной службы.

Уроженцу приморского Ливерпуля, юному Питеру, не пришлось долго раздумывать над выбором своего жизненного пути. Он закончил Оксфордский университет, факультет иностранных языков и, будучи ещё бакалавром, начал свою службу в МИ-6. Внешне он очень подходил на роль тайного агента – среднего роста, неприметный паренёк, знаток немецкого, русского и французского, спокойный и уравновешенный, но в то же время с профессиональной хваткой, «мёртвой» как у английского бульдога. Эдакий «человек-невидимка», который всех увидит и всё разузнает, а его самого никто не заметит и не запомнит.

Питер Стоун был заброшен в Германию в 1940-м году, где и начал свою службу обычным работником архива в Кёнигсбергском университете. В 1942-м году Управлением специальных операций (УСО) ему было приказано обратить особое внимание на деятельность оккультно-мистической лаборатории немцев из организации «Аненербе»,

развернувшей свою деятельность в Кёнигсберге, и, по возможности, внедриться в её ряды. Стоун, до того момента блестяще справлявшийся с другими заданиями своих руководителей, почувствовал, что тут он попал в тупик. Сотрудниками «Аненербе» были офицеры СС, а путь в СС обычно бывал «растянут» на годы. Другими словами, предполагалась тотальная ревизия всей родословной, а немцы умеют досконально проверять своих сотрудников, и, как следствие, – провал. После нескольких довольно отчаянных и рискованных шагов, Питеру всё же удалось, пусть не внедриться, но хоть приблизиться к этой таинственной организации. Как сотруднику Альбертины, ему разрешалось принимать участие в некоторых второстепенных и вспомогательных работах, не требующих знания секретных сведений по профилю «Аненербе». Он числился в научном составе младшего звена учреждения, которое занималось обслуживанием лаборатории, но не допускалось в неё саму. Порыться в архивах и подготовить подборку необходимых документов, это – пожалуйста, быть курьером, встретить того или иного человека, из учёных, на вокзале и проводить его в лабораторию, – это, конечно, тоже. Но никаких уточняющих вопросов по поводу работы не допускалось. Однажды он набрался храбрости и, сославшись на имеющуюся квалификацию, попросил своего шефа, гауптштурмфюрера СС Курта Винтера допустить его к некоторым исследованиям, проводившимся в лаборатории. На что тот ответил, что такие вопросы решает не он, а его руководство в отделе. О просьбе Мартина Шилла (под таким именем Стоун работал в Германии) он, конечно, обязан доложить, но к какому результату это приведёт, не может предполагать. Питер знал, что Абверштелле «Кёнигсберг» (50) активно «отлавливает» его коллег по МИ-6 в Восточной Пруссии и Польше, и, затаив дыхание, стал ожидать результата. Чуть позже Винтер сообщил ему, что то, о чём он просит, исполнить невозможно, а один из сотрудников лаборатории, Иоганн Лозе, стал пристально присматривать за «университетским выскочкой». Питер прекрасно помнил события четырёхлетней давности, когда «Абвер» провёл блестящую операцию в Голландии, завершившуюся полным провалом МИ-6. Позже её прозвали «Инцидентом в Венло». Агенты «Абвера», умело выдававшие себя за высокопоставленных офицеров, желающих избавить Германию от Гитлера, арестовали агентов SIS и в итоге уничтожили отделение «Z» в Голландии. Впоследствии это послужило поводом для Германии ввести войска в нейтральные Нидерланды в 1940 году. Впрочем, как полагал Питер, немцы бы нашли для вторжения и любой другой предлог.

Вообще, Кёнигсберг Питеру Стоуну определённо нравился. Эх, если бы только не война! Тихий и красивый европейский город с богатой историей и культурой! Весь полный зелёных аллей из каштанов и лип, и зданий с причудливой архитектурой. Прекрасный Королевский замок, роскошные районы: Трагхайм, Росгартен, Штайндамм, Амарлиенау, Марауненхоф, Юдиттен, Хаберберг, красивейшие пруды, парки, ратуши, соборы и кирхи... величественный Прегель... Но, идёт война. Премьер-министр Великобритании открыто высказался за уничтожение Германии. Нет, Черчилль ничего не имел против немецкого народа, немецкой нации. Но, само государство... В том виде, в каком его создали Бисмарк и Гитлер, оно не должно существовать! Лучше бы Германия откатилась на пару сотен лет назад, когда тихо и мирно прозябала в виде двух десятков разрозненных королевств-княжеств. И о разведке Уильям Черчилль высказался более чем ясно: «Знание истинного положения вещей, каким бы оно ни было, – это великая вещь!» На годы вперёд эта фраза

стала формулой, которой придерживается и будет придерживаться SIS. И он, Питер Стоун, должен оправдать возложенное на него доверие.

Сегодня, 16 августа, заметно посвежело. Такая внезапная смена погоды характерна для приморских городов, Питер это знал и по данному поводу особо не расстраивался. С моря подул прохладный северный ветер, небо заволокли грязные, землистого цвета тучи, нависая над крышами домов и кронами деревьев так, что казалось, вот-вот их заденут. Горожане ждали дождя, но его всё не было... Стоун следует на Северный вокзал. У него сегодня – связь с руководством английской резидентуры. На Нордбанхоффе стоит малопримечательная доска объявлений, на которую периодически прикрепляются донесения, в том числе, и для него. Дождавшись окончания рабочего дня, попрощавшись с сотрудниками, Питер, он же – Мартин Шилл, пересёк по Лавочному мосту Прегель и направился на трамвайную остановку, что недалеко от Параден-Плац (*Paradenplatz*) у Королевского замка. Эта площадь считалась центром Кёнигсберга. В непосредственной близости от неё на постаментах стояли величественные фигуры короля Вильгельма и чуть дальше – «железного» канцлера Бисмарка. А в основании замка находилась красивая ниша и фонтанчик со скульптурой коленопреклоненного рыцаря, пьющего воду... Через пять минут звенящая колымага уже грохотала мимо Адольф-Гитлер-Плац. В трамвае, как всегда в это время, было достаточно тесно.

Не меняя своих правил, британский разведчик соблюдал меры предосторожности. Он спрыгнул с трамвая и направился было к «Борющимся зубрам», остановился возле витрины шляпного магазина, проверяя, нет ли за ним «хвоста». Затем, убедившись, что всё «чисто», надвинул на брови шляпу и проследовал к вокзалу.

Доска объявлений стояла на своём месте – на площадке над нижним перроном, к которому приходил поезд, «выныривая» прямо из тоннеля. Она пестрела десятками объявлений, хозяева которых хотели что-то купить или продать, что-то обменять, предлагали свои услуги или искали помощников. Для него, Питера Стоуна, наклеивался листок в левом нижнем углу доски. Ключевая фраза «Срочно меняю» должна быть обведена синим карандашом. Обычно на листочке перечислялись предметы для обмена с цифрами: год выпуска, желаемая стоимость, адреса, номера телефонов... Все эти цифры – были зашифрованным посланием агенту. Вешалось объявление в строго определённые дни и время суток. В 19.00 он должен его снять. А появлялось оно буквально за десять минут до его прихода. Возможно, тот, кто его повесил, находился где-то неподалёку и следил, чтобы его послание никто не закрыл или не сорвал.

Как всегда, это был ответственный момент. Пока он, на первый взгляд, спокойно и деловито изучал содержание листочка, аккуратно снимал его с доски и, сложив вдвое, отправлял в карман, сердце его колотилось. Казалось, сейчас подойдут к нему молодчики в штатском, заломят руки за спину и бесцеремонно затолкают в машину. А там...

Но, ничего такого не произошло. Стоун сорвал послание и сунул его в карман. На всякий случай он заготовил вполне приемлемое объяснение. Случись кому-нибудь поинтересоваться, зачем он снял объявление, Питер ответил бы примерно так: «Здесь сказано об обмене охотничьего ружья. У меня как раз имеется старое ружьё, годящееся разве что в музейные экспонаты. Мне бы хотелось что-нибудь поновее. Я, видите ли, охотник и всегда рад побродить по лесным тропинкам...» Это была правда. В объявлении всегда велась

речь о ружье, а старый охотничий экземпляр этого оружия, бельгийский «Лебо», присутствовал дома у Питера (или господина Мартина Шилла).

Господин Шилл проживал в районе Хуфен-Шпандинен. Двух- и трёхэтажные дома здесь терялись в густой зелени рябин, лип и клёнов. Место являлось живописным и спокойным уголком пригорода Кёнигсберга. Квартира, которую он занимал, была маленькой, но уютной. Небольшая прихожая, комната с печью, отапливаемой дровами, чистенькая кухня, на которой хлопотала хозяйка – тётушка Моника – вот и всё его «обиталище». Ружьё висело в комнате на стене.

Полчаса ушло на расшифровку текста. Вот, чем интересовались руководители из Центра:

«Аполлону

По нашим данным, в руки кёнигсбергского отделения «Аненербе» попала древняя святыня «Священный Грааль». Попробуйте проверить:

а) достоверны ли эти сведения;

б) если «да», то какие эксперименты и в какой срок собираются провести с ним в данной лаборатории.

Томас».

Священный Грааль? У Питера перехватило дыхание. Так вот, значит, откуда вся эта секретность! Вот, почему в Архиве Альбертины организовали новый караульный пост! Вот, почему Йоганн Лозе смотрит на весь вспомогательный и технический персонал настороженным зверем! Вот, значит, что привёз из Тибета профессор Вильгельм Фоль! Чудеса, да и только! А странная фраза фрау Литтих, брошенная Вилли Штернгауту и услышанная Мартином: «Будьте уверены, это – та самая Чаша!»... Но, может ли он сейчас утверждать наверняка, что она – и есть Грааль? Подслушать! Надо обязательно подслушать разговоры сотрудников лаборатории! Иначе у него будут только догадки. Впрочем, догадки – это тоже немало...

Питер Стоун не мог знать о том, что как только он отошёл от доски объявлений на вокзале, через несколько минут к ней подошёл человек с фотоаппаратом. Был он похож на корреспондента: внимательно осмотрел окрестности, заглянул вниз, на перрон, поправил кепку, покрывающую светлые волосы. И аккуратно сфотографировал доску. Всё было бы ничего, только он фотографировал её уже второй раз. Первый – был буквально за пять минут до прихода Питера.

– Мартин, голубчик, принеси, пожалуйста, из Архива мои книги по рунологии! – Фрау Литтих была сегодня сама любезность.

– Какие именно, госпожа Литтих? – уточнил Шилл. – Те самые справочники?

– Ну, а какие же ещё? – она вздохнула. – Тех, которые я особенно хочу изучить, почему-то забыли написать. А может, пылятся где-нибудь в древних пещерах...

– Могу ли я вам ещё в чём-нибудь помочь, уважаемая фрау Литтих?

– Ну, если ты такой знаток рун...

– Я их не очень хорошо знаю, но достаточно хорошо понимаю...

– Хорошо сказано, Мартин. Ладно, поднимешься ко мне. Найдётся и для тебя работа.

«О, это уже кое-что! – подумал Шилл. – О прослушке не может быть и речи, новомодное изобретение «магнитофон», конечно, пригодился бы, но куда деть такую бандуру? Фельдфебель тут же схватит с поличным! Впрочем, иногда можно получить ответ и не задавая прямых вопросов!»

К сотрудникам секретной лаборатории Мартин Шилл относился с огромным уважением. Мало того, что это – отменные знатоки и специалисты во многих областях знаний. Главное, что они выдают реальный результат! И ещё есть множество хитроумных задумок, которые они в состоянии осуществить! Молодой человек прекрасно помнил, как в прошлом году на Кнайпхофе таинственным образом появились буддистские монахи в белых и красных одеяниях. Он видел их сам, и, как оказалось, тому было немало свидетелей из числа горожан. Кто-то из знатоков даже определил в них приверженцев древнейшей тибетской религии – бон. Кто скажет, что к их появлению не приложили руку сотрудники тайной лаборатории? Кстати, тогда же этих монахов видели на Эксерциерплац возле пирамиды Предсказателей вместе с Гитлером. Кстати, саму пирамиду начали строить в 1921-м году, в год 666-летия Кёнигсберга. На её строительство пошло 666 отёсанных блоков из известняка. Пирамида имеет тринадцать уступов. От этих зловещих чисел мурашки пробегают по телу (51). Приехавший в Кёнигсберг фюрер, почтив память погибших в Первой мировой войне немцев, признал пирамиду символом центра Европы и важнейшим магическим оберегом Кёнигсберга. «Она поможет победе Германии!» – в исступлении кричал он тогда, в 43-м. Правда, с тех пор ни одной серьёзной победы у немцев не было. А временные успехи в счёт не идут.

Приглядываясь к научным специалистам, работающим в лаборатории, Мартин раздумывал, к кому из них можно «подобрать ключик», чтобы тот невзначай выдал необходимые английской разведке сведения. И такого человека он, кажется, нашёл...

– Это мало похоже на старшие германские руны, – произнесла фрау Литтих, разглядывая в лупу медные таблички, доставленные профессором Фолем вместе с Граалем. – Они похожи на шведские или бесствольные «хельсингские» руны. А, возможно, датские. Видите, ветви развёрнуты вправо и расположены на разных уровнях.

– Довольно редкие, – заметил Вилли Штернгаут. – Но, возможно, это англосаксонские руны? Тут есть знаки, которых нет в древнегерманских... Они похожи на те, что мы видели на руническом ларце Фрэнкса. Вы не находите? Что вы скажете насчёт VII-го века?

– Нет, – нахмурила брови Эмма Литтих. – Эти – гораздо старше!

– И, конечно, не древнетюркское руническое письмо, – пробормотал Вилли.

– Совершенно верно, коллега, орхоно-енисейской письменностью тут даже не пахнет. Хотя, это уже гораздо ближе к Тибету... Я всё же склоняюсь к тому, что данные письмена – европейские. Что скажете вы, Мартин? – фрау Литтих повернулась к Шиллу, скромно стоящему возле порога. – Какие ощущения у вас возникают при виде этих рун?

Молодой человек подошёл к столу, взял в руки табличку и долго всматривался в таинственные письмена.

– От них веет магией, – ответил он. – Думаю, что это всё-таки германские руны. Только, видимо, из самых старших. Самые древние, – поправился он. – Это не известный всем, классический «футарк» (52). Но, есть несомненная схожесть. Вот, руна – похоже, Беркана. Это, я полагаю, – указатель. А вот – Отал. Значит, указывается на... родовое гнездо. Думаю, всё это письмо говорит о том, как отыскать какую-то древнюю реликвию,

чрезвычайно близкую к нашим предкам и, видимо, очень ценную для них... И при этом предупреждает о какой-то опасности!

– Блестяще, – усмехнулась Эмма, внимательно наблюдавшая за Шиллом. – Вы, Мартин, действительно понимаете руны. Вернее, чувствуете их. Это – особый дар, поверьте мне!

– А тут, – молодой человек кивнул на другую табличку, – полагаю, написано о самой реликвии. И о чудесах, которые та может сотворить! Если бы я мог поработать с ними хотя бы день...

– К сожалению, это исключено, дружище, – ответил Вилли. – Не дай бог, увидит Фельдфебель... Вступай в «вермахт» и становись офицером СС. Тогда тебе путь в нашу науку будет открыт!

– Увы, – невесело усмехнулся Мартин. – Об этом нужно было думать раньше.

– Ещё ничего не потеряно, – с улыбкой ответила Эмма Литтих. – Вилли прав. Ты уже два года работаешь с нами, мог бы и похлопотать. Если нужны наши рекомендации, мы тебе их с удовольствием дадим.

– Благодарю вас, – ответил Мартин. Про себя же подумал: «Скоро вашему Рейху наступит крах, дорогая фрау. Не самое лучшее время связывать свою судьбу с «вермахтом».

– Что же касается магии, – продолжил «тему» Вилли Штернгаут, – то тут, я думаю, вы преувеличиваете, Мартин. Поверьте, в рунах, какими бы древними они ни были, не содержится магии. Знания о мироустройстве, иногда настолько удивительные, что диву даёшься, – да, алфавит – да. Но магия? Руны – передатчики информации. Пусть даже между мирами, цивилизациями и временами, но... не более того.

– Только ли информации? – усмехнулся Мартин. Эмма Литтих с интересом следила за дискуссией. На некоторое время она забыла о табличках, лежащих перед нею. – Уверю вас, что руны передают и энергетику! Я даже чувствую её! Каждый знак эмоционален!

– Bravo! – фрау Литтих захлопала в ладоши. – Не забывайте, Вилли, что руны – тайный язык Богов. Продолжайте, Мартин!

– Ведь сказано в песне «Старшей Эдды» (53):

«Знаешь ли, как надо резать?»

Знаешь ли ты, как разгадывать?»

Знаешь ли, как надо красить?»

Знаешь ли, как вопрошать?»

Знаешь ли ты, как молиться?»

Как приносить надо жертвы?»

Знаешь ли ты, как закласть?»

Знаешь ли, как сожигать? ...

– ...Лучше совсем не молиться, чем жертвовать слишком усердно, – продолжила Эмма Литтих. – Награждения за жертву все ждут.

Лучше вовсе не резать, чем кровь лить без меры».

Это ли не предостережение тем, кто считает руны только носителем информации? Вы хорошо помните, Вилли, что говорили о силе рун и магии рунических проклятий Гвидо фон Лист и Фридрих Мэрби?

- Ну-ну, я прекрасно помню, о чём говорили великие исследователи рун, – хмуро проговорил Штернгаут. – Важнее, как ведут себя отцы нации, забывая, порой, что «лучше вовсе не резать, чем кровь лить без меры»!

Возникло неловкое молчание. Было понятно, что Вилли в сердцах сболтнул лишнее, а от этого – большинство наших неприятностей. Пытаясь «разрядить» сложившуюся ситуацию, Мартин продолжил:

– Я часто сравниваю руну с кистью человеческой руки. Есть руки, вытянутые в приветствии, это – сильный знак, он несёт в себе позитив и энергию. А есть такие, которые похожи на кисть, появившуюся на поверхности воды, как предсмертный взмах утопающего человека... Есть предостерегающие знаки...

– Вы правы, Мартин! Помните, Вилли, как много писали о Ман-руне, руне человека! О формировании с её помощью Чаши Грааля! Вспомните работы Зигфрида Адольфа Куммера! Вот вам и магия, и наука одновременно!

– Не стоит всё мешать в одну кучу, фрау Эмма!

– Не стоит всё разъединять, дорогой Вилли! Конечно, можно сформировать Чашу Грааля с помощью Ман-руны, а можно её раскопать на Тибете.

– Почему именно на Тибете? – сделал удивлённое лицо Мартин. – Почему не в Палестине или в каком-нибудь другом месте?

– Потому что Тибет – священная столица нашего мира. Все реликвии, подаренные Богами людям, должны стекаться туда. И там же – храниться.

– Только отчего-то создаются экспедиции с целью поиска этих реликвий, затем их находят или вовсе отбирают силой, и привозят сюда...

– Успокойся, Вилли. Иногда в них нуждаются. Их привезут, они сделают своё дело, после чего возвратятся обратно.

– Ну, тогда я спокоен, – изобразил улыбку Штернгаут. – Главное, чтобы гауптштурмфюрер не забыл её вернуть на Тибет!

На другой день на доске объявлений на Нордбанхоффе появилось объявление о продаже породистого щенка. Когда его расшифровали специалисты SIS, то получили такое послание:

Томасу

С большой долей вероятности сообщаю о наличии Грааля в секретной лаборатории Кёнигсберга. Непосредственно с ним работает доверенное лицо Хоффмана Курт Винтер. О сути эксперимента пока не осведомлён, но предвижу, что планируется создание нового сверхсовременного оружия.

Аполлон.

Глава 4. Эксперимент

Курт Винтер углубился в чтение газеты. Пресса сообщала сведения с биржи, о курсе ценных бумаг, о состоянии торговли, о происшествиях в Кёнигсберге. Он узнал, что в

городской зоопарк из Норвегии доставили пару для одинокого белого медведя, а в драматическом театре анонсируется оперетта «Травиата» Верди. В Кёнигсберг пожаловала труппа из Австрии с неподражаемой Моникой Шлимель, меццо-сопрано. Любимец фюрера, «великий боксёр Рейха» Макс Шмеллинг после ранения приезжает поправить здоровье на Куриш-Нерунг. Владельцы плавсредств зовут в походы по реке в залив, обещая незабываемый отдых на островах... Военная тематика затронута вскользь: ведутся ожесточённые бои, воины Рейха успешно сдерживают натиск полчищ большевиков на Востоке и англо-американцев на Западе. «Как знать, – подумал гауптштурмфюрер, – возможно, скоро вести с полей боёв будут куда как более оптимистичными. Благодаря операции «Грааль», мы быстро изменим обстановку на фронтах!»

Вчера для опытов с Граалем из Нюрнберга доставили другую величайшую христианскую святыню – копьё Лонгина или, как его ещё называют, «Копьё Судьбы». Это был наконечник типа «лонхе», используемый римскими легионерами. По одной из версий – его выковал для своих тайных целей третий первосвященник Иудейский сын Елезара и внук Аарона маг и каббалист Финеес. По преданиям, многие библейские герои и злодеи держали его в своих руках и использовали, как оружие, но, каким образом оно попало к простому римскому легионеру, участвовавшему в самой знаменитой казни, – остаётся загадкой.

По преданиям, Копьё Судьбы обладает особой магической силой и даёт своему обладателю возможность повелевать судьбами целых народов. Неспроста эта реликвия так интересовала фюрера. Теперь, совместно со священным Граалем, она способна изменить судьбу Третьего рейха. Надо только найти ключик к этим святыням, научиться с ними «работать». Штандартенфюрер СС Хоффман передал приказ от рейхсфюрера производить опыты над реликвиями с целью воздействия не на время, а на пространство. Для начала надо переместить какой-нибудь предмет на определённое расстояние, то есть, телепортировать его в выбранную точку. Сам механизм телепортации с помощью реликвий ещё стоило разработать. А к этому вопросу нужно подходить крайне осторожно. Впрочем, в лаборатории уже проводились исследования в этой области, и некоторые результаты были обнадеживающими. Выяснилось, что Копьё Судьбы при выполнении ритуала телепортации должно обозначить место, куда следует переместить тело или объект. Это место обычно чертилось на плане или указывалось на карте. Наконечник Копья нужно было вонзить в нужную точку. Но перед этим его следовало смочить кровью. Кровь должна находиться в Граале, необязательно, чтобы она была человеческой. Сгодится любое животное, но лучше – баран. При этом должно произноситься заклинание. Текст заклинания содержат найденные профессором Фолем таблички. Расшифровка этих записей идёт полным ходом.

– Белый ворон! – обрадованно воскликнула Эмма Литтих. – Именно он олицетворяет перемещение тел в пространстве под воздействием магических сил!

Она только что закончила расшифровку одной из тибетских пластин и начала перевод второй.

– Дорогая Эмма, – гауптштурмфюрер Винтер буквально летал по помещениям лаборатории. У него было такое чувство, словно он танцевал по колено в алмазах. – Будьте максимально внимательны при переводе! Не упускайте ни одну мелочь, прошу вас.

– Перевод будет точен, герр гауптштурмфюрер, – заверил начальника Вилли Штернгаут. – Сегодня к вечеру закончим.

– А вы, Краузе, позаботьтесь об условиях проведения эксперимента. Эксперимент назначаю на... завтра, в 23-00. Проводить опыты на мышах и крысах у нас просто нет времени, поэтому если не найдёте кандидата для телепортации, отправитесь сами!

– Почему «не найдёте»? – с удивлением спросил Иоганн Лозе. – Господин гауптштурмфюрер, я прошу, и даже настаиваю, чтобы телепортировали меня! Я согласен участвовать в этом эксперименте даже «подопытным кроликом»!

– Думаю, никто из сотрудников лаборатории возражать не будет, – ответил с лёгкой усмешкой Винтер. – Но предупреждаю, что существует опасность для вашей жизни, Иоганн...

– Солдату рейха к опасностям не привыкать! – гаркнул в ответ Фельдфебель.

– Ну-ну. Вилли, фрау Эмма, ещё раз прошу дословно воспроизвести текст заклинания!

Оберштурмфюрер Краузе развернул на столе карту Кёнигсберга. Чёрт побери, как всё быстро сложилось, просто удивительно! Привезли обе реликвии, и вот теперь они готовятся к проведению первого эксперимента. К настоящей телепортации! Ещё месяц назад никто бы не поверил! Это событие, несомненно, войдёт в историю Рейха! Да что там Рейх, – в историю мира! Так, куда бы отослать Фельдфебеля? Хорошо бы, сразу в преисподнюю! Он хмыкнул. Нет, туда тот ещё успеет. А не перебросить ли его на Лавочный мост? Путешествие недалёкое, всё будет происходить буквально на глазах. А если что-то пойдёт не так, пусть искупается в Прегеле. Даст бог, промахнётся мимо моста и... не выплывет!.. Надо позаботиться о том, чтобы приобрести бараньей крови... Фридрих отыскал на карте Лавочный мост и пометил его карандашом. И, конечно, нужно оцепление из солдат СС! Эксперимент следует провести в тайне, мост должен быть пуст... Высшие силы, благоволящие к Третьему рейху, сделают всё возможное, чтобы у них, сотрудников лаборатории, всё получилось! Тогда можно думать и о повышении в звании, и о многом другом. Да, они продвигались к своему творческому апогею и триумфу долгие годы, всё это время велась кропотливая подготовка именно к нему, заключительному этапу проверок, исследований, опытов и испытаний!

– Господин штандартенфюрер! Прошу разрешения на проведение эксперимента по телепортации! – доложил Курт Винтер своему руководителю штандартенфюреру СС Хоффману.

Кабинете Хоффмана выходил на солнечную сторону и в нём было слишком жарко. Казалось, даже мухи отказывались летать в этом вязком душном мареве. Начальник тоже изнывал от зноя, но старался не показывать вида.

– Рад вашим успехам, Курт, – ответил начальник отдела Аненербе в Кёнигсберге, пожимая руку учёному коллеге. – О ходе вашего эксперимента я буду лично докладывать рейхсфюреру, а тот – самому фюреру. И помните: у вас не может быть отрицательных результатов и всевозможных «осечек»!

– Мы проявили максимум стараний и готовы пойти на всё, чтобы добиться желаемого результата.

– Я верю вам, Курт. Вы и впрямь славно потрудились, – Хоффман взял со стола кожаную папку и раскрыл её. – Я изучил ваш отчёт... У вас разработана целая методика! Грамотно. Толково. Обнадёживающе. Ваши сотрудники заслуживают поощрения!

– Мы служим Рейху, господин штандартенфюрер, – скромно, но с достоинством ответил Винтер.

– Знаю, дружище. Итак, готовы ли вы посвятить меня в детали эксперимента?

– Охотно, господин штандартенфюрер. Наш первый опыт по телепортации будет состоять из трёх частей. Мы выбрали тёмное время суток для обеспечения скрытности, и пустынный участок – Лавочный мост, который должен быть оцеплен с двух сторон подразделением СС. На первом этапе сотрудник нашей лаборатории Иоганн Лозе будет телепортирован прямо на середину этого моста.

– Он сам вызвался или вы предложили это ему?

– Он лично проявил инициативу, господин штандартенфюрер.

– Прекрасно. У вас в лаборатории не только крупные учёные, но и мужественные люди!

– Все мы – офицеры СС, господин штандартенфюрер.

– Продолжайте, Курт.

– На первый раз решено осуществить телепортацию одного человека. Минимум одежды и пустые руки.

– Согласен, – кивнул головой Хоффман.

– Если телепортация осуществится успешно, мы попробуем усложнить задачу. Дадим в руки Лозе оружие и – повторим операцию!

– Далее?..

– После этого, если всё сложится удачно, мы попробуем телепортировать уже группу людей с оружием и боекомплект. На этом первый эксперимент мы завершим и приступим к подготовке ко второму.

– А что вы собираетесь предпринять во втором, дружище?

– Телепортацию на большие расстояния. Например, в Берлин!

– О, мне нравятся ваши планы, Курт! Приступайте к их осуществлению, согласно вашей программы! Все силы обеспечения и поддержки – в вашем распоряжении. Если что – звоните лично мне, и мы уладим любые вопросы. Слышите, Курт? Я очень надеюсь, что этой ночью мы доложим радостную весть нашему фюреру! С Богом! Кстати, вы уверены, что ни капли информации не утекло за пределы вашей лаборатории?

– Уверен, господин штандартенфюрер!

– Запомните, Курт, всё должно храниться в строжайшей тайне! Я никогда не устану повторять это вам.

– Я всё понял, господин штандартенфюрер! Вы можете быть уверены во мне и в моих людях!

Простившись со своим подчинённым, штандартенфюрер позвал секретаря:

– Хельмут, вы подготовили материалы по сотрудникам лаборатории Винтера?

– Ещё вчера, господин штандартенфюрер. Все они неоднократно проверялись, ни на кого из них никакого компромата не заведено.

– Это хорошо. У вас всё?

– Пожалуй, один случай вызывает некоторые вопросы...

– Поясните.

– В декабре 1943-го гауптштурмфюрер Винтер делал запрос на некоего Мартина Шилла, младшего специалиста Архива кёнигсбергского университета. Тот принимал участие в подсобных работах лаборатории и изъявил желание непосредственно заняться исследованиями. Тогда ему отказали...

– Вот как? Это – любопытно. Займитесь-ка этим Шиллом, Хельмут. Покопайте глубже. Запомните: у нас не должно оставаться никаких сомнений по поводу наших сотрудников!

Последнее заявление Курта Винтера было ошибочным. Британский разведчик, скрывающийся под именем Мартина Шилла, уже был в курсе предстоящего эксперимента. Ему удалось расшифровать текст одной из табличек (на это ушло совсем мало времени, буквально, один взгляд, остальное он додумывал уже у себя в Архиве, сидя за столом). Он знал, что ещё у древних кельтов существовало поверье: появление белого ворона они считали мгновенным перемещением чьей-то души из одной области пространства в другую. А прочтённая фраза: «Белый ворон появится там, где ему укажет святыня», свидетельствовала о том, что с помощью этой святыни должна осуществиться телепортация. Услышанные им от сотрудников лаборатории слова: «мгновенный бросок» и «моментальный прыжок» только подтвердили его предположения.

Итак, немцы решили телепортировать... Кого и куда? На этот вопрос существовало множество ответов и все они были один страшнее другого. А если им удастся телепортировать пехотную дивизию или танковую армию в тыл англо-американских войск? Или в Лондон? Или под Москву? Волосы дыбом встают от этих предположений. Впрочем, они сначала собираются провести эксперимент. Удастся ли он – не знает никто. Его, Мартина Шилла, разумеется, и близко не подпустят к исследованиям. Но он должен узнать о результате испытаний! И он узнает. Достаточно будет лишь взглянуть на лица сотрудников лаборатории и услышать хотя бы пару фраз.

Сейчас Мартин сидел у себя дома на Хольценштрассе и зашифровывал текст. Донесение он передаст, воспользовавшись курьером, имеющим выход на радиостанцию. В крайнем случае, это предусмотрено. А сейчас такой случай наступил. Текст же сообщения был следующим:

Томасу

По моим сведениям, в лаборатории Аненербе в Кёнигсберге готовится эксперимент по осуществлению телепортации. В случае удачного результата это приведёт к серьёзным последствиям: немцы планируют предпринять попытку телепортации войсковых подразделений в наш тыл.

Аполлон.

Закончив шифрование и ещё раз всё проверив, Мартин сложил лист бумаги и аккуратно поместил его в конверт. Сегодня в девять тридцать вечера ему необходимо появиться в уютном кафе Альтштадта «Усы сома» с охотничьим журналом, внутри которого будет находиться этот конверт. После двух кружек пива, Мартин выйдет из кафе и «забудет» журнал на столе. Немногим позже ему его передаст случайный посетитель, сосед по столику. Но, уже без конверта.

Разведчик взглянул на часы. Минут через двадцать ему следовало выходить из дому. Он достал охотничий журнал, с интересом перевернул несколько страниц... И в этот момент в двери постучали.

– Войдите, – спокойно произнёс Мартин, будучи уверенным, что это его хозяйка, фрау Моника интересуется планами постояльца на вечер.

Но дверь открылась и на пороге появился незнакомый мужчина. Был он высок, светловолос, одет в серый летний костюм. Пронзительный взгляд его голубых глаз словно выплеснул на Шилла ушат холодной воды. «Истинный ариец» молча стоял в дверях и внимательно смотрел на Мартина.

– Чем обязан? – поднялся с кушетки Шилл. – Кто вы такой? – Рука непроизвольно потянулась за пистолетом.

– Успокойтесь, – тихо сказал незнакомец, прикрывая за собой дверь. – Присаживайтесь и выслушайте меня. – Он пододвинул к себе табурет и сел на него. Голубые глаза насмешливо созерцали удивлённого работника архива. – Пистолет не доставайте. Я не вооружён.

– Тогда потрудитесь объяснить, кто вы такой и что вас привело ко мне...

– Охотно. Я, кстати, как, и вы, представляю особую службу по выведыванию чужих тайн и секретов.

– Вы это о чём?

– О вашей службе в МИ-6, – вполголоса проговорил «ариец». – Нам всё известно, господин Шилл. И о доске объявлений на Нордбанхоффе, где вы получаете указания, и о трактире «Усы сома», куда сегодня собираетесь наведаться. Желаете, чтобы это стало известно и Абверу? Или вы предпочитаете их коллег из гестапо?

У Мартина потемнело в глазах. Провал! Он выхватил пистолет и направил его в сторону незнакомца. Тот произнёс, спокойно глядя в направленный ему прямо в лицо «глаз филина»:

– Ещё успеете пустить себе пулю в лоб, – на губах гостя играла насмешка. – Но, не надо спешить. Я пришёл к вам совсем не за этим. Я – ваш коллега, но немного... с другой стороны. Нас также очень интересует деятельность Аненербе в этом славном городе, и мы тоже хотим воспрепятствовать успехам данной организации. Мы могли бы помочь друг другу. Как союзники.

– Вы... из советской разведки? – догадался Мартин.

– Это - неважно, – уклончиво ответил его собеседник. – Итак, я делаю первый ход. Германские спецслужбы всерьёз заинтересовались вашей личностью, уважаемый господин Шилл. Сегодня штандартенфюрер СС Хоффман дал указание целенаправленно вас проверить, и проверка уже началась. Я думаю, дней через десять, если не раньше, вам придётся убраться отсюда. И как можно дальше. – Ариец полез в карман и вытащил оттуда портсигар. – Вы разрешите?... – Мартин растерянно кивнул. Незнакомец достал сигарету и сунул её в рот. – Теперь – слово за вами.

– Что вы хотите услышать? – Шилл сам не узнал своего голоса.

– Те сведения о лаборатории Аненербе, которые вы подготовили для передачи своему начальству в Лондоне, – «ариец» кивнул на лежащий на столе охотничий журнал.

– Хотите чаю? – спросил Мартин.

– Нет, у меня мало времени. Отвечайте.

– Хорошо, – после минутного раздумья ответил Шилл. – В лаборатории имеются Чаша Грааля и Копьё Судьбы. Немцы готовят эксперимент по телепортации. Вам этого достаточно?

– Когда запланировано осуществить данный эксперимент?

– Не знаю. Но, думаю – сегодня ночью.

– Отлично, – гость поднялся. – Раз уж мы начали сотрудничество, позвольте представиться: Мигель. – Мартин пожал сильную руку нового партнёра. – И прислушайтесь к моим словам – вам пора сворачивать свою деятельность. Скоро за вами немцы начнут настоящую охоту. Или у вас имеется не вызывающая сомнений «легенда»?

– Кто вы, Мигель, испанец? – спросил Мартин. Спросил, чтобы не молчать. Его не интересовала национальность гостя, просто после его слов на душе стало холодно и тоскливо.

– Мексиканец, – с улыбкой ответил тот и выскользнул за дверь. – До свидания! Не ищите меня. Мы с вами сами свяжемся.

День 21 августа 1944 года «доживал» свой последний час. Штандартенфюрер СС Хоффман в сопровождении Курта Винтера вышел из помещения Архива кёнигсбергской Альбертины, а точнее, – из лаборатории Аненербе. Остров Кнайпхоф уже засыпал. Давно закрылись лавочки, кабачки уже выпроводили своих последних посетителей, ночная прохлада ещё не ощущалась в полную меру, но августовская ночь уже давала о себе знать лёгким туманом над речной гладью. Тишина, полное безветрие... Звёзды над городом затеяли свои хороводы, иные разбрелись, словно овцы на бескрайнем небесном пастбище.

Мост со стороны Альтштадта был перегорожен бронетранспортёром, рядом с которым цепью выстроились автоматчики. Со стороны Кнайпхофа стояло несколько мотоциклов, солдаты были готовы немедленно вступить в бой.

– Я вижу, Курт, всё готово к эксперименту, – промолвил штандартенфюрер, закуривая сигарету и глядя на темнеющий Прегель, несущий свои воды за Лаак, дальше, в сторону залива.

– Сейчас и начнём, – ответил Винтер. – Думаю, вы хотите увидеть весь ритуал полностью. Тогда нам надо будет спуститься обратно в лабораторию.

– Подождём немного, сегодня и вправду чудесный вечер. Я не сомневаюсь в вашем триумфе, Курт. Вы правы, хоть профессор Фоль прекрасно справится и без нас, но отказ стать свидетелем такого эксперимента был бы чрезвычайной глупостью.

Он докурил, швырнул окурки в стоящую неподалёку урну и закончил:

– Ну-с, приступим.

В лаборатории их встретила группа исследователей, собравшаяся возле Грааля, наполненного кровью. Иоганн Лозе стоял в одних трусах и держал на груди, словно икону, наконечник Копья Лонгина. Его глаза возбуждённо блестели, а мышцы рельефно бугрились, и весь он был похож на древнего викинга, готовящегося к смертельной схватке.

– Господин штандартенфюрер! Оберштурмфюрер Лозе к эксперименту готов! – доложил он руководителю Аненербе, вытянувшись «во фронт».

– Выглядите браво, Иоганн! – Хоффман пожал ему руку. – Я уверен, что эксперимент для вас не будет опасен. И всё же, мне приятно, что среди сотрудников лаборатории есть люди, готовые пожертвовать жизнью во имя Великого рейха! Приступайте к эксперименту, Курт. Время пошло...

– Фрау Литтих, начинайте читать заклинание. Краузе, ставьте Грааль на стол! Иоганн, макните в Чашу наконечник. Только, ради бога, на размешивайте кровь. Иначе вы рискуете оказаться в другом временном портале!

– Фюрер запретил нам проводить исследования со временем, - напомнил Хоффман. – Дружище Фоль, а вы почему отошли в сторону? Вам дурно?

– Нет, со мной всё в порядке, господин штандартенфюрер. Но я чертовски волнуюсь, – признался профессор.

– Вы неважно выглядите, – покачал головой Хоффман. – Вот, – он вынул из кармана пиджака плоскую флягу. – Здесь коньяк. Глотните, дружище. Вам полегчает!

– «Белого ворона чувствуя взмахи крыльев, – начала нараспев читать Эмма Литтих. – Вновь он принёс чью-то душу в таинственный лес...»

– Насчёт Грааля я спокоен, – ответил Фоль. – Это поистине волшебная вещь. Мы уже убедились в этом. Копьё тоже, лично у меня не вызывает сомнений. Но, на душе всё рано кошки скребут... – Он отвинтил крышку и сделал внушительный глоток. Затем, поблагодарив, вернул фляжку хозяину.

Фельдфебель аккуратно окунул наконечник Копья в кровь, содержащуюся в Граале, и подошёл к развёрнутому на столе плану центральной части Кёнигсберга.

– «Мысли мои улетят вслед за ветром холодным,
К Одиному я не вернусь! Белым вороном стану!»

Курт взмахнул рукой. Лозе деловито воткнул наконечник Копья в середину изображённого на плане Лавочного моста и пригвоздил лист бумаги к деревянной поверхности стола. Капли крови скатились с наконечника и окрасили линии, изображающие мост. И...

– Бог мой! – вырвалось у Эммы.

Наконечник Копья Лонгина так и остался торчать в столе. Сам Лозе – исчез!

Курт бросился к выходу. За ним последовали все остальные.

Бежали к Лавочному мосту. Через весь остров. Ноги сами несли по узким улочкам. Хорошо, что Кнайпхоф невелик, если кто-то и запыхался, то от изнеможения никто не упал. Даже пожилой профессор.

Лучи прожекторов освещали одинокую фигуру раздетого человека, стоящего на середине моста. Это был Иоганн Лозе. Он, кажется, до сих пор не понял, что с ним произошло. Оглядывался, бестолково пожимал плечами, неловко размахивая руками. Подошёл к перилам, свесил голову и для чего-то посмотрел вниз...

Хоффман первый вбежал на мост, дав указание на время снять оцепление, за ним подоспели остальные участники эксперимента. Штандартенфюрер бросился к ошалевшему Лозе и буквально сгрёб его в охапку!

– Bravo, дружище! С прибытием! – радостно прокричал он в ухо Фельдфебелю. И, хоть к бесталанному служаке у сотрудников лаборатории сложилось не совсем тёплое отношение, сегодня каждый старался сказать ему что-то доброе. Краузе дружески похлопал

Иоганна по плечу, Вилли обнял его, как только Хоффман освободил свои объятия, Курт Винтер тоже пожал руку счастливому участнику удачного эксперимента.

– Поздравляю, дружище, – воскликнул он. – Теперь твоё имя войдёт в историю Рейха!

– Это – триумф! Полный триумф! – почти кричал профессор Фоль, вытирая слёзы счастья.

Солдаты из оцепления с удивлением наблюдали эту сцену. Они так и не поняли, что произошло на Лавочном мосту в ночь на 22 августа 1944 года.

– Погодите, профессор, – успокаивал учёного Хоффман. – Эксперимент ещё не завершён. Лозе, облачайтесь в униформу и берите автомат. Сейчас мы повторим телепортацию!

Группа исследователей вернулась в свою лабораторию. Фельдфебель оделся в форму немецкого солдата, надел каску и взял в руки автомат.

Испытания повторились с тем же результатом.

В эксперименте по групповой телепортации захотели участвовать все сотрудники лаборатории. Курт позволил только Лозе, Краузе и Штернгауту. Все они оделись в форму и вооружились. Фельдфебель воткнул наконечник в ту же самую точку на плане Кёнигсберга, к кисти его руки прикоснулись остальные участники опыта. Эмма Литтих произнесла песнь-заклинание и... чудо свершилось вновь!

– Запомните этот день, Курт, – штандартенфюрер Хоффман тяжело дышал от возбуждения. – Я с превеликим удовольствием доложу рейхсфюреру о ваших успехах!

– О наших успехах, господин штандартенфюрер, – поправил начальника Винтер.

– Да-да, мы все приложили к этому руку. Теперь я уверен: судьба Третьего рейха спасена! Нам удалось заставить служить Германии Высшие силы!

– Я всегда преклонялся перед гением фюрера, – согласился с ним Винтер.

Глава 5. Борьба с оккультизмом

Мартин Шилл с каждым днём всё более ощущал тревогу. Мигель, несомненно, разведчик, предупредил, что Абвер начал «копать» под него. «Легенда» Шилла могла в любой момент треснуть по швам. Согласно ей, в Кёнигсберг Мартин приехал из Мюнхена, где у его отца, Вильгельма Шилла, имелся собственный охотничий магазин. Отец умер (это было реальное лицо), наследство получил брат Мартина, Карл. Сами братья никогда не виделись, поскольку Карл был родным сыном Вильгельма, а Мартин – незаконнорождённый плод его любви с горничной в гостинице Аугсбурга, куда тот приезжал по коммерческим делам. Горничную звали Каролин, она якобы родила Мартина в 1914 году, перед самой войной. На самом же деле никакой Каролин не существовало. Возьмись кто-нибудь проверить эту историю, как вскоре бы понял, что личность Мартина Шилла никто подтвердить не может. Впрочем, во время войны отмечалась полная неразбериха с документами о рождении детей, и сослаться на беспорядки в городских архивах было бы возможно. Однако, согласно той же легенды, молодой человек окончил мюнхенский университет. А вот свидетелей этому тоже, увы, нет. Любой, кто возьмётся досконально проверить биографию Мартина Шилла, вскоре будет вправе задать ему вопрос: «Так, кто же вы, господин Шилл?» В Альбертину его устроил старый служащий университетского

Архива, который уходил на отдых. Он тоже был сотрудником SIS. «С такой «легендой», – думал про себя Шилл, – тебе, парень, нужно тихонько сидеть в Архиве и не дёргать kota за усы». Но, задание из Центра нужно было выполнить.

22 августа сотрудники лаборатории были излишне возбуждены, разговорчивы и без меры многословны. Мартин без труда догадался, что этой ночью был проведён успешный эксперимент. Это означало, что чередой опытов с реликвиями будет продолжена. И действительно: на следующий день куда-то исчез гауптштурмфюрер Винтер. Поговаривали, что он уже в Берлине, на приёме у руководителя управления Аненербе при личном штабе рейхсфюрера СС Гимmlера, Вольфрама Зиверса. Остальные сотрудники бьются над идеей телепортации техники. Значит, с людьми у них всё получилось... Это скверно, выходило, что реликвии действительно могут творить чудеса. И отчего подобные святыни всегда попадают в руки негодяев?

В кафе «Марта-кофе», куда он ежедневно ходил обедать, за соседним столиком он заметил давешнего посетителя, Мигеля. Дождавшись, когда Мартин наскоро перекусит, тот кивком предложил ему прогуляться к реке.

– По нашим данным, у вас ещё есть пять, от силы шесть дней, – объявил ему разведчик после короткого приветствия. – Слежки за вами не будет. Скорее всего, вас вытащат прямо из рабочего кабинета и отправят в отделение на Зоннерштрассе, где сразу начнут усердно «прессовать». Но, возможно, не станут торопиться. Будь они уверены, что вы – разведчик, наверняка бы попытались разузнать ваши связи. А пока им нужно только установить вашу подлинную биографию. Имеется ли у вас средство для быстрого и безболезненного... ухода в случае провала?

– Имеется, благодарю вас.

– Вам есть что сообщить нам по поводу экспериментов Аненербе?

– Да. И боюсь, сведения будут неутешительными. Похоже, у немцев всё получается наилучшим образом.

– Мы вели слежку за отделением и имели возможность убедиться в этом. Им удалось телепортировать нескольких вооружённых человек из лаборатории в Альбертине прямо на Лавочный мост...

– А сегодня их начальник, гауптштурмфюрер Винтер отправился в Берлин...

– Вы хотите сказать... телепортирован?

– Именно так, господин Мигель. Весьма удобный способ транспортировки, вы не находите? А сейчас они заняты тем, чтобы отправить в «дальние страны» технику: танки, бронетранспортёры и прочее вооружение. И если сегодня у них с этим имеются некоторые затруднения, то завтра, боюсь, они с ними справятся.

– Мы найдём средство, чтобы воспрепятствовать этому, господин Шилл.

– Думаете, взять приступом лабораторию? У вас хватит сил? – грустно пошутил тот. – Или вы рассчитываете на крупную войсковую операцию? К тому же, молниеносную... Бросьте, Мигель. Боюсь, мы с вами не в силах предотвратить беду...

– Вы слишком часто произносите слово «боюсь». Неужели, действительно боитесь?

– Да, господин Мигель. Ни вы, ни я... даже не представляем, насколько сильное оружие появилось в руках нашего противника.

Бункер Гитлера освещался электричеством, но света явно не хватало. Невысокий, сгорбленный пожилой человек, заложив руки за спину, неторопливо прохаживался по своему кабинету: четыре шага вперёд, разворот, четыре шага назад. Мимо своего рабочего стола с телефоном, чернильницей, настольной лампой, стаканом с карандашами, сложенной вчетверо картой и папкой с рабочими документами. Гитлер прихрамывал – нога после покушения на него месяц назад, сегодня побаливала. Цвет его лица в последние дни приобрёл серый оттенок: то ли сказывались неудачи на фронтах, то ли возымели действие проклятия миллионов жителей Европы.

На фронтах положение было более чем тяжёлым. На Западном, правда, фельдмаршалу Моделю удалось вырваться из Фалезского котла, но сегодня, 24-го августа фюрер узнал, что Париж для Рейха потерян. Американские бронетанковые части, за которыми шли французские танки, через Рамбуйе продвинулись на северо-восток, прорвали немецкую оборону южнее Парижа, и, выйдя к Сене, вступили в город. Им осталась противостоять 5-я танковая армия, в которой едва ли наберётся сотня машин. На Восточном фронте было и того хуже. 20-го августа русские начали крупную войсковую операцию в Молдавии и Восточной Румынии. Здесь потери грозили обернуться новой катастрофой. Где, где взять силы для дальнейшей борьбы?

– Мой фюрер, к вам – рейхсфюрер СС Гиммлер и штандартенфюрер СС Зиверс! – доложил личный адъютант Гитлера штурмбанфюрер СС Отто Гюнше.

– Пусть войдут.

– Мой фюрер, я прибыл по вашему приказу вместе с моим давним другом Вольфрамом Зиверсом, руководителем управления Аненербе... – представился Гиммлер, сверкнув стёклами пенсне, при входе в кабинет бункера.

– Прекрасно, Генрих, – глянув исподлобья на приглашённых, и кивнув адъютанту на дверь, устало произнес Гитлер, – проходите.

Фюрер сел за стол, сделал рукой жест присаживаться вошедшим. Те мельком бросили взгляд на рейхсканцлера. Выглядел тот сегодня неважно: сильнее обычного ссутулена спина, одутловатое, землистого цвета лицо, дряблые щёки и мешки под беспокойно бегающими глазами. Создавалось впечатление, что его организм за год войны стареет на четыре-пять лет. Действительно, в свои пятьдесят пять Гитлер всё чаще ощущал себя дряхлым стариком. Особенно в такие непростые периоды... Кругом предательство и измена. Союзники – Финляндия, Италия, Румыния, Турция и даже Япония, готовы выйти из-под контроля... А если это случится, то война будет неизбежно проиграна... Спасти Третий Рейх может только воля и интуиция вождя, а также непоколебимая вера его народа в победу!.. Но вера нуждается в постоянном подкреплении...

– Рейхсфюрер, я хочу знать, как продвигается ваша работа по созданию новых видов оружия! – обратился вождь нации к главе СС, хлопнув правой ладонью по дубовому столу так, что сидящие перед ним офицеры тут же вскочили с кресел и вытянулись в струнку. – Обстановка на фронтах такова, что далее ждать нельзя!

– Мой фюрер, теоретические разработки психофизического оружия по проекту «Тор», способного воздействовать торсионными полями на большие массы людей, управляя тем самым их поведением и сознанием, практически завершены. Нами создано

экспериментальное устройство, способное зомбировать человека, парализовав его волю. До испытаний в полевых условиях остались считанные месяцы...

– Нет у нас этих месяцев, Генрих! Пойми: их – нет! – выкрикнул Гитлер и мотнул головой. Затем, кряхтя, поднялся и, прихрамывая, вновь зашагал взад-вперёд по кабинету. – Что с другими проектами?

– У сотрудников «Аненербе» есть несомненные успехи в работах по синтезу искусственной плазмы крови в рамках программы «Лебенсборн» (54). Члену партии профессору Хирту из Тюрингского университета удалось победить раковые клетки, благодаря своему новому методу лечения... Получены обнадеживающие результаты в опытах по изучению воздействия на людей отравляющего газа LOST, а также в исследованиях по программе «Антарктида» и проектированию «дисколётов»...

– Всё это я слышу от тебя уже в сотый раз!

Гитлер заметно побледнел, а пальцы его рук мелко задрожали. Гиммлер понял: возможно, сейчас он услышит о себе то, о чем даже и не подозревал. В подобных ситуациях словесный поток из уст вождя бывал таким, что оппонент чувствовал себя по уши в грязи. Но у рейхсфюрера сегодня было что доложить Гитлеру. Просто он, по привычке, придерживал эту информацию, выбирая для её подачи наиболее удачный момент. Впрочем, на этот раз моментально вспыхнув, фюрер неожиданно так же быстро и остыл.

– Ну, а самое главное вы, наверное, приберегли на потом? Зиверс, а как продвигается операция «Грааль»? – вдруг совершенно спокойным голосом спросил он. – Мне известно, что поиски священного Грааля, начатые ещё Отто Раном, завершились успешно и Чаша доставлена в Кёнигсбергский филиал. Её подлинность не вызывает сомнений. В настоящее время, как мне докладывал Хоффман, проводятся эксперименты по изучению телепортационных и иных магических свойств данной реликвии. Так я слушаю вас Генрих, и вас Вольфрам. Вы добились каких-нибудь результатов?

– Мой фюрер, – наконец, торжественно произнёс Гиммлер. – Мы добились ошеломительных результатов! Вчера я лично беседовал с начальником кёнигсбергской лаборатории гауптштурмфюрером СС Винтером. Его телепортировали прямиком из Кёнигсберга в Берлин. Опыты, которые провели в столице Восточной Пруссии, просто потрясающи! На данный момент телепортация – это не мечта, не миф, не фантастика! Это – явь! Уже сегодня мы можем перебросить любое количество живой силы в тыл противнику! В настоящее время ведутся исследования по возможности телепортации вооружения и техники! Я полагаю, что в течение оставшихся нескольких дней мы и тут получим положительные результаты!

Взгляд фюрера прояснился. Улыбка заиграла на его губах. Он снова занял место за столом, по-хозяйски скрестив руки.

– Вот теперь вы порадовали меня, господа. – Глаза его весело сверкнули. – Вы даже не представляете, какую добрую весть принесли мне. Теперь всё пойдёт по-другому! – Он раскрыл папку с документами, но ничего из неё доставать не стал. – Помните, Генрих, вы и Хоффман говорили мне о 30-м числе августа? Значит, это реально?

– Так точно, мой фюрер! – заявил Гиммлер.

– Операция «Грааль» будет проведена по плану! – добавил Зиверс.

– Все силы... Слышите, Зиверс, все лучшие силы бросить на эти исследования, и чтобы через два дня можно было бы осуществить телепортацию вооружения и техники! – Он вдруг поднял глаза вверх и ткнул пальцем в потолок. – Вот оно, воздействие Высших сил! Именно оно изменит ход истории! Именно оно подарит нам победу и приведёт Германию к мировому господству! Немедленно вылетайте в Кёнигсберг, Зиверс, и продолжайте работу! Да, и передайте мою личную благодарность сотрудникам вашей лаборатории и всему кёнигсбергскому филиалу Аненербе!

После покушения 20 июля подолгу стоять Гитлеру было трудно. Шутка ли - из его ног было извлечено около сотни мелких осколков! Кроме того, он получил вывих правой руки и почти оглох на одно ухо. Поэтому, когда офицеры вышли, фюрер плюхнулся на любимый кожаный диван и задумался. Ему вспомнилось детство... У родителей был красивый дом, окруженный садом из фруктовых и ореховых деревьев. Рядом протекал хрустально чистый ручей, а за ним гигантскими волнами вздымались живописные холмы, поросшие лесом. Они перемежались полями, тщательно возделанными трудолюбивыми и бережливыми крестьянами...

Рано научившийся читать, Адольф быстро освоился в семейной библиотеке и оттачивал на сверстниках умение пересказывать понравившиеся книжные истории. В свободное от других занятий время он с удовольствием учился пению в хоровой школе, что давало возможность часто бывать в храме и наслаждаться пышностью церковных празднеств и даже подумывать о карьере священника. Однако один неприятный эпизод изменил его намерения. Дело в том, что когда однажды маленький Адольф по шею провалился в канаву с коровьим навозом и истово молился о своём спасении, то Господь ему не помог. Пришлось выбирать самому.

...Дорога в школу занимала у него чуть больше часа. Обветшалое школьное здание было разделено на два класса — для мальчиков и девочек... Гитлер чуть заметно улыбнулся. Он вспомнил, как будущий фюрер Великой Германии остался в первом классе реального училища на второй год, поскольку с детства демонстративно игнорировал ряд преподаваемых наук, если считал, что они не пригодятся ему в дальнейшей жизни. Зато он талантливо верховодил мальчишескими ватагами, нападавшими на окрестные сады, умел ловко бросать лассо, подражая ковбоям, любил представлять себя полководцем и водить отряды в бой. Однажды так увлёкся, что заставил отца больше часа ждать обещанного табака, за которым его послали в лавку...

Но и детская мечта о военной карьере вскоре несколько поблекла, а её место заняло стремление стать художником. Мысль эта, надолго овладела Гитлером. Но отец был против... Гневливый и шумный усач частенько пускал в ход кулаки, когда прочие аргументы заканчивались или он бывал слишком пьян, чтобы к ним прибегнуть. Тихая и худенькая мать Адольфа безуспешно пыталась защитить сына от постоянных избиений. Лет в десять Адольф взбунтовался и решил убежать из дома. Но отец узнал об этих планах и запер мальчика на замок. Ночью Адольф попытался протиснуться через узкую оконную решетку, а для этого даже снял с себя всю одежду, но услышав шаги отца, спрыгнул с подоконника и прикрыл наготу скатертью со стола. На этот раз глава семьи не взял в руки кнут, а просто расхохотался и позвал жену «полюбоваться на мальчишку в тоге». И эта насмешка обидели Адольфа гораздо сильнее, чем удары кнутом... Как-то в приключенческом романе он

прочитал, что не выказывать боль - признак мужества. И тогда мальчик решил, что, когда отец станет его хлестать, он не издаст ни звука. Несколько дней спустя представилась возможность проверить свою выносливость... Адольф молча считал удары прутом по своей задней части тела, а испуганная мама смотрела на все это с нескрываемым ужасом...

Любая победа начинается с победы над собой. И он выдержал! С этого дня отец его больше не трогал. Папаша скоропостижно скончался от кровоизлияния в легкие, сидя в пивной, когда сыну было тринадцать... Через пять лет не стало и мамы, что явилось по-настоящему огромным потрясением... Тот, кто хоть раз переживал горе от потери близкого человека, знает, что мир в этот момент рушится... Внутри словно разрывается бомба, оставляя после себя выжженное пепелище. И нужно суметь найти в себе силы жить дальше...

Гитлер вспомнил, как сдавал экзамены в Академию художеств, и как ему объявили, что он «не принят». «А ведь вся жизнь могла сложиться совершенно иначе, но... не судьба! – вздохнул фюрер. – Только несмотря на фиаско, я с удовольствием продолжал трудиться как чертёжник и акварелист, и, судя по тому, как активно раскупались мои пейзажи и портреты, был всё же неплохим художником» ...

Узнав о начале Первой мировой, он явился добровольцем на германский призывной пункт... Карьера художника на этом завершилась, и началась карьера солдата. На войне случалось всякое, но он никогда не был трусом. Однажды даже вынес из-под огня раненого осколком командира полка, позже в одиночку захватил английский патруль, и, как было написано в представлении ко второму Железному кресту: «являл собой пример хладнокровия и мужества... в самых тяжелых ситуациях с величайшей опасностью для жизни...»

А вот первый Железный крест, что весьма примечательно, ещё до его вручения, спас Гитлеру жизнь. Дело было так. Когда обсуждался список представленных к награде, то солдат выставили из штабной палатки на улицу. Не прошло и пяти минут, как в палатку попал артиллерийский снаряд. Все находившиеся в ней командиры были разорваны на части. «Да... Рядом со мной часто гибли товарищи, но я отличался каким-то необычным везением, словно кто-то берёт меня для чего-то более важного, – вспоминал вождь. – Не забыть такой случай: как-то обедая на передовой, я услышал внутренний голос, повелевающий мне перейти в другое место. Я поднялся и отошел метров на двадцать, снова сел и спокойно продолжил трапезу. И тут раздался взрыв в той части воронки, которую я только что покинул. Шальная граната угодила именно в то место, где я только что обедал вместе с товарищами. Погибли все до одного... – Гитлер прикрыл глаза и представил эту ужасную картину. – Многие думают, что человеческая кровь не пахнет, – размышлял фюрер, – однако они заблуждаются... Её «букет» так тонок и необычен, что его трудно описать словами. Он отдалённо напоминает мне то запах радуги после грозы, то аромат незнакомых полевых цветов или ладана... Возможно, это малые частицы души, покидая брненное тело, ударяют нам в ноздри, одурманивая до потери сознания. Главное в этот момент – устоять на ногах... А способность предчувствовать опасность и эффективно её избегать я ощущал и позднее, в моменты многочисленных покушений на мою жизнь... Однако эта способность была мне дарована точно не Богом...

Известие о позорном мире и падении монархии я встретил в лазарете, попав в бою на Ипре под обстрел газовыми снарядами. Великая война была проиграна, но родилась мечта о

неизбежном реванше. Воля и упорство стали причиной моего последующего взлёта... А инструментом служили природное стремление к порядку и фанатизм немецкого народа, идеология, основанная на превосходстве арийской расы, и новая религия, замешанная на оккультизме и магии. В такой борьбе, как говорится, все средства хороши...»

Потом было триумфальное восхождение к вершине власти, строительство новой Германии и начало самой жестокой и кровопролитной в истории человечества войны...

И вот сейчас, после стольких лет борьбы, громких побед и горьких поражений, когда, кажется, вера и надежда уже сменились отчаянием, Судьба вновь дарит ему шанс на победу! И какую! С помощью древних святынь, реликвий, которые достались только Германии, лишь её избранному народу и ему, великому вождю нации!

«Нет, всё только начинается, – со злорадством подумал он. – Мы ещё повоюем! Наши доблестные солдаты обязательно пройдут парадом и по Москве, и по Лондону! Мы перевернём весь этот мир!»

Итак, в первую очередь надлежит расправиться с лидерами трёх держав, осмелившихся противостоять великой Германии! Для этого нужно создать диверсионные отряды, которые будут телепортированы в столицы этих государств.

Он вызвал адъютанта.

– Отто, – голос фюрера на сей раз был необычайно мягок. – Немедленно позовите ко мне Отто Скорцени! – Адъютант, истинный, выдержанный ариец, невольно вздрогнул: глаза фюрера внезапно зажглись бесовским огнём. – Слышите? Немедленно!!!

Уинстон Черчилль был старше Гитлера. Ему было почти семьдесят. Но выглядел британский премьер-министр гораздо лучше своего немецкого противника. Ухоженное лицо, приветливая улыбка и неизменная сигара превращали внешность хитрого и беспощадного политика в добродушного и безобидного толстяка. Он ненавидел большевиков почти так же сильно, как и Гитлера, но, отнюдь, знака равенства между ними не ставил. Он помогал Советскому Союзу в войне против Германии, потому что так было выгодно Великобритании.

Жизнь его была размеренной. Он не бедствовал, не голодал, не знал нужды в деньгах. Его путь был предопределён фактом рождения, и ни где-нибудь, а в Бленхеймском дворце, родовом имении герцогов Мальборо. Личные связи и возможности матушки потом помогали ему следовать именно тем путём, который он выбирал себе сам. Он побывал на Кубе, в США, Индии, северной Африке, но был скорее литератором, чем военным. И в быту, и в политике, и в армии, и в спорте он был аристократом, но не рядовым британцем.

– Удивляюсь вашей прозорливости, господин премьер-министр! – начал свой еженедельный доклад Черчиллю глава британской разведки Стюарт Мензис. – Год назад вы словно предчувствовали, откуда нам грозит новая беда.

– Вы о чём, Стюарт? – премьер-министр развалился в кресле и достал кубинскую сигару. Понюхал её, улыбнулся. – О какой беде вы говорите? Наше положение с каждым днём всё лучше. Мы уже освободили Париж! Мы непреклонно идём к победе над гуннами. Ещё немного и войне – конец. Как вы думаете, что потом будет с Германией?

– Я прошу вас выслушать меня, сэр. – Мензис заёрзал в кресле, будто ему в зад воткнулось что-то острое. – Ситуация несколько иная, чем мы себе представляли.

– Вы знаете, Стюарт, что я с большим уважением отношусь к работе ваших сотрудников и чрезвычайно ценю сведения, которые они добывают. Можете быть уверены: я выслушаю вас с огромным вниманием, – Черчилль зажгёт спичку, закурил. – Говорите, мой друг, что там предприняли наши враги? И что я смог так удачно предвидеть год назад?

– Оккультизм, – с трудом выдавил из себя слово Мензис. – Вы говорили об оккультизме. И давали нам указание вплотную заняться теми разработками, которые немцы проводят в этом направлении.

Черчилль понимающе кивнул.

– Так вот, – продолжал руководитель МИ-6. – Наш агент в Кёнигсберге докладывает об экспериментах, которые немцы проводят в лаборатории этого города, в подвале университета.

Премьер-министр сделал глубокую затяжку и выпустил клубы дыма себе под ноги.

– Среди предметов, с которыми они проводят опыты, находятся... Священный Грааль и Копьё Судьбы! – выпалил Мензис.

Черчилль делал вид, что наслаждается сигарой.

– Они провели несколько успешных опытов по телепортации.

– Ваш сотрудник, Стюарт... Ему можно доверять?

– Вполне. Живую силу немцы уже могут телепортировать. Это означает, что в любой момент... прямо здесь можно ожидать... появления вражеских диверсантов!

– Вы серьёзно?

– Я докладываю вам те сведения, которые получил от своих людей. Думаю, что ситуация действительно угрожающая. Как только немцы научатся телепортировать технику, они нанесут более мощный удар!

Потрясённый премьер-министр молчал.

– Наш агент передал, что у нас в запасе есть не более трёх дней... К сожалению, точную дату начала операции он не смог узнать.

С детства Уинстон Черчилль любил командовать и требовал от своих сверстников непрекаемого подчинения. Но, командовать – кроме всего прочего, значит: беречь своих подчинённых и заботиться о них. Спасать, в конце концов! Сейчас ему подчиняется вся нация. И он в ответе за неё и каждого британца... В памяти возник эпизод из его далёкой юности.

Однажды восемнадцатилетний Черчилль, его четырнадцатилетний кузен и двенадцатилетний брат Джек решили сыграть в догонялки. Минут через двадцать после начала игры запыхавшийся Уинстон стал перебираться по мосту на другую сторону «ущелья». Оказавшись на середине, он вдруг с ужасом обнаружил, что попал в ловушку: с одной стороны, ему путь преградил кузен, с другой – Джек. Не желая сдаваться в плен, Уинстон решил спрыгнуть на одно из деревьев и, ухватившись за ствол руками, соскользнуть вниз, ломая по пути мелкие ветки и тормозя, таким образом, падение. Он посмотрел на ели. Прикинул. Поразмыслил. Перелез через перила. Его юные преследователи замерли, пораженные столь странными действиями. Нырять или не нырять? – Вот в чем вопрос! Через мгновение он уже летел вниз, расставив руки, чтобы обхватить верхушку дерева. Хотя идея и была верна, но его расчёты оказались совершенно ошибочны. Промахнувшись с первым деревом, Уинстон камнем упал вниз с десятиметровой высоты.

Результат оказался удручающим – три дня в коме, три месяца в постели, разорванная почка и перелом бедра. Тогда, будучи в коме, он мысленно беседовал с каким-то существом. О чём они разговаривали, Уинстон помнил очень смутно, но, когда пришёл в себя, у него появилась уверенность, что где-то рядом с ним постоянно находится невидимый, неосязаемый друг, который никогда не оставит его в беде.

Возможно, настал момент, когда нужно попросить помощи или хотя бы совета...

– Хорошо, Стюарт. Благодарю вас. Я уверен, что за эти три дня мы что-нибудь предпримем.

Оставшись в кабинете один, премьер-министр задумался. Решение быстро формировалось в его предприимчивом мозгу. Нужно срочно нанести упреждающий удар! Но, как? Какими силами?

– Джон, – наконец, позвал Черчилль своего секретаря Колвилла. – Свяжите-ка меня с Артуром Харрисом (55).

Глава 6. Суетный день 25 августа 1944 года

– Вы что-то хотели, Мартин? – фрау Литгих оторвалась от перевода старинной рукописи и вопросительно взглянула на работника Архива.

– Знаете, госпожа Эмма... – замялся Мартин, – я не первый год работаю со старинными документами и считаю... чтобы они дышали и дольше жили, их следует время от времени перелистывать. Так я наткнулся на любопытную книгу. Уверен, что она вас заинтересует.

– Что это за книга? – спросила сотрудница секретной лаборатории, принимая из рук Мартина толстый и увесистый фолиант в кожаной обложке с металлическими застёжками. – Что-то из библиотеки герцога Альбрехта (56)?

– Нет, более древняя. Конец XV – начало XVI веков. Автор мало известен. Это – врач. Но немного и оккультист. Вот, взгляните...

– «Лечение душевных и иных заболеваний при помощи восприятия музыки...» – прочитала фрау Литгих. – Занятно. Неужели в те времена уже применяли музыкальную терапию? А это что? «Места в Кёнигсберге, где искривляется пространство и время поворачивает вспять» ... Уж ни колдун ли этот... как его?.. Якоб Шоль?

– Нет, это – средневековый лекарь. Бывший городской врач Кнайпхофа и Альтштадта. У него есть и другие труды. Про лекарственные травы, произрастающие в окрестностях Кёнигсберга. По этим книгам, говорят, и сейчас можно обучать студентов.

– Очень любопытно, Мартин. Вы оставьте, пожалуйста, этот том, я его обязательно посмотрю. Просто, сейчас уйма работы, а времени – в обрез.

– Могу ли я чем-нибудь помочь вам, фрау Эмма?

– Увы, мой друг. Но я благодарна вам за участие.

Эксперимент по телепортации вооружения и техники пока не дал положительных результатов. Экипаж боевых машин отправлялся в точку назначения, но техника оставалась на месте. С одной стороны, и отправка людей могла бы решить многие задачи, но было бы

гораздо эффективнее, если бы на группу из десяти человек приходился один бронетранспортёр. И их сопровождал хотя бы один танк. «Во времена обретения Грааля и Копья такие задачи не решались, – утверждал Краузе. – Надо было телепортировать людей – пожалуйста. Даже на конях. Но тогда не было многотонных машин. Поэтому, для них не разработаны ни заклинания, ни другие приёмы, которые нужно использовать для доставки подобного груза. Вероятно, такая телепортация попросту невозможна!» «Вы забываете про строителей храмов и пирамид, – парировал Винтер. – Каким образом каменные блоки весом в десятки и сотни тонн перемещались на большие расстояния? Их попросту телепортировали! Искать надо, а не распускать сопли! Делать опыт за опытом! А если таких заклинаний нет в древних источниках, тогда необходимо придумать их самим! А вообще, надо не спеша, обстоятельно подумать. По-моему, мы кое-что упустили из виду. Я уверен, что решение где-то здесь, рядом. Просто мы не замечаем его...»

– Мартин Шилл?

– Да...

– Вам придётся пройти с нами! – человек в форме фельджандармерии сделал приглашающий жест в машину. Служащий Архива узнал их по головным уборам – выпушкам красновато-оранжевого прикладного цвета, и орлам «полицейского» образца, нашитым в верхней части левого рукава. Последние уже были отменены, но далеко не все жандармы старались поскорее избавиться от них.

Мартин машинально сунул руку в карман брюк, где у него находилась ампула с ядом, но сзади его схватили «железные» лапы других полицейских.

– Спокойно, – посоветовал унтер-офицер. – Что там у вас? Пистолет? Михаэль, обыщи его!

– Я без оружия, – сказал Мартин, ужаснувшись при мысли о том, что смертоносная ампула будет найдена. Её наличие у обычного служащего Рейха вызовет дополнительные вопросы. Но жандарм искал только оружие. Обшарив Шилла второпях, он объявил начальнику:

– Чист.

Его посадили на заднее сидение. Унтер-офицер сел вперёд, к водителю, двое его подручных уселись справа и слева от Мартина, крепко сжав его с боков.

– Сидите и не рыпайтесь, – посоветовал старший жандарм. – Иначе на вас наденут наручники.

– Я могу узнать, что случилось? – стараясь быть спокойным, спросил Мартин. – У меня – важная работа на благо Рейху!

– Ничего пока не случилось, – ответил унтер-офицер. – Мы отвезём вас к нам на Зоннерштрассе. Вам лишь зададут несколько вопросов. От того, насколько окажутся правдивы ответы на них, будет зависеть и ваша судьба.

– Меня в чём-то подозревают?

Жандарм не счёл нужным отвечать.

«Проклятие! – подумал Мартин. – Теперь всё пропало!»

Из дверей кафе «Марта-кофе» выглянуло испуганное лицо прислуги.

Машина развернулась и поехала в сторону Зелёного моста. Как вдруг... Несколько громких хлопков, на лобовом стекле, как раз напротив водителя и пассажира, образовались две аккуратные дырочки в сети мелких трещинок-морщин. Тут же раздался хлопок слева, тело сидящего рядом с Мартином жандарма дёрнулось. Другой полицейский полез за пистолетом, но в тесноте это было не очень удобно. Зато следующий выстрел через заднее стекло оборвал жизнь и последнего конвоира Мартина. Дверь справа распахнулась. Чьи-то сильные руки выволокли тело фельджандарма наружу.

– Вылезай из машины! Да поживей! – услышал Шилл голос своего спасителя.

Это был Мигель. В руке он держал армейский «вальтер МР». Освобождённый разведчик не успел даже поблагодарить своего коллегу по «выведыванию чужих секретов».

– За мной, – бросил тот Мартину и метнулся к ближайшему дому. Работник Архива кёнигсбергской Альбертины последовал за ним.

Ступени вели вниз. Беглецы попали в узкий коридор. Шедший впереди Мигель, видимо, был тут не впервые. Он вёл Мартина быстро и уверенно. Вскоре тоннель закончился. Поднявшись по ступенькам, разведчики вновь оказались перед запертой дверью. Мигель тотчас вставил в замок ключ и повернул его. Дверь распахнулась. Солнечный свет ударил в глаза. Они оказались в небольшом переулке посреди Кнайпхофа.

– Поворачивай направо, – тяжело дыша, произнёс Мигель, – и поспеши на Лавочный мост. Постарайся смешаться с толпой. Следуй в Альтштадт, и спрячься там. Передай по своим каналам: Гитлер лично подписал приказ о телепортации войск в столицы враждебных государств. Акция назначена на 30 августа. Поторопись!

– А ты, Мигель?

– Я их задержу. Сейчас тут начнётся переполох. Услышишь выстрелы, не паникуй, иначе выдашь себя. Не вздумай бежать... Главное же: как только выберешься – передай то, что я тебе сказал!

– Я понял: 30-е августа. Осталось всего пять дней...

Мигель толкнул Мартина в правую сторону и тот быстрым шагом направился к мосту. Через пару минут послышался вой полицейской сирены, раздалась пистолетные выстрелы и автоматные очереди. Ещё через минуту всё затихло.

– Фридрих, - обратилась фрау Эмма к оберштурмфюреру СС Краузе. – Вы только взгляните на эту удивительную книгу!

– Опять Мартин Шилл что-то откопал в своём архиве? Какое она имеет отношение к нашим исследованиям?

– Наверное, в ней содержится подробная инструкция по работе с нашими реликвиями? - насмешливо произнёс Вилли Штернгаут.

– Как ни странно, но вы почти угадали, Вилли, – заметила фрау Литтих. – Хотя, книга совсем о другом. В ней рассказывается о лечении музыкой, о лекарственных травах и... кое-что о наших святынях. Дело в том, что автор книги, Якоб Шоль, описывает случай, как сюда, в Кнайпхоф привезли обе реликвии – Грааль и Копьё! И он лично участвовал в эксперименте со временем! Это было почти пятьсот лет назад!

– И что же он описывает? – заинтересовался Краузе.

-- Ни много ни мало – путешествие в далёкое будущее! Представьте: скоро Кнайпхоф будет пуст! Из всех зданий сохранится только Кафедральный собор!

-- Ну, что ж, и это уже хорошо, – невозмутимо добавил Вилли. – Но куда денутся все эти дома? – Он обвёл рукой вокруг себя. – Не напугал ли что-то этот средневековый предсказатель?

– Представьте, он видел на этом месте парк. Зелёный парк со скульптурами, которые не успел разглядеть... Но подробно описал самодвижущиеся экипажи и корабли без парусов.

– Весьма богатая фантазия у этого Якоба Шоля, – заметил Штернгаут. – Но как эти раритеты оказались здесь? Ведь Грааль найден на Тибете!

-- Видимо, кто-то потом всё-таки доставил его туда. Автор утверждает, что обе святыни отыскивали рыцари тамплиеры, точнее, их потомки, пытавшиеся возродить Орден после уничтожения его в 1307 году. Возможно, они же и приняли решение отправить их на Тибет, поскольку не доверяли своим современникам...

– Зато сейчас святыни оказались как раз в тех руках, что надо, – мрачно пробормотал Вилли.

– Хотите вы этого, или нет, но Грааль и Копьё Судьбы собираются здесь вместе уже во второй раз! – заметила Эмма. – Но главное – не это!

– А что же тогда?

– Якоб Шоль даёт нам подсказку для проведения наших экспериментов! Вот, взгляните на эту страницу! Впрочем, читай сам Вилли!

– Охотно, фрау Эмма... Итак, читаю... «Чашу наполни кровью»... Это мы уже сделали... «Хочешь отправить в путь живое – отправляй»... Хм, и это мы уже совершали... «Хочешь отправить неживое – пометь его кровью из Чаши»... Чёрт возьми! Вот же оно, решение!

– А я тебе что говорила, дружище Вилли?

– Надо немедленно доложить Винтеру! – спохватился Краузе.

– Вы хотите это сделать лично или предоставите сие право тому, кто нашёл... подсказку? – осведомилась Эмма Литтих.

– Какая разница, – смутился оберштурмфюрер. – Доложите сами, раз вы такая... категоричная.

– А давайте, доложим все вместе! – предложил жизнерадостный Вилли. – Курт Винтер у себя в кабинете. Беседует с профессором Фолем. Наверное, ищут новое заклинание, хотя нужно всего-то мазнуть кровью из Грааля броню танка!

– Чёрт возьми, и как мы раньше не догадались! – бросил в сердцах Фридрих Краузе.

В кабинет протиснулся Иоганн Лозе. После случая с телепортацией он чувствовал себя героем. Штандартенфюрер СС Хоффман лично ходатайствовал о представлении его к награде.

– Присоединяйся к нам, Иоганн, – предложил герою Вилли. – Мы идём к гауптштурмфюреру Винтеру докладывать о том, что найдено решение, как телепортировать технику!

– Это великолепно! – воскликнул Лозе. – Значит, приказ фюрера будет выполнен в точности!

– Фрау Эмма сделала открытие, – пояснил Краузе.

– И в этом ей немножко помог... Мартин Шилл, – добавил Вилли Штернгаут.

Если бы Мартин внимательно прочёл книгу, то понял бы, какую подсказку подарил своим врагам. И тогда... никто не знает, какое решение принял бы он в этом случае. Хотя, вряд ли разгадка заставила бы себя долго ждать – лаборатория вплотную приблизилась к решению данной проблемы, и через день-другой выход непременно бы нашла выход из тупиковой ситуации.

Разведчик благополучно пересёк Лавочный мост, в ближайшем киоске Альтштадта приобрёл номер «Всеобщей газеты», чтобы выглядеть спокойным, деловым человеком, сел в трамвай и, соблюдая все меры предосторожности, отправился в район Кёниг Сек. Здесь, на Кёнигштрассе, дом 38, располагалась явочная квартира, которой можно было воспользоваться лишь в исключительных случаях. Сейчас как раз был такой случай.

Он позвонил. Дверь ему открыл пожилой человек в очках.

– Вы к кому, господин?

– Дядюшка Гейнц передал вам привет из Гамбурга, – назвал пароль Мартин Шилл.

– Как здоровье у старого прохвоста? – услышал он отзыв.

– Вашими молитвами. Жив-здоров, чего и вам желает.

– Проходите! – старик заглянул за спину Мартину, зорко осмотрел улицу и запер за вошедшим дверь.

– Что случилось?

– Меня начала проверять немецкая разведка. Моя легенда рассыпалась. Сегодня я был задержан фельджандармерией для установления личности. Из лап военной полиции меня вырвал наш союзник, тоже разведчик. От него у меня наиважнейшие сведения, которые как можно скорее нужно передать в Центр!

Старик недоверчиво посмотрел на Мартина, затем снял очки, протёр их и произнёс:

– Проходите в комнату. Садитесь за стол.

Он подал разведчику лист бумаги.

– Пишите ваше сообщение. Кстати, кто этот союзник, где он и что с ним?

– Он остался прикрывать меня в Кнайпхофе. Скорее всего, погиб.

– Плохо дело. Вам придётся остаться здесь. Через несколько дней мы выправим вам документы и отправим в Британию. Через Швецию. Вам здесь задерживаться нельзя, – Старик взглянул на лист, который подал ему Мартин и опешил: – Вы это серьёзно?..

– Абсолютно. Это сообщение должно быть отправлено как можно скорее. Даже ценой нашей с вами жизни.

– Не волнуйтесь. Сегодня же и отправим.

– Господин штандартенфюрер! Просим доставить в Кнайпхоф бронетранспортёр и лёгкий танк для проведения эксперимента!

– Вы готовы, Курт?

– Да, мы нашли способ...

– Отлично, Курт. Вы – молодчина! Я немедленно отдаю приказ: ждите прибытия техники. Я лично подъеду к вам. Без меня не начинайте!

– Мы планировали приступить к своим опытам около полуночи, господин штандартенфюрер!

– Тогда, до встречи! Я буду у вас в десять вечера!

– Хайль Гитлер!

Свежий августовский вечер принял в свои ласковые объятия уставший Кёнигсберг. Война ещё не коснулась стен прекрасного древнего города. Мирно засыпали в тиши добрые сказки старого Кёнигсберга. Лёгкий ветерок бродил по тёмным городским переулкам, неустанный Прегель безмолвно нёс свои воды к Остзее, в густой тьме немим вопросом застыла тревога: долго ли покою жить в этом благодатном месте?

В густонаселённом районе Амарлиенау специалистами из Абверштелле «Кёнигсберг» была зарегистрирована работа вражеского передатчика. Сеанс связи длился всего несколько секунд, запеленговать место нахождения рации так и не удалось. А неприятель активизировался! Днём на острове Кнайпхоф была перестрелка. Убито несколько человек из военной полиции. Тяжело раненого шпиона доставили в военный госпиталь в Росгартене. Возможно, выживет и будет давать показания. А машины с радиопеленгаторами отныне будут ежедневно патрулировать район Амарлиенау. Следующий выход на связь вражеской агентуры станет для неё последним. С перехваченным сообщением пока разбираются дешифровщики.

А в Лондоне было получено донесение следующего содержания:

Томасу

По моим сведениям, операция по телепортации живой силы и техники в Лондон и столицы союзников будет осуществлена 30 августа сего года. Приказ подписан лично Гитлером.

Аполлон.

После полуночи в Берлин из Кёнигсберга отправилось сообщение:

Совершенно секретно

Берлин,

рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру

штандартенфюреру СС Вольфраму Зиверсу

Докладываю о готовности кёнигсбергского отделения Аненербе к проведению операции «Грааль».

Операцию планируем осуществить из Кёнигсберга. Прошу направить силы и средства, предназначенные для «передислокации», на наш полигон к назначенному сроку.

Штандартенфюрер СС Гельмут Хоффман.

Город мирно спал. Это была последняя мирная ночь Кёнигсберга. Только об этом пока ещё никто не знал.

Глава 7. Прелюдия к катастрофе

В 9 часов утра 26 августа 1944 года в Лондоне, в своём бункере Уинстон Черчилль встретился с главой бомбардировочной авиации Королевских ВВС генералом Артуром Харрисом. Бомбардировщик Харрис, как прозвали его друзья, прибыл к премьер-министру в военном мундире, на котором сияли ряды наградных планок. Черчилль тоже был в военном френче и с неизменной сигарой в полных губах, пепел от которой уже успел упасть как на кресло, в котором сидел премьер-министр, так и на пол.

После короткого приветствия, глава Британии приступил к делу.

– Известно ли вам, господин генерал, что русские ещё три года назад, находясь в тяжелейшей ситуации, сумели организовать бомбардировку Берлина силами своих дальних бомбардировщиков, базируемых вблизи Ленинграда? И хоть урон для гуннов был невелик, но это был хороший психологический удар.

– Конечно, сэр. Поэтому я и являюсь сторонником стратегических авиационных бомбардировок немецких городов.

На широком лице премьер-министра расплылась довольная улыбка.

– Я согласовал с Траффордом Ли-Мэллори (57) некоторые действия Королевских ВВС, в которых важнейшая роль отводится вам, генерал.

– Укажите цель, господин премьер-министр, и мои орлы сотрут её с лица земли!

– Именно это от вас и потребуется, генерал, – Черчилль сделал глубокую затяжку сигарой. – Я знаю вас как хорошего военного стратега, отменного специалиста по бомбардировкам, весьма уважаемого лётчика. Но лететь придётся далеко, почти как русским.

– Наши самолёты способны держаться в воздухе по 10-12 часов! Практическая дальность полёта составляет около 3000 миль!

– Это как раз то, что надо. Видите ли, дорогой генерал, сегодня ночью Стюарт Мензис, глава британской военной разведки, передал мне сообщение своего сотрудника, работающего в Кёнигсберге. Там затевается... нечто нехорошее. Знаете ли вы, что гунны приступили к созданию новых видов оружия, противопоставить которым... нам, к сожалению, пока нечего?

– Я кое-что слышал об этих разработках, сэр. Но многое из них – ещё на стадии исследований, которые вряд ли когда будут завершены.

– А вот тут вы не правы. На 30 августа немцами уже запланирована операция, грозящая нам... существенными потерями. Поэтому мы должны нанести упреждающий удар. По Кёнигсбергу! По тем местам, где разрабатывается это оружие! В свете последних событий, такая бомбардировка крайне необходима... И предпринять её мы должны в самое ближайшее время. В первую очередь, приказываю вам стереть с лица земли район Кёнигсберга под названием Кнайпхоф! Какие силы собираетесь задействовать?

– Я могу поднять в воздух до двух сотен бомбардировщиков, сэр.

– Вот и устройте гуннам кровавую баню! Назовите эту акцию просто... «Операция «Кёнигсберг». И проведите её... ближайшей ночью.

Тем временем, в Кёнигсберге началась подготовка к операции «Грааль».

Отто Скорцени, оберштурмбанфюрер, начальник секретной службы СС в VI отделе Главного Управления Имперской Безопасности, главный специалист по разведывательно-

диверсионной работе Рейха, получил от Гитлера особое задание – подготовить диверсионные группы для атаки на столицы враждебных Германии государств. Цель – уничтожить лидеров этих стран, верхушку командного состава Вооружённых Сил, посеять панику и смятение среди населения, деморализовать и обезглавить армию.

– Я вижу, как загорелись у вас глаза, Отто, – с улыбкой проговорил фюрер. – Помните операцию «Длинный прыжок»? Тогда, в Тегеране вам не удалось разделаться с Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным. Но, теперь всё изменилось! Каждый медведь будет задушен в собственной берлоге! Благодаря нашим учёным, у нас появилась возможность осуществить мгновенную переброску на любое расстояние необходимого количества войск! Подумайте, сколько вам понадобится сил и средств для выполнения этой задачи?

У Скорцени не возникло даже капли сомнения в словах вождя, как будто речь шла о банальном десантировании с парашютами.

– Мой фюрер, для уничтожения Сталина и Ставки Верховного Главнокомандования мне не потребуется армия или дивизия. Я обойдусь взводом автоматчиков, если это будут опытные и проверенные люди. Но, думаю, что данная акция будет только первым этапом. На последующих мы должны будем удержать свои позиции в Москве, а вот для этого понадобится подкрепление.

– Мне нравятся ваши рассуждения, Отто. Вы получите необходимое подкрепление. Танки, бронемшины, артиллерия?..

– Мой фюрер, об этом я сообщу позже.

– Вы хотите лично принять участие в операции или предпочтёте руководить её ходом из Берлина? Я бы посоветовал вам второе. Акции в Лондоне, Вашингтоне и Москве должны проводиться примерно в одно и то же время, а вам не разорваться на три части. К тому же, отчаянных сорвиголов у нас хватает, а вот опытного и хладнокровного руководителя надо ещё найти! Есть ли у вас на примете трое бесстрашных головорезов, у которых всё в порядке с мозгами, и которые могут стать командирами этих диверсионных групп?

– Такие люди найдутся, мой фюрер!

– Вот и отлично! Группы должны быть сформированы и готовы к отправке не позднее вечера 29 августа! 30-е – начало операции «Грааль». Формирование диверсионных групп и телепортация будет осуществляться из Кёнигсберга. Держите связь с штандартенфюрером СС Хоффманом. Я ему лично позвонил, он окажет вам всяческое содействие!

– Мой фюрер, мне понадобятся планы Вестминстерского дворца, Кремля и Белого дома...

– Вы получите всё до мельчайших деталей. У вас на подготовку – три дня!

– Я выполню приказ, мой фюрер!

– И помните, Отто: в ваших руках судьба Германии!

Вечером 26 августа аэродром Зидлунг (58), что под Кёнигсбергом, принял несколько транспортных самолётов из Берлина. Прибыли три диверсионные группы во главе с «главным диверсантом Рейха». Попутно началось формирование трёх моторизованных подразделений, которым предстояло телепортироваться вслед за «штурмовыми отрядами».

– Ваш спаситель, Мартин, находится в госпитале в Росгартене, – сообщил разведчику его гостеприимный хозяин. – Он в крайне тяжёлом состоянии. Наверное, будет лучше, если этот человек умрёт. Иначе – попадёт в руки гестапо и сто раз пожалеет о том, что ещё жив. Да, дружище, – с печалью в голосе покачал головой старик. – То, что вытворяет гестапо со своими «подопечными» для выведывания у них секретов... об этом лучше не говорить...

– Есть ли возможность вырвать его из рук нацистов?

– Гипотетическая, – с лёгкой усмешкой ответил старик. – И для этого мы вынуждены будем пожертвовать всем нашим восточно-пруссским отделением... Успокойтесь, дружище. Я понимаю ваши чувства, но то, что вы задумали, – нереально.

В ночь с 26 на 27 августа Кёнигсберг потрясли зрывы. Английская авиация в количестве 174-х самолётов совершила налёт на столицу Восточной Пруссии. Последствия нападения не оказались столь разрушительными, как надеялся Уинстон Черчилль. В основном, пострадал район Марауненхоф между Кранцерской Аллеей и Аллеей Герцога Альбрехта. Дома горели, озаряя небо, пламя отражалось в Обертайхе. Плакали дети, кричали взрослые, рушились кровли. На Кранцерской Аллее пострадали административные учреждения и казармы, в районе Ротенштайна были разрушены военные мастерские и склады. На юге бомбежка ограничилась кольцевым валом. Удар был нанесён, в основном, по окраинам, внутренняя часть города пострадала совсем незначительно – несколько случайных попаданий. Погибло около тысячи человек, около десяти тысяч остались без крова.

– Генерал, я крайне недоволен результатами бомбардировки Кёнигсберга в ночь на 27 августа! – Уинстон Черчилль сбросил с лица маску доброжелательного спокойствия, и его желеобразный второй подбородок затрясся в такт резким словам. – Какой был смысл лететь армаде бомбардировщиков королевских ВВС за 2000 миль и находиться в полете 10 часов? Для того чтобы развалить пару десятков ветхих жилых строений? Союзники теперь над нами смеются! К тому же летчиками Люфтваффе было сбито четыре наших самолета. Как мне доложили, два из них упали в Дании, еще один в Швеции и последний на подлёте к самому городу...

Артур Харрис покраснел. Он прекрасно понимал, что эту бомбардировку иначе как провальной, не назовёшь.

– Вы правы, сэр, данную экспедицию трудно назвать удачной. Однако наш штаб учёл все просчёты, и я прошу вас о реванше. К усовершенствованию алгоритмов бомбежек маршала авиации Хью Тренчарда (59) мы привлекли лучших наших учёных: баллистов и картографов, математиков и даже химиков...

– Реванш? – тон премьер-министра смягчился. Он вновь достал сигару, помял её пальцами, вдохнул табачный аромат. – Но не позже тридцатого августа, генерал! У вас всего два дня на подготовку!

– Отлично, сэр! В ночь на 30 августа мы поднимем в воздух 200 «Ланкастеров» 5-й Группы ВВС Великобритании и сбросим 500 тонн разрывных и зажигательных бомб на центр Кёнигсберга.

– А нельзя ли увеличить число самолётов? Какое максимальное количество машин вы сможете поднять в воздух?

– Если постараться, сэр, то число самолётов можно довести до двух с лишним сотен...
– Вот и постарайтесь! – Огонёк сигары Черчилля действовал на Харриса, словно дуло пистолета. – Выдайте лётчикам карты Кёнигсберга. На картах выделите те объекты, которые нас особо интересуют! И это, запомните, генерал, не окраины, а – центр!

Наконец, Артур Харрис мог позволить себе вздохнуть более спокойно.

– Кстати, сэр, нам представляется прекрасная возможность опробовать и нашу «новинку» – фосфорные бомбы, специально созданные для уничтожения городов Германии.

Пепел от сигары упал премьер-министру на брюки, но тот этого даже не заметил.

– И чего нам следует ожидать от вашей новинки?

– Кёнигсберг, – ответил Бомбардировщик Харрис, – как любой немецкий город, сам по себе является объектом с гигантским потенциалом самоуничтожения. Надо лишь привести данное оружие в действие, поднести фитиль к этой бочке с порохом. Поэтому предлагаю применить отработанную нами тактику создания «огненного шторма»!

– Что вы подразумеваете под «огненным штормом»?

– Я полагаю, всем ясно, что целями должны стать районы жилой застройки, а не верфи или заводы по производству самолётов и танков. Поскольку уничтожение немецких рабочих, членов их семей и жилья менее рискованно, но столь же эффективно, как и уничтожение промышленных предприятий, где были заняты эти труженики, потому что каждый рабочий является таким же участником боевых действий, как и солдат на фронте.

– Вы правы, своими действиями мы должны преследовать единственную цель – приблизить конец войны и сохранить жизни наших солдат. Лично я считаю, что все города Германии не стоят жизни даже одного британского гренадера.

– Мы будем безжалостны и продолжим ковровые бомбардировки, пока Германия не капитулирует. Это принцип пытки: жертву истязают до тех пор, пока она не сделает то, чего от нее требуют...

– Хорошо, Харрис. Но запомните – основной удар необходимо нанести по острову Кнайпхоф и близлежащей территории! Превратите эту землю в ад!

По дороге в штаб Артур Харрис непроизвольно скривился: второй день его беспокоила застарелая язва желудка, а порошки остались в ящике рабочего стола. Плюс – эта неудачная бомбардировка и выговор от самого премьер-министра! Теперь придётся всю операцию повторить... А тут ещё в желудок словно кто-то навалил кучу горячих и острых камней... Поэтому-то генерал всё сильнее давил на педаль газа. Наконец, на одном из перекрёстков его остановил констебль. Однако, увидев за рулём грозного человека в генеральском мундире, служитель закона растерялся и... посоветовал тому соблюдать скоростной режим:

– ...А то ненароком можете кого-нибудь убить, – произнес он, смутившись.

Тяжёлые веки командующего поднялись, взгляд серых глаз упёрся в полицейского.

– Молодой человек, я каждую ночь убиваю сотни и тысячи людей, – мрачно ответил Харрис.

Эксперименты с Граалем и Копьём Судьбы закончились. Окрылённые успехом, сотрудники лаборатории кёнигсбергского отделения Аненербе получили небольшую

передышку, которую использовали для пополнения собственных знаний в различных областях науки. Профессор Фоль, кроме Грааля, привёз из Тибета массу других интересных вещей, требующих изучения. В основном, это древние таблички с письменами, расшифровать которые пока не удалось никому.

Сильно подпортила настроение новость о том, что Мартин Шилл, служащий Архива, активно старавшийся помочь учёным в их изысканиях, на самом деле, оказался вражеским шпионом. Его хотели задержать для проверки некоторых фактов из биографии сотрудники военной полиции, но он был отбит у фельджандармерии неизвестными и сумел бежать. Один из нападавших всё же попал в руки тайной полиции, но... тяжело раненым. «Если придёт в себя и заговорит, – сказал по этому поводу штандартенфюрер СС Хоффман, – мы многое узнаем и о самом Мартине Шилле, и о других людях, которые крутятся здесь для того, чтобы выведать наши секреты! Ещё раз требую от всех сотрудников лаборатории повысить бдительность!» Впрочем, скоро некоторые секреты станут достоянием гласности. Фюрер решил нанести неожиданный удар по врагам Рейха, который неизбежно приведёт Германию к долгожданной победе. «Я верю, что война скоро закончится, – объявил Хоффман. – А завершится она триумфом германского оружия! И в этом – ваша заслуга, господа!»

Словом, каждый ощущал свою причастность к скорой победе Рейха и был готов на новые подвиги.

Грааль отмыли от крови, и он, чистый и сияющий, каждый день водружался на стол Курта Винтера. «Я ощущаю с ним какую-то духовную близость, – признался однажды гауптштурмфюрер. И добавил: – Впрочем, это должен чувствовать каждый истинный ариец». Он умолчал о том, что иногда мысленно беседует с реликвией. Порой, задаёт вопросы и получает на них ответы. Они как бы рождаются у него в голове. Сам Курт решил для себя, что Грааль именно «беседует» с ним – так получалось гораздо пафоснее и таинственнее. А все сотрудники, в этой лаборатории, уже давно были окутаны целой завесой тайн.

Пожалуй, одна лишь Эмма Литтих по-настоящему переживала исчезновение Мартина Шилла. Она почти не улыбалась, выглядела какой-то немного нахотленной и отстранённой, подолгу сидела не поднимая глаз со впившимися друг в друга лодыжками, досадливо морщилась и невпопад отвечала коллегам...

На окраине Кёнигсберга, в местечке Зингенфельд, неподалёку от овощной базы братьев Мюллеров, была оборудована площадка для подготовки диверсионных отрядов. Солдаты жили в палатках, изучали по планам входы и выходы, а также внутреннее убранство тех зданий и помещений, в которых им предстоит действовать, ежедневно проводили тренировки и упражнялись в стрельбе и приёмах ведения рукопашного боя. Сюда же были подогнаны три лёгких танка, две бронемшины, шесть мотоциклов. В отдельной палатке устроили склад вооружения, куда вошли даже огнёмёты, миномёты, взрывчатка, снайперские винтовки и крупнокалиберные пулемёты. В семь утра 30 августа сюда должны прибыть сотрудники лаборатории со специальным оборудованием для организации процесса телепортации. Площадку осмотрел лично Отто Скорцени, проверил выучку солдат, провёл небольшое совещание с их командирами и улетел в Берлин, пообещав вернуться к началу операции.

Вечером 28 августа, уходя домой, Курт Винтер наполнил Грааль водой. «Пусть превратит её в вино, – подумал он. – Так, как это у него получается. Я буду знать, что наша святыня по-прежнему благоволит к нам и гарантирует успех предстоящей передислокации войск». Курт был абсолютно серьёзен. Ещё совсем недавно он посмеялся бы над подобными мыслями и счёл бы, что кто-то начинает сходить с ума. Но, всё изменилось. С появлением священного Грааля, вокруг стали происходить настоящие чудеса.

Дома он довольно сбивчиво и туманно пытался объяснить любимой жене и сынишке, что война вот-вот закончится. И он, их муж и отец, приложит к этому все свои силы и знания.

– Как будет хорошо, когда всё это закончится, – вздохнула Эльза. – И наш папочка не станет убегать чуть свет на службу и приходить усталым и осунувшимся. Мы бы поехали на Курише Нерунг, а ещё лучше – отправились бы в плавание на большом корабле! Аксель, ты хотел бы покататься на корабле по морю?

– А дельфины там будут? – заинтересовался сынишка.

– И дельфины, и акулы, и летучие рыбы!

– А господина Мышелова мы возьмём с собой? – спросил Аксель, взяв в руки полосатого котёнка.

– Конечно, сынок! На судне иногда попадаются мышки, поэтому кот на корабле – всегда желанный гость!

Курт долго не мог заснуть. Перед его глазами стояли Грааль и наконечник Копья, а мысли кружились вихрем: «скоро конец войне, впереди – счастье, богатство, слава!..» Но, стать великим – значит ли – быть счастливым? Не дорога ли это, ведущая в тупик, в никуда? Ведь стремление к успеху, славе и власти – это путь к одиночеству! Счастье не имеет ничего общего и с богатством. Обретая славу и деньги, люди лишь глупеют и мельчают! Для настоящего человеческого счастья этого крайне мало. Мне, например, необходимо понимание близких, любовь и уважение жены и сынишки... Ведь тёплым бывает не только чай или одеяло: греть душу могут слова, взгляды и воспоминания...

Наутро, 29 августа открыв двери в лабораторию, Курт подошёл к сейфу, куда всегда запирался Грааль, и извлёк оттуда священный сосуд.

– Посмотрим, какое вино ты приготовил нам сегодня... – весело произнёс Винтер, беря в руки бокал.

Взглянул внутрь Грааля и осёкся: тот был полон густой тёмной крови, от которой исходил ужасный запах смерти.

Глава 8. «Гибель Помпеи»

День 29 августа 1944 года протекал обычно. Курт вылил кровь из Грааля и тщательно отмыл его. Затем проинструктировал персонал своей лаборатории перед предстоящим экспериментом. Завтра поутру все должны сесть в машины и в сопровождении подразделения СС убыть на полигон Зингенфельд, откуда будет производиться телепортация. Каждый сотрудник лаборатории прекрасно знал свои обязанности и

подтвердил готовность к действиям. После обеда гауптштурмфюрер доложил Гельмуту Хоффману о готовности своих людей к проведению операции «Грааль».

Отто Скорцени прибыл в район Зингенфельд и проинспектировал своих диверсантов перед отправкой в тыл врага. Он уточнил некоторые задачи, отдал необходимые распоряжения и сказал напутственное слово. Вечером оберштурмбанфюрер улетел в Берлин на доклад фюреру о состоянии дел в Кёнигсберге.

В это время на нескольких аэродромах Великобритании две сотни тяжёлых бомбардировщиков «Ланкастер» ждали команды на взлёт. Из-за низкой облачности вылет пришлось откладывать. В очередной раз прогревались двигатели, вращались лопасти винтов, сжигалось драгоценное горючее. Бомболоки были наполнены смертоносным грузом.

И вот, показался просвет в облаках. Стая безжалостных убийц наконец-то взлетела и взяла курс на восток.

Первые бомбы упали на Кёнигсберг после полуночи...

Курта, Эльзу и Аксея разбудил вой сирен. Одно из этих чудовищ с пронзительным голосом было установлено на крыше дома напротив. Семья Винтер, привыкшая прежде неспешно реагировать на сигналы воздушной тревоги, поскольку за годы войны слишком часто они оказывались ложными, в этот раз, помня налёт английских ВВС трёхдневной давности, собралась очень быстро. Натягивая на себя брюки, Курт слышал, как начали бить зенитки. Сегодня пальба была намного нервнее и чаще, чем в прошлый раз. Становилось ясно, что дело принимает серьёзный оборот. Перед тем, как спуститься в подвал, Курт выглянул из парадного на улицу. Ночное небо являло собою впечатляющее зрелище. По нему беспокойно метались белесые лучи прожекторов, словно начерченные светлой краской на чёрном фоне, между которыми вспыхивали разрывы зенитных снарядов. Затем город озарили несколько ярких источников света, видимо, висящих в небе на парашютах и похожих на огромные рождественские ёлки с зажжёнными свечами. Винтер знал, что так пилоты ведущих бомбардировщиков, обычно обозначают цели для своих ведомых...

Курт сбежал в подвал и присел на скамью, застеленную солдатским одеялом. Рядом с ним испуганная Эльза прижимала к себе плачущего Аксея.

– Не бойся, милая, – подбодрил он супругу, – это всего лишь очередной налёт... Наши зенитчики своё дело знают!

Громкие разрывы послышались около часа ночи. Это первая волна бомбардировщиков сбросила на город так называемые «воздушные мины» – особый тип фугасов, несущих в себе по несколько тонн взрывчатки. Огромные цилиндры длиной более трёх метров сыпались на город и детонировали при соприкосновении с землей, срывая ударной волной черепицу с крыш, а также вышибая окна и двери в радиусе нескольких кварталов от места своего падения. «Взрыхлённый» таким образом город становился совершенно беззащитным перед градом зажигательных бомб...

Между тем, укрывшимся в подвале стало казаться, что атакам и взрывам нет конца. Стены и пол здания вздрагивали и тряслись, а с потолка на головы людей сыпалась штукатурка. Несколько раз Курт даже подумал, что попали в их дом... К нему на колени, жалобно мяукая, запрыгнул котёнок сынишки. «Точно так, как мы молим Бога о помощи, бедные животные просят защиты у людей», – подумал Винтер... Наконец, канонада разрывов поутихла. Выждав ещё четверть часа, он решил выйти из подвала на улицу...

– Милая, никуда отсюда не уходи... – сказал он, поцеловав на прощанье жену.

– А как же ты?.. – дрожащим голосом спросила Эльза. Казалось, что она ладошками закрывает внутри себя лицо от нахлынувшего нестерпимого страха...

– Я – офицер и должен выполнить свой долг... – подобно похоронному звону, прозвучал его хриплый голос.

Первое, что увидел наверху Винтер, было зловещее зарево от десятка тысяч пожаров, полыхающих в городе. Картина напоминала гибель Помпеи... Средневековая застройка Кёнигсберга, с её узкими улочками, помогала огню беспрепятственно перекидываться с одного дома на другой. Способствовали этому и камышовые прослойки в стенах, сухие балки и чердачные перекрытия, деревянные полы, двери и окна... До тошноты пахло гарью. Чёрные хлопья пепла, обугленные остатки бумаги и обрывки тлеющей материи, поднятые вверх вихрями горячего воздуха, дьявольскими снежинками опускались на его непокрытую голову. Не узнавая улиц своего родного города, Курт, словно замороженный, брёл в сторону Королевского Замка, по пути отмечая, что масштабы разрушений и плотность пожаров в этом направлении лишь возрастают. Навстречу ему, что-то крича и плача, в ужасе бежали полуодетые люди. Многие были в обгоревшей одежде и перемазаны сажей. В каком-то полусне Курт преодолел около полумили и оказался перед стеной огня... Далее двигаться было просто невозможно: стало трудно дышать, а от нестерпимого жара могла вспыхнуть его одежда. О том, чтобы попасть на Кнайпхоф в свою лабораторию не могло быть и речи...

Он не мог видеть, как взлетела в небо крыша Кафедрального собора, как начали оседать стены этого величественного храма. Он не знал, что его лаборатории уже нет: ведь в здание Альбертины попала бомба, и древний университет Кёнигсберга буквально развалился на части. Кнайпхоф весь полыхал – на острове не осталось ни одного уцелевшего дома. Рухнула и ратуша, усыпав обломками кирпичей площадь пред собой. Обрушились Потроховый, Кузнечный и Зелёный мосты, в гигантскую горящую свечу превратилась Голубая башня. Английские лётчики не оставили жителям Кёнигсберга никаких шансов на спасение. Те, кто не был погребён в подвалах домов, сгорали сейчас в огненном смерче.

Альтштадт представлял собой похожее зрелище. Он пылал, дымил и вопил тысячами голосов, гудками и сиренами. Взрывами разнесло средневековую городскую ратушу и церковь святого Николая, рухнула клиника «Святого духа», в дымящиеся обломки превратилось кафе «Усы сома», медленно «испускал дух» горящий Королевский замок. Он, как старый, благородный рыцарь, не пожелавший приклонить свои колена, умирал стоя.

Курт вышел из оцепенения от громких криков о помощи. Это обезумевшие люди сгорали в своих домах и задыхались в подвалах. Раскаленный воздух сжигал им лёгкие. Курт увидел молодую женщину, которая несла в руках небольшой свёрток. Судя по всему – завернутого в одеяльце ребенка. Она пробегала мимо ярко пылающих развалин, как вдруг, споткнувшись, упала, в тот же миг её саму и младенца охватило пламя...

Одновременное возгорание сотен домов создавало на площади в несколько квадратных километров тягу небывалой силы, настоящий огненный шквал! Казалось, весь город превратился в адскую печь невиданных размеров, засасывающую в себя кислород из окрестностей. Поднялся ужасный по силе ветер, направленный в сторону эпицентра пожара, который безжалостно высасывал кислород из всех близлежащих убежищ, обрекая на смерть даже тех, кого пощадили бомбы. Так уцелевшие от разрушений и огня подземные

помещения превращались в братские могилы... Треск и грохот оглушали. О борьбе с пламенем даже силами профессиональных пожарных нечего было и думать...

Мартин Шилл выглянул в окно. Район Росгартен был в огне. Одна атака бомбардировщиков следовала за другой... «Когда уже кончатся эти налёты», – подумал разведчик. Но ведь это именно он послал донесение о начале немецкой смертоносной операции 30 августа. Теперь стало ясно: послание получено, и весь этот кошмар – ответная реакция на него. Дом буквально шатало, всё трещало по швам.

– Мартин! – раздался голос хозяина. – Немедленно спускайтесь в подвал!

«А что с госпиталем в Росгартене? – мелькнула следующая мысль. – Он тоже горит?» Новый взрыв потряс здание. Казалось, сейчас оно рухнет и погребёт под собой всех жильцов. Один за другим последовали три взрыва необычайной мощи. «Похоже, Кнайпхоф решили сравнять с землёй!»

Он бросился вниз и наткнулся на мёртвое тело хозяина явочной квартиры. Голова его была пробита крупным осколком. «Нелепая и ненужная смерть... – подумал Мартин. – Прощай, старик, ты до конца исполнил свой долг!»

Ноги сами понесли разведчика в Росгартен. Зачем, он ещё не понимал, но подчинился своей интуиции. На улице творилось нечто неопишное. Толпы обезумевших людей куда-то бежали, сталкивались и падали, кричали и плакали. Из окон домов со злобным гудением вырывались наружу клубы огня и дыма, слезились глаза, а от раскалённого воздуха перехватывало дыхание. В свете пламени Мартин заметил, как у деревьев от жара засохли и осыпались листья. Собаки и кошки в страхе металась по улицам в поисках безопасного местечка взамен потерянного жилья, но нигде его не находили.

Прежде Мартину казалось, что он давно ко всему привык, что нет такого зрелища, которое он не в силах вынести. Но, с тем, что предстало перед его взором, сознание отказывалось мириться. Вот из объётого огнём подъезда выскочило два живых факела. Они упали на мостовую и, корчась, догорали тут же, под ногами спасающихся от пожара людей, которые сами чудом избежали подобной участи. С четвёртого этажа ближайшего дома кто-то с душераздирающим криком выбросился вниз, спасаясь от огня. Человек ударился о бордюр тротуара и затих. Его одежда дымилась.

Происходящее было совершенно не похоже на боевую операцию. Всё смахивало на тотальное уничтожение мирного населения. «Но это же преступление! – пронеслось в мозгу Мартина. – Настоящее военное преступление!»

Из чёрного дымящегося зева, в кои превратились остатки чей-то квартиры, доносился жалобный вой, непонятно чей – звериный или человеческий. Этажом выше, из разлома в стене развивались на огненном ветру занавески, торчали остатки разбитого шкафа, в котором висела цветастая женская одежда. Из соседней трещины наполовину высунулось пианино: малейший толчок – и оно рухнет вниз. Из подвального окошка слышался детский плач.

Вдруг, словно тело огромного чёрного дракона, рыча четырьмя моторами, пронеслось у Мартина над головой, ударило по его барабанным перепонкам и оглушило мощной взрывной волной. Под ногами дёрнулась земля. Стоящий неподалёку отель «Вильгельм I» словно подбросило вверх. На брусчатую мостовую швырнуло гигантскую горсть кирпичей.

Ошеломлённый Мартин несколько минут пытался прийти в себя. Ему это удалось, и он продолжил путь. Впереди горели трамваи и автомобили, тут и там валялись мёртвые и умирающие люди. Кое-кто глухо стонал, иные корчились от нестерпимой боли.

Дальше ему пришлось карабкаться по дымящимся кирпичам – огромная гора обломков осталась от некогда жилого дома. Он обратил внимание на перемешанные с щебнем домашнюю мебель, спинки кроватей, ночные горшки, постельное бельё. Вот из-под фрагмента стены торчат чьи-то голые ноги... «Господи, – подумал Мартин, – я понимаю: идёт война... Но зачем, во имя чего всё это?..»

Росгартен тоже сильно пострадал. Разрушенные, объятые пламенем здания, обезумевшие от горя люди. «Здесь – то же самое. Пожалуй, уничтожен весь центр города», – решил Мартин, поворачивая к полицейскому госпиталю. Госпиталь тоже горел. Глазницы окон озарялись языками пламени, чёрный дым как бы нехотя поднимался вверх. Но, по крайней мере, тут слаженно работали люди. Полицейские чины и медицинский персонал в белых халатах пытались эвакуировать пациентов госпиталя. Больных и раненых складывали на тротуаре, на постеленные одеяла. Рядом стояли две машины с красными крестами.

– Всё, больше никого вытащить не удастся, – услышал он чей-то обречённый голос.

– Грузите тех, кого удалось спасти, – последовал приказ.

– Куда их везти, если весь город в огне? – этот вопрос остался без ответа.

Мартин подошёл ближе. Где-то здесь, среди лежащих, должен находиться Мигель. Если, конечно, он не горит в здании...

– Вы кто? – обратился к нему высокий унтер-офицер в знакомой форме фельдшармерии.

– Я – врач, – торопливо ответил Мартин. – Я могу подсказать, кого нужно грузить в первую очередь, а кто ещё может подождать!

– Ну, хоть один врач появился! – обрадовано воскликнул жандарм. – Помогите нам. Среди раненых есть крайне «тяжёлые»...

– Документацию удалось спасти? – спросил Шилл, наклоняясь над первым пострадавшим. – Чтобы потом не возникло неразберихи, и проблем с опознанием тел...

– Большую часть картотеки эвакуировали, – ответил военный полицейский. – Она как раз на первом этаже располагалась. Вот с больными повезло меньше. Те, что на верхних этажах – сгорели заживо или погибли под обломками.

– Этот может подождать, – объявил Мартин, – а этого – немедленно грузите!

– Гюнтер, Ганс! На носилки – и в машину! – приказал унтер-офицер.

– В районе Юдиттен, – подсказал Мартин, – есть хорошая клиника... Моники Зельтц. Попробуйте отвезти туда. Надеюсь, она цела...

– Мы знаем, где это. Спасибо, господин доктор. Сам бог послал вас нам!

– Этому уже ничто не поможет, – констатировал, между тем, новоявленный «доктор» смерть очередного пациента. – А этого – немедленно в машину...

А вот и Мигель! Лицо обожжено, светлые волосы опалены, но это, несомненно, он. Глаза у него открыты, и он внимательно следит за происходящим.

– Этот ещё подождёт, – кивнул на разведчика Мартин. – Парень крепкий... А этих, – он указал на лежащую женщину и пожилого человека – надо грузить! Посмотрите, много ли в машине места!

Унтер-офицер отошёл к автомобилю. Дождавшись, когда его фигура исчезнет в темноте, Мартин наклонился к Мигелю.

– Ты жив? Выдержишь, если я тебя немного потрясу по дороге?

– Д-да, – еле слышно произнёс тот.

– Держись, – сказал ему Мартин и, убедившись, что его никто не видит в царящей всеобщей суматохе, поднял тяжёлое тело разведчика, взвалил его себе на плечи и быстрым шагом направился прочь от госпиталя.

Мартин держал путь обратно, к пока ещё целому дому на Кёнигштрассе. Пусть хозяин квартиры погиб, но он не один действовал в городе. Скоро с ним свяжутся его коллеги из МИ-6, они помогут и ему, и его боевому товарищу!

Мигель, похоже, потерял сознание. Мартин, тяжело дыша, ковылял с его телом по грудам кирпича. Горячий воздух, попадая в лёгкие, не приносил облегчения. И всё же, на душе у разведчика стало намного спокойней: ведь он выполнил задание центра, к тому же вырвал из лап гестапо человека, который спас его самого! «Держись, друг!» – то и дело повторял он, хотя понимал, что тот его вряд ли слышит.

На Кёнигштрассе ещё можно было терпеть жар. Чуть дальше, ближе к Альтштадту и Кнайпхофу, он становился уже невыносимым. «Боже мой, сколько людей погибло, – думал Мартин. – Сколько сгорело заживо!»

Битый кирпич, осколки стекла, куски арматуры, человеческие тела... А самолёты, кажется, уже улетели... Не слышно зловещего гула моторов, прекратилась пальба зениток. Но тише не стало. Бешеный рёв огня, кажется, заглушал все остальные звуки. Ненасытное пламя пожирало всё живое всего в каких-нибудь пятистах метрах от Кёнигштрассе.

Мартин из последних сил втащил тело Мигеля на второй этаж своего пристанища и уложил его на диван. «Теперь всё будет хорошо» – произнёс он, успокаивая, скорее, себя самого.

На рассвете Курту открылся неопишимо бедственный вид города. Тысячи лишившихся крова людей устраивались в парках и скверах, катили повозки и тележки, детские коляски и тачки – всё, что имело колёса... Многие оплакивали погибших или пропавших близких. По Прегелю плыли трупы.

Земля Кёнигсберга блестела от ленточек фольги, с помощью которых английские лётчики «сбивали с толку» радары. Этот зловещий блеск выглядел памятным венком на могиле погибшего от ран города. Около трёх суток в центр города было невозможно войти... Земля и камень оставались раскалёнными и остывали медленно. Чёрные руины с пустыми оконными проёмами походили на черепа с зияющими глазницами... Ещё долгие недели после бомбежки по заваленным обломками улицам города тянулись колонны грузовиков и телег, вывозивших обгоревшие трупы, пересыпанные извёсткой. В братских могилах хоронили погибших от бомб и пожаров, а также тех, кого задавила толпа в сражениях не на жизнь, а на смерть у входов в убежища, способные вместить всего лишь 10% населения...

В отличие от первого налета, объектом нападения на Кёнигсберг в ночь на 30 августа явился исключительно центр города. Позднее, историки назвали это действие чисто террористическим налётом на густонаселенные жилые кварталы. Со всей кровожадностью англичане, по их мнению, «успешно», испытали на людях новые напалмовые бомбы,

вызавшие чудовищные пожары. Число погибших составило не менее пяти тысяч человек, осталось без крова более 200 000. При этом надо отметить, что военные объекты оказались практически не тронуты, например, газовый завод и электростанция, мост Имперской железной дороги, заводы Посейдон и Имперуголь, завод Штайнфурт. Не пострадали Королевский мельзавод и зернохранилище. Целлюлозные заводы Коссе и Закхайма, верфь Шихау продолжали работать. Порт с его складами и хранилищами, Главный вокзал – все выполняли свои функции. От бомбёжки пострадали только жилые дома, а из общественных и административных зданий – те, что располагались в этих домах или по соседству с ними.

Это была акция возмездия и устрашения – поэтому и бомбили жилые массивы – так считают многие исследователи. Но истинная цель операции «Кёнигсберг» была иной. Уинстон Черчилль, отдавая приказ на уничтожение древнего города, прежде всего спасал собственную жизнь. Он панически боялся кёнигсбергской лаборатории Аненербе и её удачных опытов.

Глава 9. «Кнайпхофский зомби»

Прошёл год после страшной бомбёжки города в августе 1944-го. Война закончилась, Кёнигсберг находился под юрисдикцией советских войск. В городе работала военная комендатура, её сотрудники занимались восстановлением разрушенного хозяйства. Немцы, почувствовав к себе доброе отношение со стороны русских, активно принялись наводить порядок: разбирать завалы, расчищать улицы, чинить трамвайные пути, восстанавливать электро- и водоснабжение, строить хлебопекарни... Собрали урожай посаженных немцами ещё в 1944-м году озимых культур. В городе насчитывалось 130 тысяч человек немецкого населения. И это количество росло за счёт прибытия беженцев из Польши, где к немцам относились менее дружелюбно. Бюргеры работали совместно с русскими, никаких проблем при этом не возникало. Кто трудился, тому выдавались карточки, по которым можно было получить хлеб, сахар, соль, жиры, консервы. В городе работали магазины – отдельно для русских и для немцев. Военная администрация сохраняла мир и покой в Кёнигсберге, никаких особых актов противостояния или неповиновения не наблюдалось.

Город, остывший от страшных пожаров, медленно, но неуклонно возвращался к жизни, и залечивал ужасные раны.

Работники комендатуры, занимающиеся фильтрацией немецкого населения, не замечали, а, может, просто не обращали внимание на то, что в городе стали появляться загадочные люди, которые постепенно заселяли пустующие развалины и оставались в них жить, словно находились здесь всегда. Иногда, правда, капитан Кириллов подходил к такому человеку и требовал предъявить документы. Как правило, у большинства их не было, да и прежнего места жительства они не помнили и имён своих назвать не могли. Цепкий и опытный взгляд капитана не всегда мог определить в них затаившегося врага – по городу бродило много людей, потерявших память и рассудок. После таких страшных потрясений это было вполне объяснимо. Кириллов отпускал их, вздыхая: «Что с вас, бедолаг, возьмёшь?» Ничего съестного в развалинах, по его мнению, быть не могло, и чем жили эти люди, он не знал и не интересовался. Да и на его родине, в разрушенном немцами Воронеже, можно было наблюдать подобную картину.

И всё-таки капитан старался присмотреться к этим странным людям. Какой-то интерес они у него определённо вызывали. Он заметил, что чаще всего обитателей развалин можно было встретить в центре города – на острове Кнайпхоф и возле Королевского замка. «И что их туда тянет?» – задавал он себе вопрос.

– Дались тебе эти убогие, – как-то заметил его интерес к странным людям комендант района №2 военной комендатуры города-крепости Кёнигсберг майор Кузьмин. – Несчастные, безобидные существа, человеческие тени. Пусть себе живут, раз никому не мешают.

Комендатура находилась в здании гранд-отеля, построенного в 1929 году. Оно располагалось на берегу Королевского пруда и было единственным уцелевшим зданием района Трагхайм. Отсюда был хорошо виден и сам замок, точнее, то, что от него осталось.

– Почему они облюбовали эти развалины? – недоумевал Кириллов. – Съестного, по нашим сведениям, там нет, уцелевших домов тоже. Что им там делать? Может, пытаются раскопать какой-нибудь антиквариат, найти немецкие архивы или другое барахло?

– В подвалах, возможно, сохранились какие-то консервы и сухари. Немцы, они – запасливые, да и магазины там, наверняка, прежде были, – рассуждал майор. – А вот по поводу архивов и ценностей... Всё может быть. Но, ты же видел этих «искателей». Кто-нибудь из них похож на человека, выполняющего спецзадание?

– Нет, не похож. А вдруг это такая маскировка? А как ещё можно под носом у нас устроить масштабные поиски, не вызывая подозрений? Только, прикинувшись больными и ненормальными!

– Ладно, Сергей. Понаблюдай за ними. Только аккуратно. Один по развалинам не ходи. Обязательно бери с собой пару автоматчиков из комендантского взвода.

И капитан следил. Уходил в район Королевского замка, перебирался на Кнайпхоф, садился на обломок дома и наблюдал за «загадочными людьми», иногда даже в бинокль. Вскоре он понял: в их действиях прослеживается какая-то логика. Бесцельными и хаотичными их поступки никак нельзя было назвать. Они что-то явно уничтожали, стирали какие-то следы, убирали с глаз долой какую-то странную символику. Иногда эти люди собирались вместе и что-то обсуждали. Кириллов понял: здесь у них имеется свой руководитель.

В городе активно работали похоронные команды, и многие кварталы уже были расчищены от завалов. «Странные люди», казалось, стали действовать более активно.

Вскоре капитан пришёл к выводу: эти необычные, казалось, потерявшие рассудок люди, вовсе не сумасшедшие или контуженные, как их считали, а на самом деле – организованные, тщательно скрывающие свою деятельность, команды.

Для того чтобы определить, чем они занимаются, капитан решил поинтересоваться, что находилось в этих исторических местах, какие тайны с ними связаны, какие события происходили здесь в прошлом. Для этого он решил поговорить со старожилами этих мест, благо, немецкое население перестало бояться советских военных и общалось с ними вполне дружелюбно. В собеседники он выбрал самых, на его взгляд, толковых людей: инженеров, педагогов и даже одного учёного-историка. Вот, что ему удалось выяснить.

Кёнигсберг с древности считается центром оккультизма и мистики. И это неспроста. Система подземных тоннелей, проложенных под городом, является одной из самых разветвлённых в Европе. Появились они ещё во времена средневековья, постепенно

расширялись, образуя новые галереи, залы и тайники. И в «нижнем» Кёнигсберге, и наверху облюбовали себе схроны, убежища, логова, создали школы и даже лаборатории разного рода маги и чернокнижники. Сам Королевский замок – место, издавна привлекавшее к себе разные мистические силы. В Замке собирались тайные общества масонов, их дома были расположены по обе стороны Замкового пруда. Гитлер, придя к власти, конечно, разогнал масонов. Но вместо них появились другие организации, не менее таинственные. На Кнайпхофе с давних времён тоже жили всевозможные колдуны. При этом местные власти не обращали на них внимания и те чувствовали себя довольно вольготно. Здесь же стояло четыре двухэтажных дома, образуя улицу под названием «Кёнигсберг-13». Полвека назад тут образовалась одноимённая лаборатория, занимавшаяся оккультными исследованиями. Во времена Гитлера многие мистические и оккультные школы прекратили существование «сами по себе». Все они переместились «под крыло» фюрера и продолжили свои исследования, только уже «во благо Рейха». Позже здесь возникло кёнигсбергское отделение Аненербе, занимающееся целым рядом проблем, выходящими за рамки нашего понимания. Особую роль в данном учреждении играла лаборатория, расположенная в старом здании кёнигсбергского университета.

– Здесь есть символы, – рассказывал учёный историк, – указывающие на точки энергетической силы и тайники, где спрятаны первоисточники колдовских знаний. На дома была нанесена целая знаковая система, висели ритуальные пластины и тайные карты инженерных коммуникаций города! Это как бы алфавит, с помощью которого можно изучать тайные знания мира.

– На некоторых дверях домов Кнайпхофа, – сообщал инженер, – особенно, кованных, были начертаны древние руны. И это не простые письмена. Там – мощнейшие заклинания для работы с потусторонними силами. Кое-где были вырезаны фигурки животных, имелись отпечатки волчьих лап и это тоже своего рода знаки! Кстати, в оккультных лабораториях приносили в жертву животных и вытворяли разные колдовские обряды!

– По-моему, эти люди прячут следы деятельности лаборатории «Кёнигсберг-13», – утверждала женщина-педагог, некогда преподававшая в Альбертине. – Чтобы никто не мог воспользоваться их знаниями, которые маги буквально «разбросали» по городу и оставили у всех на виду. Они как бы хоронят их вслед за похороненными домами...

– Ну, что, доволен? – усмехнулся майор Кузьмин, когда Кириллов поделился с ним своими открытиями. – Эти люди, Сергей, больны на всю голову! Колдовские ритуалы! Ха-ха! Да пусть ковыряются, пусть закапывают свои тайны! Ты знаешь, осенью 43-го на Тегеранской конференции было принято решение о передаче Кёнигсберга Советскому Союзу. А нужны ли советскому городу колдовские секреты немцев? Здесь будет наша земля, здесь будем жить мы, коммунисты и воинствующие атеисты, а нам ни к чему оккультные происки бесноватого Гитлера!

На этом можно было бы и успокоиться. Если бы не одно обстоятельство.

На берегу Прегеля, в районе Альтштадта мальчишки расстреливали старую эсесовскую каску. Стреляли из рогаток с расстояния семи шагов. Причём, целились они не в саму каску, в неё-то попасть – это как двумя пальцами об стол, а в руны – две молнии, намалёванные на каске. Вот в них угодить оказалось гораздо труднее.

Рядом русский танкист орудовал кувалдой – ремонтировал гусеницу боевой машины. Он не понимал, о чём спорят пацаны, но догадывался: в руны пока ещё никто не попал, хотя расстояние до каски постепенно уменьшалось. Стреляли уже почти в упор, но всё – мимо.

– А ну, голытьба, разойдись! – Танкисту надоели крики и споры на немецком языке. За войну – во, как наслушался. Он поднял кувалду повыше.

– Смотри, как надо! – И от всей русской души ухнул инструментом по каске. Та – всмятку!

А из развалин дома со стороны Кнайпхофа грянул выстрел. Танкист упал.

Вскоре прибыл комендантский взвод, и дом был оцеплен русскими солдатами. Из подвала выволокли мужчину, лет тридцати пяти. В руке у него был пистолет. Армейский «вальтер».

– Ты что, не навоевался? – капитан Кириллов еле сдерживался, чтобы не расстрелять врага на месте. К счастью, наш танкист был только ранен.

Взгляд у стрелявшего был абсолютно отсутствующим. Он словно находился во сне и, похоже, не понимал, что происходило вокруг. Хотя, было ясно, что он наблюдал и за мальчишками, и за танкистом.

– Куда его, товарищ капитан? Может, здесь и грохнуть?

– Нет, ведите в комендатуру. Будем разбираться.

Задержанный вовсе не был похож на нищего или попрошайку. Был он чисто выбрит, носил почти новую обувь, а его одежда не имела следов грязи. На нём расстегнули рубашку...

– Бог ты мой! – воскликнул командир комендантского взвода. – Вот это натюрморт!

На теле задержанного были вытатуированы рунические знаки и тибетские (как выяснилось позже) рисунки.

– Ваше имя! – немца допрашивал лично Кузьмин у себя в кабинете. Кириллов стоял рядом, задумчиво теребя в руках фуражку. Он был почти уверен, что пленный будет молчать.

– Фридрих Краузе, – неожиданно внятно ответил тот.

– Кто вы? Почему стреляли в нашего солдата? Вы что, не в курсе, что война закончилась?

– Прошу простить. Я иногда чувствую себя солдатом Рейха и не могу сдержаться, когда оскорбляют честь офицера.

– Вы – бывший эсэсовец?

Задержанный кивнул головой.

– Где служили?

– Здесь. В лаборатории отделения Аненербе.

– Издевались над пленными? Проводили опыты над людьми?

– Нет, наша работа носила чисто научный характер. Мы изучали древние руны и пытались найти решение многих проблем посредством тибетских реликвий.

– И как, нашли?

– Мы создали оружие, против которого никто бы не смог устоять. Здесь, в лаборатории Аненербе в 1944-м году находились две самые могущественные христианские святыни – священный Грааль и Копьё Судьбы. Надеюсь, вы знаете, о чём речь?

– Какое оружие вы создали? – майор не скрывал своего недоверия.

– Мы научились телепортировать людей и военную технику, – руки немца заметно дрожали, – на любое расстояние, практически мгновенно, мы могли перебросить целое подразделение, и даже полк или дивизию.

– Вы это серьёзно? – удивился Кириллов.

– Абсолютно. Наша неосуществлённая операция носила название «Грааль». В ходе её предстояло забросить в Москву, Вашингтон и Лондон боевые группы, которым была поставлена задача уничтожения лидеров трёх государств, с которыми Германия ведёт войну, а также высшего командного состава вооружённых сил.

В кабинете возникло молчание. Кириллов достал трофейные сигареты, одну протянул майору, другую сунул себе в рот. Чиркнул спичкой.

– И что дальше? – продолжил допрос Кузьмин.

– Всё шло по плану. Но, у нас работал английский шпион, который успел доложить о наших планах в Лондон. Видимо, Черчилль серьёзно испугался за свою шкуру и приказал уничтожить нашу лабораторию. Вы видите, что произошло в результате налёта английских бомбардировщиков.

– Куда подевались Грааль и Копьё? – задал вопрос капитан.

– После бомбёжки были произведены их поиски. Перерыли всё вокруг. Их так и не нашли. Но это – по одной версии. А есть ещё и другая, которой я склонен более доверять. Кто-то из наших сотрудников, скорее всего, гауптштурмфюрер Курт Винтер, нашёл их и перепрятал. А позже – увёз в неизвестном направлении...

Кириллов и Кузьмин переглянулись.

– А документация?

– Всю сохранившуюся документацию уничтожил лично я. Причём, совсем недавно.

Кириллов хмуро взглянул на бывшего эсэсовца.

– Товарищ майор, нашим ребятам не терпится расстрелять этого молодчика...

– Нет, – мотнул головой Кузьмин. – Теперь им должны заняться другие ребята. – Он задумчиво покрутил пальцами карандаш. – Из особого отдела.

– Вы уверены, что он говорит правду?

Майор пожал плечами.

– Правда это или нет, пусть разбираются компетентные органы. Этот немец, возможно, – находка для нашей науки... Выпьешь спирту, фриц?

Глава 10. Послесловие ко второй части

После ужасного авианалёта из всего научного состава лаборатории Аненербе, размещённой в Архиве кёнигсбергской Альбертины, в живых остались только Курт Винтер, Фридрих Краузе и Вилли Штернгаут. Эмма Литтих погибла в огне со всей семьёй – бомба с напалмом полностью выжгла все внутренности родительского дома. Она гордилась тем, что жила в Кнайпхофе, это её и погубило. Иоганн Лозе погиб, спасая своих соседей. Он вытаскивал их детей из развалин, но рухнувшая кровля погребла его под собой. Винтера и Штернгаута спасло то, что жили они в других районах Кёнигсберга, которые пострадали не

так сильно. Погибло почти всё руководство отделением Аненербе в Кёнигсберге. Своей участи не избежал и Гельмут Хоффман – его дом превратился в руины. Тело несчастного штандартенфюрера извлекли из-под обломков лишь две недели спустя. Профессор Фоль бесследно исчез. Скорее всего, он тоже погиб при бомбёжке, но тела его так и не удалось отыскать.

Не дожидаясь приказов свыше, Курт Винтер принял решение: во что бы то ни стало отыскать священные реликвии. Он распорядился, чтобы была выставлена охрана на развалинах лаборатории и начались работы по расчистке завалов. Подвальные помещения были в относительной целостности, хотя всё было выжжено дотла. Покорёженный сейф удалось отыскать, обнаружили даже оплавленный наконечник Копья Судьбы. Но Грааля нигде не было. Так и доложили в Берлин: Священная Чаша погибла в огне. Оттуда последовал приказ для Винтера: забрать наконечник, собрать всю оставшуюся рабочую документацию и немедленно перебраться в Берлин. Поисками Грааля занялись другие люди, ими руководил Фридрих Краузе.

Курт Винтер, своими глазами видевший все ужасы войны, и убедившийся в том, что крах Третьего рейха не только неизбежен, но и очень скор, решил не дожидаться позорного конца гитлеровской Германии, и воспользовался имеющимся у него «окном», чтобы вырваться из неё. Свою семью он отправил в Норвегию, куда чуть позже вылетел сам, якобы для сбора материалов по древним рунам. В Скандинавии ему удалось сесть на коммерческий транспорт по подложным документам убыть в Аргентину.

– Вот видишь, – сказала во время плавания жена Курта, Эльза, своему малышу, – мы плывём на корабле! Для нас, сынок, война закончилась.

Аксель счастливо жмурился, глядя на бескрайние просторы моря, а Курт молча гладил котёнка и шептал ему на ушко что-то успокаивающее.

В багаже семьи Винтер, в большущем чемодане, обёрнутая женскими платьями, находилась странная серебряная чаша древней работы – единственная семейная ценность.

В Южной Америке находились немецкие поселения, целые городки. Бывший гауптштурмфюрер занялся мирной деятельностью. Через некоторое время, занявшись врачебной практикой и поправив своё финансовое положение, он вернулся к научной работе, в которую ушёл с головой. Известно, что его сын Аксель пошёл по стопам отца и длительное время изучал культуру южноамериканских индейцев, особенно в части освоения ими древнейших знаний мира. Они вместе со старшим Винтером много поездили по землям Южной Америки, и побывали далеко за её пределами.

Рассказывают, что Курт Винтер пытался вернуть священный Грааль на Тибет, но чем завершились эти попытки, доподлинно не известно.

Мартин Шилл, он же Питер Стоун, сумел связаться с агентами МИ-6. Те переправили его в Британию, где он и продолжил службу в аналитическом отделе. Корона высоко оценила заслуги разведчика. Черчилль лично имел с ним продолжительную беседу, после чего Питера произвели в рыцари, присвоив ему титул «сэр». Он получил небольшое поместье неподалёку от родного Ливерпуля, где и доживал последние годы, выйдя на пенсию. Неоднократно он пытался наладить связь с таинственным Мигелем, с которым его связала судьба в Кёнигсберге. Но он понимал, что разведчики двух государств никогда не смогут стать друзьями, пока они служат своим «королям». И всё-таки... однажды Питер опубликовал в британском научно-фантастическом журнале «Новые миры»

сюрреалистическую статью о телепортации с помощью священного Грааля и Копья Судьбы. Указал он город Кёнигсберг, упомянул и Аненербе. Включил в статью эпизод с неким Мигелем, который передал английскому шпиону важную информацию, благодаря чему была предотвращена трагедия вселенских масштабов. Для обывателя это был просто занимательный сюжет и более ничего, но знающему человеку становилось понятно: человек раскрывает сведения о своей жизни, он всё помнит и был бы рад встретиться с кое-кем, принимавшим участие в этих событиях. Прошло несколько лет. И вот, Питеру Стоуну пришло письмо со следующим содержанием:

«Привет, дружище! Чертовски рад, что ты помнишь то время. Молодец, что ни разу не уронил меня, пока тащил на Кёнигштрассе в ту страшную ночь.

Помнящий добро мексиканец Мигель»

Ниже был указан адрес в Советском Союзе и приписка: *«Буду рад встрече».*

Встретились они или нет, этими сведениями мы не располагаем. Но твёрдо знаем, что переписка между ними продолжалась и в нынешнем, 21-м веке.

Фридрих Краузе, попав в советскую разведку, выложил подлинную историю лаборатории Аненербе в Кёнигсберге, ничего не утаил про операцию «Грааль» и внёс ясность в вопрос, почему Черчилль отдал преступный приказ на уничтожение города бомбами со взрывчаткой и напалмом. После длительной и плодотворной работы с Краузе, его собирались отпустить на родину. Задали только вопрос: «Что собираетесь делать в новой Германии?», на который тот ответил: «Продолжу службу Рейху». За что и схлопотал «десятку» лагерей, из которых вышел через семь лет, постаревшим и помудревшим.

Капитан Кириллов служил сначала в Кёнигсберге, потом в Калининграде, да так и остался тут жить. Он приложил немало усилий для того, чтобы столица Янтарного края хорошела и процветала. Сначала он радовался, когда был взорван Королевский замок, потом прослезился от нахлынувших чувств, когда восстановили Кафедральный собор. Много времени он посвятил изучению тайн Кёнигсберга, его улиц, фортов, крепостей, старинных особняков и подземелий. Написал немало трудов по истории Кёнигсберга, познакомился с бывшими жителями этого города, уехавшими в Германию после депортации. Он всей душой полюбил этот край. Как ветеран войны, Кириллов часто выступал перед школьниками, неся им слово гражданина, патриота и мудрость много повидавшего на своём веку человека. «Любите наш край, – говорил он молодому поколению, – цените его красоту, берегите и защищайте его. Это – наша земля, это – наша Родина!»

ЧАСТЬ III. СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО «СЕМЬ»

Глава 1. Тайнственное письмо и аргентинский профессор

Необычна судьба Кёнигсберга, который советские войска в результате стремительного натиска в апреле 1945 года сначала спасли от подрыва многотонными зарядами взрывчатки, заложенными гитлеровцами на большинстве объектов жизнеобеспечения, а потом с риском для жизни произвели разминирование этих смертоносных фашистских «сюрпризов». Но затем последовало постановление партии, предписывающее уничтожить всё, что символизирует в новообретённой области «пруссский дух». Первым пал Королевский замок и древние кирхи... Кёнигсбергский кирпич, технология изготовления которого была разработана еще тевтонами, железнодорожными составами отправлялся на восстановление советских городов, в том же направлении уходила брусчатка и черепица...

В последние пару десятилетий возникла противоположная тенденция: подновить, украсить или восстановить былое величие древнего города. Поэтому вновь повсеместно заработали экскаваторы и бульдозеры... Это одна из причин того, почему в Калининграде, нет-нет, да и случаются довольно интересные археологические находки. Причём, речь идёт не о добыче мальчишек, роющихся на чердаках и в подвалах сохранившихся немецких домов и разыскивающих наградные кресты времён второй мировой, и не о «сокровищах» «чёрных копателей», представляющих собой, преимущественно, ржавое оружие и ветхое снаряжение, найденное при раскопках старых фортов и развалин замков.

Впрочем, серебряную посуду и некоторые золотые вещицы, найденные при рытье котлованов, тоже бесценным достоянием археологической науки не назовёшь. А вот уникальный клад золотых украшений, обнаруженный отрядом Самбийской экспедиции института археологии РАН при исследовании погребений конца IV – начала VI веков – это событие! В центре Калининграда постоянно работают археологи и частенько что-то находят в «культурных» слоях грунта на месте старого города. Чаще всего это – монеты, но не только. Так часть знаменитой коллекции музея «Пруссия» была совершенно случайно найдена в Форте №3, где располагалась воинская часть. А в 2005 году при работах на фундаменте бывшего Королевского замка обнаружили шкатулку с магическими предметами, принадлежавшую, предположительно, доверенному лицу герцога Альбрехта Бранденбургского авантюристу Паулю Скалиху (60)

Да, роют, копают – сокровища добывают... Дух авантюриста-искателя по-прежнему жив в нашем человеке и гипотезу о нахождении Янтарной комнаты на территории Калининградской области ещё никто не опроверг.

В 2015 году при ремонте газопровода неподалёку от гостиницы «Калининград» обнаружили запечатанный сосуд, похожий на кувшин. Когда его вскрыли, то внутри оказалось письмо, вызвавшее целую бурю археологических страстей. Вы спросите, что в нём необычного? Мы ответим.

Во-первых, специалисты датировали находку 14-м веком, временем становления Кёнигсберга, а точнее, трёх его составляющих – Альтштадта, Кнайпхофа и Лёбенихте, как самостоятельных городов.

Во-вторых, письмо было зашифровано. На первый взгляд, учёным думалось, что найден второй вариант манускрипта Войнича (61), но в том, как известно, использовался вовсе непонятный язык (знаки и символы), а тут – латинские, греческие, иудейские буквы и даже руны. Но, как и первый документ, этот также – быстрой расшифровке не поддавался.

В-третьих, рукопись была написана на искусно выделанном пергаменте и напоминала манускрипт Меровингов (62), только состояла всего из трёх листов, свёрнутых в трубочку и перетянутых истлевшей тесьмой...

И, наконец, на последнем, третьем листе в самом низу находилась странная иллюстрация – небольшое изображение лошадиной головы и пояснительная надпись под ним. При этом было заметно, что это не «настоящая» голова лошади, а, скорее всего, какая-то аллегория, образ или символ. Не все её черты и формы были выполнены безукоризненно. Рисунок напоминал слиток золота или причудливое искривление ветки дерева, которому искусный мастер двумя-тремя «штришками» придал сходство с лошадиной головой. К иллюстрации вела стрелка, и было написано лишь одно слово. Которое в тексте ни разу не упоминалось.

Оставалась самая малость – расшифровать таинственный документ. Этим решил заняться Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. В интервью РИА «Новости» завкафедрой компьютерной безопасности БФУ Сергей Орешников сказал следующее:

- Мы впервые столкнулись с таким любопытным текстом! На начальном этапе мы оцифруем его, затем проведём частотный анализ. Задание получили все: студенты, аспиранты и преподаватели. За разгадку-расшифровку назначена существенная премия. Пока идут каникулы, задача будет решаться в «своё удовольствие». А в сентябре начнётся настоящая работа. Конечно, понадобятся специалисты, разбирающиеся в криптографии. Но, сотрудники института прикладной математики и инфотехнологий при БФУ им. Канта самостоятельно разрабатывают программы для расшифровки подобного рода текстов. Словом, к разгадке этого таинственного письма подключен весь персонал института.

Также учёный добавил, что если шифр окажется лёгким, то уже в сентябре общественность узнает, что хотели донести до нас жители средневекового Кёнигсберга, но, если решение будет сложным – разгадка может затянуться лет на тридцать. Ведь известны и не взламываемые шифры. К тому же, не исключено, что это – просто чья-то шутка. Но, в любом случае, хорошая тренировка ждёт калининградских студентов.

Кроме студентов и педагогов университета, нашлось и множество других энтузиастов, которые тоже решили принять участие в расшифровке таинственного документа. Полный текст письма был представлен на сайте БФУ. Каждый любитель головоломок счёл своим долгом «приложить руку» к решению сложной логической задачи и, чем чёрт не шутит, отхватить премию в размере миллиона рублей.

- Наденька, - Матвей подкрался к девушке-корректору, как хищный зверь из семейства кошачьих – бесшумно, мягко и незаметно. – Уж кому-кому, а тебе эта задача по плечу! Ты у нас знаток разных языков, наречий и... как его?..

- Диалектов.

- Вот именно! Помоги мне с расшифровкой текста, а я поделюсь с тобой премией. Поровну. Идёт? – Журналист использовал любой предлог, чтобы хоть немного пообщаться с девушкой, к которой его тянуло с непреодолимой силой.

- Да ты хоть знаешь, о каком тексте идёт речь? – Надя повернулась в кресле, и в Матвея ударил поток зеленоглазой, светлой и свежей, лучистой энергии. – В древности люди для шифровки использовали два, а то и три языка. В основном, латынь, греческий и иврит.

Только знаток всех трёх языков может взяться за расшифровку. Ты думаешь, что я – такой знаток и есть? Существует очень мудрая поговорка: «не обещай, если не уверен, что исполнишь обещание».

- Я знаю, что ты умеешь всё... А ты убеждена, что документ написан на трёх языках?

- **На четырёх!** Не забывай, что здесь присутствуют и руны!

- Во! Совсем выпало из головы!

- Слушай, если тебе не терпится хоть что-то написать по этой теме, обыграй следующие варианты. Скажи, что предположительно найден ключ к расшифровке! Допустим, произведён анализ текста, найдены ключевые слова, встречающиеся в нём чаще других... Определено, что слова в тексте составлены из латинских букв и их комбинаций, греческих букв и их сочетаний, и иудейских. В каждом слове – одна-две руны. Руны – скандинавские. Напиши, что вероятнее всего, речь в документе идёт о торговой сделке...

- А если это торговая сделка, то зачем документ шифровать? – не понял Матвей.

- Значит, это секретная торговая сделка, - рассмеялась Надя. – Сошлись на какого-нибудь авторитета из БФУ и... статья готова!

- Как у тебя всё просто...

- А кто сказал, что просто? Начни с конца... С рисунка. Что может означать надпись возле него?

- Пояснение...

- Да. Например, «голова». Или «лошадь». Сколько знаков в этом слове?

- Восемь...

- Вот, представь. Кто-то написал слово «лошадь» восемью разными символами.

- По-немецки, лошадь – Pferd... Пять букв. А если Das Pferd - тогда восемь...

- А по латыни? А на греческом или иврите? Но вдруг это другое слово, может, оно означает материал, из которого сделана лошадиная голова? Вдруг, это гранит? Золото или мрамор?

- М-да... Или древесина...

- Или она...

- Давай, Наденька, прогуляемся вместе вечером. Заодно и подумаем,... - несмело предложил Матвей.

Надя хотела что-то ответить, но у неё зазвонил телефон. Молодой человек тактично отошёл в сторону, а тут и у него зазвучала призывная мелодия «Нокии».

- Здорово, брат! – голос Вадима был громким и жизнерадостным. – Готовлю эксклюзивный материал! Могу и тебя взять в долю!

- А с этих слов, пожалуйста, поподробнее, - ответил Матвей.

- С тебя – пиво и корюшка!

- Понял. А поконкретнее можно?

- Конкретнее? Пиво – наше, калининградское – «Королевский замок», корюшка – вяленая!

- Я не о пиве. Что за материал готовишь?

- О, это - большая тайна. Но, не для тебя! Я готовлю интервью с иностранным гостем. Учёным. Он приезжает к нам в город. Похоже, этот дядя уже прочитал таинственное письмо, найденное недавно у гостиницы «Калининград», и над расшифровкой которого бьётся

сегодня всё прогрессивное человечество области! Или, по крайней мере, знает ключ к разгадке!

- Наверняка, какой-нибудь шарлатан. Ты уверен, что это – то, что нам надо?

- Шарлатан? А – пусть. Я так построю интервью, что выведу его на чистую воду. А если ещё ты подключишься... Давай, подъезжай. Я сделаю телепередачу, а ты напишешь обалденную статью! В семь вечера в мотеле «Балтика».

- Заманчивое предложение...

- Или у тебя другие планы? Тогда извини... Запомни, приятель: удача может поворачиваться к нам лицом или любым другим местом, но главное - понять, что мы сами её и поворачиваем...

- Ты что, брат! Никаких других планов! Я подъеду!

Итак, «надежды» на вечер с Надеждой... придётся отложить.

Аксель Винтер, профессор Национального Университета Буэнос-Айреса был энергичным сухощавым старичком, лет семидесяти. Живые, серые глаза внимательно следили за приготовлениями съёмочной группы к работе, тонкие губы слегка кривились в добродушной улыбке. Седые волосы господин Винтер зачёсывал назад, открывая высокий благородный лоб с небольшими морщинами.

- Мы готовы к съёмкам, – доложил оператор Миша...

- ...А теперь, господин Винтер, – произнёс Вадим, когда интервью, продолжавшееся в номере профессора, уже закончилось, а оператор спешно и деловито собирал аппаратуру. – Не для прессы. Почему всё-таки... вы не хотите рассказать о том, что написано в манускрипте?

- Потому что я его не читал. И вам не советую.

- Отчего же?

- Вы знаете, такие тексты не зря шифруют. Эти сведения хотят скрыть от доступа... неподготовленного человека. Иначе он может сойти с ума... Или покончить жизнь самоубийством. Смотря как на него подействуют эти тайные знания. Я не хочу ни рисковать своей жизнью, ни подвергать опасности ваши. Поэтому лишь даю ключ к разгадке. Кому надо – пусть ломает голову и расшифровывает. Но я бы не советовал... Это слово, указывающее на рисунок, означает «янтарь». Потому что вся «лошадиная голова» – это кусок янтаря весьма примечательной формы.

- Вам приходилось видеть его? – спросил вдруг Матвей. – Откуда вы о нём знаете?

- Если хотите знать, я расскажу, - Винтер поудобнее устроился в кресле. – А вы, Михаил, – обратился он к оператору, – будьте добры, распорядитесь, чтобы нам принесли кофе.

Аксель Винтер прекрасно говорил по-русски. Миша взял в руки камеру и сказал Вадиму, что будет ждать его в машине, после того, как выполнит просьбу профессора.

- Так вот, – начал рассказ профессор из Аргентины. – У меня немецкие корни, я родился здесь, в Кёнигсберге в 1940-м году. Мой отец в своё время работал в обществе Аненербе, которое тут организовало свою исследовательскую лабораторию. Вы слышали об Аненербе? Знаете, какими вопросами оно занималось?

- Да, это последователи тайной организации «Туле», в которую входил и Гитлер, – вспомнил Матвей.

- Они занимались в основном, оккультизмом и магией, – добавил Вадим.

- Не только... И физикой, и химией, и медициной, и парапсихологией. И, конечно, историей. В руки моего отца попала древняя книга из архива кёнигсбергской Альбертины. Её автор, средневековый врач, подробно описал эту янтарную голову. И сделал вывод – она открывает двери для любого, кто пытается проникнуть в тайное общество. А таких обществ и в те, далёкие времена, было полным-полно, и в наше беспокойное время – тоже хватает! Она действует, словно ключ, как талисман, как... в русском языке есть такое название травы...

- Разрыв-трава? – вспомнил Вадим.

- Да, которая открывает любой замок. Вот и эта голова откроет замок в любое логово, будь то масоны, чернокнижники или сатанисты...

- Интересно, пожал плечами Вадим, отхлёбывая кофе, – кому понадобится совать свою голову в сатанинскую организацию?

- Как знать, друзья мои. Возможно, кому-то понадобится спасти от них других людей. Отец рассказывал, что их лаборатория отчасти очень напоминала такое общество. Они решали очень серьёзные задачи, вплотную подошли к осуществлению телепортации. И кто знает, чем бы закончилась та война, если бы в лабораторию тайно не проник шпион и не раскрыл их планы...

- Так кем был ваш отец, учёным или, извините, фашистом? – задал нескромный вопрос Матвей.

- Прежде всего - учёным. И гражданином. Но не фашистом. Осознав преступную суть национал-социализма, он уехал из Германии со всей семьёй. А вы знаете, понять эту суть в то время было очень нелегко. Даже для мыслящего человека.

- Телепортация? – усомнился Вадим. – Не слишком ли смелое заявление?

- Увы, нет. Они провели ряд успешных экспериментов. Но операцию под названием «Грааль» сорвал налёт английской авиации... Тот самый роковой налёт августа 1944-го года. И, вообще, зря вы, молодые люди, сомневаетесь в реальности и возможностях телепортации. Об этом явлении не только знали, но и успешно использовали его ещё наши предки. Я даже больше скажу... – он вдруг замолк, глядя в одну точку, расположенную где-то на оконной занавеске.

- Мы вас внимательно слушаем, – прервал внезапную паузу Матвей.

- Боюсь показаться вам сумасшедшим или шарлатаном... Но, во-первых, телепортацию широко используют и некоторые наши современники.

- Например?..

- Вы никогда не узнаете их имён. Это – тайна, за проникновение в которую люди платят жизнью.

- А во-вторых?.. – поспешил задать вопрос Вадим.

- А во-вторых, осуществляют путешествия не только на расстояние, но и во времени. Это так же реально, как моя... выпитая чашечка кофе.

На этот раз молчание затянулось надолго. Пришёл Михаил и сказал, что машина готова и все ждут отъезда в редакцию.

- Езжайте без меня, – отмахнулся Вадим. Рыжие волосы торчали на его затылке, как будто через него прошел электрический разряд. – Я буду позже.

- Так вы говорите, – продолжил Матвей, – что уже в наши дни... некоторые люди выполняют прыжки как на расстояние, так и во времени?

- Да. Вы хотите знать, кто эти люди?

- Было бы неплохо, – оживились друзья-журналисты.

- Тогда вам просто необходимо будет проникнуть в тайные общества, – усмехнулся профессор. – А из них почти никогда... нет выхода обратно!

- Вы так об этом рассказываете, – произнёс Вадим, – будто сами являетесь членом подобного общества.

Профессор чуть заметно улыбнулся.

- Члены таких обществ не дают интервью. Эти люди вообще не дают о себе знать. Они предпочитают прятаться в подвалах, как крысы, и бывают на поверхности только «наездами». Всё своё время они проводят в путешествиях. Об их деятельности можно узнать лишь совершенно случайно: если вдруг где-нибудь появится человек... из другой эпохи. А потом внезапно исчезнет неизвестно куда...

- Позвольте! – Вадим буквально выпрыгнул из кресла. – Но у нас недавно был подобный случай! Помнишь, Матвей, того рыцаря Круглого стола? Он тоже появился ниоткуда и исчез в никуда! Об этом и мы писали, и другие издания упоминали!

- Он передал вам что-нибудь? – профессор, казалось, не был удивлён.

- Ничего не передавал, – пожал плечами Матвей. – Впрочем... после него остался меч...

- Меч?! – теперь едва не подпрыгнул в кресле пожилой профессор. – Вы сказали, что после него остался меч?

- Да, меч. Старинной работы...

- Значит, это произойдёт здесь, – чуть ли не простонал Винтер. – Вам подали знак...

- Что с вами, господин профессор? Вам дурно? Может, налить водички?

- Нет, со мной всё в порядке. Вот что, друзья мои. К вам приходил Посланец и оставил меч Судьбы. Это значит, что всем нам грозит страшная беда! Где-то совсем рядом орудует тайная организация странников во времени и пространстве. Они готовят грандиозную... вселенскую катастрофу! Справиться с ними поможет меч, переданный вам Посланником. Надо немедленно найти этих опасных людей и уничтожить их и их логово! *O, mein Gott* (сноска - боже мой (нем.))! – он достал платок и вытер лоб.

Друзья с нескрываемым удивлением смотрели на него.

- Следует тотчас организовать поисковую группу... Предстоит проникнуть в это общество и обезглавить его... Чтобы спастись...

- Но, как проникнуть?

- А вот с помощью этого! – профессор вынул из кейса и положил на стол кусок янтаря, размером с детскую ладошку. Кусок имел тёмно-жёлтый оттенок и казался совершенно прозрачным. И ещё: он удивительно напоминал лошадиную голову.

Глава 2. Подарок от незнакомки

- Сдулся мой репортаж, – вздохнул Матвей, выходя из мотеля. – Очень жаль. Хороший мог бы быть материал...

- Он ещё не доволен, – усмехнулся Вадим. – Тебе, Апостол, в руки попала настоящая бомба! В твоих силах её взорвать так, чтобы тираж вашей газеты увеличился на порядок! Ты представь: тут материала не на одну статью! Подумаешь, не расшифровали свиток. А надо ли его расшифровывать? Ты знаешь, я согласен с профессором. Иногда получишь информацию, а потом не знаешь, как с ней жить... Нет, ключ-то он нам дал, а разгадывают теперь пусть другие!

- Ты прав, – подумав, ответил Матвей. – А какой сегодня вечер... «сорвался», – это он уже подумал о Наденьке.

Вечер действительно был замечательный. Гладь озера, на берегу которого стоял мотель «Балтика», окрасилась в оранжевый цвет, «чешуйки» мелкой ряби переливались разными оттенками золотого. Ясное предзакатное небо ласково смотрело на притихшую зелень. Уходящий день, казалось, дарил прощальную улыбку.

Друзья сели в машину. Вадим, устраиваясь на водительском кресле, заметил:

- А по поводу тайных и мистических организаций, возможности путешествовать в пространстве и времени,... тут тоже есть над чем поразмышлять. Представь: где-то в Калининграде, в старинных немецких подземельях сидят такие странники и строят нам разные козни...

- Вадим, ты знаешь, я не хочу, чтобы нашу «Башню Врангеля» считали жёлтой газетёнкой, гоняющейся за дешёвыми сенсациями! Я хочу, чтобы у нас были материалы, имеющие научное обоснование!

- А слово иностранного профессора для тебя уже не авторитетно? И вспомни: пришелец из времён короля Артура! Если тебе сам этот факт ничего не говорит, подумай хотя бы про меч. Он-то – реален. И никто не доказал, что это – современная подделка!

- Да, в этом что-то есть...

- Вот и напиши. Ничего не выдумывая и не доказывая, а только констатируя факты!

- Надо бы узнать про профессора Винтера поподробнее. Вдруг это какая-то подстава?

- Не волнуйся. Я уже проверял. И документы, и в Интернете про него написано много. Там и фото его, и перечень научных трудов. Это - самый настоящий профессор. И, смею заметить, довольно известная фигура в определённых кругах. К тому же, он оставил свои координаты. Всегда можно будет сослаться на «первоисточник»! Тебя где выгрузить? Я – в редакцию.

- А я – домой. Высади на Ленинском...

Матвей Хрусталёв снимал однокомнатную квартиру. Он с удовольствием приезжал в гости к своим родителям, но жить вместе с ними в тесной «двушке» не хотел. К тому же, располагалась она аж в посёлке Космодемьянском, а работа у Матвея – в центре города. Не наездишься. Вот и приходилось снимать в старенькой пятиэтажке на Ленинском проспекте квартиру. Плата была умеренной, на жизнь кое-что оставалось. Отсюда удобно добираться в любую точку города, хотя, постоянный шум за окном, немного раздражал...

«Чёрт побери, такой вечер сорвался!» – Матвей вновь подумал о том, как хорошо он провёл бы его с Наденькой. Они посидели бы в кафе, погуляли по городу... Можно было

зайти на Центральную площадь и посмотреть на музыкальные фонтаны, помечтать, послушать её теплые, как солнечные лучики слова... Но вместо этого...

А не написать ли назло всем... убойную статью? Тезис первый – откровения профессора Винтера. Ведь он всё логично объяснил, вспомнил и опыты Аненербе в Кёнигсберге, описал, как готовилась телепортация войск в столицы государств-союзников... Сама личность профессора сомнений не вызывает. Кто заинтересуется, пожалуйста – спросите его мнение! Тезис второй – опыты по телепортации проводились и ранее. Взять, к примеру, древних строителей. Перемещать многотонные каменные глыбы на огромные расстояния, пересекая реки, болота и леса, поднимать их на большую высоту – это возможно, пожалуй, только при помощи телепортации. Наверное, им кто-то помогал. Возможно, какие-то древние, ушедшие в небытие цивилизации, имеющие свои особые сакральные знания... Тезис третий – кто сказал, что сейчас эти знания утеряны? Возможно, их хранят избранные люди и пользуются ими время от времени... Конечно, всё должно быть строго засекречено. Вот вам и тайные общества, господа! Тезис четвёртый, и самый существенный – Посланец из другой эпохи! Ведь он был! О нём хотели снять материал, но, не повезло – таинственным образом пришелец исчез! Но, всё это – зафиксировано видеокамерами! И остался его меч! Он-то уж точно из той эпохи – специалисты доказали это! Вот и складывается статья. Вадим перешлёт фото профессора, снимок меча у него имеется – вот вам и иллюстрации!

Матвей открыл холодильник и вынул из него кусок колбасы и три яйца. Можно сварганить небольшой «праздничный» ужин, из двух блюд - яичницы с кофе, и подумать. Затем, сесть за компьютер и начать «ваять»! Хорошо бы «дерябнуть» пивка... Кстати, пиво Вадику надо проставить. И корюшку. В конце концов, он – молодец. А сегодня – только кофе! И только работа! Отличной статьёй он удивит Наденьку и возникнет повод вновь с ней поговорить! А там появится и новая возможность провести с ней некоторое время вместе! Уехать с ней на море, на весь день!.. Но сначала – работа!

Пока жарилась яичница, Матвей в голове формировал «костяк» статьи, её план. Начать нужно обязательно с «убойной» фразы! Что-то насчёт нависшей угрозы для общества... И дальше, «по кирпичикам» выстроить основательное здание! Этакую крепость... В смысле, статью.

Матвей включил телевизор. Пусть создаёт «рабочий» фон, гонит прочь ощущение одиночества! Достал ноутбук, водрузил его на стол. В новостях уже появилась информация о прибытии в Калининград известного профессора из Аргентины, парапсихолога, биоэнерготерапевта, путешественника и исследователя. Он дал короткое интервью калининградскому телеканалу, которое покажут уже завтра. Погода на ближайшие дни... Температура воды в море... Калининградская «Балтика» в гостях обыграла ярославский «Шинник»...

Комната у Матвея была небольшой, но тут вполне уместился шкаф с верхней одеждой, диван и старая секция, состоящая из нескольких отделов. Кресло возле окна, рядышком – небольшой напольный кондиционер, да журнальный столик посреди комнаты – вот и всё убранство его покоев. Журналист устроился на диване, пододвинул к себе столик с ноутбуком и чашкой кофе, и начал работу.

- Ну, ты загнул! – ответственный секретарь калининградской газеты «Башня Врангеля» Николай Владимирович Грунтов прочитал заглавие статьи Матвея и первые несколько строк. – Ты что, лично общался с этим профессором?

- Всё, что написано – правда. Вчера я встречался с Акселем Винтером и имел с ним очень занимательную беседу.

- Кстати, я слышал о нём. Известный учёный. Но, про телепортацию, по-моему, слишком преувеличено. Я уж не говорю о путешествиях во времени!

- Явление телепортации мало кто наблюдал, – отстаивал свою точку зрения Матвей. – Поэтому она и кажется невозможной. Хотя, в некоторых материалах СМИ подобные факты довольно подробно описаны. Да и во времени... мало ли случается необъяснимых случаев, которые только «временными прыжками» и можно объяснить?

- Ну-ну, не горячись, - секретарь дочитал статью до конца. – Можно сказать: почти сенсационный материал! И о мече кстати упомянул, и о таинственном посланнике!.. Жарко что-то, – он подошёл к стоящему в углу холодильнику и вынул из него пару бутылок воды. – Минералки хочешь? – по-отечески предложил начальник.

Матвей с удовольствием сделал несколько глотков бодрящей влаги.

- В конце концов, ты же не настаиваешь на том, что сам путешествовал во времени, – вслух размышлял Николай Владимирович. – А только строишь предположения. Причём, вполне обоснованные. Ссылаешься на учёного с мировым именем. Ладно, пойдёт в свежий номер. Отдай статью Наденьке и – в набор! Иллюстрации не забудь! Хорошая работа, Матвей! – Грунтов улыбался. – Только название подкорректируй. Сделай упор на... тайные общества! Верно говорит твой профессор – в прежние времена их здесь было немеряно. Наверное, и сейчас что-то осталось... - Он рассмеялся. – Дима! – переключил руководитель своё «отеческое» внимание на отдел рекламы. – Подойди-ка сюда!..

Газета «Башня Врангель» привлекала читателя публикацией материалов на довольно серьёзные темы. Многие из них касались Калининграда и Кёнигсберга – исторические очерки, загадки, предположения, интересные факты... Имелась здесь рубрика «О чём писали газеты Кёнигсберга 100 лет назад», была подборка «Питейные и увеселительные заведения Кёнигсберга. Как отдыхали в старом городе», большой интерес вызывали рубрики «Фортификационные сооружения Кёнигсберга. История и современность», «Что в имени тебе моём...» История городских памятников, зданий и улиц», а также многие другие. Тут же публиковались новости региона, очерки о жителях Калининграда и области: моряках, военных, строителях, педагогах, студентах, врачах... Как и в старых изданиях подобного рода, на последней странице публиковался кроссворд, но чаще – конкурсная шахматная задача и детская головоломка. Газета пользовалась у читателей всё возрастающей популярностью, и редакция допускала на её страницы немного рекламы. Тираж газеты составлял всего 5000 экз., выходила она два раза в неделю. Поначалу многие прогнозировали, что «Башня» долго «на плаву» не продержится, но недавно широко отпраздновали десятилетие её пребывания в калининградских СМИ, и своих позиций она сдавать не собиралась.

Матвей достал телефон, быстро набрал нужный номер.

- Привет, Вадим!

- Здоров, Апостол. Толкнул статью?

- Да. И готов угостить тебя обещанным пивом. Говори, когда и где?

- Надо подумать. Такое мероприятие не должно проходить стихийно, где угодно и как попало.

- Давай, у меня дома, брат? Там тихо и уютно.

- Когда?

- Хотя бы завтра после работы.

- Э, у меня работа иногда за полночь заканчивается!

- А что ты предлагаешь?

- ... Я тебе перезвоню, как освобожусь. Сейчас дел навалилось, невпроворот!

Друзья встретились в квартире у Матвея три дня спустя. Тот включил музыку, разложил на столике газету, высыпал на неё вяленую корюшку и выставил бочонок «Королевского замка».

- Ничего, что так, по-солдатски? – спросил он, доставая бокалы.

- Не обстановка красит человека, – с улыбкой ответил Вадим, а человек – обстановку! Все неперменные атрибуты соблюдены, а нам большего и не надо!

- Хорошо бы, конечно, на природе, – мечтательно произнёс Матвей.

- Всё в наших силах. Вот я освобожусь немного, можно будет махнуть на косу. Или куда-нибудь на озеро!

- Мечты-мечты, где ваша сладость... - вздохнул Хрусталёв.

- Ничего, мечты, как говорится, сбываются. Вот у меня газета с твоей статьёй...

- Откуда она у тебя? Газета ещё в продажу не поступала.

- У меня свои секреты. Мне не надо прессу в киосках покупать! – гордо ответил Вадим, перелистывая страницы. – «Тайные общества Кёнигсберга. Откуда последует удар?». ... Сильное название. Прочитал я твою статью и порадовался: растёшь ты, брат Апостол, как журналист! И написал так реально, что я, будь членом такой организации, сразу бы решил: написано про меня! – Вадим усмехнулся, наливая в бокал пиво. – Тебе удалось не выйти за рамки реализма, хотя всё это, конечно, напоминает фантастику. Помнишь, ты мечтал стать настоящим профи в журналистике? Вот эта работа сделана профессионально! Поздравляю!

- Спасибо, дружище. Думаешь, народ оценит мой скромный труд?

- Ещё как! Люди очень падки на такие темы. Я не удивлюсь, если калининградцы бросятся на поиски этих тайных обществ! Ты ведь всё описал так, будто сам там был... Помнишь книжку «Люди и тени. Тайна подземелий Кёнигсберга»? Как тут не поверишь во всякую чертовщину?

- Ну, наше дело – только слегка развлечь усталого и скучающего читателя...

- Не скажи, каждая газета – не только развлекательное чтиво, но друг и помощник, который ненавязчиво воспитывает, образовывает, учит, наконец, дарит надежду! Помнишь, ещё Ленин сказал о своей «Искре»: «Газета – не только идейный пропагандист и агитатор, но и организатор!» Кажется, так... В общем, если вокруг «Башни Врангеля» сплотятся настоящие патриоты города, ценители старины, истории, архитектуры и, вообще... культуры... то тогда можете считать, что вы свою задачу выполнили! Хорошее пиво! И рыбка – на славу! Давно так не отдыхал!

Матвей включил кондиционер, и прохладный воздух пополз по квартире.

- Эх, девочек бы сюда, - мечтательно произнёс Вадим и зажмурил глаза. – Там, у вас в редакции есть одна...

Матвей невольно вздрогнул. Ему показалось, что его друг имеет в виду Наденьку, милейшее создание, на котором, как казалось, висит едва заметная бирочка: «Осторожно, хрупкое стекло!», «Руками не трогать!»

- Э, брат, то, что в нашей редакции, - то наше! Пей пиво и не заглядывайся на чужое!

Через два дня, 4 июля Матвей пришёл в редакцию, как всегда, рано. Однако шеф уже был на месте. Уборщица успела выполнить свою работу и блестящий пол уже немного подсох.

- Привет, именинник! – приветствовал Хрусталёва Николай Владимирович. – Газета вышла. Твоя статья – на первой полосе! Полагаю, будет тебе назначена небольшая премия за удачную работу!

- Это хорошо, когда рабочий день начинается с таких приятных новостей! – улыбнулся Матвей. А что это у меня на столе? – удивился он, заметив возле компьютера небольшой футляр.

- Это подарок от одной леди... Ты мог столкнуться с ней на входе в редакцию. Вышла отсюда буквально... минуту назад. Торопилась очень.

- Что за подарок? – поморщился Матвей. – Тем более от незнакомых людей. Согласись, как-то странно...

- Это ручка с золотым пером. Намёк очевиден. Она так и сказала: «Это вашему «Золотому перу». Она восхищена твоей статьёй. Чем собираешься заняться сегодня?»

- Поработаю над статьёй о старой немецкой школе, что на Комсомольской улице, - ответил Матвей, доставая флешку, – **Это школа имени прусской поэтессы Иоханны Амброзиус**. Тут фото и кое-какие сведения из архива. – Он включил компьютер. – Это **учебное заведение**, оказывается, курировал сам гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох!

- Вот видишь, а кто про неё знал раньше? Стоял себе дом...

Постепенно народ в редакцию прибывал. Вообще, она редко была полна работающих сотрудников. Большинство журналистов были «на ногах», то есть – в поисках информации и материалов. С фотокамерами, диктофонами и блокнотами, они разъезжали по разным местам Калининграда и области, общались с людьми и только, набрав необходимый «багаж», приезжали сюда, усаживались за компьютеры и создавали окончательный «продукт» разной степени «шедевральности».

Вот пришла Света Кузнецова, миловидная женщина лет тридцати, с курносым личиком и короткой стрижкой. Она выполнила задание редакции и принесла материал из судостроительного завода.

- Как дела, Матвей?

- Отлично. Обещали премию.

- Молодец, а что это у тебя на столе?

- Кто-то подарок прислал. Забыл выбросить.

- Не выбрасывай, вдруг кому-нибудь пригодится. Это ручка с золотым пером?

- Похоже на то...

Потом подошли Дмитрий Селезнёв, работник рекламного отдела, и журналист Сергей Вишняков.

- Привет, Матвей.
- Здорово, Серёга. Чем порадуешь?
- Да это только ты нас радуешь. А мы стараемся равняться на тебя. Знатную статейку нарисовал, весь город читает!
- Старайся, и у тебя получится.
- А что это у тебя? Ручка? С золотым пером? Сам купил?
- Нет, подарил кто-то. Дама, молодая и красивая.
- Ух, ты! Хороший подарок! Не меньше тысячи стоит!
- Хочешь, забирай себе. Мне он не нужен.
- Около трёх тысяч, – заметил Дмитрий. – Можно взглянуть?
- Да заберите вы её от меня! – Матвей сделал вид, что сердится. – Нет, я серьёзно, берите, кто хочет. Я от незнакомцев подарки не принимаю. Если никто не заберёт – ей-богу, выброшу! – и углубился в работу.
- Ты сам предложил, – произнёс Селезнёв и, взяв футляр с ручкой, отправился в свой кабинет.

Время близилось к обеду. Матвей выпрямил спину, насколько это было возможно в рабочем кресле возле стола с компьютером, поднялся, потянулся и отправился к столу корректора.

- Здравствуйте, Надя, – тихо, почти торжественно сказал он.
- И вы здравствуйте, – в тон ему отвечала Наденька. – У вас, я вижу, несомненные творческие успехи! Вам выписывают премии и поклонницы выстраиваются в очередь с дорогими подарками...

«Мне их подарки не нужны, – подумал Матвей. – Мне только от тебя... хотя бы взгляд...»

- Ты где собираешься обедать? В «Пиццерии»? Давай, вместе сходим?
- Давай, – согласилась она. – Я чертовски проголодалась!
- Тогда через полчаса, – обрадовано произнёс Матвей.

И в этот момент послышался неестественный, дикий крик и режущий нервы женский визг. Кричали из кабинета рекламщиков. Упал чей-то стул, хлопнула рама окна...

Наденька побледнела и сжалась от страха, а у Матвея сработал рефлекс морпеха: он рванулся к кабинету, готовый к самым решительным действиям. Тут уже столпились несколько человек, со страхом заглядывающие за дверь. А там...

Дмитрий Селезнёв сидел на своём рабочем месте. Лицо его было беспристрастно, то есть, не выражало никаких эмоций. Да и как их заметить, ведь его лицо было залито кровью. Рекламный агент держал в правой руке окровавленную авторучку и методично втыкал её золотое перо себе то в один, то в другой глаз.

- Врача! – послышался истошный крик. – Немедленно вызовите скорую!

А Дмитрий словно не слышал этого крика. Он продолжал заниматься своим жутким делом...

Глава 3. Теории профессора Винтера

- Ничем ни примечательная женщина, - пояснял Грунтов полицейским, – невысокая, стройная, бальзаковского возраста... Впрочем, её лицо можно увидеть, ведь у нас установлена камера на входе в здание. Дама держала в руках свежий номер газеты и спросила, как можно найти автора этой замечательной статьи. Я ей ответил, что он скоро подойдёт. Она посетовала, что у неё совсем нет времени и попросила передать небольшой подарок Матвею... Разве я мог предположить?..

- Эта дама не представилась?

- Что, простите?..

- Она назвала вам своё имя?

- Она? Нет. Впрочем, да. Она сказала, что её зовут... госпожа Магда. Фамилии я не расслышал. А может, она её не говорила... Боже мой, какая беда!..

Полицейский в гражданской одежде что-то записывал в блокнот. К нему подошёл второй, в форме с погонами старшего лейтенанта.

- Товарищ капитан, запись с камеры видеонаблюдения изъяли. Но, охранник божится, что никакой дамы сегодня утром он не видел.

- Но камера-то засекла её?

- Камера – да. А вы, господин Грунтов, не волнуйтесь. У вашего сотрудника, как сказали врачи, угрозы для жизни нет. Но зрение он, определённо, потерял. Прискорбный факт.

- Как это страшно, - прошептал Николай Владимирович. – Видели бы вы его лицо...

- Эту даму мы найдём, - заметил полицейский, поднимаясь. – А вы, если ещё что-нибудь вспомните, звоните, - он передал ответственному секретарю свою визитку.

- Вы полагаете, что всему виной авторучка?

- Сейчас трудно судить. Возможно, у вашего сотрудника были проблемы с психикой... Вы раньше не замечали за ним никаких странностей?

- Что вы, наш Дима – абсолютно нормальный, вменяемый человек...

- Вот видите, в этом деле полно загадок...

Трагическое событие навяло Матвею определённые думы. Ведь не мог спокойный и уравновешенный парень в одночасье и беспричинно лишиться рассудка! Но был ли он здоров изначально? Мало ли что творилось у него в душе, в его голове? Вдруг что-то дало сбой? А может эта та самая ручка с золотым пером спровоцировала такие страшные действия? Матвей вспомнил о прочитанном им где-то случае из далёкого 1929 года, когда подобным образом «помутилась рассудком» журналистка, позволившая себе острый выпад против Адольфа Гитлера. Ей тогда подарили стекло, закамуфлированное под шоколад. И она его остервенело грызла, порезав себе язык, губы и щёки, и ничего при этом не понимая. Что это было, колдовство? Гипноз? Уж как-то всё повторилось до безобразия точно. Что ожидало его, Матвея Хрусталёва, если бы он принял такой подарок? Лежал бы сейчас, безглазый, в реанимации? Но тогда выходит, что ручка с золотым пером – точно, заколдованная! Что же в этом случае получается? Что его, как ту журналистку из далёкого прошлого, тоже решили... проучить? И его статья также, выходит, задела кого-то могущественного? Кто-то из «странников по времени» почувствовал себя неуютно, узнав, что калининградской прессе стало известно о них самих и об их планах...

После таких раздумий становилось не по себе. «Уж не сходишь ли и ты с ума, дружище»? – спрашивал самого себя Матвей. Впрочем, времени на самобичевание и «душеспасительные размышления» ему не дали.

На следующий день после происшествия журналисту позвонил Аксель Винтер.

- Поздравляю вас, господин Хрусталёв, с весьма удачной, интересной и познавательной статьёй! Вы затронули весьма острые и непростые проблемы. Сведущий человек найдёт в ней гораздо больше, чем случайный. Вы верно определили, точнее, угадали присутствие тёмных сил... как вы их назвали, «странников по лабиринтам времени», именно в подземельях старого Кёнигсберга. Боюсь, они напуганы вашим... выступлением и предпримут ответные действия...

- Уже предприняли, – мрачно ответил Матвей и поведал учёному историю с подарком от неизвестной дамы.

- Вот, как, – почти прошептал Винтер. – Значит, они точно здесь... Знаете, что? Приезжайте-ка ко мне. Желательно, вместе с вашим приятелем из телевидения. У меня есть для вас обоих нечто интересное! К тому же, нам надлежит выработать план дальнейших действий. Чтобы сделать своё дело и не вызвать на себя огонь...

- Я-то думал, что вы уже улетели, – признался Матвей. – Загадками говорите, уважаемый профессор.

- Улетел? Нет, что вы! Я никак не надышусь воздухом родного города! Я ещё далеко не всё рассмотрел здесь и никуда не тороплюсь. А насчёт загадок... да, тут есть над чем подумать. Поэтому я и приглашаю вас на совет. Так вы приедете?

- Я очень постараюсь!

Он созвонился с Вадимом и тот дал утвердительный ответ. Затем Матвей подошёл к Наденьке. Впрочем, без особой надежды.

- Наденька, я хочу тебя пригласить на одно интереснейшее мероприятие!

- Интереснейшее? Звучит заманчиво... Но не мучай меня: объясни, в чём дело!

- Это будет незабываемая встреча с профессором из Аргентины.

- Тем самым?

- Тем самым.

- А кто ещё будет кроме нас?

- Будут только я, ты и Вадим. Ну, как? Узнаешь много нового! – добавил он в надежде разбудить у собеседницы любопытство.

- А этот Вадим... Он работает на телевидении?

- Да, ты его прекрасно знаешь...

- Ну, я надеюсь, что в обществе таких... brutальных мужчин мне не будет страшен даже аргентинский профессор!

Аксель Винтер встретил молодёжь, как старый знакомый или даже друг. Со всем радушием. Он попытался превратить гостиничный номер в уютную гостиную, украсил стол вазой с цветами, поставил фрукты и сладости, позаботился о бутылке хорошего вина и бокалах.

- О, с вами – прекрасная дама, – обрадовался он появлению Наденьки. Узнав, что она – филолог, корректор в популярном калининградском издании, и вообще – большая умница,

заметил: – Это тот редкий случай, когда женское присутствие только сплотит и усилит мужской коллектив! – И после дегустации вина, деликатно приступил к беседе:

- Многие считают, дорогие мои друзья, что телепортация – это ненаучный термин. И заблуждаются. Поверьте старому учёному: она имеет историческую основу и математическое обоснование. Данное явление ни в коей мере не противоречит законам современной физики. Даже если мы обратимся к квантовой механике, то увидим: уравнения Шрёдингера указывают на возможность подобных явлений. Если вы, допустим, зарегистрировали у себя дома... случайно залетевший электрон... то через миг он может оказаться в иной галактике на краю Вселенной. Хоть такая вероятность чрезвычайно мала, но подобная траектория ни в коей степени не противоречит науке.

А вот вам пример телепортации, которая была осуществлена в 2002 году. Австралийским учёным удалось мгновенно переместить фотоны света, которые составляли лазерный луч. "Телепортированный" луч переместился на расстояние одного метра от настоящего. Вот вам пример исчезновения миллиардов элементарных частиц и их последующего появления в совершенно другом месте. После этого эксперимента, смею заметить, о телепортации научное сообщество заговорило всерьёз.

Современные учёные утверждают, что сейчас имеются все технологии, необходимые для осуществления телепортации. Некоторые исследователи в своих лабораториях всюду проводят эксперименты по мгновенному перемещению вирусов и бактерий из одного места в другое. Телепортировать человека оказалось гораздо сложнее, но сейчас и над этой задачей трудятся лучшие умы.

Вообще, что такое телепортация? Это мгновенный перенос объекта из одной точки пространства в другую. Выражаясь по-научному, – это квантовые состояния или явление передачи частицами друг другу основных своих свойств без физического контакта.

- Но объекты бывают разные, - заметила Наденька. – Я думаю, что телепортировать кусок камня или живое существо – совершенно разные вещи.

- Это верно, юная леди, – усмехнулся Винтер. – Но, нашёлся такой учёный - Крейг Вентер. Так вот этот исследователь, биолог и генетик, утверждает, что клетка, из совокупности которых состоит любой живой организм, – это ничто иное, как молекулярная машина, а геном – её программное обеспечение! Он уверен, что если изменять геном посредством синтетической биологии, то с клеткой можно делать всё что угодно. Если хотите, назовите это «биологическим телерепортером». Биологическую информацию можно оцифровать и, как любое другое программное обеспечение, передавать по системам связи на различные расстояния со скоростью света, и на новом месте воспроизводить.

- Да, без современных технологий не обойтись... - поддержал беседу Вадим.

- А вы напрасно думаете, что наша великая Природа уже не подумала над этим! Взять, к примеру, насекомых. А именно – муравьёв атта! Эти удивительные насекомые умеют телепортироваться в случае опасности! Речь идёт об их королеве или матке, настоящем муравьином инкубаторе. Был проведён следующий эксперимент. Матка всё время находилась в прочной камере, которую выстроили её «подданные». В ней несколько входов для того, чтобы муравьи могли снабжать королеву пищей, сама она ни за что бы в них не пролезла – слишком уж велика была. Так вот, матку поместили краской. Потом камеру на несколько минут закрыли, а когда открыли, то обнаружили, что королевы там уже нет. Раньше считалось, что сами муравьи уничтожают свою матку. Но, нет! Она вновь появилась,

но уже на расстоянии в несколько десятков метров от этого места в такой же камере. И, заметьте! С той же «меткой»!

- Удивительно! – пробормотал Матвей.

- Конечно! Если бы не ушлый учёный, догадавшийся покрасить насекомое, этот феномен так бы и остался неоткрытым. Кстати, объяснение ему до сих пор учёные не нашли. Ясно, по крайней мере, одно – стресс, страх за свою жизнь заставляет пробуждаться в любом организме доселе скрытые резервы и способности, о которых тот даже не подозревал! Так что, друзья мои, вокруг нас происходит много загадочных явлений, которые не всегда можно объяснить с позиций традиционной науки. Но, при этом, некоторые специалисты отмечают, что они очень напоминают телепортацию.

- Выходит, что и человек в экстремальной ситуации может... телепортироваться?

- Может, но не каждый. Для этого ему требуется войти в особое состояние, которого можно достичь лишь многолетними тренировками и при наличии определённых врождённых качеств. Мой отец долгое время практиковал эти тренировки...

- И что ему удалось?

- Ему много чего удалось. Но вернёмся к телепортации. Прыжок на какое-либо расстояние – это очень часто – скачок и во времени. Время – такая же физическая величина. И, если мы научились растягивать или сокращать расстояние, значит, можем то же самое проделать и со временем. Если мы научимся мгновенно переноситься из одной точки пространства в другую, то и переместиться во времени для нас не составит труда. Некоторые учёные подозревают, что такие «перескоки» осуществляются через специальные пространственно-временные тоннели или, как говорят, «ноль-пространство» (63). Достаточно лишь проникнуть в него и можно выйти уже в совершенно другом веке! Подобное умение тоже можно «натренировать». Но и это – не каждому под силу! Другие исследователи предлагают использовать для мгновенного перемещения «транспортный луч», «дырочную телепортацию Лешана» или теорию «ячеек Чекмасова» (64).

- А я слышал о «филадельфийском эксперименте» (65), - вспомнил Матвей. – Ведь тогда тоже удалось осуществить телепортацию?

- Да, но та «телепортация» - побочный «продукт» другого эксперимента, ответил профессор. – К тому же – неудачный. Хотя, зафиксировано перемещение корабля из Филадельфийского дока в док Норфолк-Ньюпорт и обратно, но многие люди при этом погибли. А те, кто остался жив – стали невменяемыми. Нет, нам такая «телепортация» не нужна! Кстати, немцы задумали более смелый эксперимент в самом конце войны. И кто знает, чем бы он закончился, не вмешайся в него... мой отец.

Друзья молчали. Аргентинский профессор продолжил:

- Тогда мы уже жили в Южной Америке. Мне было пять лет, я ещё ничего не понимал в жизни, мне об этом случае гораздо позже рассказал отец. Так вот, в одной из лабораторий, что в Баварских горах, уж каким образом, про то я не могу знать, удалось отправить в путешествие целую дивизию СС!

Вадим присвистнул.

- Это каким же образом? – удивился Матвей. – Без Грааля и Копья Судьбы?

- С ними работал знаменитый жрец с Тибета. Ему удалось достичь массового перехода нескольких тысяч человек в нужное для телепортации состояние. Гипноз ли тут подействовал, или что-то иное, но... ему это оказалось по силам.

- Но в истории нет свидетельств о такой телепортации!

- Да, их пока нет. Как мне рассказывал отец, условно процесс телепортации можно разбить на три периода. Или, если сравнить его с каким-либо коридором, то на три «отсека». Представьте себе: открывается... портал, дверь или люк... и определённое количество людей заходит в первый отсек. Это - подготовительный этап. Затем, входная дверь захлопывается, а распаивается проход во второй отсек, из которого осуществляется перенос вещества через пространство. Затем, отворяется дверь в третий отсек. Люди направляются туда и ждут, так называемой «посадки». Когда процесс завершён, открывается выходной портал и участники эксперимента выходят наружу, уже в ином месте и, возможно, в другом времени...

- Но, видимо, что-то пошло не так? – предположил Матвей.

- Мой отец к тому времени уже был ярким врагом фашизма. К тому же ему удалось достичь определённых успехов в овладении своим сознанием. Возможно, в этом помог священный Грааль, который бывший ээсовец спас и увёз с собой из Кёнигсберга...

- Ваш отец? Священный Грааль?! – в один голос воскликнули трое молодых людей. – Но вы об этом ничего не говорили в нашей прошлой беседе!

- Но теперь пришла пора кое в чём и сознаться, – хитро усмехнулся старик. – Сейчас нам нужно держать все карты открытыми. Итак, – продолжал он, – мой отец Курт Винтер почувствовал, что совершается проникновение людей в «телепортационный коридор». И он... словом, ему удалось «закрыть» означенные выше «порталы» где-то между вторым и третьим отсеками... А те люди остались внутри.

- И что с ними будет?

- Эксперимент не закончен, он продолжается и в наше время. Вооружённая до зубов дивизия СС всё ещё в пути... Она, можно сказать, «заблудилась» в пространстве и времени... И может «осесть» в любой момент в любой точке пространства с твёрдым намерением спасти Великий Рейх от неминуемого краха. Если тем, кто в этом заинтересован, удастся «открыть» им двери. Вы представляете, что будет, если несколько тысяч прекрасно обученных, дисциплинированных, хорошо вооружённых и не знающих страха фанатичных головорезов, элита нацистской армии высадится где-нибудь в районе Красной площади в Москве?

- А разве есть заинтересованные в этом люди? – удивилась Наденька. – И кто они?

- Есть, конечно. Те, кому выгодно немного «подправить» историю. Те, кто соскучился по Третьему рейху и мечтает о реванше. И прячутся эти господа здесь! Живут они, определённо, в городе, но свои опыты и изыскания проводят, скорее всего, под землёй в районе острова Канта и Королевского замка. Уверен: туда ведут ходы, которые ещё не обнаружены вашими археологами! Старые, заброшенные лаборатории продолжают функционировать!

- Этого не может быть! – не поверил Вадим. – Старые и заброшенные, без коммуникаций и электричества... разве в них можно работать?

- Успокойтесь, уважаемый Вадим. Их давно восстановили. Тайно.

- Но кто?

- Инженеры, высококвалифицированные рабочие... Не волнуйтесь, к «строителям коммунизма» они отношения не имеют. Это - иностранные специалисты, в основном, из Германии. Если бы у вас была карта подземных коммуникаций (а такие карты существовали у посвящённых людей, но те их усердно прятали от посторонних глаз), то вы увидели бы

пути, ведущие, например, от... Кафедрального собора к судостроительному заводу «Янтарь». И другие, не менее интересные маршруты...

- Да, хотелось бы хоть краем глаза взглянуть на такую карту... – вздохнул Матвей. – Но, я слышал, что многие ходы завалены или затоплены... И, вообще, слухи о подземном Кёнигсберге – сильно преувеличены. Вы что, всерьёз подозреваете, что кто-то в пятидесятые-шестидесятые годы тайно реанимировал подземные кёнигсбергские коммуникации и оборудовал в них лаборатории? Почему под землёй? Почему не в обычном доме, где-нибудь на окраине? Если так хочется, купили бы себе любую квартиру и устроили бы в ней хоть лабораторию, хоть испытательный центр. Лишь бы не взрывали ничего. Тут вам и электричество, и газ. Исследуй в своё удовольствие!

- Старые лаборатории имеют одну важную особенность, - ответил профессор. – В Кёнигсберге имелось много мест с сильнейшими «энергетическим» точками. Именно такие места подпитывают энергию тайных исследователей. После войны знающие люди уничтожали опознавательные знаки и метки, которые могли навести на эти места, стирали и разрушали всё, что могло указать на них. А вы, Матвей, своей статьёй, пусть невольной... и довольно туманно, но раскрыли некоторые планы могущественного противника. И он, смею надеяться, почувствовал себя неуютно!

- Совершенно верно, - подтвердил Матвей. – Раз уже начал размахивать кулаками.

- Боюсь, что вам, мягко говоря, всего лишь погрозили пальчиком, - ответил Винтер. – Но, до удара кулаком дело доводить нельзя. Нам нужно нанести свой удар, упреждающий. По-моему, об этом я говорил в прошлый раз. И не думал, что так скоро придётся возвратиться к этому снова.

- Позвольте, господин профессор, – вступила в разговор Наденька. – По-вашему выходит, что у нас в Калининграде, в кёнигсбергских подвалах и сχροнах некоторые... неизвестные люди оборудовали себе лаборатории и занимаются вопросами телепортации с целью «вернуть под контроль» ситуацию с дивизией СС, которая была отправлена из Германии 1945 года в наше время?

- Именно так, мадемуазель. Как бы ни безумно, парадоксально и... фантастично это ни звучало. Я чувствую их присутствие и знаю, что они здесь, к тому же не сидят сложа руки!

- Всё это очень похоже на мистику, даже сказку! – воскликнул Матвей. – Нам никто не поверит, вздумай мы об этом кому-нибудь рассказать!

- Истрия про ручку с золотым пером тоже похожа на сказку? – усмехнулся Винтер. – Тогда это – ужасная сказка. Но рассказывать вам ничего и никому не надо. Необходимо действовать! – Он добавил в бокалы вино.

- Действовать? Но, как? Копать, искать входы в эти подземелья? Да нас примут за душевнобольных и посадят в психушку!

- Зачем копать? Почти в каждом сохранившемся немецком доме есть подвал, в котором может быть замаскированная дверь, ведущая в подземелье. Особенно, если этот дом находится на берегу Нижнего пруда, именуемого в прежние времена Королевским. Одно из таких зданий – краеведческий музей. Второе – бизнес-центр на Сергеева 2. Но вам не придётся никого искать. Вас, Матвей, найдут сами. Возможно, с вами скоро вступят в прямой контакт. Проверяйте почаще вашу электронную почту. И следующая ваша статья по вопросу старых кёнигсбергских тайн, пусть будет несколько... приближена к теме нашего

сегодняшнего разговора. Например, упомяните о дивизии СС. И тогда... вы поймёте, что сказки иногда превращаются в явь, от которой никуда не убежишь... – Аксель Винтер загадочно улыбнулся. – Как бы этого ни хотелось.

- Вы уверены, профессор?

- Я просто рекомендую вам, Матвей, быть внимательным и осторожным. Если они выйдут с вами на связь, прошу вас, дайте знать мне. Мы вместе придумаем, как действовать дальше!

Глава 4. «Сердца трёх»

Наденька Смирнова родилась в семье военнослужащего и медицинской сестры. Отец её служил преподавателем в Калининградском военном авиационно-техническом училище, а после его расформирования в 1994 году уволился из армии и занимался проведением сотовой связи в районы области. Но в душе он всегда оставался офицером. Наденька до сих пор помнит его фуражку с синим околышком и шуточные приказы-команды: «Строиться на обед!», «Шагом марш мыть руки!» и ласково-послушное: «Есть, моя милая супруга! Будет исполнено!» Он рано ушёл из жизни: его подкосил рак.

Мама часто говорила дочери:

- Надюша, вот наступит тебе пора выходить замуж, так выбирай такого жениха, каким был твой папа! Парней вокруг много, но не все они надёжные. Один вроде и любит, а содержать семью не сможет. Ведь семья – это куча забот, не каждый найдёт в себе силы впрячься и тащить семейный воз. Другой – на сторону поглядывает, третий может пристраститься к выпивке... Слушай своё сердце, оно подскажет правильный выбор. Вот твой папа... он, возможно, и не был идеален, но нас любил и был очень надёжным...

И Наденька создала для себя некий образ будущего супруга, и парням, которые ему не соответствовали, не давала ни малейшей надежды. Её сегодняшние кавалеры, к коим можно было причислить Матвея и Вадима (оба они недвусмысленно пытались наладить с нею довольно близкие отношения) не вызвали у неё каких-либо ответных чувств. Матвей? Да, парень видный и не без таланта, но как-то уж очень наивен и прямолинеен. В армии что ли, научили? Иногда, Наденька это точно знала, в жизни нужно и крутануться, и вильнуть, и славировать. Порой нужно «включить» и хитрость, иначе только набьёшь шишек и ничего не добьёшься. Иногда – улыбнуться, хоть этого совсем не хочется... А этот прост, как шкурка банана. Но, при этом – честен, добродушен и излишне застенчив. Вадим, тот - другой. Он считает себя птицей высокого полёта и частенько бывает высокомерен. И пусть сейчас занимает довольно скромную должность, но, несомненно, его ожидает весьма крутой путь к деньгам и славе. Безусловно, талантлив. Подвижен. Никогда не сидит на месте. Изворотлив, это тоже заметно. В общем, Вадим - парень с будущим.

Оба, в целом, неплохая партия. Но, кто из друзей более надёжен? Сердце ей ничего пока не подсказывало. Как говорила Надина мама, внутренний мир человека невозможно потрогать, а то, что видится со стороны, часто является своеобразной «маской» и оказывается «ничем». Наши лучшие душевные качества обычно открываются в минуты опасности...

Последнее время Вадим стал часто появляться в редакции газеты «Башня Врангеля». Возможно, ищет общения с нею, Надеждой. А Матвеем это страшно не нравится. Вероятно, ревнует. Наденьке смешно. Она ещё не понимала, что может стать безжалостным разрушителем мужской дружбы.

Матвей написал новую статью. Он назвал её «Тайны лабораторий подземного Кёнигсберга». В ней журналист, ссылаясь на «достоверный источник», рассказал о послевоенном восстановлении «подземных спецобъектов Третьего рейха», в которых возобновились исследования по телепортации. Особенно тех объектов, что находятся в «зонах особой энергетической подпитки». Хрусталёв, как и свойственно творческим людям, допустил некоторую «вольность». Он своего «осведомителя» наделил «широкими» полномочиями, будто бы тот, как свой, свободно разгуливает по подземельям и в курсе всех дел, творящихся на тайных объектах. Он подробно описал (словно сам присутствовал при этом), как осуществлялась телепортация немецкой дивизии СС в 1945 году, как извне удалось «притормозить» этот процесс и какие попытки предпринимаются сегодня, чтобы эту операцию успешно завершить.

- Вы в своём уме? – Грунтов, ознакомившись с текстом, надвинул очки на лоб и с сомнением взглянул на своего сотрудника. – У вас паранойя или просто бурный полёт фантазии? Скажите, Матвей, что в вашем... произведении – соответствует действительности?

- Абсолютно всё, – уверенно ответил журналист. – Но имени своего осведомителя я раскрывать не стану. Это, сами понимаете, опасно. Для него лично.

Ответственный секретарь задумчиво почесал затылок...

- И про дивизию СС тоже правда?

- Разумеется. А что вас удивляет? Если бы вы знали о всех тайных экспериментах Аненербе во время Второй мировой войны, у вас бы точно «крыша поехала». И некоторые опыты, кстати, завершились весьма успешно. Просто мы не всё об этом знаем. Часть документации уничтожена, часть не найдена, часть – вывезена в США, свидетели, кстати, – тоже.

- Вы ссылаетесь на аргентинского профессора...

- Он, между прочим, родился в Кёнигсберге. А его отец – бывший сотрудник Аненербе, начальник **секретной** кёнигсбергской лаборатории, занимавшейся вопросами телепортации.

- Вот выпустим эту статью, а завтра явится кто-то с подобным подарком, - он кивнул на дверь в офис рекламы и поёжился. – И что мы будем делать?

- Перестанем принимать подарки...

- А вы не боитесь, что нас просто-напросто сожгут? Или попытаются уничтожить, как «Шарли Эбдо»?

- Не думаю. Скорее всего эти ребята нанесут удар исподтишка. На большее они не способны!

- Хотя, статья, конечно, несомненно соответствует нашей тематике и... вызывает определённый интерес...

- Да это настоящая «бомба»!

- Ладно-ладно... Несите Надежде. И займитесь новым проектом – «Очерки о городских прудах и озёрах. История и современность». Начните с Верхнего и Нижнего прудов.

- Непременно!

Когда Матвей зашёл в уголок, где устроила своё рабочее место корректор, то обнаружил, что девушка разговаривает по телефону. Увидев Хрусталёва, она произнесла фразу: «Вот он как раз подошёл...», попрощалась, выключила телефон и повернулась на стуле к автору очередной статьи-бомбы.

- Опять Вадим беспокоит? – сохраняя показное равнодушие, спросил тот, протягивая Наденьке флешку.

- А что? – спросила девушка, вставляя носитель информации в компьютер. – У тебя новая статья? Наверное, по мотивам профессорских рассказов? Представляю, какая последует реакция читателей!

- Точно, Вадим, - догадался Матвей. – Он к тебе проявляет повышенный интерес.

- Ты находишь?

- Роль маленькой глупой девочки тебе не к лицу.

- Да ладно тебе, Матвей. Что случилось-то? – Наденька вернула журналисту флешку. – Ты прямо, как надсмотрщик какой! – и взглянула снизу-вверх с такой озорной хитринкой, которая зрелого мужчину нередко превращают в безвольного подростка.

Матвей глубоко вздохнул.

- Можно, я составлю тебе компанию в обеденный перерыв?

В последнее время, когда Матвей не был «на задании», они частенько обедали вместе в летнем кафе.

- А ты что же, действительно меня ревнуешь?

Матвей почувствовал, что у него внутри начинает что-то закипать. Что-то забурлило, поднялось и обдало жаркой волной лицо, чуть не сорвав «крышку у чайника». Но зеленоглазый взгляд Наденьки, такой ясный и чистый, полный недоумения, хотя, при желании, в нём можно было различить и прячущихся там бесенят, сразил Матвея наповал. Тот долго не мог ничего ответить. Наконец, пробормотал:

- Выходит, что так...

Наденька не стала продолжать болезную тему, видя, что её поклонник и так пребывает в полном смятении.

- Ну, хорошо. Тогда через час увидимся. Ты чем сейчас занят?

- Собираюсь лезть в Интернет, собирать информацию по истории...

- Вот и собирай. А Вадим пусть тебя не беспокоит.

- В смысле?..

- Не ревнуй, говорю. Как дети, прямо... – Наденька обиженно надула губки.

Матвей воспрянул духом. Но через час его настроение вновь упало до нуля. Ведь как только они с Наденькой уселись за столик и сделали заказ, к ним присоединился Вадим, видимо, тоже заранее договорившийся с девушкой о совместном обеде.

- Привет, - сказал он, загадочно улыбнувшись. – Вы, я вижу, тут не скучаете!

Матвей еле сдержался, чтобы не сказать в ответ какую-нибудь колкость. Он молча разрезал пиццу и думал о том, что последнее время его жизнь состоит из череды

неприятностей, в которую изредка и с огромным трудом втискиваются более-менее радостные мгновения.

- Ну, как? – сразу взял «деловой тон» Вадим. – Статью написал?

- Да, - ответила за Матвея Наденька. – Я её уже посмотрела. Она способна разворошить осиное гнездо!

- Только, кого они потом будут жалить? – пожал плечами Хрусталёв.

- Не волнуйся, мы тебя в обиду не дадим! – Вадим подмигнул Наденьке, а Матвея аж передёрнуло от этого. – Главное, чтобы они зашевелились, те гады в подвалах.

- И что ты им сделаешь? – ехидно спросил Матвей. – Поймаешь кого-нибудь из них и свернёшь ему шею? Только вряд ли...

- А ты что предлагаешь?

- Ничего. Пиццу есть. Всё равно мы ничего не можем. Полиция над нами только посмеётся, и будет права. А в худшем случае нас могут и в психушку упечь. Ведь где и как искать подземелья и лаборатории, в которых кто-то якобы работает – большой вопрос.

- Но ты об этом так убедительно написал, – сказала Наденька.

- И что с того? Это - ради «красного словца», читателей и тиража.

- Когда читатели почувствуют, что их кормят байками, тираж только упадёт, – заметил Вадим.

- Не хотите – не читайте! Я своё мнение никому не навязываю. Написал на эту тему две статейки и – довольно! Хотите – сами лезьте в подземелья. Извините, но адреса дать не могу. Не знаю! И карты тоже нет. – Матвею захотелось немедленно уйти и бросить всё: и недоеденную пиццу, и девушку, которая ему так нравится, и её напыщенного кавалера.

- Ну-ну, - только и произнёс Вадим.

- Да что вы распетушились? – Наденька, казалось, потеряла терпение. – Наскакиваете друг на друга вместо того, чтобы придумать, что же делать дальше...

- А дальше надо выкрасть меч у экспертов и отправиться с ним в подземелья рубить головы! – процедил сквозь зубы Матвей.

- Нет, у меня другая идея! – воскликнул Вадим.

- Какая?

- Не предпринимать никаких действий. Пока они не выйдут с нами... с Матвеем на связь. Вот тогда мы будем уверены, что они существуют, и начнём действовать по обстоятельствам. Вдруг они неопасны? Вдруг с ними можно будет договориться?

- Ну, ничего другого мы всё равно не придумаем, – согласилась с ним Наденька. – Значит, подождём!

Матвей только пожал плечами и машинально отогнал муху, проявившую интерес к тарелке с пиццей...

- Я придумал! – вновь провозгласил Вадим, поднимаясь из-за стола. – Вы посидите здесь минутку, а я - сейчас!.. – и поспешил в сторону барной стойки.

- Куда это он? – не поняла манёвр тележурналиста Наденька.

- Не наелся. За шашлыком побежал, – уныло предположил Матвей.

Через минуту Вадим вернулся. В руках он держал четвертинку коньяку и три тоненьких стакана. – Вот, что я придумал! – сказал он, расставив стаканчики на столе и скручивая пробку с плоской бутылочки. – Мы сейчас просто обязаны немножко выпить. Это необходимо ради того, чтобы наши отношения не разладились вконец! Я подозреваю, отчего

Матвей не в духе, – Вадим бросил взгляд на Наденьку, – и догадываюсь, какая муха его укусила. Просто я предлагаю: давайте не будем ссориться... У нас впереди, возможно, самое интересное дело в жизни. И самое полезное... Сумеет ли мы довести его до конца или нет, это... время покажет. Главное, оставаться здравомыслящими людьми и не поддаваться сиюминутным порывам!

- Так ведь... рабочий день в разгаре, – попыталась возразить Наденька.

- Ну и что? Пусть он пройдёт на некотором... духовном подъёме! Пятьдесят грамм коньячку никому не помешает.

- К тому же, я сейчас пойду делать новые фото наших прудов, – поддержал Вадима Матвей.

- Как у вас, мужчин, всё просто, – рассмеялась Наденька. – Любая проблема решается с помощью рюмки коньяка или водки...

- Ну, не любая, конечно... – возразил Матвей.

- Иногда вместо рюмки используют более вместительную посуду, – добавил Вадим.

Летнее солнце неумолимо «поджаривало» Калининград. Редкие дожди приносили кратковременную свежесть, но тут же увеличивалась влажность и солнечные лучи непомерно разогревали насыщенный водяными парами воздух. Духота изматывала людей и лишала их сил. Тысячи горожан использовали любую минуту, чтобы уехать из городских трущоб в лес, к морю, на озёра.

На улицах появились афиши XI Международного вокального конкурса «Янтарный соловей». Во Дворце спорта ожидался концерт Сергея Трофимова, вслед за которым должны были начаться Международные молодёжные соревнования по восточным единоборствам. В зоопарке демонстрировалась вновь отремонтированная площадка для молодняка, а на прудах всю работу прокат лодок. Как только солнце переваливало в западную часть небосвода и жара спадала, в город возвращалась вся красота и прелесть лета, горожане с удовольствием прогуливались по аллеям, отдыхали в парках и сидели в кафе под открытым небом.

Наряду с ленивыми сезонными событиями то тут, то там стали появляться странные слухи, не имеющие ничего общего с повседневными заботами калининградцев. Так, было замечено странное голубое свечение над крышей и в окнах заброшенного «памятника социализма» – Дворца Советов. В Нижнем пруду зарегистрировали самое большое количество белых лебедей за всю историю наблюдений, при этом, птицы совершенно безбоязненно подплывали к прохожим и принимали от них корм. В редакцию поступали звонки от горожан, якобы встретивших настоящих гномов на острове Канта. Гномы, при приближении к ним людей, прятались за монументами парка скульптур, из-за которых изредка и с опаской выглядывали. Кто-то с эстакадного моста наблюдал пришвартованное к острову старинное парусное судно. Потрескавшийся, несомненно, требующий ремонта корпус, мачты с потрёпанной оснасткой и греющийся на тёмной палубе кот... А некоторые из наиболее «наблюдательных» калининградцев уверяли, что видели птицу с огненным хвостом. Впрочем, причиной этих неправдоподобных слухов, как считали компетентные люди, был чрезмерный перегрев «очевидцев» на солнце или же приём алкоголя. Вот «причинные места» борющихся возле Центральной площади зубров, которые необычно ярко сверкали в солнечных лучах, ни у кого удивления уже не вызывали: недавно прошёл очередной выпуск в Калининградском высшем военно-морском училище.

Матвей имел как собственную почту, e-mail, так и казённую, редакционную, то есть, ту, куда читатели могли посылать письма, адресованные ему лично. Особого удовольствия чтение этих посланий у него не вызывало: на десяток отзывов с похвалой приходилось два-три с необоснованной критикой, некоторые из которых, будь они подкреплены аргументами и фактами, могли бы считаться разгромными. Были у Матвея такие недоброжелатели, которые регулярно опрокидывали на него ушат претензий, упрёков и даже ругательств. «Относись к этому спокойно, - говорил Хрусталёву по данному поводу ответственный секретарь. – Не забывай, что ты – человек публичный, а публика далеко не всегда справедлива, объективна и умна». Тот с пониманием кивал головой. Коль иногда встречаются письма с откровенными признаниями в любви, пусть будут и такие, «отрезвляющие».

Две новые статьи, опубликованные в последних номерах газеты, и посвящённые загадкам кёнигсбергских подземных лабораторий, тоже вызвали целую бурю комментариев самого разного толка. Чаще всего откликнулись простые обыватели и домохозяйки, удивляющиеся, как много тайн, оказывается, хранит калининградская земля. Иногда писали исследователи, краеведы, реже – физики или историки. Приводили доводы, обычно, противоречащие друг другу. Например, один местный краевед напрочь отрицал возможность существования разветвлённой сети подземелий, ограничивая её небольшим участком под бывшим Королевским замком. А другой, напротив, чертил подробные карты, на которых указывал подземные ходы, тянущиеся далеко за пределы города. Нередко на страницах «хрусталёвской» почты возникала жёсткая полемика между приверженцами и противниками той или иной теории или точки зрения.

А вот письмо от одного неизвестного **респондента** его сильно заинтересовало.

«Молодой человек, - гласило послание, - Тайнам Кёнигсберга – более семи веков. Чтобы в них проникнуть, нужно спуститься на глубину этого исторического слоя. А вы пытаетесь пробиться к ним сверху, из двадцать первого века. Вы, как рыбак, пробуравивший в толще льда лунку и пытающийся выудить из глубины рыбу. А не побойтесь ли вы нырнуть сюда, под лёд, поближе к тайнам? Туда, где их не нужно выуживать, пользуясь примитивными снастями, а можно прикоснуться к ним, таким настоящим, осязаемым, живым?..»

«Это похоже на предложение отправиться в далёкое прошлое» - подумал Матвей.

«Скажите, - продолжал неизвестный отправитель, - хорошо ли вы разбираетесь в тайнах? Знаете ли то, что вам необходимо знать? Ведь тайны бывают разные – от одних лучше держаться подальше, другие – обходить стороной, а третьи могут принести неисчислимы бедствия. Тайн, которые несут только свет знаний и ничего более, не существует.

Заметьте: прикоснувшись к тайне, нелегко потом от неё уйти. Некоторые из них будут преследовать вас всю жизнь.

Если вас заинтересовало моё предложение, пришлите свой ответ. И мы перейдём к предметному разговору.

Ваш читатель-почитатель».

Прежде чем написать ответ, Матвей взял в руки смартфон. У него есть друзья, и он обязан с ними посоветоваться.

Глава 5. Иванушкин и меч-кладенец

Сергей Васильевич Иванушкин был майором полиции. Возраст под сорок, острый взгляд карих глаз, редеющие на затылке тёмные волосы, напряженные и вовсе не атлетические плечи. Он служил в отделе внутренних дел Ленинградского района УВД по городу Калининграду в должности старшего следователя. По возрасту ему давно бы быть начальником отдела, но... как здорово сказано: «Весь мир театр, а люди в нем – актеры...» Иванушкину его жизнь всё чаще напоминает цирк, в котором все – клоуны! Сами посудите: в цирке обычно выходят на манеж двое ряженных и «рыжий» начинает издеваться над «белым», а публика смеётся над его горем... Не так ли и мы? Поэтому его отчеты так часто напоминали исповедь грустного клоуна....

18 июля майор выехал вместе с оперативниками по сигналу, поступившему из гостиницы «Калининград» – там был обворован номер известного учёного. Сам профессор прибыл в столицу Янтарного края из Аргентины. Поначалу он поселился в мотеле «Балтика», но оттуда переехал в вышеназванный отель. О краже заявил сам потерпевший. Оказывается, перед убытием из гостиницы он оставил в своём номере скрытую видеокамеру, а когда прибыл – проверил её. И немало удивился записи: трое посторонних среди бела дня вломились в номер профессора и учинили в нём настоящий обыск. Они бесцеремонно выпотрошили чемоданы пожилого человека, обшарили всю его одежду и даже перевернули постельные принадлежности и бельё.

- И всё это – в моём родном городе! – с горечью повторял учёный, добавив при этом, что ни в одной гостинице, ни в одном городе мира, где он побывал, с ним ничего подобного не происходило.

На вопрос, пропало ли у него что-либо ценное, профессор ответил, что похитители не нашли того, что искали, поэтому ничем особым не поживились. Так, старый серебряный брегет швейцарской работы, стоимостью около двух тысяч евро, и золотая заколка для галстука, около тысячи, но это – мелочи.

- Неприятная история, – сказал Сергей Васильевич, просматривая запись с камеры видеонаблюдения. – Грабителей определённо кто-то навёл! Они пришли сюда с одной целью – отыскать нечто, их интересующее. Смотрите, они обыскали даже санузел! Кстати, рядом – номер с бизнесменом из Чикаго, так нет, забрались именно к профессору... Посмотрите, товарищи, может, кого из знакомых увидите...

- А дед не прост, – усмехнулся бывалый оперативник Николай, капитан. – Раз догадался камеру оставить. Лица видны достаточно хорошо, если что – не отвертятся! Но, видно, что не профессионалы. Слишком много суеты, лишних движений... Не прослеживается системы в поиске. Так наши «домушники» не поступают... Нет, никого из них я ранее не встречал.

- Скверная история, – повторил Иванушкин. – Проверили записи камер над входом в гостиницу? Может, удастся установить, на какой машине приехали эти субъекты?

- Проверили, – ответил Николай. – Но никого пока не обнаружили. Похоже, они появились здесь гораздо раньше, или проникли в гостиницу не через главный вход.

- Сергей Васильевич, к вам потерпевший, – сказал второй опер, Володя, парень лет двадцати пяти, белобрысый и рослый старший лейтенант.

- Пусть заходит. Кстати, он заявление написал?

- Нет, – ответил подошедший к Иванушкину загорелый, седовласый человек с виноватой улыбкой, держащий в руках портфель. – И не собираюсь этого делать, поскольку похищенные вещи большой ценности для меня не представляют, а найти воров вам всё равно не удастся.

- Это почему же? – Иванушкину не нравилось, когда кто-то непочтительно отзывается о российской полиции, особенно, если это - иностранец. Но доказывать кому-то свою правоту с пеной у рта, кричать и вступать в словесную перепалку он не любил. Впрочем, таить обиду он тоже не умел и злобу ни на кого подолгу не держал – отвечал моментально и «симметрично». – У нас в России полиция работает не хуже, чем в Южной Америке.

- Извините. Я не хотел обидеть службу, которую вы представляете, и никоим образом не хотел нанести оскорбление вам лично, господин...

- Майор, – подсказал Иванушкин, довольный таким неожиданным поворотом событий. – А почему вы думаете, что мы их не найдём? Их лица и действия зафиксированы, сейчас пробьём по базе данных...

- Их фотографий в базе данных нет, – уверенно заявил учёный. – Это не профессиональные преступники.

- Вы их знаете?

- И да, и нет, – уклончиво ответил профессор. – Я не знаком с ними лично, но знаю, чем они занимаются, что хотели отыскать и догадываюсь, где они могут обитать. **Только** найти их будет так же трудно, как выловить всех крыс из подземелий Кёнигсберга!

- Вы знаток Кёнигсберга и его тайных подземелий? – не смог сдержать улыбку Сергей Васильевич.

- И не только. Я знаток старины, а также большой любитель исторических загадок и тайн.

- А вы прекрасно говорите по-русски...

- Я знаю много языков. В том числе и те, на которых не разговаривает практически никто.

- Тогда, быть может, вы поможете нам разобраться с одной загадкой? – Иванушкин вспомнил недавнее дело, грозящее превратиться в «висяк». Собственно говоря, дело-то такое, что плюнь – и забудь... Но, при случае, и из него можно раздуть приличных размеров проблему. Было бы желание.

- Я нахожусь в отпуске, знакомлюсь с городом, в котором когда-то родился, поэтому с удовольствием помогу своим землякам, хоть они сейчас представляют другое государство и другой народ. Но этим я хотя бы подчеркну духовное единство всех, кто жил прежде и живёт теперь на этой земле. Но, могу ли я узнать, о чём пойдёт речь?

- Конечно, господин...

- Винтер, - подсказал учёный. – Я родился в Кёнигсберге в 1940-м году. Мой отец в этих местах занимался наукой... тягой к которой заразил и меня, – он улыбнулся.

Иванушкин пристальной взглянул на удивительного иностранца. Тот, определённо, вызывал у него симпатию. Скандала не устроил, ведёт себя скромно и, похоже, имеет какие-то сведения о тайнах старого города. Да, и учёный всё-таки...

- Дело в том, что к нам в отдел попал меч... Похоже, что старинный, но... остаются некоторые сомнения. Хотелось бы узнать точку зрения специалиста...

- Я охотно помогу вам. Могу ли я взглянуть на меч?

- Да, конечно. Раз уж мы здесь практически закончили, то можем отвезти вас к себе. Меч хранится у наших экспертов и является вещественным доказательством, хотя, что он доказывает, никому не известно. Если вы не возражаете, в машине я вам всё объясню.

Хоть и всей езды было пять минут, но Сергей Васильевич успел досконально объяснить ситуацию, при которой был обретен этот меч, и даже поделился некоторыми своими предположениями.

- Вам, как учёному, я расскажу всё как на духу, – начал свой рассказ Иванушкин. – Меч появился вместе с одним человеком, по моему мнению, пришельцем из прошлого. Я понимаю, звучит не совсем правдоподобно, и всё же... Похожие случаи описаны, хоть и достаточно редки. Так вот...

- Я слышал эту историю, – неожиданно прервал его аргентинец. – Пришелец затем пропал при... загадочных обстоятельствах, а меч остался. Не так ли, господин майор?

- Ну, вот. И вы уже знакомы с этим... конфузом.

Они вышли из машины на улице Адмирала Нахимова, у дома 21, и поднялись в кабинет майора Иванушкина.

- Никакого конфуза в этом нет, – продолжил разговор профессор. – просто вы все стали очевидцами действительно редкого явления, даже редчайшего! Но, тем не менее, реального.

- Не хотите ли чего-нибудь освежающего? – майор, оказавшись в своём кабинете, ощутил себя радушным и приветливым хозяином, поэтому позволил себе немного расслабиться. – Минералка, квас, лимонад, «фанта», «пепси»?

- Хорошо бы с русским полицейским выпить... немножко коньячку.

Это предложение пришлось по вкусу майору полиции.

- Для нас, желание иностранного гостя – почти закон! А коль мы призваны стоять на страже закона, то... извольте! – Иванушкин поднялся, подошёл к стоящему в углу кабинета шкафу и вытащил из его недр бутылку «Старого Кёнигсберга», плитку шоколада и две рюмки. – Вот, храню на всякий случай... Так вы считаете, что мы столкнулись...

- С необычным явлением телепортации и перемещения во времени, – договорил за майора Винтер. – Причём, у вас, возможно, создалось впечатление, что это было совершено лишь затем, чтобы передать вам этот меч из далёкого прошлого. Кстати, где он?

- Сейчас его принесут... Вполне возможно, господин профессор. У меня именно такое впечатление и сложилось. Но, как это объяснить нашему начальству? Мы все видели запись камеры видеонаблюдения, как исчезает этот... пришелец. Но, если я в рапорте укажу, что он просто взял и исчез, то меня попрут из органов по... не совсем хорошей статье!

- Понимаю, – вздохнул Винтер. – Как это ни парадоксально, но... в подобной ситуации и у нас было бы то же самое...

В этот момент в дверь постучали. Она отворилась и в кабинет вошёл Николай. В руках он держал продолговатый предмет, завернутый в плотную ткань. Оперативник положил свою ношу на стол со словами:

- Вы просили принести, Сергей Васильевич.

- Это и есть тот самый меч! – сказал Иванушкин, осторожно разворачивая ткань. – И с ним тоже хватило проблем...

Винтер приподнялся и с почтением воззрился на старинное оружие. Перед ним лежал типичный каролингский меч с лезвием, длиной около метра, и широким долом (сноска – жёлоб на плоской стороне клинка...), отшлифованный клинок хищно поблёскивал в лучах падающего через окно солнечного света.

- Настоящий меч-кладенец! – гордо произнёс Иванушкин.

- Позвольте взглянуть... весьма интересная находка... – профессор бережно взял в руки оружие и стал внимательно его рассматривать. – Меч каролингского типа, он же, – меч викингов. Широко применялся во времена раннего Средневековья на огромной территории... Мощный эфес, плоская гарда, изящно отделанная рукоять из кости... Серьёзное оружие. Я датирую его примерно восьмым веком...

- А вас не удивляет, господин профессор, что он так прекрасно сохранился за столько времени?

- Сомневаюсь, чтобы он всё это время находился в земле...

Кондиционер нагонял прохладный воздух, дышать становилось легче. Для того чтобы чем-то заполнить возникшую паузу, Сергей Васильевич вновь наполнил рюмки. Винтер сосредоточенно разглядывал меч.

- Господин майор, найдётся ли у вас лупа?

- Один момент, – майор протянул учёному требуемое. – На лезвии имеются мелкие зазубрины. Видимо, меч побывал в деле. Но, к сказанному у меня будет одно не совсем приятное дополнение. Этому мечу...

- Позвольте, я подскажу. Ваши эксперты сделали вывод, что мечу... не более двадцати лет?

- Точно! Десять-пятнадцать, не более! Прошу вас пригубить рюмку и закусить шоколадом... Вот видите, а вы говорите – восьмой век...

- И, тем не менее, я вряд ли сильно ошибся, – ответил Винтер. – И ваши эксперты тоже сказали правду. Этот меч «прилетел» к вам из восьмого века. Вместе с неизвестным пришельцем.

- Я так и думал, – ответил майор, опрокидывая рюмку. – Но никого не смог в этом убедить.

- Главное, чтобы в этом вопросе для вас самих не осталось «белых пятен», – продолжил профессор, повторив манипуляции полицейского с рюмкой. – Тут на лезвии видна надпись. Видите? «Честер»! – прочёл Винтер. – Это один из самых древних городов Англии. Его основали ещё римляне.

- Значит, меч изготовлен в Честере?

- Вероятно, так. Но с другой стороны я нашёл ещё одну надпись. Она означает...

- Что же она означает? – заинтересовался Иванушкин.

- Она означает... что я бы не отказался от третьей рюмки вашего превосходного коньяка. Как принято у вас говорить: «Бог любит троицу».

- Только прикажите, профессор! Мы сейчас с вами мигом все тайны разгадаем... – и, наполняя рюмки, майор подумал: «Как же обманчиво бывает первое впечатление о человеке... Увидев профессора, я грешным делом подумал, мол, с этого старикашки песок уже давно сыплется... Ан, нет, это оказался вовсе не песок, а нерастраченный в молодости порох!»

- "Я принадлежу Увейну". Вот, что тут написано! – провозгласил тем временем Винтер.

- Превосходно! Теперь мы знаем имя хозяина меча!

- Совершенно верно. Итак, меч был изготовлен в Честере, имя мастера, к сожалению, не известно, в те времена клейма со своими автографами ставили далеко не все кузнецы. Но мы знаем имя хозяина. Кстати, известно ли вам, кто такой Увейн?

- Какое-то историческое лицо?

- Не совсем историческое, скорее – легендарное. Но, как знать... Увейн, сын Уриенса, был одним из рыцарей Круглого стола...

- Короля Артура? – опешил Иванушкин.

- Да. Хотя, считается, что сам король – тоже персонаж, скорее, легенд и преданий, чем реально живший человек. Но это – только гипотеза. Поиски доказательств его существования ведутся до сих пор.

Профессор аккуратно положил меч на стол и опустил в кресло.

- Я ответил на ваш вопрос?

- Да, – майор почувствовал, что у него сел голос. – Но это... потрясающе! – Он вновь наполнил рюмки. – Вы нам очень помогли, уважаемый профессор... Но, что мне теперь делать с этим мечом? Недавно поступили предложения от коллекционеров с просьбой продать им эту... реликвию. Но я вещдоками не торгую. Можно было бы передать его в музей, но оттуда требуют данные: когда, кем и где обнаружен артефакт и его возраст... А пятнадцать лет... наверняка обвинят в подделке!

- Не надо ничего с ним делать, – убеждённо проговорил Винтер. – Пусть пока хранится у вас. Вам передали меч из... глубины веков неспроста. Он должен выполнить здесь свою работу. Затем его заберут обратно. Рыцари неохотно расстаются со своим оружием, уж поверьте мне.

- «Здесь»? «Выполнить свою работу»? Уж не хотите ли вы сказать, господин Винтер, что этим мечом начнут рубить людям головы у нас, в нашем мирном и спокойном Калининграде? Другой работы у рыцарского меча просто не может быть!

- Успокойтесь, господин майор. Наверняка, не потребуется никому рубить голову. Он не менее эффектно подействует одним лишь своим видом.

- Прошу вас, – Иванушкин сделал приглашающий жест профессору и тот поддержал полицейского в процессе опустошения рюмок. – Признайтесь, господин Винтер, что вы всё-таки чего-то не договариваете! Вы знаете больше, чем рассказываете. Будьте смелее, профессор! Раскройте мне тайну этого меча!

- Обязательно, господин майор. Обязательно... – на этот раз приглашающий жест в сторону бутылки с коньяком сделал Винтер. – Но, при одном условии...

- О каком условии идёт речь?

- Прежде чем я назову его, вы должны меня выслушать.

- Вас? С удовольствием!

- Но! Вы только что жаловались, что вас поднимут на смех, если вы попытаетесь сказать правду об этом мече. Пообещайте же мне, что выслушаете меня совершенно серьёзно. А потом мы продолжим обмен мнениями...

- Да ради бога, – майор удобнее уселся в кресле. – С вашим появлением у меня в душе возник некоторый «заряд» уверенности и бодрости. Я вас внимательно слушаю!

- Прежде всего, ответьте мне, что вы думаете по поводу этого, - Винтер взял со стола лежащую поверх других бумаг газету «Башня Врангеля» и раскрыл её на статье Матвея Хрусталёва.

- Вы имеете в виду секретные лаборатории в подземельях Кёнигсберга? Опыты по телепортации и застрявшую среди пространств и времён дивизию СС?..

- Да, я имел в виду именно это. Если вы назовёте всё это чушью, то, боюсь, нам с вами будет трудно продолжить разговор...

- Если я назову это чушью, то этим самым признаю, что и события с пришельцем из восьмого века и его мечом - тоже - полная ерунда. Я внимательно читал статью Хрусталёва и предполагаю, что в нашем мире могут твориться разные вещи, которые мы можем считать чудесами, но можем дать им и вполне научное объяснение... Если будем достаточно благоразумны.

- Знаете ли вы, кого автор назвал своим «осведомителем»?

- Откуда же, господин профессор? Но, нельзя не согласиться, что этот «осведомитель», если не выдумка автора, то – весьма просвещённая личность.

- По вопросам кёнигсбергских подземелий и лабораторий в них... автора консультировал лично я. Мой отец достаточно много времени провёл в подобной лаборатории, и я многое знаю о том, что творилось там по его рассказам. Он и сам успешно занимался вопросами телепортации... Настолько успешно, что вызвал серьёзные опасения за свою жизнь у самого Черчилля. Из-за чего, в общем, английской авиацией и был уничтожен центр Кёнигсберга в 1944-м году.

- Вы?..

- Да, я прибыл в Калининград после того, как здесь обнаружили одну... таинственную рукопись. Я познакомился с местными журналистами и рассказал им много интересного из истории их родного края. А также и об опасности, грозящей всем нам. Ибо, как вы поняли, опыты по телепортации, по мгновенным перемещениям людей во времени и на расстояния, продолжают вестись и, в конце концов, результат скоро появится. А уж тогда... не обессудьте! Странники по времени пытались похитить у меня вот эту реликвию, – профессор раскрыл портфель и вынул из него кусок янтаря, по форме напоминающий лошадиную голову. – Это – ключ в их тайные лаборатории. Но для борьбы с ними, чтобы они не сумели осуществить свои чудовищные замыслы, нам понадобится этот меч! – кивок на стол. – Именно с этой целью сюда прибыл Посланник из глубины веков. Именно поэтому он и оставил вам своё оружие!

Глава 6. Магия числа «семь»

- Постепенно переходим в состояние медитации «дзета»... Настраиваемся на дзета-волну энергоинформационного потока и записываем полученную информацию! Запомните: только записываем! Любые знаки, символы, образы... Потом будем думать над расшифровкой! – Карл раздал семерым медитирующим по листу бумаги и ручке, выключил свет и покинул помещение. Он прошёл по узкому коридору с очень низкими для его роста сводчатыми потолками и остановился перед железной дверью. Здесь находился вход в

кабинет Верховного мага. Нажав соответствующие кнопки, Карл дождался, когда дверь начнёт бесшумное движение вверх. Затем шагнул в просторный кабинет.

- Да откроются перед вами двери хранилища разума!

Сидевший за столом у противоположной стены пожилой человек приветливо кивнул ему.

- Что скажете, Карл? Дал ли какие-то результаты наш новый вариант?

- Несомненно, уважаемый профессор. Использование дзета-волн, а буква «дзета» в системе греческой алфавитной записи имеет числовое значение «7», и семерых медиумов, работающих в этом диапазоне, уже принесло положительные результаты. А вот применение многофункциональных интегрированных приёмников по сравнению с людскими ресурсами, заметно проигрывает последним в эффективности. К тому же, люди расположились внутри самого мощного энергетического семиугольника, вершинами которого являются: Королевский замок, Кафедральный собор, кирха Святых угодников, монастырь...

- Я вижу, число «семь» стало для нас поистине счастливым, Карл, - улыбнулся Верховный маг, он же – профессор.

- Это число имеет большое магическое значение, мой господин... Семь планет – семь богов, семь ангелов, противостоящих семи демонам... семь небесных обителей, соответствующих семи нижним сферам, семь священных коней Митры, семь главных рек Востока, семь знаменитых сокровищ и семь городов, полных золота, семь чудес света, семь смертных грехов...

- Полно, Карл, - утихомирил маг своего помощника. – Лучше перейдем к делу. Итак, применение именно дзета-волн и дало нам долгожданный резонанс?

- Я уверен, что так оно и есть, – учтиво поклонился Карл. – Поскольку прошлый сеанс принёс множество свидетельств восстанавливаемого контакта. Так, один из медиумов, Ульрих из Дрездена, нарисовал множество сдвоенных рун Соулу, а это, – как известно, знак СС. Мне кажется, что он ближе всех продвинулся к искомой нами дивизии.

- А какие успехи у других ваших... подопечных?

- Пока трудно сказать что-то определённое. Мы ещё расшифровываем данные. Но, большинство из испытуемых изображают руны. А это значит, что расшифровка их – дело времени.

- Когда я работал здесь семьдесят два года назад, – вздохнул маг, – у нас в лаборатории трудились прекрасные рунологи...

- Вы знаете, господин профессор, что язык рун подвластен только просветлённому человеку, волхву. То есть, тому, кто разговаривает с ними душой...

- К сожалению, подобных феноменов становится всё меньше. И нам не удалось заполучить такого человека для наших исследований. Что же, будем довольствоваться тем, что у нас есть.

- Но, у нас – прекрасная аппаратура...

- А душа у неё есть?.. Вот видите, Карл. А сами же говорили...

- Мой господин, у меня – сообщение от службы безопасности, – помощник протянул магу лист бумаги.

- Они не могли передать мне это по внутренней почте? – удивился профессор.

- Дело касается безопасности всей нашей системы. Журналист одной газетёнки довольно подробно описывает наше расположение, основные темы исследований, а также – другие нюансы, отмахнуться от которых просто невозможно.

- Служба безопасности считает, что у нас происходит... утечка информации?

- Они не исключают и это.

Профессор развернул лист и принялся читать. Карл терпеливо стоял, переминаясь с ноги на ногу, и ждал.

- Газетчик пишет даже о дивизии СС! – воскликнул маг. – Откуда ему известно об этом эксперименте? Думаете, в наших рядах затаился «крот»?

- Служба безопасности хочет это выведать у самого журналиста. Они схватят его и доставят сюда, в подземелья. Когда тот всё расскажет, его просто сбросят в колодец. И – никаких следов! Здесь много глубоких ям, в которых трупы гниют уже не одну сотню лет. СБ хотят только согласовать с вами это... мероприятие.

- Затаившийся враг – это плохо, Карл! Это очень скверно! Тогда, в сорок четвёртом, в нашу в лабораторию тоже проник вражеский лазутчик! И планы по спасению Третьего Рейха были раскрыты! Поэтому всё пропало! Английская авиация накрыла всех нас с потрохами!.. Значит, парни рассчитывают на моё согласие? Что ж, пусть получают его!

- Матвей, ты не должен соглашаться! – Наденька была непреклонна. Она, взволнованно заёрзала на краешке стула, зажав кисти рук между коленями. – Ведь эти люди могут убить тебя!

Три журналиста и седой профессор из Аргентины расположились в гостиничном номере учёного и спорили. Аксель Винтер опять переселился. Теперь он жил в гостинице «Москва», что расположена возле зоопарка и стадиона «Балтика». Неподдалёку от этого места когда-то стояло здание, где прошли первые четыре года жизни профессора, которые он провёл с заботливыми родителями. Где находился этот дом (а вдруг он цел и по сей день?) Винтер не помнил. Зато в памяти остался ласковый котёнок, с которым он так любил играть в детстве, и которого впоследствии увёз с собой в далёкую Аргентину. Ещё из тех времён он помнил широкую палубу парохода и бескрайнее синее море, весёлые глаза отца и заботливые прикосновения матери.

- Ничего со мной не случится, – ответил Матвей. Ему было приятно, что Наденька так переживает за него. – Мы просто поговорим – и всё! Мне не терпится взглянуть на него. Возможно, удастся проследить за ним...

- Ты думаешь, он будет один? – спросила Наденька.

- Или ты рассчитываешь, что они сразу поведут тебя знакомить со своими тайнами? – ехидно заметил Вадим. – Боюсь, что Надя права. Они хотят от тебя избавиться. Поэтому и заготовили лакомую наживку. Чтобы ты клюнул на неё. Известно ведь – ни на что так не падок журналист, как на сенсацию! Вот они и заинтриговали тебя...

- Господин профессор, – обратилась Наденька к Винтеру. – А вы-то почему молчите?

- Да-да, – оживился тот. – Матвея одного отпускать опасно...

- Вот видишь, Матвей...

- К тому же, – продолжил учёный, – им нужно от него не просто избавиться, но и добыть нужные сведения! Откуда поступает такая подробная информация о том, чем они занимаются? Ведь, раскрыты сверхсекретные данные по эксперименту с дивизией СС!

Пожалуй, это главное, для чего им понадобился Матвей. Они думают, что через него смогут выйти на меня... Но это, признаюсь, входит в мои планы.

- Какие планы? – спросил Матвей.

- Проникнуть в их логово, вмешаться в исследования и свести на нет все их усилия!

- И как вы собираетесь это осуществить? – спросила Наденька.

- Есть идея, дорогая барышня, - ответил Аксель Винтер. – Но без вашей помощи, друзья мои, мне не обойтись...

- А вдруг это не они? – воскликнула Наденька. – Ну, не те, о ком мы думаем? Может, какие-нибудь дилетанты и любители тайн, которые далеки от подземных лабораторий и исследований. Просто, напускают на себя таинственность и загадочность?

- Возможно, вы и правы, – ответил учёный. – Но готовиться будем к худшему варианту.

Профессор поднялся с кресла, подошёл к окну, отдернул занавеску. Минуту любовался зелёным одеянием каштанов и лип. Молодые люди молча наблюдали за ним.

- Вы уж, господа журналисты, извините меня, старого интригана. Я втянул вас в эту историю, не подозревая о том, что она может оказаться не совсем весёлым и развлекательным действием. Пожалуй, вы и сейчас можете усомниться в моих заявлениях насчёт подземных лабораторий, таинственных исследователей и дивизии СС, затерявшейся где-то во временных карманах. Ну, что ж. Тогда самое время остановиться. Отвечать на письмо не нужно, на предлагаемые встречи не ходить. И писать, соответственно, на эту тему тоже не следует. Через месяц о вас забудут. Возможно, для вас это будет наилучший вариант...

- К чему вы всё это говорите, господин профессор?

- К тому, дорогой Вадим, что я сам увлёкся, как мальчишка, и вовлёк в свою игру вас, не предупредив о возможной опасности и не предоставив вам доказательств того, что мои измышления верны. А ведь это не игра.

- И что, вы предлагаете нам ретироваться? Сложить оружие?

- Нет, сейчас, когда в наших руках появился даже священный меч Увейна, отступить нельзя! Самое время – нанести удар! Но я хочу, чтобы вы отдавали себе отчёт насколько это рискованно. И если у кого-то из вас появилась хоть капля сомнений, ещё не поздно отказаться!

- Спасибо, что предупредили, - хмуро произнёс Вадим. – Возможно, что вы правы. Но, я несколько не жалею, что доверился вам, и готов идти до конца! Разумеется, при условии, что ничего противозаконного мы совершать не будем. Матвей, ты как?

- Я с тобой, дружище! И с вами, профессор. Во всём этом деле необходимо поставить жирную точку. А то слишком много вопросов осталось!

- Ну, тогда и я с вами, – заявила Наденька. – В таком важном деле мужчины пропадут без женской опеки! Но, нас всего четверо! Справимся ли мы в случае чего с противником?

- Весьма мудрое и своевременное замечание, - ответил Винтер. – Довожу до вашего сведения, господа, что мне удалось привлечь на свою, то есть, на нашу сторону троих сотрудников правоохранительных органов. А именно – майора, старшего следователя Ленинградского ОВД, и двух его оперативников, толковых ребят. Но действовать они будут только в рамках закона. Впрочем, как и мы все!

- Поддержка полиции – это то, что нам надо, - обрадовался Вадим. – Но как же вам удалось найти с ними общий язык, господин профессор?

- Дело в том, что у них тоже остался открытым вопрос по исчезновению человека. А также – по мечу, который не так просто куда-то пристроить. И единственный способ найти всему этому достойное объяснение – это спуститься вниз и посмотреть на подземных исследователей, на этих странников по временам!

- Тогда нас уже будет семеро! – воскликнула Наденька. – Замечательное число! Оно принесёт нам удачу!

- Удача будет сопутствовать нам, если мы выработаем правильный план и будем его придерживаться во всех мелочах. Раз уж мы сплотились в одну команду, то я готов высказать вам свои предложения относительно наших совместных действий.

Профессор раскрыл окно и в помещение вместе со свежим воздухом ворвался уличный шум: дребезжание и перезвон трамваев, детские крики на площадке и другие звуки, присущие большому городу. Затем он заказал в номер кофе и пиццу.

- Немного перекусим, а затем поговорим, - предложил учёный.

- Во время еды обязательно придут самые ценные мысли, - пошутил Вадим. – А когда мы увидимся с нашими полицейскими... коллегами?

- Позже, - ответил профессор. – Непосредственно во время операции. Раньше нельзя. Враг может заподозрить что-то и тогда всё сорвётся.

- Словно, игра в шпионов, – фыркнула Наденька.

- Примерно так, - согласился Винтер. – Только это не игра.

Когда заказ доставили в номер, вся компания уселась за стол и аргентинский профессор начал излагать свои предложения. Но перед этим предупредил:

- Прошу по ходу беседы вносить поправки в мой план. Окончательный его вариант должен быть безупречен и предусматривать любую неожиданность.

- Итак, – начал Аксель Винтер, оценив вкус чёрного зернового «американо», – будем исходить из того, что на нашего Матвея будет совершено нападение.

- Надеюсь, обойдётся без серьёзных последствий? – прошептала Наденька.

- Он им нужен живой и, по возможности, невредимый, - успокоил девушку Вадим. – Получать нужные сведения лучше от здорового и адекватного человека.

- Вы правы, - продолжал профессор. – Возможно, вас, Матвей, оглушат... или усыпят... или введут какой-нибудь препарат для обездвиживания... Но, нападение на нашего... сотрудника – это сигнал всем нам вступить в борьбу по его освобождению. Тут имеет право вмешаться и полиция!

- Я думаю, это произойдёт не в центре города и не на открытом месте, - Матвей психологически готовился к незавидной для себя участи.

- Скорее всего, вас пригласят в какой-нибудь дом или квартиру. Вы войдёте в подъезд, где и получите порцию... вы уж извините, но...

- Не надо извинений, я уверен, что так всё и произойдёт!

- После того, как вы престанете сопротивляться, вас потащат в подвал. А уж оттуда вы попадёте в подземелье!

- Но это значит, что дом должен быть старым, немецким! – воскликнул Вадим.

- Именно так. Из этого подвала должен иметься вход в подземный лабиринт... Но, что это за дом, мы можем только догадываться. Если бы знать заранее, где это произойдёт, мы устроили бы там засаду!

- Да уж, такой дом может находиться как в самом центре города, так и где-нибудь в Октябрьском районе, - произнёс Вадим. – Там полно немецких строений.

- Но, если Матвею предложат встретиться в каком-то определённом месте... тогда мы уже будем знать, о каком доме идёт речь? – предположила Наденька.

- Скорее всего, его просто посадят в машину и повезут к нужному дому, - ответил Вадим. – А по пути будут проверять, не следует ли за ними хвост!

- Это вероятнее всего, – заметил профессор. – Но тогда мы рискуем потерять Матвея... Нам надо продумать, как действовать в подобном случае.

- Полицейские могут снабдить меня маячками, - сказал Матвей. – И отслеживать мой путь, вплоть до спуска в подземелье.

- Но, лучше, - подумав, заметила Наденька, - по своей воле ни в какую машину не садиться!

- Это уж как получится...

Вечером того же дня Матвей, придя домой, сел за ноутбук и послал ответное сообщение своему «читателю-почитателю».

«Уважаемый читатель! Был весьма удивлён Вашим посланием, но отнёсся к нему очень серьёзно.

Прикосновение к тайне – моя давняя мечта. Я согласен с Вами, что далеко не все тайны издают приятный запах. Но ведь не носить же их постоянно с собой в кармане? Если у Вас действительно есть возможность организовать для меня такое «прикосновение» – я буду чрезвычайно рад!

Скажите, могу ли я пригласить с собой некоторых своих друзей? Могу ли я взять видеокамеру или диктофон?

Назовите место и время, в которое я должен буду прибыть, и я не замедлю явиться. Ваш Матвей Хрусталёв».

Ответ последовал незамедлительно. Похоже, письмо Матвея ждали.

«Понимаю Ваши опасения. Но пока удовольствие прикосновения к миру настоящих тайн позволено только Вам. Поэтому приходите один, иначе встреча не состоится.. Видеокамеру взять можно. Диктофон – тоже. Вас устроит время – 22 июля в 18.30? Место встречи – кафе «Летний сад»

Ваш читатель».

Под текстом была расположена ещё одна надпись – семь символов, состоящих всего из двух чередующихся рун.

Прежде чем написать ответ, Матвей разослал своей команде тексты писем и стал ждать. Причём, Наденьку он попросил разъяснить, что означает такое сочетание двух рун. А 22 июля – это уже завтра.

Вскоре позвонила Наденька.

- Матвей! Это - они! Странники!

- Откуда ты знаешь?.. – он чуть было не сказал «родная»!
- Руны! Там всего две руны. Начало и конец – руны Райдо, а потом – сочетание Райдо и Йера!
- И что это означает?
- Руна Йера – означает планомерные перемены. Или - смена циклов. Она показывает, что всё живое находится в непрерывном движении и активности. Ещё её называют – Яр. А Jahr по-немецки – год.
- Значит, эта руна означает всю меняющуюся в течение года жизнь?
- Примерно так.
- А другая руна?
- Другая руна – это Райдо. Она означает путешествие, поездки. Понял, куда дело клонится? К путешествиям через годы! С нами связались странники по времени! Райдо – Йера – Райдо – Йера – Райдо – Йера – Райдо – вот такая подпись под их посланием! Так что, держись! Завтра ты с ними увидишься!
- Я думаю, мы успеем подготовиться, - уверенно сказал Матвей.
- Я тоже очень надеюсь на это!
- Тогда, до завтра...
- До завтра...

Глава 7. Отдых на Верхнем озере

- Что вы ощущали, Ульрих, во время сеанса?
- Множество людей... Энергичных людей. Я слышал, как бьются их сердца! Я чувствовал их дыхание!
- Как много было людей, Ульрих?
- Много. Тысячи две или три!
- Карл и Верховный маг переглянулись.
- На каком этапе опыта произошло это... озарение?
- В момент наивысшего взлёта...
- Когда параметр «сигма» достиг величины 3, - пояснил Карл.
- Я едва не достиг купола зоны Z, - продолжал Ульрих. – Мог бы продолжить, но остановил себя...
- И правильно сделали, - одобрил маг.
- Что для вас являлось внешней мандалой (68)? – спросил Карл.
- Свастика... Солнцеворот.
- Профессор делал пометки у себя в блокноте.
- Какова была полоса пропускания для дзета-частоты, Карл?
- От пяти сотых до шести десятых герц.
- Так вот, в чём заключалась наша ошибка, дружище...
- Я понял, господин. Узкий диапазон проницаемости. Большая часть сигнала не могла попасть в приёмник. Ну, что же, как говорится, каждая капля воды делает море немного глубже...

- Как ваше самочувствие, Ульрих?

- Благодарю вас, нормально. Только устал очень и голова кружится.

- Ну, это поправимо. Вам надо немного отдохнуть. Поздравляю вас, Ульрих! Ваш вклад в науку трудно переоценить!

- Ну, что вы... Какой вклад? Просто, я выполнял ваши команды...

Карл снял с головы молодого человека прибор, похожий на шлем, отстегнул от рук и груди электроды и датчики.

- Все параметры зафиксированы, - сказал он магу. – Осталось только ввести их в установку. Гельмут, - обратился он к стоявшему рядом с Ульрихом человеку в белом халате. – Помогите мальчику добраться до постели. Позаботьтесь о том, чтобы его хорошо покормили. Дайте испытателю вина. Он заслужил. И пусть подольше поспит!

- Слушаюсь, господин.

- Что ж, я рад отметить, что наши исследования переходят в заключительную стадию, - заявил маг, с удовлетворением потирая руки. – Правда, они потребовали усилий, сравнимых с копанием вечной мерзлоты чайной ложечкой. Но заметьте, Карл, мы всё же обошлись без священного Грааля! Более семидесяти лет назад я доставил его в Кёнигсберг напрямую из Тибета, тут он и сгинул в ту страшную ночь во время налёта. Поговаривают, что его отыскал и впоследствии увёз куда-то Курт Винтер, но я в этом сомневаюсь: Грааль не каждому давался в руки!

- Я полагаю, профессор, что священный Грааль скоро где-то «всплывёт». Такие вещи не выносят длительного забвения и периодически сами о себе напоминают.

- Ты прав, Карл. Но меня теперь это мало интересует. Наша же задача близка к завершению. Одному из наших контактёров удалось «обнаружить» пропавшую дивизию. Теперь мы попытаемся запеленговать её с помощью нашей аппаратуры. После чего, произведём её «захват» и «высадку» где-нибудь...

- На Красной площади возле Кремля?

- А хоть бы и там. Приказ фюрера будет выполнен. Хоть и с опозданием на семьдесят с лишним лет!

- Представляю, какой переполох они там устроят! Три тысячи прекрасно вооружённых и обученных головорезов!

- Это будет государственный переворот, Карл, который приведёт к смене власти, что на руку нашему руководству. Русский народ слишком долго жил без потрясений, пусть развлекутся, мы тоже с удовольствием понаблюдаем за развитием событий!

Кафе «Летний сад» было расположено на берегу Верхнего пруда, или как его часто называют калининградцы, озера. Матвей это прекрасно знал, тем более что на днях он собирал материал об этом водоёме для очередной статьи и буквально вчера обедал в этом заведении, отведав отличный шашлык, который запил баварским пивом. Само кафе он сфотографировал с разных ракурсов и снимки были у него на руках. Но, что это давало лично ему и его друзьям?

- Кафе расположено метрах в тридцати от воды. Машину тут поставить негде, - заметил Вадим на очередном совещании их «команды», которое проводилось утром 22 июля. Оставить на обочине? До дороги – метров двести... А домов тут нет, кроме, пожалуй, бывшей детской поликлиники. Но и она стоит далеко от места встречи.

- И что из этого следует? – Наденька повернула к нему свое красивое личико, и её брови удивленно взметнулись вверх. Она заметно волновалась и не скрывала этого.

- Возможно, они просто присмотрятся друг к другу... поговорят, да назначат другое место встречи, - предположил Аксель Винтер. – Просто, проверят, не привёл ли он за собой хвост.

- А наши полицейские? – поинтересовался Матвей. – Они-то в курсе?

- Да, - ответил учёный. - Я сообщил им. Они сказали, что позаботятся обо всём. Лишь бы мы им не мешали.

- Вот, как! – воскликнул Вадим. – Мы отдаём нашего товарища практически на заклятие, а они: «не мешайте»! Это как-то... нетактично! Не правда ли, товарищи борцы... за мир и покой на нашей земле?

- Вадим, они всё-таки профессионалы, – заметила Наденька.

- Согласен! Полностью и абсолютно! Мы не будем им мешать. Но и в стороне не останемся!

- Не останемся, – подтвердил профессор. – Но каждый из нас должен стоять на своём месте и знать, как ему действовать в той или иной ситуации. Давайте, об этом и подумаем!

Тёплый июльский вечер на берегу озера способен подарить незабываемые минуты умиротворения и покоя любому горожанину. Всё больше у нас таких скромных и добрых заведений, которые привлекают и удерживают посетителей не за грудки, а за душу!.. Ласковая нега коснётся здесь души всякого человека, желающего отдохнуть от дневных забот. Поэтому и спешат сюда люди после трудового дня. Более ста лет Верхний пруд является самым привлекательным местом отдыха горожан.

Матвей вдохнул свежую прохладу озера и вместе с ней – словно получил дозу успокоительного. На берегу отдыхало множество людей, тут и там крутились колёса детских колясок и велосипедов, прогуливались влюблённые парочки, ели мороженое, пили лимонад и кофе. На водной глади – лодки, достаточно много купающихся. Слышен ребячий смех, где-то звучит музыка. Нет, в такой день с ним ничего дурного не приключится. На противоположном берегу, освещённая лучами уже подумывающего о закате солнца, красуется башня Врангеля с расположенным в ней Музеем Янтаря. В последние годы берега Верхнего пруда «одели» в строгие и тесные каменные «наряды», исчезли росшие по берегам плакучие ивы. Нужно ли было такое «облагораживание»? Матвей сильно сомневался. То, прежнее озеро, привлекало к себе и рыбаков, и множество дикой птицы. А сейчас? Выросли коттеджи, жилые дома подступили вплотную к берегам. Где царствует рубль, там, видимо, уже не до сантиментов...

18.10. Пожалуй, самое время посидеть в кафешке. Журналист нашёл свободное место, устроился за столиком и заказал себе минералки. Чуть поодаль расположились Наденька с Вадимом, они излишне громко переговаривались и как-то неестественно смеялись над каждой фразой. Матвей уже не чувствовал к другу прежней антипатии. Если у того что-то сложится с Наденькой, значит, так тому и быть. Ещё неизвестно, каким вернётся (если вернётся) в эту жизнь он, Матвей, после всех этих передрыг. В данный момент ему просто нравилось её любить, и было неважно, нужен он ей или нет... Прежде Хрусталёв довольно часто задавался вопросом: почему, то или иное событие произошло именно с ним и что оно в действительности значит в его судьбе? Причинно-следственные связи всегда интересовали

его творческую натуру, во-первых, пониманием того, что всё во вселенной неразрывно взаимосвязано, а, во-вторых, возможностью развлекать себя путём выявления этих самых закономерностей. Но вот события, произошедшие с ним в последние дни, показывали, что окружающий мир часто сам даёт ответы на вопросы, которые его так интересовали...

А вечер действительно хорош! В небе кружили чайки, а мудрые вороны, склонив головы набок, терпеливо ожидали, когда люди покинут места отдыха и они смогут попить их объедками. Воробьи весело летали рядышком, иногда делая виражи над столиками и ловко хватая своими маленькими клювами всё, что, по их мнению, недостаточно хорошо лежало на их поверхности.

Матвей сел так, чтобы видеть улицу Пролетарскую и трассу, по которой туда-сюда сновали машины. С той стороны должен прийти посланник странников по времени. «Ну же, – думал он, незаметно напрягая и разминая свои мышцы, – покажись!»

Минералка была запотевшей, прямо из холодильника.

Справа от Матвея послышались бранные выкрики и шум потасовки. Двое полицейских принялись разнимать дерущихся. Матвей вздохнул: вот, кстати, тоже проблема... Ничего в головах у людей не меняется... Многие продолжают думать, как динозавры, – спинным мозгом... Обязательно кто-то перельёт в себя горячительного и начнёт искать приключений на свою пятую точку... У таких жизнь пролетает, словно пуля сквозь голову: ничего толком не понял, а тебя уже нет...

А где-то поблизости затаился профессор с кинокамерой. Если что-то пойдёт не по плану – всё будет снято. Полицейские сказали, что тоже будут находиться рядом. Они, похоже, здорово замаскировались.

Скоро праздник, день ВМФ, – подумал Матвей. – Его, между прочим, праздник. Морская пехота, она хоть и пехота, но – морская! В таком городе, как Калининград, все главные праздники связаны с морем и флотом.

- Давай, ударим по кофе? – донёсся до него голос Вадима.

И тут же:

- Матвей Хрусталёв?

Незнакомец подошёл сзади, со стороны водоёма. Невысокий, коренастый человек лет тридцати пяти с короткой стрижкой. Что-то он не очень походил на образ «читателя», который писал ему загадочные письма. Тот, по мнению Матвея, был пожилым человеком, сродни Винтеру, умудрённый опытом. Но никак не спортивного вида мужчиной, более похожим на тренера по боксу. «Видимо, началась какая-то проверка...» – подумал журналист.

- Мы разве знакомы? – вместо ответа задал вопрос Матвей, крутя в пальцах пластмассовый стаканчик.

- Нет, прошу извинить, но меня просили сопроводить вас к одному... почитателю вашего таланта, с которым вы имели короткую переписку в Интернете и договорились вчера о встрече.

- Далеко идти? – спросил Матвей, поднимаясь.

- Нет, тут совсем рядом! – и крепыш сделал приглашающий жест к озеру.

А вот этого не ожидал никто! К берегу пристала лодка, в которой, за вёслами, сидел другой парень, такого же типажа.

- Садитесь в лодку, - провожатый ощутимо подтолкнул Хрусталёва вперёд. И тут же поправился: - Извините, будьте осторожны!

«Ну-ну», - подумал Матвей и ловким, натренированным прыжком оказался в лодке.

- Меня зовут Григорий, – представился первый, усаживаясь на корму. – А это – Валентин! Гребки, Валёк!

- А я, как вы уже знаете, – Матвей.

Журналист лихорадочно соображал, что бы предпринять. Оглушить одного или сразу двоих и, нырнув в воду, добраться до берега? Смысл? Тогда всё – насмарку. Но следовать неизвестно куда – это шанс, чтобы потеряться. И наверняка – навечно. Ну, уж нет. Его так просто не взять! «Поплывём, посмотрим, - решил он. А там – видно будет. Мы ещё узнаем, по ком зазвонит колокол».

- А хороша водичка! – намеренно весело воскликнул он. – Вот бы искупаться!

- Не сейчас, – ответил Григорий. – И не здесь.

- А в кафешке-то переполох, – заметил Валентин, делая мощные гребки и заглядывая за спины своих пассажиров. – Забегали, похватались за телефоны... Твои коллеги, небось? Не ожидали, что мы так внезапно нагрянем и увезём популярного журналиста?

- Коллеги, - вздохнул Матвей. – От них ничего невозможно утаить.

- В таких случаях поздно причитать: «Я ошибся», лучше сказать: «О, как интересно получилось!» - улыбнулся собеседник.

Лодка быстро набрала ход. Вода пахла водорослями и приятно освежала. Итак, есть время, чтобы подумать. До противоположного берега грести минут пять. В любой момент можно выпрыгнуть, никто в него стрелять не будет. Но, нужно ли это? Матвей представил, как беспокоятся сейчас его товарищи. Никто не ожидал, что вот так, запросто, подьедет лодка, и его похитят. Может, следовало бы потянуть время? Не лезть на борт так быстро? Все ждали гостей со стороны дороги... Даже если тотчас прыгнуть в машину и поехать в объезд озера, на тот берег, то пока они доберутся до места, где причалит лодка, будет уже поздно. На минуту-две, но – опоздают!

Левая уключина скрипела особенно громко и противно. Припомнилась песня из девяностых: «Я убью тебя, лодочник!».

- Инвентарь местный? – спросил Матвей, кивая на лодку.

- Со станции, - ответил Григорий, озираясь по сторонам.

- А как зовут моего... читателя-почитателя, к которому мы едем?

- Его? Марк.

- Без отчества?

- Да. Без отчества. Валентин, бери чуть левее, - указал он направление гребцу.

- Стой! Куда ты?

Вадим был готов броситься в воду и плыть за лодкой, но его вовремя удержали Наденька и профессор.

- Они же увозят его! Чёрт! Как же мы прошляпили! И где эти чёртовы полицейские?

Он подскочил к проезжающему мимо велосипедисту и, схватив веломашину за руль, остановил его.

- Брат! Помоги! Дай велик на несколько минут! Вот тебе мои документы, вот удостоверение, вот деньги! Позарез нужно!

Бедняга опешил, а тележурналист уже вырвал у него из рук велосипед. Тут на помощь Вадиму подоспел профессор.

- Успокойтесь, молодой человек. Действительно, такой случай - форс-мажор! Вы уж помогите. Мы вам заплатим. К тому же, с вашим велосипедом ничего не случится!

Тот не промолвил ни слова, но принял от Винтера 200 евро. Вадим же, оседлав неожиданно подвернувшегося под руку железного коня и крикнув: «Спасибо, брат!», помчался в сторону улицы Черняховского. Минут через пять он уже будет у башни Врангеля, а там – под маленькую арку, через «горбатый мост» – и вот он, – прямой путь навстречу лодке!

Всё было бы хорошо, но уж слишком большую скорость развил Вадим, проезжая вдоль кирпичного бордюра. А по тротуару прогуливались люди. Семьями. Старички, мамы с детьми... Один такой трёхлетний сорванец и кинулся навстречу велосипеду с Вадимом. Тот моментально вывернул руль, спасаясь от столкновения, и врезался в дерево...

- Васильевич, а я был прав! – Николай говорил по телефону, сидя в лодке за вёслами. – Они увозят его на противоположный берег. В сторону «Морской школы». Я плыву следом. А Вовка пусть пройдёт бережком. У него бинокль, он должен их засечь.

- Их двое? – спросил Иванушкин.

- Пока двое. Но, возможно, другие ожидают там, на берегу.

- Хорошо, следуй за ними, только не выпячивайся. Я сообщу Володе, он проследит за ситуацией. Ни в коем случае не дайте себя обнаружить. И не предпринимайте никаких действий, пока они не выведут журналиста из строя! Я тоже уже подъезжаю!

- Василич, захвати этих... Профессора с журналистами. А то они мечутся по берегу и не знают, что им делать!

- Да, я еду к ним. Будь на связи!

Сильные ладони взяли за вёсла. «Эх, давненько я не держал в руках шашек...». День обещал стать совсем не скучным. Ещё, практически, «не вечер», поэтому, возможно, придётся и пострелять! Этот аргентинский профессор, видимо, был прав. За письмом с предложением «прикоснуться к тайне» стоит мощная и хорошо законспирированная организация.

Через несколько минут журналист и посланники таинственного «Марка» причалили. Григорий с Матвеем выбрались на берег, а Валентин оттолкнулся веслом и направил плавательное средство дальше. На берегу к прибывшим подошли двое.

- Они пойдут с нами, - сказал журналисту Григорий. – Наши сотрудники.

- Вы – Матвей Хрусталёв? – удостоверился один из подошедших, высокий человек в тёмных очках, с широкой грудью и крепкими мышцами, угадывающимися под обтягивающей торс тенниской.

- Собственной персоной, - ответил журналист. – Могу предъявить документы.

- Не надо, - усмехнулся высокий. – Мы вам верим.

У Матвея что-то неприятно заныло внизу живота. Против троих накаченных и, наверняка, вооружённых противников, ему не устоять. Но, как говаривали его «коллеги» ещё семьдесят пять лет назад: «Нас мало, но мы - в тельняшках!» Мы ещё поборемся и неизвестно, чья возьмёт! Впрочем, нам известно: наша!

- Торжественный эскорт к господину Марку? – стараясь казаться весёлым, спросил Матвей.

- Да, вроде того. Просим вас!.. – вытянутая рука указала ему направление движения.

И они пошли в сторону улицы Александра Невского. Слева располагалась бывшая «Морская школа», которую закрыли от окружающего мира высоким забором с железными воротами и сейчас превратили в бог весть что. А вперёд, меж высоких травяных зарослей, вела узенькая дорожка. По обеим сторонам за деревянными заборами стояли дома. Старые, ещё немецкие.

- Далеко идти? – поинтересовался Матвей.

- Не более пяти минут, - ответил высокий.

- Вы не успеете устать, - хмыкнул второй, держащийся сзади Матвея.

Этот район был совершенно пустынен. Несколько узеньких дорожек уходили в сторону улицы Невского. За заборами росли яблони, сливы и груши.

- Станный человек, этот ваш Марк, – промолвил Матвей. – Я это понял, как только прочёл его письмо.

- Все мы странные, - послышался ответ.

Затем что-то кольнуло Матвея в шею, и он потерял сознание.

Глава 8. На земле и под землёй

С Верхнего озера возвращалась группа подвыпивших мужчин. Двое из них, напевая пьяными голосами песенку про «дубов-колдунов», волокли третьего. Тот был совсем плох: отключился и, казалось, ничего не соображал. «Боже, это надо же так нализаться», - думали редкие прохожие, наблюдавшие эту картину. Сзади нетвёрдой походкой плёлся четвёртый собутыльник. Он держал в руках банку пива, к которой время от времени прикладывался, при этом, кидая по сторонам слишком внимательные для пьяницы взгляды.

- И это – наша молодёжь, - проворчал старичок, шествующий на рыбалку, на вечерний клёв. - А кто же страну возродить будет?

Группа пьяниц подошла к воротам, расположенным в высоком заборе, за которым, скрываясь в густой листве яблонь, виднелся дом. Один из парней, левой рукой поддерживающий своего находящегося «в ауте» товарища, правой достал ключ и вставил его в замочную скважину.

- Минутку! - раздался чей-то громкий и властный голос. - Что здесь происходит?

К пьяным подошёл высокий молодой человек, вынул из кармана красную корочку и предъявил им:

- Оперуполномоченный ленинградского ОВД старший лейтенант Мудров. Что тут происходит?

- Видишь, начальник... Друг наш перебрал. Домой ведём...

- Хочешь, пошли с нами, и тебе нальём...

- Мы уже пришли, всё нормально, шеф...

- Минуту назад он бодро шагал рядом с вами, - не отставал Мудров.

- Развезло, бывает... Сам понимаешь, шеф...

- Сейчас уложим спать, отдохнёт...

- Вы вкололи ему в шею какой-то препарат. Предъявите ваши документы, - старший лейтенант отошёл на шаг назад. - Или сейчас в полном составе проследуете в отдел!

- Шёл бы ты отсюда, - дверь отворилась, и парни потащили своего приятеля во двор.

- Стоять! - скомандовал Мудров.

Один из пьяниц вдруг развернулся и опер едва не пропустил удар йоко-гери-кекоми (69). Он отскочил в сторону. Тем временем, двое со своим товарищем уже скрылись за дверью, а четвёртый собутыльник кинулся на Мудрова. Он нанёс последнему несколько быстрых ударов, которые тот успешно блокировал, затем метнулся к распахнутым воротам, по пути выхватывая пистолет из заднего кармана джинсов.

- Стоять! - снова крикнул опер. - Буду стрелять!

В ответ послышался выстрел. Четвёртый «алкаш» прикрывал отход своих подельников в дом, скрываясь за забором. Смертоносный «овод» прожужжал над ухом оперуполномоченного. И тут грохнуло откуда-то со стороны озера. Бандит вскрикнул, выронил пистолет и, схватившись за плечо, стал оседать.

- Ты вовремя, Николай, - крикнул Мудров подбежавшему напарнику. - Эти вошли в дом! Вызываем подкрепление?

- Если они засядут в доме и начнут отстреливаться, нам без подкрепления не обойтись. Но мне что-то подсказывает, что они сейчас попытаются скрыться. И мы не должны терять времени! - он осторожно заглянул во двор.

- Наручники?.. - спросил Мудров, показывая на раненого бандита, корчащегося от боли на земле.

- Никуда не денется, - ответил тот, подбирая пистолет раненого. - Ну, что, попробуем прорваться?

- Давай так, я попытаюсь подбежать к двери дома, а ты сади из пистолета...

- Подожди, - ответил Николай. - Сначала доложим Васильевичу...

Иванушкин подобрал раненого Вадима, который, дойдя до дороги, пытался «поймать» машину.

- Что с тобой? - спросил Сергей Васильевич.

- Да вот, погнался за лодкой, - махнул рукой и тут же скривился от боли Вадим. - Хотел на тот берег успеть, да... в дерево угодил.

- Рука не сломана?

- В порядке. Только мозги немного потряс...

- Может, тебе лучше к врачу? - спросил Иванушкин, сворачивая на Пролетарскую.

- Ни в коем случае! А вот и наши!

- Главное - успокойтесь! - громко объявил подбежавшим Наденьке и профессору Иванушкин. - Наши оперативники перехватили Матвея и нашли интересующий нас дом. Сейчас мы все направляемся туда!

- Что с тобой, Вадим?

- Да вот, не доехал... Попал в аварию... Руку ушиб и голову...

- Вам нужно к врачу! Вам нельзя с нами! - запротестовал Винтер, видя, что тележурналист собирается следовать с командой.

- Да я - в порядке...

- Что вы, профессор! – воскликнула Наденька. – Тогда нас уже не будет семеро! Нарушится священное число!

- *Mein Gott!* Ну, тогда – вперёд!

Оперуполномоченные Николай и Володя, между тем, проникли в дом. Как они и предполагали, похитителей Матвея, как и его самого, уже и след простыл. Но куда они могли выйти из дома? Входную дверь за собой злоумышленники заперли (Николаю пришлось стрелять в замок), а других дверей в доме не было. Окна оказались закрыты изнутри, а стёкла – целы.

- Надо искать подвал, - догадался Володя. – Из него – вход в подzemелье!

Было похоже, что беглецы воспользовались именно им. Но где его искать?

- Он где-то здесь, - бросил Николай, тщательно осматривая пол. – Ищи люк! – И сгрёб ногой аккуратно постеленные дорожки.

Дом был одноэтажный и небольшой. Скромная кухонька с печкой, прихожая и довольно вместительная комната, в которой стоял шкаф, диван, стол с компьютером. Под столом – ковёр. Из прихожей на чердак вела лестница, но люк был закрыт на висячий замок. Николай удостоверился: на чердак никто не проникал.

- Если бы они бежали через комнату, то в ней был бы беспорядок, – заметил Володя, сдвигая стол. – Нет, мы, видимо, ищем не там... Но, куда же они пропали? Ведь я точно видел, как они вбежали в дом, да ещё втащили с собой журналиста...

- Тут должен быть подвал. Но люк, открывающий вход в него, очень хорошо замаскирован. Ищи, Вова, у нас чрезвычайно мало времени...

Они сдвинули диван, перерыли шкаф, сорвали с пола ковёр, но никакого люка не обнаружили.

А тут подъехал Иванушкин с «группой поддержки». Сергей Васильевич оставил сопровождающих его людей возле машины, а сам поспешил к оперативникам. Николай тут же доложил ему обстановку. Следователь достал планшет и проверил навигацию. Маячок, расположенный на теле Матвея давал слабенький сигнал.

- Они движутся! – сказал Иванушкин. – Вероятно, по подземному ходу. Нашли люк?

- Где-то здесь, - развёл руками Николай. – В комнате всё перерыли, ничего не нашли. Но он, точно, тут...

- Как дела? – в дверях показался Аксель Винтер.

- Не заходите сюда, - предупредил его Иванушкин. – Они покинули дом. Мы ищем подземный ход!

- Что с Матвеем? – выглянула из-за плеча профессора Наденька.

- Маячок работает. Они движутся по направлению к... Литовскому валу. Но, под землёй. Мы сейчас найдём вход в подzemелье и отправимся за ними. Только, прошу вас, не заходите в дом. Вы будете только мешать.

- Ну-ну, успехов, пинкертоны, - мрачно хмыкнул Вадим, потирая плечо.

- Итак, что мы имеем? – Сергей Васильевич повернулся к оперативникам, – кухня, стол, плита... Печка. Всё более-менее современное, кроме этого,... - он погладил рукой изразцовую поверхность печи. – Немецкая ещё... - Затем стал разглядывать пол. – А вдруг она поворачивается?

Он попробовал сдвинуть монументальное сооружение, но вскоре понял, что эти попытки ни к чему не приведут.

- И всё-таки, её сдвигали, - заметил Николай. – Обратите внимание, вот чуть заметные полосы на полу!

- Точно, - воскликнул Володя. – Ну и глаз у тебя! Эти царапинки так сразу и не заметишь!

- Похоже, здесь должен быть какой-то механизм, - рассуждал Иванушкин. – Одними руками тут ничего не сделаешь – стоит, как влитая. А вот, если найти какой-нибудь рычажок или кнопочку... - Он провёл ладонью по тыльной стороне печи. – Так, кажется, я что-то нащупал...

- Нажимай, - прошептал Володя.

- Жму, - ответил Иванушкин.

Тут же что-то загудело под ногами, и печь плавно «поехала», открывая пространство, которое только что скрывала под своей изразцовой «тушей».

- Немецкая архитектура, - заметил Сергей Васильевич, отходя в сторону и наблюдая за движением странного объекта.

- А вот и люк! – воскликнул Володя, увидев, как распахнулась маленькая дверца в полу, там, где раньше стояла печь.

- Так вот, куда вы, друзья, слиняли, – проговорил Иванушкин. – Что ж, а мы пойдём следом за вами! Профессор, друзья! Мы нашли подземный ход! Вадим! Возьми из машины фонари!

- Тут лестница, - сказал Николай, заглянув внутрь проёма. – И кнопочка, посредством которой, видимо, закрывается люк, а печь возвращается на прежнее место.

- Шахта глубокая? – спросил Володя.

- Метра три, - ответил Николай. – Так я спускаюсь, Васильевич?

- Давай, мы – за тобой! Только будь осторожен! Там возможны разные ловушки и неприятные сюрпризы...

- Я – в прошлом спецназовец. И не такое повидал, - послышался голос уже из глубины подвала.

- Мы начинаем преследование, - объявил Иванушкин подошедшему профессору. – Если вы считаете, что мы без вас не обойдёмся, то, прошу следовать за нами. Конечно, ежели чувствуете бодрость духа и любите бег с препятствиями!

- А по-вашему зачем мы здесь? К тому же, вам без нас не справиться! У вас нет тайного ключа!

- О каком ключе идет речь?

- Я вам показывал. И ещё продемонстрирую, когда понадобится! Ну что, господа, вы готовы? – спросил он Наденьку и Вадима.

- Всегда готовы! - ответили те хором.

- Тогда соблюдайте осторожность и очерёдность, - объявил Иванушкин. – Первый – Николай, за ним – я, за мной – профессор, Надежда и Вадим. Володя замыкает шествие.

- Как вы думаете, они далеко ушли? – спросила с придыханием Наденька.

- Метров двести от нас... Не забывайте, там тесно, а они ещё тащат с собой ношу... Не волнуйтесь, мы быстро их нагоним!

- Сколько времени и сил понадобилось нашим предкам, Карл, чтобы прорыть такие ходы! – вздохнул Великий магистр. – И почему бы им не сделать их чуточку пошире? Тогда

можно было бы из одной нашей зоны в другую ездить... хотя бы на велосипеде. А так, приходится тащиться пешком... А это, знаете ли, трудновато!

- Понимаю вас, мой господин...

- Желаете что-то сказать? Как продвигаются дела у нашей СБ?

- Они взяли журналиста и скоро доставят его сюда. Точнее, к себе. Но главное – не это.

- А что же?

- Нашему многофункциональному интегрируемому приёмнику требуется новое программное обеспечение. Программисты как раз этим сейчас и занимаются. Я только что от них.

- Да, такому приёмнику требуется особый мозг! Шутка ли, он будет принимать информацию из общей энергоинформационной системы Земли! Успешно ли продвигается данная работа у программистов, Карл?

- Вполне успешно. У нас работают ведущие специалисты Европы.

- Я полагаю, у них довольно большой объём работы. Как думаете, за сколько дней они управятся?

- Я считаю, что не так уж много времени им понадобится, господин. Дело в том, что некоторые наработки у них уже имеются.

- Нам необходимы изменения, касающиеся непосредственно входных цепей приёмника. Настройки на дзета-излучение, дискретный приём... Ну, вы понимаете, о чём я говорю...

- Я уже сделал распоряжения, господин. Думаю, первых результатов можно ожидать завтра...

- Стоять, - скомандовал Николай, шедший во главе небольшого отряда по узкому тоннелю. – Растяжка!

Тоненькая проволочная нить пересекала дорогу. И при дневном свете её было бы трудно заметить, но намётанный глаз «старого спецназовца» и тут не подвёл.

- Все её видят? – спросил опер, освещая лучом фонаря опасный участок. – Осторожно перешагивайте, старайтесь не задеть.

- Я отмечу это место, чтобы на обратном пути не наткнуться невзначай, - сказал Иванушкин, делая отметку на планшете. – Когда будем приближаться, подаст звуковой сигнал. Молодец, Коля. Давай так и дальше!

- Странная растяжка – из стены – в стену... - заметил Володя. – По идее, тут должна быть граната...

- Может, она и есть. Только за стеной. Но, думаю, это не граната, а кое-что похуже...

- А если перерезать? – предположил Вадим.

- А если по ней пущен ток? – ответил вопросом Николай. – Ты её перережешь, контакт прервётся. А если на этом контакте держится система отключения от другого взрывного средства? Тогда она прервётся и...

- Грохнет, - закончил Володя. – Нет, резать нельзя. Ни в коем случае...

- Немцы хитрецы, - заметил Иванушкин. – Сколько нам досталось от их хитрости в войну...

По дороге отряду не раз попадались расположенные на стенах выключатели. Казалось, они предназначались для освещения. Но нажимать на них никто не рискнул. «Вполне возможно, – резонно заметил Иванушкин, – что это сигнализация, а может, взрывное устройство, или ещё какая-нибудь ловушка для простаков. Нажмёшь её, думая, что включится свет, а оно как шарахнет...»

Планшет показывал, что до Матвея чуть более ста метров. Но сигнал был очень слабым.

Примерно в 20.45 отряд «упёрся» в железную дверь. Она была вмурована в кирпичную стену, преграждающую дальнейший путь. Красный лучик считывателя указывал, куда нужно поднести карточку со штрих-кодом.

- Вот это мы попали, - вздохнул Николай и сплюнул себе под ноги.

- Пришли, - уныло подтвердил Иванушкин.

- Взорвать бы, - робко предложил Вадим.

- Да, этого мы не предусмотрели, - признался Иванушкин. – Нам бы какой-нибудь документ... Надо было обыскать как следует этого... что был в лодке... раненого. И допросить.

- Так времени же не было, - виновато развёл руками Володя. – И кто мог предполагать? Этим подземельям – сотни лет, а данной... конструкции... и десяти нет...

- Может, попробовать кредиткой? Или какой-нибудь другой? У меня этих карточек – полное портмоне...

- Успокойся. Той, что надо, у тебя нет, - грустно вздохнул Иванушкин.

- Так что теперь, возвращаться обратно? Тут без сапёров не обойтись!

- Есть одна мысль, - тихо произнёс профессор. – Только я не уверен, что это сработает...

Все устремили свои взоры на Аксея Винтера. Он столько раз давал разумные советы и генерировал толковые идеи, что поневоле Наденька и Вадим обрели уверенность: старый учёный что-нибудь да придумает.

- Что вы задумали, профессор? – спросил Сергей Васильевич. – Здесь никакой документ, кроме пропуска для сотрудников «подземного мира», не прокатит!

- Древние вещи имеют одну особенность, – заметил Винтер, пробираясь к двери. – Даже самые новомодные ухищрения строятся на старых принципах... Я, конечно, повторюсь, что не вполне уверен... но попробовать стоит...

Он достал из кармана пиджака кусок янтаря, похожий на лошадиную голову.

- Некоторые ложбинки-штришки на этом изделии, - он показал «ключ» Иванушкину, - вполне могут соответствовать требуемому штрих-коду... Иначе, зачем на него идёт настоящая охота у людей из подземелья?

- Ну что ж, попробуйте, - согласился следователь. – Ничего другого мы всё равно не придумаем.

Профессор подошёл к двери и осторожно поднёс к считывающему информацию лучу кусок янтаря. Так, чтобы луч скользнул по поверхности янтарного изделия.

- Попробуйте тихонько повернуть его вокруг оси, - посоветовал Иванушкин, перейдя на шёпот.

Аксель Винтер немного повернул янтарный «ключ»... Красный луч, казалось, внимательно рассматривал что-то в глубинах «солнечного камня»... как вдруг... стальная дверь загудела и медленно поползла вверх.

- Сработало! – радостно воскликнула Наденька и захлопала в ладоши. Мужчины не позволили своим эмоциям выплеснуться наружу, но было видно, что и они – в полном восторге.

Дверь поднялась более чем наполовину. Николай пригнулся, всмотрелся внутрь открывшегося пространства и сделал предостерегающий жест.

- Спокойно. Сюда нельзя. Тут ещё одна растяжка...

Глава 9. Приключения в подземелье

Если бы посторонний человек решил взглянуть на multifunctional интегрируемый приёмный комплекс, расположенный в подземных лабораториях, то увидел бы несколько 19-дюймовых стоек, размещённых в обширном помещении и заполненных всевозможной аппаратурой. Здесь всё было, как положено – модули и платы, криогенная установка, вентили и переходники, интерфейсы, оптические кабели и муфты, охлаждающий обдув, источники бесперебойного питания... Одна особенность была у этого необычного приёмника: для его работы совершенно не требовались антенны.

Людам с фантазией этот комплекс легко представить в виде огромной пчелы с тонким хоботком, которая тянет нектар из цветка, именуемого «энергоинформационным полем Земли». Как известно, данное поле содержит в себе всю информацию, которая когда-либо существовала на планете, в её недрах и вокруг неё, и находится оно в ноосфере Земли (70).

Однажды учёные задались вопросом: если мы научились принимать электромагнитные волны из окружающего пространства, и анализировать информацию, которую они несут, то возможно ли получить необходимые нам сведения напрямую из энергоинформационного поля Земли? Каков должен быть комплекс, позволяющий «высосать» хоть мельчайшую толику необходимых сведений? Каковы должны быть устройства для её обработки, фильтрации, хранения и последующего использования?

Группа германских учёных, обладающих кроме традиционных знаний и технологий, древними сакральными методиками, ответили: да. И принялись за создание интегрированного приёмника. Отчего-то решено было строить такой агрегат на территории города Калининграда. На этом настоял руководитель научной группы профессор Фоль. «Таких мощных энергетических зон, как в столице Восточной Пруссии, нет во всём мире! - говорил он на закрытом заседании Учёного Совета Наций. – Там энергоинформационное поле можно практически черпать ложкой прямо из воздуха! Такую обстановку создал неоднократно хранившийся в тех местах священный Грааль! И другие христианские святыни! Под землёй находятся тайные лаборатории, которые можно и нужно привести в порядок и заставить работать!» Ещё он заявил, что у него имеется план проникновения в эти лаборатории без ведома и в обход действующих властей. «Но вы же собираетесь работать на чужой территории! Это ведь советская земля!» - возразил ему кто-то из его оппонентов. «Кёнигсберг, - ответил Фоль, - лично для меня был и останется немецким! И всё, что когда-

либо было создано в нём, и что ещё будет создано, навсегда будет принадлежать только великой Германии!»

Оказалось, что по уцелевшей системе подземных коммуникаций вполне возможна переброска специалистов и необходимой аппаратуры в самый центр Калининграда, только под землёй, для того, чтобы организовать целый комплекс исследовательских работ.

Матвей пришёл в себя в абсолютно тёмном помещении. Он лежал на спине, на холодном, каменном полу. Его затылок упирался в цементную плиту, от места соприкосновения с которой расходилась тупая боль, которая мутным, вязким желе заполняла всю голову. Журналист постепенно вспомнил события минувшего вечера. Вот он на озере, в кафе «Летний сад», рядом Вадим и Наденька... Вот плывёт в лодке с двумя похитителями и просчитывает варианты дальнейших событий... Потом идёт от берега озера в сопровождении троих недругов и чувствует, что сейчас что-то должно произойти. И случилось – укол и забвение... Теперь он очнулся и должен приготовиться к финальным сценам этого неприглядного спектакля. Он пошевелил конечностями – руки и ноги связаны не были. Это уже хорошо. Он попробовал подняться... Получилось. Видимо, от его движений сработал датчик – зажёгся свет. Журналист огляделся: он находился в небольшой, метра три на четыре, камере. У стены стоял голый деревянный топчан, больше никакой мебели не наблюдалось.

Матвей помассировал затылок и теменную область головы, с удовлетворением почувствовал, что боль начала уходить. Он сделал несколько движений, разминая задеревеневшие мышцы. «Как там Наденька, Вадим и профессор? – подумалось ему. – И что теперь собираются сделать со мной?»

В замке заскрежетал ключ. Со скрипом отворилась дверь. В камеру ввалились двое молодчиков, которые встретили его и Григория на берегу озера. Теперь их лица были хмурыми и не предвещали ничего доброго.

- Жив, журналюга? Оклемался? – спросил один с ухмылкой.

- Мы зададим тебе пару вопросов, - проговорил второй, - и в твоих интересах ответить на них правдиво. Запомни – здесь тебя никто кроме нас не услышит, а наверху про тебя никто не узнает.

- А, чтобы ты понял, что мы шутить не собираемся, мы тебя немного... попрессуем. Подготовим, так сказать, к дальнейшей беседе!

Он сделал быстрый выпад в сторону Матвея и попытался нанести ему сильный удар в лицо. Но бывший морпех был готов к такому повороту событий. Журналист легко уклонился от кулака, сделав нырок под его руку и, словно в передаче «От всей души», врезал противнику по печени. «Как говаривал тренер по рукопашному бою, мичман Григорьев, - противника нужно вырубать сразу и надолго...» - мелькнула мысль. Недооценивший соперника боец со стоном рухнул на пол.

- Ах ты, гнида! – его напарник встал в боевую стойку.

- Так ты русский? – поинтересовался Матвей, оценивая расстояние до противника. – Или всё же немец? Эсэсовец? Слышал что-нибудь про морскую пехоту, мразь? – и ударом кроссовки в висок отправил пытавшегося подняться поверженного ранее соперника в глубокий нокаут.

Его враг сунул руку за спину. Сзади за ремнём у него, видимо, имелся пистолет. Матвей воспользовался этой секундной заминкой, понимая, что другой возможности у него не будет, и бросился в атаку. «Когда нападаешь, - учил мичман Григорьев, - старайся угадать, куда станет «уходить» противник. Бей не замахом, а всем корпусом! И не одним ударом, а, как минимум, серией. Даже если он защитится, то пара плюх, наверняка, ошеломят его. Вот тогда наноси третий удар, расчётливый и окончательный!» Враг попытался увернуться прыжком влево. Матвей разгадал его манёвр. Рука соперника поднялась для блокировки, но было уже поздно – сжатые «копья» пальцы Матвея ударили его прямо в кадык. Тот упал, схватившись за горло, ещё не веря, что «журналюга», которого они приволокли сюда как котёнка, окажется таким опасным бойцом. «Спасибо, товарищ мичман», - с благодарностью подумал Матвей. Всё-таки, не прошли зря эти длительные, порой, изнурительные тренировки, ведь навыки, полученные в армии, такгодились ему в мирное время. Ребром ладони, Хрусталёв ударил противника по шее, у основания черепа и тот распластался на полу. Матвей пошарил рукой за спиной поверженного врага и достал оттуда пистолет. В кармане брюк он обнаружил собственную «Нокию». «Мы – в тельняшках!» – мысленно поздравил себя Матвей и вышел за дверь в полутьму подземного коридора. Пальцы машинально набирали на смартфоне номер Вадима.

- Наши путешествия во времени, дорогой Карл, – медленно проговорил Великий магистр, наполняя бокал испанской мадерой, – отличаются от той телепортации в пространственно-временном континууме, которую нам почти удалось взять под свой контроль, тем, что мы в тех временах являемся только созерцателями. То есть зрителями, которые не могут влиять на ход истории. Возможно, это к лучшему, ибо никому не известно, что случится, если люди научатся вносить в прошлое свои коррективы...

- Да, мой господин, – согласился с ним помощник. – Если бы научились, то столько бед натворили... – и горестно вздохнул.

- Но в этом... эксперименте, который ранее задумывался, как обычное перемещение в пространстве, будет совершён перескок и во времени!

- То есть, те, кто будет телепортирован из прошлого, вполне смогут внести изменение в настоящее?

- Совершенно верно. Теоретически это возможно. И подобное уже случалось. Об этом свидетельствуют скрижали тибетских мудрецов. Ты можешь прочитать нечто похожее в «Хрониках Акаши» (71). Не противоречат сказанному и «Изумрудные скрижали» Тота, атлантического Жреца-Короля (72). А сегодня мы сами дополним эти священные рукописи своими страницами!

- Ведь мы привлекли на свою сторону современную науку и технику! – воскликнул Карл. – Мы создали искусственные поля, абсолютно идентичные человеческой ауре! Мы сумели смоделировать важнейшие психофизические состояния! Теперь мы можем их менять, подстраивать и преобразовывать так, как нам нужно. Мы проникли в поверхностный слой энергоинформационного поля Земли и получили доступ к знаниям и опыту всех наших предков! И всё это - благодаря вашему научному гению, мой господин!

- Полно, Карл. Про научный гений ты, конечно, хорошо сказал, - Великий магистр самодовольно усмехнулся. - Но я думаю, что мои способности и научный потенциал значительно повысило то, что я некоторое время активно общался со святынями. Со

священным Граалем и Копьём Судьбы! Грааль... - магистр прикрыл веки, - Никому не удавалось отыскать его. Я же - нашёл! словно в благодарность за это, он "окунул" меня в совершенно неизвестную историческую эпоху, откуда я самым чудесным образом выбрался... Затем были опыты уже здесь, в Кёнигсберге... Грааль легко превращал обычную воду в вино, он запросто мог повернуть время вспять, он воздействовал на души людей самым непостижимым образом! Правда, он не пожелал отвести удар от Кёнигсберга, однако предупредил о нём... И спас избранных им людей от неминуемой гибели в огне! Он не уберёт Германию от разгрома, но мы, уже без Грааля и Копья... сумеем отомстить! О, как мы отомстим!.. Кстати, что там с нашими остальными медиумами, Карл? Кто-нибудь смог "запеленговать" дивизию, как это сделал Ульрих?

- Практически все, мой господин, в той или иной степени приближались к ней. Датчики фиксируют и характеризуют эту степень приближения. Теперь мы можем задать нужные параметры на нашей аппаратуре и, уверяю вас, дивизия мимо не пройдёт!

- Замечательно, Карл. Выпей со мной мадеры. Ты много трудился и постоянно был моей правой рукой в этом нелёгком деле.

- Я счастлив быть вашим первым помощником, Великий магистр!

Профессор, журналисты и оперативники преодолели очередное неприятное препятствие в виде растяжки, и продолжили путь по тоннелю. Поначалу разгорячённые, они не сразу почувствовали, что здесь, под землёй, довольно прохладно. Иванушкин взглянул на планшет.

- Матвей где-то совсем рядом, - сказал он. - Странно, но здесь, в подземелье, работает Wi-Fi.

- Пусть вас это не удивляет, - ответил профессор. - Тут есть и свет, и телефонная связь и, конечно, Интернет.

- Действительно, - заметил Вадим, - эти коридоры напоминают не подземные ходы, а, скорее, вполне обустроенные магистрали между отдельными объектами жизнедеятельности.

- Вы правы, Вадим, - ответил Винтер, внезапно остановившись. - Ну, вот мы с вами оказались в роли витязя на распутье...

Действительно, далее ход раздваивался.

- Куда движемся, шеф? - задал вопрос Николай. - Направо или налево?

Сергей Васильевич снова взглянул на планшет.

- Судя по сигналу от маячка, Матвей находится... как раз посередине... Между этими коридорами... Куда же идти? Наверное, вправо. Там, кажется, горит свет!

И правда, где-то в глубине коридора находился источник света, рассеивающий мрак.

Поэтому группа пошла в правый тоннель. Ширина коридора составляла примерно метр, высота - около двух. Пол был гладкий, видимо, забетонированный, а стены выложены старинным красным кирпичом. Оперативники прошли метров десять, как сзади послышался скрежет – это с потолка опустилась металлическая плита и закрыла им путь к отступлению. Пройдя немного дальше, исследователи наткнулись на горящий в стене факел. Стена была глухая...

- Мы в ловушке! - с ужасом воскликнула Наденька.

- Успокойтесь, - тут же отреагировал Винтер. - Мы выберемся из любой западни.

Убедившись, что пути дальше нет (Николай для верности даже постучал в стену кулаком), группа вернулась к опустившейся сверху плите. Осветили её фонарями.

- Интересная дверь, - заметил Иванушкин. - Ни тебе щелей, ни отверстий для ключей... Сплошное железо... Похоже, что мы действительно в западне...

- А вы успокойтесь, господин майор. Если это западня, то сейчас явится тот, кто её поставил. Обычно, ловушки проверяют...

Стало заметно светлее. Это на потолке вспыхнули лампы дневного света.

- Вот видите? Вы правы, - ответил Иванушкин. - Будем готовиться к встрече.

- Похоже, здесь кроме Интернета и телефонной связи установлено и видеонаблюдение, - заметил Володя. - Нас попросту заманили в этот... мешок, для того, что бы выяснить наши намерения.

- Подождём, - вздохнул майор. - Жаль, стульев здесь нет...

Ждать пришлось долго... За время ожидания каждый член группы десятки раз взглянул на часы. Мужчины облокотились на холодную стену. Разговаривали мало. Наденька изредка всхлипывала. Вадим поглаживал больную руку. Так прошло более трёх часов.

- А вдруг за нами не придут? - У Наденьки, похоже, назревала истерика. - А как же тогда Матвей?

- Не сомневайся, - нарочито бодрым голосом ответил профессор. - Обязательно придут. Такие гости для них - весьма аппетитное блюдо!

- А вот, кто выйдет отсюда, а кто здесь останется, мы ещё посмотрим! - добавил Николай. - Кстати, я вижу видеокамеру. Похоже, за нами наблюдают всё это время.

- За нами следят с тех пор, как мы спустились сюда, - хмуро добавил Володя.

Как ни тянулось время ожидания, но закончилось оно неожиданно и даже внезапно. Что-то щёлкнуло, и дверь поползла вверх, бесшумно втягиваясь в потолок. Оперативники и следователь взялись за оружие. Вадим сделал шаг вперёд, прикрывая своим телом Наденьку.

Дверь исчезла, и в проёме появились три человека в чёрной эсэсовской форме с автоматами наперевес. Посередине стоял, видимо, офицер, судя по погонам и нашивкам, справа и слева - рядовые солдаты. В руках все трое держали SturmGewehr-44 (73). Казалось, что со спуском в подzemелье, группа исследователей унеслась на десятилетия назад. Это было настолько необычно, что у выдавших виды журналистов и оперов на некоторое время отнялся язык. Вадим уцепился за локоть, а Наденька крепко зажмурилась.

- Wer sind Sie? (74)

- Mich haben auf das Treffen eingeladen. Diese Menschen - mit mir (75) - ответил Аксель Винтер, сохраняющий самообладание.

- Die Papiere, bitte? Passwort? (76)

- Bitte, (77) - профессор подошёл к офицеру и протянул ему кусок янтаря, тот самый, напоминающий лошадиную голову. И вся команда в очередной раз стала свидетелем того, какой силой обладает этот предмет. Офицер и солдаты опустили оружие и щёлкнули каблуками.

Аксель Винтер, между тем, спросил у эсэсовцев дорогу к пункту управления и посоветовал им не чинить препятствий его небольшому отряду, поскольку они следуют на важное совещание, посвящённое возвращению дивизии СС из опасного путешествия в пространстве и времени. Офицер беспрекословно слушался профессора, подобострастно

наблюдая за фигуркой из янтаря, которую тот держал в ладони. Он объяснил необычным посетителям путь следования к пункту управления научными объектами и пожелал им доброго пути.

- Профессор, спросите его про Матвея, - шепнула Винтеру Наденька.

На заданный вопрос немец ответил, что с внешним миром взаимодействует особая Служба Безопасности. А в ведении службы СС - внутренний порядок на объектах и коммуникациях. Поэтому про их товарища им ничего не известно. СБ умеет проводить свои операции втайне от других.

Некоторое время эсэсовцы сопровождали журналистов и следственно-оперативную группу, затем свернули в коридор, ведущий вправо.

- А нам, - заметил профессор, - прямо.

- Просто фильм какой-то, - хмыкнул Вадим, едва шаги эсэсовцев стихли вдалеке. - Как говорится, "кино и немцы"...

- Действительно, - ответил Иванушкин. - Только это не кино. Автоматы у них самые настоящие, а не бутафория. Да и форма, похоже, тоже... Что-то Матвей не движется, - объявил он чуть позже. - Видимо, находится в таком же "мешке", как и мы. Ничего, мы его скоро найдём.

- Вы оказались правы! Кто бы мог подумать, что фашисты соорудят под нашим городом, под самым носом у калининградцев, свой маленький научный городок?

- Да, уважаемая Наденька. Именно городок. Как вы поняли, они беспрепятственно могут подниматься наверх и решать там свои насущные проблемы. А в случае необходимости - всегда спуститься и отсидеться в подземелье. Как вы убедились, подобные входы весьма тщательно замаскированы!

- Чёрта с два мы нашли бы и этот вход, если бы не были уверены, что похитители Матвея вошли в конкретный дом! - заметил Володя.

- Но... эсэсовцы, - хмыкнул Николай. - По-моему, здесь они переигрывают... Тут уже становится похоже на детскую "Зарницу" или что-то в этом роде.

- Не скажите, уважаемый Николай. - Для солдат СС - это что-то вроде возрождённого рыцарского ордена. Если вы помните, то в Германии войска СС появились в 1936 году, и они входили в состав Вермахта только оперативно. Это совершенно уникальная военная организация! В ней всё построено по законам рыцарства... Вы не устали, Наденька?

- Благодарю вас, профессор. У меня, напротив, прилив сил, неизвестно откуда. Мы должны освободить Матвея и остановить эсэсовцев! Теперь я точно уверена в реальности этой дьявольской дивизии! Будьте добры, продолжайте!

- Начнём с того, что Войска СС не являлись военным аппаратом германского государства, а были вооружённой организацией нацистской партии. Вначале, будущую элиту планировалось создавать на основе выпускников школ Гитлерюгенд... Кстати, господа, обучение там было бесплатным, мало того, национал-социалистическая партия платила за учебники, униформу, питание, содержание и даже выдавала ученикам карманные деньги. Не объём знаний, но сила характера выпускников считалась их главным достоянием, служащим пропуском в большую жизнь.

- Вот это - подготовка кадров! - усмехнулся Вадим.

- Вы абсолютно правы. С началом Второй мировой войны к новобранцам войск СС начали предъявляться особые требования. Заметьте - в ряды СС принимали мужчин в

возрасте от 23 до 35 лет, а не каких-нибудь юнцов со школьной скамьи! При этом все кандидаты должны были иметь рост минимум 180 сантиметров и отличное телосложение. Будущий эсэсовец подвергался оценке своего тела по девятибалльной шкале, и был обязан соответствовать стандартам нордического господского типа!

- Суровое испытание, - заметил Володя. Сам он без труда бы получил наивысшую оценку в отборочной комиссии СС и мог бы этим гордиться.

- Каждый дюйм внешности, - продолжал профессор, пока они торопливо продвигались вперед, уже не один за другим, поскольку проход заметно расширился, а по двое, - должен был демонстрировать, что эсэсовцы - это аристократия партии. Отвергались кандидаты с преступным прошлым, сомнительным расовым происхождением, и даже те, кто имел хоть одну пломбу в зубе!

- Вот, даже как... Сейчас бы никто из наших современников не прошёл такой отбор.

- Совершенно верно, господин майор. Нынче люди более подвержены болезням. Так вот. Гиммлер лично следил за тем, чтобы голень эсэсовца была пропорциональна бедру, а нога в целом соответствовала верхней части туловища, ибо в противном случае телу приходилось бы затрачивать на марше лишние усилия при каждом шаге.

- Но сам Гиммлер вряд ли считался образцовым эсэсовцем! А уж Геббельс - настоящая карикатура на арийца!

- И это верно. Но, если кандидат успешно преодолевал барьеры расовой комиссии, то он подвергался следующим испытаниям, которые Гиммлер позаимствовал из практики иезуитов. Кандидаты в СС неоднократно и тщательно тестировались, прежде чем давали так называемую "родовую клятву". Только после этого они могли называться эсэсовцами и носить шикарную чёрную униформу с одним погоном на правом плече и эмблемой в виде двух рун Соулу в петлице. Полный цикл испытаний обычно завершался, когда адепту исполнялось 25 лет. Тогда молодой член Ордена получал эсэсовский кинжал - символ особой чести рунического человека, и вступал в замкнутое братство, в котором фанатизм, феодальные обычаи и романтический культ германцев сочетались с современным политико-экономическим менеджментом и хладнокровным государственным умом. В качестве особого знака отличия проверенным эсэсовцам Гиммлер лично вручал серебряное кольцо с изображением черепа.

- Точно. Всё по-рыцарски! - заметил Вадим.

- А в начале войны лично рейхсфюрером СС были разработаны «15 боевых правил», которые вошли во все без исключения памятки солдатского и офицерского составов Войск СС: "Твоя цель - стремление к победе. Твой путь - упорная тренировка. Твоё главное правило - железная дисциплина..." Не напоминает ли вам это девизы древних рыцарских орденов?

- Например, Тевтонского, - подтвердил Иванушкин. - Но те рыцари не имели права жениться. У них был обет безбрачия...

- А приказ Гиммлера о браках обязывал всех эсэсовцев жениться только с учётом расовых аспектов и здоровой наследственности, а также непременно с разрешения Расового управления СС или самого рейхсфюрера... Но, похоже, что мы пришли!

Коридор расширился настолько, что можно было сказать, будто "команда семерых", как окрестила Наденька их небольшое братство, вошла во внушительных размеров зал. Или, если точнее, то - вестибюль, поскольку по его стенам находились двери, у которых стояли по

два вооружённых эсэсовца. У колонн, подпиравших своды потолка, стояли кадки с комнатными цветами. На каждой колонне висело по зеркалу, поэтому создавалось впечатление чрезвычайно обширного пространства. Кафельная плитка была выложена так затейливо, что возникала иллюзия объемного рисунка и приподнятости узоров... Тут же располагались диваны, кресла и журнальные столики. В левом углу на основательной подставке стоял аквариум. На стенах в бронзовых рамах висели искусные репродукции картин итальянских художников эпохи Возрождения; узорчатый пол местами прикрывался медвежьими и тигровыми шкурами, а в углу скромно приютилась стенка красного дерева, буквально вся набитая книгами. Кондиционеры нагнетали в помещение свежий, прохладный воздух. Вестибюль освещался лампами дневного света. Внешне всё это было похоже на холл какой-нибудь гостиницы или приёмную высокого начальника.

Откуда-то из глубины зала появился дежурный офицер с повязкой на рукаве. Профессор Винтер не дал произнести ему ни слова. Он протянул эсэсовцу янтарный "ключ" и объяснил, что ему нужно встретиться с руководством научного городка. Увидев "лошадиную голову", офицер сразу стал вежливым и предупредительным. Он указал на ближайшую дверь и произнёс:

- Das ist hier (78).

Аксель Винтер прислонил кусок янтаря, «разрывающий» любые запоры, к считывателю и дверь поползла в сторону. В открывшийся кабинет ввалились все шестеро.

Сидящий за столом человек в сером элегантном костюме, с удивлением поднял глаза на вошедших. Был он в круглых очках и носил узенькие усики - а-ля «когти тигра» с короткой бородкой. Лет ему было около сорока. Он собирался кому-то звонить, однако телефон едва не выпал из его рук. Он хотел было возмутиться, но успокоился, когда перед его лицом появился кусок янтаря в форме лошадиной головы.

- Кто вы, господа? И что вам нужно?

На лицо был «синдром вахтера» – стремление маленького, но самолюбивого человека продемонстрировать свою власть и самоутвердиться за счет тех, кто в данном случае зависим или слабее: не пустить, не дать, заставить согласовывать или собирать кучу ненужных справок.

- Мы прибыли на совещание по вопросу телепортации дивизии СС. А вы кто, господин...

- Отто Рейлих! Я - комендант подземного гарнизона! То есть, научного сектора. Но, с кем имею честь? Откуда вы, господа?

Разговор, разумеется, происходил на немецком языке.

Отто Рейлих принял от профессора янтарную святыню, повертел её в руках.

- Мы - ревизионная комиссия. Нам нужен центр управления научными исследованиями, - объявил Аксель Винтер. - И, чем скорее - тем лучше. У нас чрезвычайно важные сведения, касающиеся сути эксперимента.

- Да-да! - комендант заёрзал в кресле. Создавалось ощущение, что он «дёргал» задницей гвозди из стула... - Вы можете немедленно направиться прямо на объект, господа. Раз дело такое серьёзное... Сейчас я вызову группу сопровождения, чтобы вы не потерялись в подземных коридорах! - и нажал кнопку, расположенную под столом. - Следовать, к сожалению, придётся пешком, а это - около двух километров.

Дверь вновь открылась, и в кабинет вошли четверо вооружённых эсэсовцев. Офицер вопросительно взглянул на коменданта.

- Немедленно арестуйте этих господ! - чуть ли не взвизгнул Отто Рейлих, кивая на шестерых исследователей.

И в этот момент в кармане Вадима зазвучала мелодия смартфона.

Глава 10. Стрельба в «Нижнем Кёнигсберге»

- Вот видите, Карл, - произнёс Великий магистр, надевая на голову шлем с проводами, - сейчас каждый из нас превратится в получеловека-полумашину!

- Я бы сказал, что машина начнёт мыслить, как человек, - поправил своего шефа его верный помощник, тоже надев шлем и подключив провода к компьютеру. - Человеческие мысли словно обретут крылья - они превратятся в электромагнитные волны с требуемыми параметрами и будут восприниматься энергоинформационным полем Земли уже не элементарной частицей самого себя, но как некий «звоночек», на который следует обратить внимание!

- Хорошо сказано, Карл. Главное же - мысленно представить искомый объект, а именно - дивизию СС. В психологии существует закон, согласно которому любую картину мира, всякий процесс можно символически разделить на две части, две половины, которые взаимно дополняют друг друга, образуя целое. Проектирование начальной половинки вполне управляемое, а вот когда она создана, то конечная половинка начинает «дорисовываться» сама собою. В этом и суть управления ситуацией. Мы можем предъявить системе начальную половинку, чтобы получить желаемый конечный результат. Итак, представьте две с лишним тысячи парней в чёрной униформе, мотоциклы, бронемшины, танки... Программно-аппаратный комплекс превратит ваше «видение» в чёткую конструкцию, я бы сказал, формулу или код... Причём, он будет однозначно восприниматься энергоинформационным полем... И оно «пришлёт» нам такой же ответ. Только видеть мы его будем на экране монитора.

- А всё-таки интересно, мой господин, каким образом неизвестному магу удалось «застопорить» этот гениальный эксперимент...

- О, это был великий маг, Карл. Телепортация, в нашем понимании, означает следующее: сначала превращение материального объекта в энергоинформационную структуру, затем - её перенос в нужную точку пространства. Там она вновь материализуется, принимая первоначальный облик. Но стоит кому-либо нарушить процесс материализации или переноса, и всё пойдёт не так. Ты знаешь, Карл, обычно для передачи цифровой информации аппаратура вносит некую избыточность (79) в кодовое сообщение, для того, чтобы принимающая сторона могла проверить, не подверглась ли посылка каким-либо изменениям? Так вот, мне кажется, что этот маг внёс какую-то ошибку, какую-то нежелательную избыточность в подготовленную энергоинформационную матрицу, а нам на окончательном этапе не удалось восстановить этот сложный сигнал.

- Нам следует обнаружить эту погрешность и устранить её.

- Примерно так. И ещё... Я бы хотел взглянуть на этого мага... Вполне возможно, он ещё не раз попытается помешать нам!

- Так что, начинаем?
- Начинаем, Карл. И да поможет нам Бог!

Эсэсовцы, служащие при подземном научном центре, конечно, не были бравыми вояками времён Второй Мировой. Поэтому, стремительный натиск группы неизвестных посетителей, которую им дали приказ арестовать, парни в чёрной форме прошляпили. Николай, как бывший спецназовец, атаковал сразу двоих, помогая Вадиму, который, несмотря на больную руку, сразу ринулся в бой. На третьего набросился Володя, одновременно ударом кулака оглушив неприятеля и вырвав из его рук оружие. Четвёртым занялся Иванушкин. Он уже давно держал пистолет за спиной и, как только эсэсовцы получили приказ от коменданта, тут же направил его в голову ближайшему врагу.

- Halt (80)! - крикнул профессор, сбивая с толку охранников в эсэсовской форме.

Отто Рейлих моментально побагровел. Он уже не был похож на вежливого, интеллигентного человека. В его глазах сверкнула неприкрытая злоба. Он тоже потянулся было за оружием, но Володя, немного переусердствовав, швырнул ему на стол своего противника, и тот, падая, повалил на пол и самого коменданта.

- Лежать! - крикнул по-немецки Аксель Винтер. - Иначе мы перестреляем вас, как собак!

Володя выволок потерявшего очки Рейлиха из-за стола и, врезав ему затрещину, вытащил из кармана коменданта «вальтер».

- Давайте-ка наденем на них наручники, - предложил Иванушкин. - И прицепим их к батарее...

Проявив профессиональную смекалку, оперативники сумели пятерых задержанных приковать к батарее, используя лишь три пары наручников. Больше у них не оказалось. У всех «эсэсовцев» отобрали оружие.

- Дальше, боюсь, продвигаться придётся с боем, - заметил Сергей Васильевич. - Все умеют пользоваться автоматами?

- Я умею, - поспешила ответить Наденька. - Меня папа ещё в детстве научил... Правда, я стреляла из АКМа... Но, разберусь и с этим...

- Я тоже смогу, - ответил Вадим. - Кстати, только что звонил Матвей...

- Ой! – радостно пискнула Наденька.

- Он в порядке... Похоже, наш друг нашёл пункт управления... По сигналу маячка мы выйдем прямо на него...

- Но он в опасности, - заметил профессор. - Впрочем, как и все мы. Что ж, не будем терять время!

- Погодите! - повысил голос Николай. - Сейчас мы будем вынуждены стрелять по живым людям. Мне не впервой, я уже успел повоевать. Но, как вы? Готовы ли применить оружие?

Получилась небольшая заминка.

- Я смогу, - ответил Вадим. - Ведь мы вынуждены защищать свои жизни.

- И за меня не волнуйтесь! - решительно произнесла Наденька. - Здесь идёт война!

Николай удовлетворённо кивнул.

- А вообще, попробуем обойтись без стрельбы, - Винтер выхватил из ладони Рейлиха янтарный «ключ». - С этим, я думаю, они не посмеют напасть на нас! «Лошадиная голова» в

этих подземельях имеет большую силу, так что, будем надеяться... Я пойду первым и буду каждому тыкать в лицо нашим талисманом...

- А мы будем прикрывать тыл! - заверил Николай. - Но в какой коридор надо свернуть? Есть ли у коменданта план подземелья?

- Должен быть, - с ухмылкой заметил Володя. - И сейчас он нам его предоставит.

- Wo ist Plan des unterirdischen Korridors? (81) - рявкнул Аксель Винтер, обращаясь к коменданту.

- Ну? - Володя приставил ствол пистолета к виску Рейлиха.

- Auf dem Tisch. Unter den Papieren (82) - со вздохом ответил тот, роняя капли пота на пол.

- Вот и план! - минуту порывшись на столе коменданта, объявил профессор.

В этот момент зазвонил телефон на столе Рейлиха. Винтер снял трубку.

- Я вас слушаю, - по-немецки произнёс он. - Что?.. Я немедленно приму меры!

- Что там случилось?

- Звонили из Службы Безопасности. Требуют, чтобы по всему подземному городку была поднята тревога!

- Плохо дело, - заметил Иванушкин, разглядывая план подземелья и ориентируясь на сигнал от маячка. Вот, здесь Матвей, а неподалёку - их Центр. Нам надо свернуть в коридор, обозначенный как S10-03...

- Я, дорогой мой Карл, лично сам телепортировался неоднократно. И, как ты знаешь, много путешествовал по времени. Кстати, и сюда меня «доставили» из прошлого... И я - успешно действую, живу и работаю!

- Скажите, мой господин... Если телепортация предусматривает... дематериализацию объекта... человека в одном месте, а затем - его материализацию в другом, не означает ли это, что в первом случае он умирает? Ведь от него ничего не остаётся?

- Не смешите меня, Карл. Человек никуда не исчезает. Любая его клетка в данный момент времени, исчезнув здесь - тотчас появляется в другой точке. Живой и невредимой! То есть, она никуда не пропала. Она даже не «почувствует», что её здесь уже нет, потому что она - уже там! Связь тела дематериализуемого и материализуемого - неразрывна.

- Так что же чувствует человек, которого... телепортируют в другую точку пространства, мой господин?

- Ничего особенного. Чаще всего - лёгкую эйфорию... А сейчас... внимание на экран, коллега Карл! Вот она, наша дивизия!

Учёный взглянул и увидел... посреди тёмных полос, размытых по экрану монитора, возникла россыпь крохотных звёздочек. Так выглядит Млечный путь в ясную ночь или цветущее ромашковое поле. Россыпь была сконцентрирована на определённом участке пространства.

- Это... она? - прошептал Карл, сглотнув слюну.

- Она. Получается, что мы сделали запрос к Высшим Силам... и получили ответ. Теперь необходимо произвести фильтрацию. На предмет обнаружения в полученном объекте следов чужого влияния... Но, на это потребуется время...

- Чёрт с ним, - неловко махнул рукой Карл. - Подождём... Ведь мы... осуществили задуманное, господин профессор! Нам удалось проникнуть сквозь пространство и время... В

энергоинформационное поле Земли! И извлечь оттуда необходимую информацию! Ведь это - открытие!

- Успокойтесь, Карл. Да, это - открытие. И, не сомневаюсь, гениальное...

- Простите, господин профессор. Со мной на связь выходит Служба Безопасности...

- Что хотят эти бездельники? Помнится, вы говорили о каком-то журналисте, которого они хотели бы допросить... У этого писаки довольно подробные сведения о нашей деятельности...

- Да, мой господин. Его действительно похитили и доставили в Нижний Кёнигсберг. Но на выручку этого журналиста бросились настоящие сорвиголовы. И они уже здесь, в подземном городке!

- Этого ещё не хватало! Пусть уничтожат эту группу! Не нравится мне это, слишком повышенное внимание извне к нашей деятельности...

- Служба Безопасности сообщила, что возглавляет эту группу профессор из Аргентины Аксель Винтер...

- Что? Винтер?.. Вот это уже совсем худо, Карл.

- Что, мой господин? Известная личность?

- Знакомая. Даже слишком... Вот что, Карл. Если наша СБ немедленно не уничтожит эту группу, нам с тобой не придётся порадоваться нашим научным достижениям...

Маленький отряд беспрепятственно вышел из кабинета коменданта и сразу взял курс к Центру управления подземным объектом. Кусок янтаря в форме лошадиной головы, казалось, обладал волшебной силой. Каким образом он возымел такое воздействие на людей, охраняющих входы и выходы в подземные коридоры, ещё предстояло выяснить. Возможно, что тайна загадочного янтарного «ключа» тоже уходила куда-то в глубь веков и требовала к своей разгадке самого тщательного подхода.

«Команда семерых» свернула в коридор S10-03, затем, согласно плану, направилась в магистраль L110. «Это, конечно, не дремучий лес, - думал Николай. - Тут негде спрятаться... Разве что, ворваться в какое-нибудь помещение». Дверей здесь хватало, они располагались по обеим сторонам тоннеля. Тут была электростанция, несколько небольших складов, поблизости размещался хлебопекарный цех и даже пивоваренный заводик. Запросам расположившихся здесь немцев, можно было только **подивиться**. «Если выскочат спереди и сразу откроют огонь, - размышлял бывший спецназовец, - надо нырять в ближайшую дверь. Издали янтарь они вряд ли разглядят...»

Судя по сигналам маячка, Матвей далеко от Центра управления не отходил. Но у него не имелось могущественного янтарного «охранника». Он мог рассчитывать только на свои силы. «Ничего, ещё минут десять, - подумал Иванушкин - и мы встретимся».

А тут профессор внезапно остановился. Присел, прислонившись к стене, и схватившись за сердце.

- Что с вами? - подскочила к Винтеру Наденька. - Вам плохо?

- Нет-нет, - тяжело дыша, ответил тот. - Просто... с вами я начал забывать, что уже старик... И не для меня подобные гонки по подземным коридорам... Я отдышусь и продолжу путь... - Он полез в карман и достал коробочку с какими-то таблетками.

- Это – мне поможет... - объяснил он подошедшему Иванушкину. – А вы – возьмите, – он протянул янтарную «лошадиную голову» майору. - Я пока не могу продолжать движение,

но задерживать вас не хочу. А вам надо спешить! Тут дорога каждая секунда... Я вас нагоню, как только отдышусь. Дорогу я запомнил...

Сергей Васильевич всё понял, кивнул на прощание и повёл свою группу дальше. Профессор слегка помахал им рукой, мол, всё в порядке, давайте, не оплошайте.

«Эх, Аксель Винтер, - вздохнул он, когда шаги перешедшей на лёгкий бег группы затихли в коридоре. - Вот ты и отбегался... 75 лет - это не шутка. И то - молодец, в таком солидном возрасте позволить себе столь активную жизнь - это о многом говорит! Но, всему есть предел...» Он достал телефон, попробовал набрать «наземный» номер. Нет, внутренняя связь здесь работала безупречно, но «выход» наружу был заблокирован. Возможно, там, на пункте управления, есть канал связи с наземными абонентами. Должен быть. Надо немедленно поставить в известность о происходящем местные власти, вызвать подкрепление... Но, для этого, надо захватить Центр управления научным городком! Назревает крупный скандал. Возможно, даже международный. Но, это если они пробьются к Центру. Если же все тут полягут, об их подвиге никто никогда не узнает...

«Мой дорогой Аксель, - говорил повзрослевшему сыну Курт Винтер. - Иногда человек, верящий своей власти, старательно и прилежно выполняющий возложенные на него функции, вдруг осознаёт, что он совершает чудовищное преступление!.. Это, сынок, - трагедия... Но ещё более ужасная трагедия, случается тогда, когда человек прекрасно понимает, что он делает, и осознанно идёт на преступление, безо всякого принуждения и толчков в спину. Люди, «запустившие» процесс телепортации дивизии СС, прекрасно понимали, к чему это приведёт. И всё-таки, они пошли на это. Им было нужно повергнуть в ужас всё человечество, продемонстрировать обладание новейшими технологиями, основанными на древних знаниях. Это похоже на бомбёжку Хиросимы и Нагасаки. Тот удар тоже абсолютно ничего не решал, но надо было показать миру своё превосходство... В результате - неисчислимы бедствия, сотни тысяч смертей, убийство, растянувшиеся на десятилетия... Я не знаю, столкнёшься ли ты в своей жизни с такими людьми, но знай - к ним милосердие неприемлемо».

- Эти люди рядом, - прошептал Аксель Винтер. - Совсем рядом. И я их остановлю, отец...

Он приподнялся, сначала опёршись на колено, потом, держась за шершавую стену, встал на ноги. В голове шумело, но боль в груди отступила и дыхание восстановилось. «Они уже должны были проникнуть в Центр!» - мелькнула мысль. И в этот момент до его слуха донеслись глухие хлопки - в подземелье началась стрельба. Завыла сирена.

- Эти Винтеры, Карл... - Великий магистр тяжело вздохнул, его голос завибрировал. - Со старшим я работал здесь, в Кёнигсберге, в 44-м. - Он ещё раз вздохнул, вспоминая те далёкие времена. - Тогда я привёз из Тибета священный Грааль. И мы начали первые опыты с этой реликвией... Если предположения некоторых моих... коллег верны и Грааль впоследствии действительно похитил Курт Винтер, то я могу не сомневаться в том, кто устроил нашей дивизии СС такую... экзекуцию.

- А младший?

- Младший Винтер пошёл по стопам отца. Он - почти точная копия Курта, насколько я могу судить по публикациям, касавшимся его работы и его личности.

- Я надеюсь, что СБ уже успела разобраться с ним и его приятелями. А мы почти готовы взять под контроль ситуацию с дивизией. Так что, он никак не сможет помешать нам.

- Я тоже надеюсь на это, Карл. Однако человек мало чем отличается от волка: сделай ему больно и увидишь, на что он способен... Посмотрите ещё раз сценарий действий. Место и время начала операции. Возможно, в программу придётся внести кое-какие коррективы...

Иванушкин едва не столкнулся с Матвеем в узком коридоре.

- Жив, бродяга! – радостно воскликнул майор.

- Жив! Как вы нашли меня, братцы? – журналист тоже не мог сдержать радости.

- Шли по пятам за твоими похитителями. Кстати, где они?

- Явились меня пытаться. Пришлось успокоить.

- Отлично! Но теперь за нами гонится вся Служба Безопасности. Нам надо немедленно проникнуть в Центр управления и вызвать подкрепление... с поверхности.

- Как здорово! – рассмеялась Наденька, кидаясь Матвеем на шею и обнимая его. – Ты жив! И нас опять семеро!

- Только профессор задержался в пути, - добавил Володя. – Старому человеку не по силам такие марш-броски.

- Пойдёмте за мной, – отрывисто произнёс Матвей. – Я знаю, где нужная нам дверь. Только, как её открыть? Тут нужна граната...

- Не беспокойся. У нас есть ключ!

Они прошли дальше по коридору, освещаемому лампами с потолка, и им открылся очередной вестибюль. Точно такой же, как и у коменданта: колонны, кресла, зеркала, стол, только вместо аквариума бюст Гитлера. И, конечно, охрана. Только на дверях висели таблички.

- Вот, это – Центр оперативного управления, – перевела всезнающая Наденька. А рядом – Научно-исследовательский центр.

- Нам – сюда! – Иванушкин предъявил подскочившему унтер-офицеру янтарный талисман (тот молча кивнул в ответ) и поднёс его к оранжевому лучику сканера. Дверь отворилась.

Оперативный дежурный не успел даже удивиться, а не то чтобы нажать кнопку тревоги. Пуля, выпущенная из пистолета Николая, отбросила его назад от пульта управления. Ещё двух офицеров в чёрной форме, находящихся здесь, обезоружили и положили на пол лицом вниз.

- Коля, - приказал майор. – Охраняй их, а мы – в Научно-исследовательский центр! Но сначала надо подключиться к внешнему каналу связи. Наденька, ты понимаешь по-немецки. Спроси у них, как это можно сделать!

Первый из допрашиваемых принялся ругаться и сыпать проклятия. Но, получив пулю в колено, взвыл от боли. Второй, покрывшись испариной, при виде раненого товарища, указал на пульт. Самая крайняя трубка, лежащая справа на аппарате, относилась к городской телефонной сети. Иванушкин набрал номер своего ОВД и ввёл дежурного в курс дела. Он указал адрес дома, с которого началось подземное путешествие, и объяснил, как открыть потайную дверь в подземный коридор.

- Пусть омовцы захватят с собой что-нибудь тяжёлое, - добавил Сергей Васильевич. – Там есть двери, которые можно открыть только с помощью РПГ!

После этого, оставив в помещении одного Николая, майор с Володей и журналистами вышел наружу.

- Мы – в Научный центр, – сказал он. – А ты побудь здесь. Держи связь с нашими! А этим, – кивок в сторону пленённых, – не позволяй подниматься и вести разговоры!

- Понял, – ответил оперативник. – Желаю успехов. – И обратился к распластанным на полу эсэсовцам: – Лежите смиренно, хлопцы. Вы хотели войны – вы её получили. Можете читать заупокойные молитвы.

Войти в Научно-исследовательский центр так же легко, как и в Центр оперативного управления, группе майора Иванушкина не удалось. По коридору, глухо топя сапогами, бежали солдаты. Их чёрные фигуры были хорошо различимы даже при неярком освещении.

- Halt! – слышались крики.

На что Володя, Вадим и Наденька ответили длинными автоматными очередями.

- Это вам не шутки, господа фашисты, – напутственно произнёс Матвей. – Советую припомнить итоги Второй Мировой!

По ушам резанули звуки сирены.

- Всем встать! Руки вверх! – скомандовал Иванушкин, ворвавшись в просторное помещение. Здесь, несмотря на глубокую ночь, сидели несколько человек, склонившись к компьютерам.

- Arbeit ist zu Ende! (83) – объявила им Наденька о конце рабочего дня.

Вадим для тех, кто не понял, выстрелил в потолок. Сотрудники лаборатории поспешно покинули свои рабочие места и в растерянности столпились у стены, бросая испуганные взгляды на ворвавшихся в их тихое, научное лоно вооружённых людей.

- Wo Ihr Boss sitzt? (84) – спросила Наденька, грозно нахмутив брови. Матвей непроизвольно залюбовался ею.

Сотрудники кивнули на дверь в противоположном конце лаборатории. Над нею висела табличка с надписью: «Empfängerseinrichtung» (85). Когда Иванушкин и Матвей вошли туда, то обнаружили там двоих сотрудников. Первый был пожилым человеком с хитрыми глазами. Это было заметно даже при наличии у последнего очков. Седая голова с широкими залысинами, небольшие усы и борода делали его похожим на доктора Айболита, но этот «доктор», несомненно, был менее гуманной профессии. Второй - ещё не старый человек, лет пятидесяти, хмурый и сосредоточенный, выполняющий, как казалось, сложную техническую задачу. Оба подняли на вошедших вопросительные взгляды.

- Встать! – скомандовал майор.

- Steht auf! – продублировала Наденька.

- Очередной штурм Кёнигсберга? – с улыбкой произнёс пожилой человек по-русски. – С кем имеем честь? – Никто из сидящих даже не сдвинулся с места.

Иванушкин поднял автомат, демонстрируя серьёзность своих намерений.

- Осторожно! – предупредил немец. – Одно неверное движение и на Красную площадь свалится дивизия СС! Это вооружённые фанатики, больше жизни ценящие приказ своего фюрера и величие Третьего рейха. Надеюсь, вы в курсе, из какого времени она «прилетит», и какая задача стоит перед нею?

- Спокойно, - вмиг поняв, в какой ситуации он оказался, произнёс Иванушкин. – Не делайте глупостей, господин...

- Фоль, - ответил старик. – Можете называть меня «профессор». Или «Великий магистр». И то и другое – мои вполне заслуженные звания.

- Я не сомневаюсь в этом, профессор. Поэтому повторяю: не делайте глупостей!

- А это не глупость. Это - защитная реакция против вторжения и насильственных действий в отношении нас и наших сотрудников.

- Если вы немедленно прекратите свои опыты и манипулирование вышеназванной дивизией, никаких насильственных действий с нашей стороны не последует, - ответил Иванушкин. – Скоро сюда прибудет отряд ОМОНа и весь персонал научного центра будет арестован и выведен из подземелья на свет божий.

- Вы уж извините меня, - с ехидцей произнёс профессор, - но наши опыты успешно завершены. Нам осталось только ввести в программу место «прибытия» дивизии. Мы собирались назначить одно место – «Москва, Красная площадь». Но если вы помешаете нам, и мы не введём координаты Красной площади, дивизия прибудет прямо сюда. И ещё неизвестно, кто кого арестует и выведет за пределы подземного городка. Как вам такой вариант событий?

Второй учёный внимательно и настороженно следил за разговором. Было не совсем ясно, понимает ли он по-русски. Возможно, что понимал.

- Поэтому, осторожнее с оружием. Одно ваше неверное движение... и дивизия СС сразу приступит к действиям по предназначению.

- Хорошо-хорошо, профессор Фоль. Прошу вас успокоиться. Имеются ли у нас альтернативные варианты? Может, мы сможем с вами договориться? Зачем проливать кровь? Разве её мало было пролито в минувшую войну?

- Много. Чрезвычайно много. Но... договориться? Надо подумать, стоит ли с вами вести переговоры. Видите ли, у меня к вам накопилось немало претензий, которые так просто не разрешить... Впрочем, всё ещё можно уладить и мирным путём. Но тогда вам придётся выполнить некоторые условия.

- Какие же?

- Вы неправильно меня поняли. Не вам лично, а правительству России, её Президенту.

- Ваша дивизия, профессор Фоль, обречена, куда бы вы её не забросили.

- Возможно, - ответил тот. – Но они дорого продадут свои жизни. В центре Москвы, это будет невероятно высокая цена! Вы только представьте!

Иванушкин взглянул на часы. С момента передачи им информации дежурному по ОВД прошло немногим более десяти минут. Ещё чуть-чуть, и омовцы будудт в подземном городке.

- А зачем вам это нужно, господин профессор? Германия жива-здорова... Тридцать девятый год не вернуть. Совершить очередной акт против человечности? Вам, как учёному, не к лицу звание убийцы. Или вам нужна слава американских пилотов, сбросивших бомбы на Хиросиму и Нагасаки? Сомнительная слава, учитывая ваш научный уровень и потенциал...

- Вот тут вы правы. Такая слава меня не интересует. Гораздо предпочтительнее было бы звание этакого... Ангела-мстителя, сумевшего отомстить за позор Германии.

- Позвольте нам присесть, профессор. Дама устала бегать по подземным коридорам. Да и у меня руки дрожат, после услышанного. Как бы не нажать нечто лишнее на автомате....

- Конечно, присаживайтесь, - улыбнулся Фоль. – Если вы не разогнали прислугу, я мог бы предложить вам кофе. А прохладительные напитки, - он указал на стоящий у стены холодильник, - там.

- Да, конечно, - лихорадочно соображая, чем бы продолжить беседу, Иванушкин открыл дверь холодильника и вынул из него пару бутылок минералки. Одну протянул Наденьке. – Вы очень добры, профессор!

- К тому же я и мой коллега Карл Крюгер, - Фоль кивнул на сидящего рядом молчаливого господина, - совершили настоящее открытие. Этаким научный прорыв, подвиг, без преувеличения! Отыскать скитающуюся в пространстве и времени дивизию СС, – это что-то! Найти и обеспечить выполнение ею задачи, поставленной более семидесяти лет назад.

- Вы позволите закурить? – Иванушкин много бы отдал, чтобы бы узнать состояние дел за пределами этой комнаты. Что там творится, в подzemелье? Идёт ли бой? Что с Винтером?..

- Прошу вас... Да, вам есть над чем подумать, господин... - после длительной паузы произнёс профессор Фоль.

- Майор полиции.

- ...господин майор. Приятно сознавать, что вы не сторонник скоропалительных решений, а подходите к делу вдумчиво и ответственно.

Вдруг открылась дверь. В комнату заглянул Володя. По его бесстрастному лицу ничего невозможно было понять. Он сделал знак рукой Сергею Васильевичу выйти.

- Я на минуту покину вас, профессор, - заявил он Фоллю. – Боюсь, мне одному эту задачу не решить.

Выйдя из помещения, он тут же попал в руки профессора Винтера и омовцев. Ещё не успев понять, что произошло, майор услышал настойчивый шёпот профессора:

- Господин майор! Сделайте так, чтобы здесь как можно быстрее появился меч! Тот самый, ваш вещдок! Немедленно! Только с ним мы можем прервать связь Фоля с дивизией. И тогда уже не они нам, а мы им будем ставить условия! Пусть этот меч привезут сейчас же!

- Господин майор! – послышался ироничный голос профессора Фоля. – Ваша дама упала в обморок!

ЭПИЛОГ

- Как я рада, Матвей, что ты пришёл навестить меня. Завтра уже выписка. Самочувствие моё отличное, не терпится вернуться на работу!

Девушка села в своей постели, поправила рукой причёску, обернула стройные ножки простынёй. Её соседка по палате, загадочно улыбаясь, деликатно вышла в больничный холл.

- Это замечательно, Наденька! Признаться, все мы страшно испугались, когда тебе стало дурно. Действительно, такое нервное и физическое потрясение и здоровый-то мужик с трудом выдержит... Я сам едва не свалился... Вот, я принёс тебе фрукты...

- Спасибо, Матвей. Но ты так и не рассказал мне, что же случилось после того, как я... потеряла сознание...

- Это легко поправить, - ответил улыбающийся журналист, устраиваясь на стуле подле Наденьки. – Но ты уверена, что с тобой всё хорошо?

- Абсолютно.

- Вот и прекрасно. А дальше было вот что. Ты помнишь, что Иванушкин вёл душещипательные беседы с Фолем, стараясь оттянуть время. Думаю, что и Фоль тоже не спешил со своей дивизией, поскольку до конца не был уверен, какой вариант ему избрать, куда высаживать, да и вообще, стоит ли её бросать в бой... А Винтер не показывался ему на глаза, ждал, когда привезут меч. И вот, меч доставили. Тогда профессор взял в одну руку янтарную лошадиную голову, в другую – меч Увейна, и вошёл в кабинет к Фолю. А я, по журналистской привычке, – следом!

Тот, едва увидел Винтера с такими украшениями, чуть не подпрыгнул на месте! Затем вжался в кресло и процедил что-то типа: «Это - конец...». А Винтер так радостно ему вторил: «Да, батенька, это - конец»...

- Что, так и сказал: «батенька»?

- Нет, это я от себя прибавил. Чтобы рассказ не получился скучным. Но говорили они на русском языке.

- Ну ладно, продолжай.

- Винтер также сказал, что у него две реликвии. Одна открывает все двери в его научном городке, вторая – служит экраном, то есть, «отсекает» весь обмен информацией между Центром управления и обнаруженным в энергоинформационном поле Земли объектом, в виде дивизии СС. Фоля тут же арестовали. И он ничего не смог сделать... В смысле, ему не удалось осуществить свои угрозы.

- А что с дивизией?

Лучи солнца из окна упали на светлые волосы Наденьки, и над её головой вдруг возникло что-то вроде золотого нимба. У Матвея перехватило дыхание.

- Ну, что же ты молчишь?

- Помощник Фоля... Некий Карл Крюгер выразил желание оказать помощь в управлении этим процессом. Он сказал, что не выносит насилия и кровопролития. Во время войны он лишился всех своих родных и не хочет, чтобы кто-то повторил его судьбу.

- Так у профессора Винтера появился помощник...

- Да, тебя к тому времени уже забрала «скорая». Но твоё место занял Крюгер. Так что, число «семь» осталось неизменным!

- Это здорово, - прошептала Наденька. – Продолжай.

- С помощью Крюгера удалось наладить связь с дивизией. Но возникла проблема: что с ней делать... Уничтожить? С одной стороны, это было бы разумно... Но, с другой, негуманно. Вот тут-то среди нас возникла целая полемика...

- Подожди, а наши власти были в курсе о том, что происходит?

- Не совсем. Их поставили в известность, что в подземном «Кёнигсберге» тайно работают специалисты из Германии, но о том, что из 45-го года к нам «следует» целая дивизия СС, были посвящены всего один-два человека. Такое известие повергло руководство области в глубокий шок. Было принято решение: не распространяться на эту тему. А решить вопрос «своими силами». Уже начали подыскивать площадку, на которой «материализуются» эсэсовцы. Площадку следовало оцепить войсками, чтобы в случае чего –

сразу нанести удар и уничтожить дивизию. Кое-кто советовал «сбросить» их в открытое море...

- Нашлись и такие?

- Конечно. Фашисты на нашем месте так бы и поступили, я в этом уверен. Но это ещё не всё. Эсэсовцев надо было ввести в курс дела, объяснить им, куда они попали. Профессор Винтер даже заготовил для них речь. Я её законспектировал. Возможно, когда страсти улягутся, я напишу статью по этому поводу. Но пока – запретили... Так вот, послушай его обращение:

«Солдаты Германии! К вам обращаются представители новой власти Восточной Пруссии в надежде, что вы примете верное решение. Мы хотим избежать кровопролития и ненужных жертв.

В своё время вы дали согласие на участие в научном эксперименте по телепортации и были предупреждены о возможных последствиях... Мы уполномочены сообщить, что вы «высадились» в 21 веке, через 70 лет после начала опыта. Вторая мировая война закончилась в 1945 году. Россия и Германия уже много десятилетий живут в мире. Нет никакой необходимости погибать за преступный гитлеровский режим, осужденный Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 году.

Сегодня здесь присутствуют дети и внуки многих из вас... Родные рады вашему возвращению и искренне хотят вам помочь. Вспомните свои «15 боевых правил», в них сказано: «Не уклоняйся от принятия решения, будь рыцарем и веди себя так, как подобает в бою и в жизни»...

- Представляю, каково было бы удивление немцев... Не думаю, что они поверили бы во всё это...

- Да, Наденька. Профессор сказал, что СС справедливо считается преступной организацией. Ей вменяются в вину убийства и жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением на оккупированных территориях, порабощение жителей, пытки и издевательства. Бесцельные разрушения городов и деревень, опустошения, не оправданные никакой военной необходимостью. Все эти солдаты – военные преступники, а их злодеяниям нет срока давности... Вряд ли натренированные головорезы нам сразу поверят, расскаются и осознают свою вину перед человечеством, да ещё согласятся сотрудничать. Ведь от такого шквала информации неподготовленный человек запросто может помешаться и начать палить направо и налево... Поэтому-то необходимо принять все возможные меры предосторожности...

- Это - верно. Но я всё равно считаю, что нам надо было попытаться их урезонить... Как бы там ни было – это живые люди. Необходимо дать им шанс...

- Винтер заявил, что мы обязаны честно сказать, что все они предстанут перед судом. Как говорится, не подавай надежду, когда не можешь её оправдать.

- Главное, чтобы мы не применяли к ним их же методы устрашения и уничтожения...

- Конечно же, нет... Однако, существует алгоритм психологической консультации. Особенно первой. И меня учили, что первая встреча — это обычно лишь сбор информации, определение запросов, налаживание контактов. Ни о какой терапии здесь речь ещё не идёт... Тем более, на групповом сеансе. Короче говоря, было принято решение изменить общепризнанный алгоритм и убедить это войско в первой же беседе и буквально

несколькими фразами. Другого выхода у нас просто не было. В противном случае случилась бы большая беда...

- И что?

- Дальше действовали без меня. Нас, прессу, и на пушечный выстрел не подпускали к этим событиям. Но, пользуясь старой дружбой с профессором и следователем ОВД, которого тоже частично отстранили от этих дел, я всё же «накопал» кое-какую информацию... Вот только, статья, видимо, не получится... Всё строжайше засекречено! На многие годы...

- Ну и что? Зачем тебе статья? Напиши роман. Или повесть...

- Фантастическую?

- А кто поверит, что это было на самом деле? Конечно, фантастическую.

- Это - отличная мысль! Я обязательно попробую. Но мне понадобится корректор... - после этих слов Матвей умолк и принялся что-то тщательно рассматривать у себя под ногами...

- Я охотно помогу тебе в этом деле, - улыбнулась Наденька.

- Ты... просто солнышко!

- Но ты так и не рассказал мне, чем всё закончилось...

- Да всё нормально. По моим сведениям... Вопрос с дивизией разрешился. Кто-то из офицеров застрелился, в отношении некоторых продолжается следствие, но большинство дало подписку о неразглашении и отправилось по домам. Привыкать к мирной жизни. И самим начинать жить по-новому.

- Представляю, как они собираются устраиваться в нынешней Германии, при всеобщей европейской толерантности...

- Но это уже их дело... Профессор Винтер взялся уладить вопрос с их «легализацией». Вот уж точно – ещё одна неподъёмная задача...

- Ничего, наш профессор мастер распутывать сложные клубки... Но, постой! Ведь к нам в руки попала уникальная аппаратура! Приёмник, способный получать информацию напрямую от энергоинформационного поля Земли! Устройства, позволяющие осуществлять телепортацию и даже – путешествовать во времени! Ведь это – неоценимое богатство!

- Успокойся, Наденька. Никакого богатства нет. Мы всё уничтожили... Сделали вид, что всё было повреждено во время штурма...

- Вы? Но зачем?

- А ты подумай, к кому в руки попала бы эта аппаратура? Кто бы сразу заграбастал эти научно-технические достижения? Достались бы они народу? Бескорыстным и честным людям, добросовестным исследователям?

- Ты прав ... А как же янтарная голова и меч?

- Янтарный амулет... или талисман остался у Винтера. Меч - тоже. Но, думаю, скоро за ним придут... И правильно сказал профессор: не каждая тайна должна быть раскрыта. Иногда разгадка может принести неисчислимы бедствия. Хорошо, если кому-то одному... Хочешь соку?

- Нет, мне хорошо и без сока, - Наденька прижалась к плечу Матвея. – Всё-таки, отличное было приключение...

- Да, но вообще-то я тебе собирался сказать совсем другое...

- Что именно? – отчего-то шёпотом спросила девушка.

Матвей собрался духом.

- Я, Наденька, давно, очень давно тебя люблю... Правда, только сейчас нашёл силы сказать это... Выходи за меня замуж... Подумай и прими решение....

КОНЕЦ

Калининград - Москва

Сентябрь - декабрь 2015 г.

СНОСКИ

1. Altstadt - старый город (нем.)
2. Кнайпхоф расположен на острове, на реке Прегель
3. наёмный солдат
4. Без всякого сомнения (лат.)
5. На первый взгляд (лат.)
6. Неискренне, нечестно (лат.)
7. ныне - Калининградский залив
8. союз, объединивший торговые города в XIV—XVI веках. Он контролировал всю торговлю на Балтийском и Северном морях и обладал монопольными привилегиями в других регионах
9. эврика, нашёл (лат.)
10. боевой клич тамплиеров
11. умри (лат.)
12. Дело закончено (лат.)
13. Не нам, Господи, не нам, но имени твоему ниспошли славу (лат.)!
14. Молись и трудись (лат.)!
15. Средневековое одномачтовое палубное парусное судно с высокими бортами и мощным корпусом, оснащённое прямым парусом площадью 150—200 м². Использовалось как основное торговое
16. одно из названий расторопши пятнистой в Средние века
17. Пляска смерти (нем. - Totentan) — аллегорический сюжет живописи и словесности Средневековья, представляющий собой один из вариантов европейской иконографии бренности человеческого бытия: персонифицированная Смерть ведёт к могиле пляшущих представителей всех слоёв общества — знать, духовенство, купцов, крестьян, мужчин, женщин, детей

18. Куршская коса
19. бои 1455 года – единственные военные действия в Кёнигсберге до 1945 года (не считая нескольких бунтов и налётов авиации)
20. Великий магистр Тевтонского ордена
21. Балтийское море
22. Ян Косцелецкий (ок. 1415—1475) — государственный и военный деятель Польского королевства, принимал участие в 13-летней войне против ТУ
23. около 700 метров
24. около 15 км
25. «сариант» по-французски звучит как «сержант», прицепторий – округ, территория Ордена
26. Маленькая собачка часто сдерживает большого кабана (лат.)
27. Во имя отца, и сына, и святого духа (лат.)
28. Не силой, но искусством (лат.)
29. в полном составе (лат.)
30. Сомнение - половина мудрости (лат.)
31. Много в малом (лат.)
32. Будь осторожен (лат.)
33. Согласие порождает победу (лат.)
34. С богом (лат.)
35. ныне ул. Зоологическая
36. ныне г. Зеленоградск
37. чин соответствовал званию капитана
38. «наследие предков»
39. зоопарк (нем.)
40. ныне стадион «Балтика»
41. сейчас в этом месте разместился Калининградский государственный технический университет. Спустя столетие скульптуру стали называть просто «Быки», а расположенный рядом фонтан и сквер – «У быков»
42. «Атака мертвецов» — распространённое публицистическое название контратаки 13-й роты 226-го Землянского полка 24 июля (6 августа) 1915 года при отражении немецкой газовой атаки у крепости Осовец. Отравленные русские солдаты пошли в последнюю атаку, чем вызвали ужас среди немцев.
43. Adolf-Hitler-Platz, бывшая Ганза-Плац, в советские времена - площадь Победы, ныне - Центральная площадь
44. ныне - здание городского Совета
45. Северный вокзал был открыт в Кёнигсберге в 1929 году, заменил старые Кранцевский и Земландский вокзалы, располагавшиеся в том же районе. Здание было построено по проекту архитекторов Шеффа и Штальмана
46. Обертайх - Oberteich (нем.)
47. Wirgraben — Крутые канавы, ныне – Голубой ручей
48. ныне ул. Фрунзе
49. Памятник воинам-сапёрам, погибшим в Первой Мировой войне (1914 – 1918гг), также известен как Пирамида Предсказателей. Памятник местного (муниципального)

значения (Постановление Правительства Калининградской области от 23 марта 2007 года № 132). Он представляет собой пирамиду, сложенную из (как утверждают) 666 отёсанных блоков органогенно-обломочного известняка с примесью глауконита, состоящую из 13 ступеней, высотой 4,4 метра с основанием 4 на 4 метра.

50. отделение военной разведки «Абвера»

51. ныне эта пирамида стоит в Калининграде на улице Малоюрославской

52. название рунного ряда (алфавита) по первым буквам названий шести рун

53. Старшая Эдда (или Эдда Сэмунда, или Песенная Эдда) — поэтический сборник древнеисландских песен о богах и героях скандинавской мифологии и истории, сохранившийся в древнеисландской рукописи второй половины XIII века

54. «Источник жизни»

55. в 1944 г. - командующий бомбардировочной авиацией ВВС Великобритании

56. Первый герцог Пруссии Альбрехт Бранденбургский (1490-1568)

57. Главный маршал авиации. С ноября 1942 года командовал истребительной авиацией британских ВВС, с 2943 года — командующий союзными ВВС в Северо-Западной Европе, обеспечивавшими в 1944 году высадку и наступление союзных войск во Франции.

58. ныне мкр Чкаловск, место базирования частей морской авиации Балтийского флота, относящийся к центральному району Калининграда

59. доктрина бомбовой войны была разработана им ещё во время Первой мировой войны

60. Пауль Скалих, родившийся в хорватском городе Загребе, отличался недюжинными способностями: в 18 лет он уже был доктором теологии в Болонье, в 20 - перебрался в Рим, где вышел победителем из учёного спора с иезуитами. В 21 год - стал придворным капелланом императора Фердинанда I, а периодически - и его духовником. Считался авантюристом, чернокнижником, магом и колдуном. Прибыв в Пруссию, втёрся в доверие герцогу Альбрехту.

61. Таинственная книга, написанная около 500 лет назад неизвестным автором, на неизвестном языке.

62. Манускрипт Меровингов, VII век н. э. Также древняя книга на пергаменте.

63. Боже мой (нем.)

64. некое другое пространство или вселенная, в котором каждая точка соотносится с нашим пространством, но расстояния сжаты по сравнению с нашим в несколько раз. Таким образом, чтобы преодолеть несколько световых лет нашего пространства, достаточно сделать прокол в ноль-пространство, преодолеть там пару метров и «проколоться» обратно в наше пространство.

65. Транспортный луч - объект сканируют вплоть до положения атомов, затем уничтожают оригинал и отсылают данные по радиоволнам в другую точно такую же машину, которая собирает объект на месте заново.

Теория ячеек Чекмасова - работа базирующаяся на планковском представлении о дискретном пространстве и времени и предполагает увеличение размера планковских прыжков до любого значения. Это означает возможность вместе с ростом световой скорости мгновенный перенос на любое расстояние и время.

Дырочная телепортация Лешана - вокруг нас существуют экзотические виртуальные вакуумные дырки, которые абсолютно пусты и соответствуют состоянию вне Вселенной, где нет ничего, ни материи, ни пространства, ни времени. Таким образом акт телепортации осуществлен, если тело вброшено в дырочный вакуум в точке 1 и выброшено из дырочного вакуума с появлением во Вселенной в произвольной точке 2

66. В США упорно держатся слухи о том, что во время второй мировой войны в Филадельфии ВМС якобы удалось в обстановке строжайшей секретности создать мощное силовое поле, вследствие чего военный корабль исчез из поля зрения и по некоторым сообщениям на несколько секунд был путем телепортации перемещен из Филадельфии в Норфолк, а затем возвращен обратно

67. округлый или скошенный желоб или щель на плоской стороне клинка (меча, ножа, или штыка).

68. сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в буддистских или индуистских религиозных практиках

69. удар ногой в карате

70. сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития. Открыта академиком Вернадским.

71. также акашические записи — теософский эзотерический, а также антропософский термин, описывающий мистическое знание, закодированное в нефизической сфере бытия

72. Тот, атлантический Жрец-Король, основал колонию в древнем Египте после того, как его родина затонула. Он был строителем Великой пирамиды в Гизе, ошибочно приписываемой Хеопсу

73. штурмовая винтовка (автомат), находившаяся на вооружении у Вермахта.

74. кто вы (нем.)

75. Я приглашён на встречу. Эти люди - со мной (нем.)

76. ваши документы, пароль (нем.)

77. пожалуйста (нем.)

78. Это здесь (нем.)

79. Построение помехозащищённого кода достигается ценой введения избыточности. То есть, применяя для передачи информации код, у которого используются не все возможные комбинации, а только некоторые из них, можно повысить помехоустойчивость приёма. Такие коды называют избыточными или корректирующими.

80. стой (нем.)

81. где план подземного коридора? (нем.)

82. На столе. Под бумагами (нем.)

83. работа окончена (нем.)

84. где сидит ваш босс (нем.)

85. приёмное устройство (нем.)

